РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ шестой. **СЕНТЯБРЬ.** 1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Подписка на «Русскую Старину» 1875 г. продолжается.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

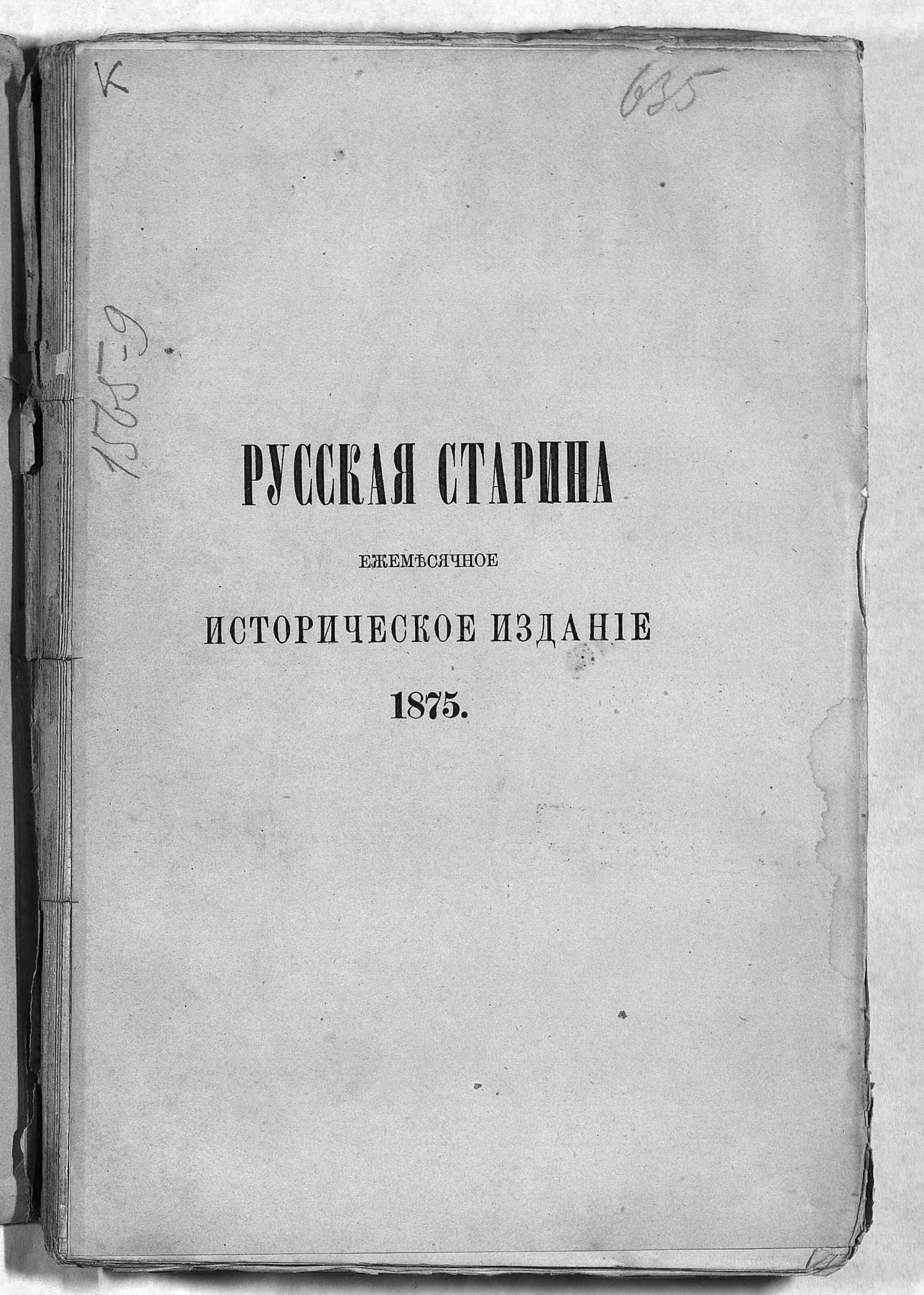
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1875.

IX-я книга „Русской Старины", вышла 1-го сентября.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Восьмнадцатый вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ послѣ Петра Великаго. Москва, 1872 г. (420, 92 и XLVII стр.). **Нашъ вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ.** Москва, 1874 г. (492 стр.). (Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, изданы обществомъ любителей россійской словесности подъ редакціей и съ дополненіями П. А. Безсонова. Выпуски 9-й и 10-й).

По большому объему этихъ двухъ книгъ нельзя заключать о количествѣ помѣщенныхъ въ нихъ пѣсень. Всего болѣе мѣста отведено тутъ замѣчаніямъ и разнообразнымъ изслѣдованіямъ П. А. Безсонова. Нельзя не признать заслугъ этого ученаго по изданію переданнаго ему богатаго сборника незабвеннаго П. В. Кирѣевскаго. Пусть другіе находятъ излишними тѣ дополненія изъ другихъ сборниковъ и изъ собственнаго пѣсеннаго запаса, которыхъ оказывается въ 9 и 10 выпускахъ даже такъ много, что пѣсни, собранныя самимъ Кирѣевскимъ, проглядываютъ лишь кое-гдѣ. Пишущій эти строки готовъ и за это, какъ за менѣе обильныя дополненія къ прежнимъ выпускамъ, поблагодарить г. Безсонова; онъ находитъ только, что можно бы быть не столь щедрымъ на канты и вирши, которые позволительны въ сборникѣ народныхъ пѣсень развѣ въ небольшомъ числѣ, какъ обращики для сравненія. Трудолюбію и свѣдѣніямъ г. Безсонова, какъ объяснителя и изслѣдователя пѣсень, рецензентъ тоже готовъ отдать полную справедливость; но, признавая интересными даже изслѣдованія о графинѣ П. И. Шереметевой, которой (бывшей крестьянкѣ) приписывается одна пѣсня, и объ отношеніяхъ Потемкина къ М. Л. Нарышкиной (по поводу такъ называемыхъ «Нарышкинскихъ пѣсень»), рецензентъ находитъ однако же, что можно бы обойтись и безъ подробнаго описанія шереметевскихъ палатъ и перечисленія шереметевскаго штата (въ 9-мъ выпускѣ), а также и безъ разсужденій въ такомъ родѣ (въ 10-мъ выпускѣ): «если бы для сего произведенія (пѣсенки, представляющейся г. Безсонову не виданною и не слыханною) не было дѣйствительной Марьи Львовны, мы должны бы сыскать, а не сыскавши создать такую же, равную Марью Львовну Нарышкину. Если бы создали, въ созданной нашли бы не кого другаго, какъ только именно Марью Львовну. Но нѣтъ нужды искать и создавать, когда она есть. Пѣсня ея одинока и единственна во всей области нашего творчества и искусства: единственна и одинока въ исторіи нашей — Марья Львовна Нарышкина» (стр. 362). Какъ бы ни былъ великъ подвигъ такого открытія, но отводить ему цѣлыхъ двѣсти тридцать страницъ самаго убористаго шрифта въ сборникѣ пѣсень русскаго народа— значитъ уже слишкомъ безцеремонно втискивать свои открытія, т. е. себя, въ монументальный трудъ П. В. Кирѣевскаго, скромно стремившагося только къ тому, чтобы сохранить намъ вѣковой поэтическій трудъ русскаго народа. Какъ г. Безсоновъ не подумаетъ о томъ, что, распложая, ради своихъ излюбленностей, страницы ввѣреннаго ему изданія, а тѣмъ самымъ и возвышая его цѣну, онъ дѣлаетъ недоступнымъ для большинства тѣ произведенія народнаго творчества, которыя, по взгляду П. В. Кирѣевскаго, конечно, должны быть распространяемы всѣми средствами. Надо удивляться и тому, что общество любителей россійской словесности не только позволяетъ г. Безсонову хозяйничать такимъ образомъ въ изданіи, ввѣренномъ обществу, но и не краснѣетъ за повторяемыя имъ предостереженія: «не смѣйте, молъ, заимствовать цѣликомъ какую-либо пѣсню изъ нашего сборника». Во-первыхъ, этотъ сборникъ лучшею своею частью—не вашъ, а покойнаго П. В. Кирѣевскаго, который никогда бы не вздумалъ приписывать себѣ какія-то безграничныя права собственности на поэтическое достояніе русскаго народа. Во-вторыхъ же, самъ г. Безсоновъ коритъ (въ своемъ 8-мъ выпускѣ) нашихъ «учебныхъ руководителей» за то, что они усердно выбираютъ въ свои Христоматіи изъ не въ мѣру имъ унижаемаго И. П. Сахарова «Образцы нашему бѣдному юношеству» (стр. 342). Но что же дѣлать нашимъ «учебнымъ руководителямъ?» Теперь передъ ними неизмѣримо, разумѣется, лучшій въ научномъ смыслѣ собирательскій трудъ Кирѣевскаго, но къ нему приставленъ, въ лицѣ г. Безсонова, грозный стражъ, объявляющій, что всякое заимствованіе отсюда для нашего «бѣднаго юношества» будетъ кражею у него, г. Безсонова, который однако же такъ беззастѣнчиво возвысилъ расходы по изданію и его цѣну. Къ счастію, примѣру г. Безсонова не слѣдуетъ другой, много и дѣльно потрудившійся собиратель, къ которому также приставили было въ видѣ хозяина г. Безсонова; но который,—слава Богу, живой—могъ постоять за себя и за собранное имъ добро народное. Да, П. Н. Рыбниковъ никогда не объявлялъ, что онъ считаетъ запретными какія-либо заимствованія изъ его превосходнаго сборника. На спросъ о томъ пишущаго эти строки онъ прямо отвѣтилъ, что у него можно заимствовать въ Христоматіи сколько угодно. Г. Безсонову слѣдовало бы послѣдовать прекрасному, въ чисто-русскомъ духѣ, примѣру П. Н. Рыбникова, вмѣсто того, чтобы печатать про него ту неблаговидную сплет-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1875.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ XIV.

1875.

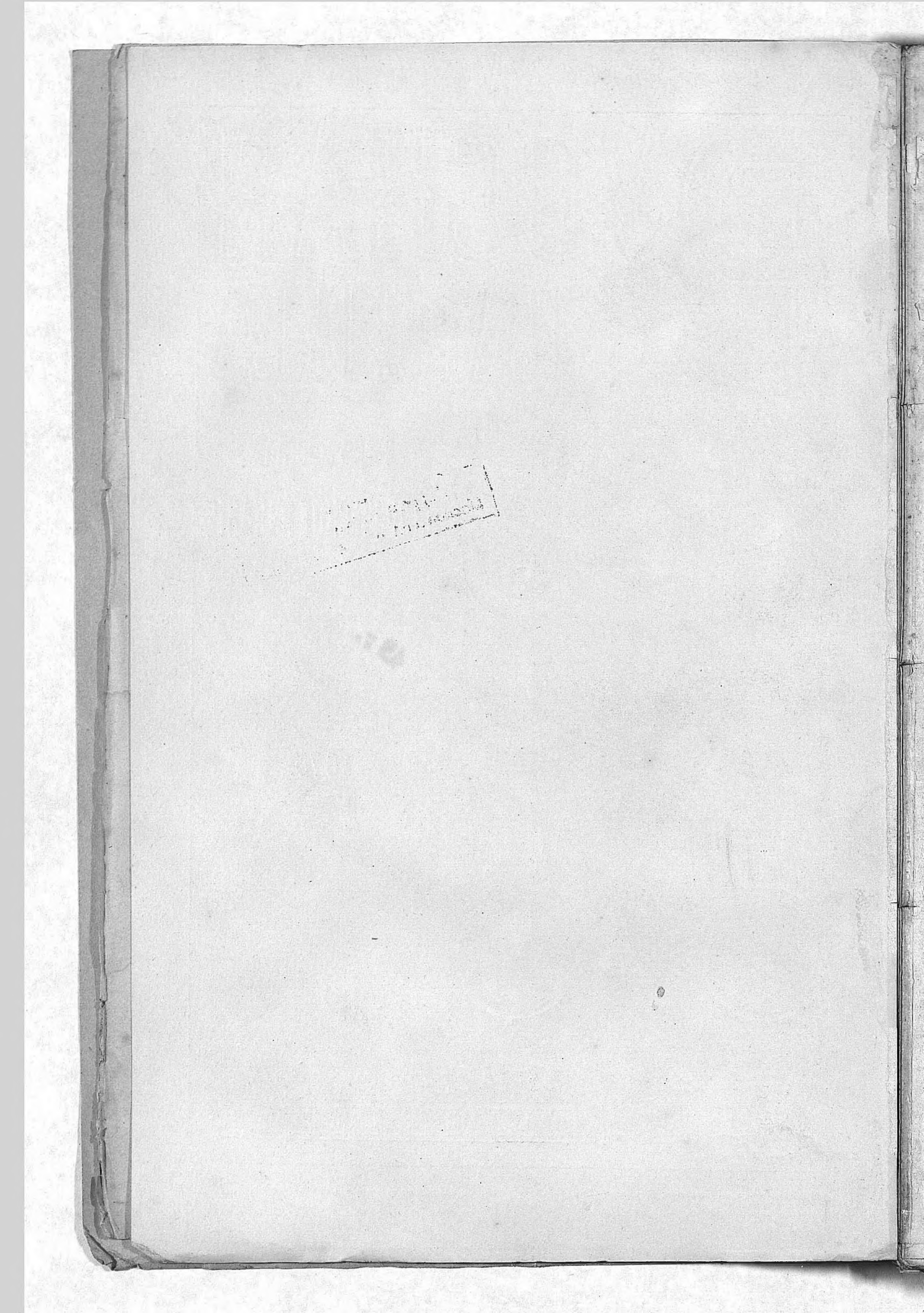
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Рис. К. Брожъ.

Состав. А. Шарлемань.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 ноября 1874 г.

Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

1814—1841.

I.

При этой книгѣ «Русской Старины» приложенъ портретъ Лермонтова, точный снимокъ съ подлинника, писаннаго художникомъ Клиндеромъ акварелью, съ натуры, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1839-го года. — Снимокъ воспроизведенъ, по нашему заказу, въ Парижѣ, хромолитографически, въ мастерской Лемерсье, пользующагося, извѣстностью лучшаго хромолитографа въ Европѣ.

Представляя нынѣ портретъ геніальнаго поэта, мы, благодаря содѣйствію П. А. Ефремова, извѣстнаго нашего библіографа, соединили въ этой-же книгѣ нѣсколько новыхъ матеріаловъ для біографіи и для изслѣдованія литературно-художественной дѣятельности Лермонтова. Матеріалы эти состоятъ въ слѣдующемъ:

I. «Маскарадъ»—новая, неизвѣстная до сихъ поръ редакція этой драмы, значительно разнящаяся отъ текста, вошедшаго въ собранія сочиненій Лермонтова;

II. Нѣсколько неизвѣстныхъ до сихъ поръ черновыхъ набросковъ его стихотвореній;

III. Подлинное письмо Лермонтова къ одному изъ товарищей его молодости, и

IV. Воспоминаніе о Лермонтовѣ, сообщенное Я. И. Костенецкимъ.

Изъ этихъ матеріаловъ безспорно наибольшее значеніе принадлежитъ вновь открытому списку «Маскарада», пьесы, сочи-

неніе которой относятъ къ 1834 году. Разность вновь открытаго и здѣсь представляемаго текста отъ извѣстнаго уже изъ многихъ изданій состоитъ въ слѣдующемъ: въ текстѣ «Русской Старины» (будемъ такъ его называть) является новое дѣйствующее лицо, Олинька, и отсутствуютъ: баронесса Штраль, Маска и Чиновники—выведенные въ печатныхъ изданіяхъ. Олинькѣ—бѣдной дѣвушкѣ и компаньонкѣ главной героини пьесы, Нины, предоставлена благодарная и симпатичная роль. Казаринъ въ рукописи, сообщенной П. А. Ефремовымъ, очерченъ несравненно болѣе рѣзкими чертами, нежели въ печатныхъ изданіяхъ; въ новомъ спискѣ—авторъ предоставилъ Казарину гораздо больше простора для словъ и дѣйствій, нежели въ извѣстной до сихъ поръ редакціи пьесы. Затѣмъ, только первая половина перваго дѣйствія «Маскарада»—какъ нашего изданія, такъ и всѣхъ прежнихъ,—почти буквально сходны; послѣдующія же сцены значительно разнятся не только въ общемъ ходѣ и характерѣ драмы, но и въ подробностяхъ и въ отдѣльныхъ сценахъ.

«Маскарадъ» Лермонтова, въ томъ видѣ, какъ онъ впервые является нынѣ въ «Русской Старинѣ» — значительно живѣе и естественнѣе во всемъ ходѣ дѣйствія и развязкѣ, нежели какъ онъ извѣстенъ по другимъ изданіямъ, гдѣ пьеса растянута многими вставленными, вялыми, и едвали полезными для ея развитія сценами. Въ виду этого является вопросъ: не считать-ли нынѣ являющійся въ свѣтъ списокъ «Маскарада» (1837 г.) послѣднею его редакціею, окончательно отдѣланною, а извѣстную уже редакцію пьесы (впервые напечатанную только послѣ смерти Лермонтова)—раннимъ первоначальнымъ наброскомъ его пера?

Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, переходимъ къ самой пьесѣ, причемъ просимъ читателей не посѣтовать, что мы, ради общей связи, не опустили и первыхъ двухъ явленій, совершенно сходныхъ съ извѣстными уже въ печати; послѣдующія же сцены, какъ напр. третья въ первомъ актѣ, весь второй актъ, многія сцены третьяго и четвертаго актовъ, наконецъ, развязка — не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ напечатаннымъ и извѣстнымъ до сихъ поръ текстомъ «Маскарада».

Ред.

МАСКАРАДЪ

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ ПО РУКОПИСИ АВТОРА, ОКОНЧАТЕЛЬНО ИМЪ ОТДѢЛАННОЙ.

1837.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Евгеній Александровичъ Арбенинъ.
Нина, его жена.
Олинька.
Казаринъ.
Князь Звѣздичъ.
Шприхъ.
Игроки.
Гости.

МАСКАРАДЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е [1]).

ИГРОКИ, КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ, КАЗАРИНЪ И ШПРИХЪ.

(За столомъ мечутъ-банкъ и понтируютъ. Кругомъ стоятъ).

1-й понтеръ.

Иванъ Ильичъ, позвольте мнѣ поставить.

Банкометъ.

Извольте.

1-й понтеръ.

Сто рублей.

Банкометъ.

Идетъ.

2-й понтеръ.

Ну, добрый путь.

3-й понтеръ.

Вамъ надо счастіе поправить...
И не мѣшало бы загнуть.

2-й понтеръ.

На все?... Нѣтъ, жжется!

---

[1]) Первоначально было: «1-я сцена; выходъ первый», т. е. какъ напечатано въ прежнихъ изданіяхъ «Маскарада». **П. Е.**

4-й понтеръ.

Послушай, милый другъ, кто нынчѣ не гнется,
Ни до чего тотъ не добьется.

3-й понтеръ *(тихо первому).*

Смотри во всѣ глаза.

Князь Звѣздичъ.

Ва—банкъ.

2-й понтеръ.

Эй, князь!
Гнѣвъ только портитъ кровь, играйте не сердясь.

Князь.

На этотъ разъ оставьте хоть совѣты.

Банкометъ.

Убита.

Князь.

Чортъ возьми.

Банкометъ.

Позвольте получить...

2-й понтеръ *(насмѣшливо).*

Я вижу, вы въ пылу, готовы все спустить.
Что стоятъ ваши эполеты?

Князь.

Я съ честью ихъ досталъ, и вамъ ихъ не купить.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

ТѢЖЕ И АРБЕНИНЪ.

Арбенинъ *(входитъ; кланяется подходя къ столу, потомъ дѣлаетъ нѣкоторые знаки и отходитъ съ* КАЗАРИНЫМЪ*).*

Арбенинъ.

Ну что, ужъ ты не мечешь?... а? Казаринъ?

Казаринъ.

Смотрю, братъ, на другихъ.
А ты, любезнѣйшій,—женатъ, богатъ, сталъ баринъ,
И позабылъ товарищей своихъ!

Арбенинъ.

Да, я давно ужъ не былъ съ вами.

Казаринъ.

Дѣлами занятъ все?

Арбенинъ.

Любовью.... не дѣлами.

Казаринъ.

Съ женой по баламъ?

Арбенинъ.

Нѣтъ.

Казаринъ.

Играешь?

Арбенинъ.

Нѣтъ...... утихъ!
Но здѣсь есть новые, кто этотъ франтикъ?

Казаринъ.

Шприхъ.
Адамъ Петровичъ!.. я васъ познакомлю разомъ —

(Шприхъ *подходитъ и кланяется*).

Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ,
Арбенинъ.

Шприхъ.

Я васъ знаю.

Арбенинъ.

Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.

Шприхъ.

По разсказамъ...
И столько я о васъ слыхалъ того сего,
Что познакомиться давнымъ давно желаю.

Арбенинъ.

Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего;
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.
(Раскланивается опять.—Шприхъ, *скорчивъ кислую мину, уходитъ).*
Онъ мнѣ не нравится..... видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза..... стеклярусъ точно,
Взглянуть—не человѣкъ, а съ чортомъ не похожъ.

Казаринъ.

Эхъ, братецъ мой, что видъ наружный?
Пусть будетъ хоть самъ чортъ!..... да человѣкъ онъ нужный.
Лишь адресуйся—одолжитъ.
Какой онъ націи, сказать не знаю смѣло:
На всѣхъ языкахъ говоритъ,—
Вѣрнѣй всего, что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ—безбожникъ,
Съ святошей—езуитъ, межъ нами—злой картежникъ,
А съ честными людьми—пречестный человѣкъ.
Короче, ты его полюбишь,—я увѣренъ.

Арбенинъ.

Портретъ хорошъ—оригиналъ-то скверенъ!
Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,
И нарумяненный въ добавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ?
Конечно онъ герой не въ дѣлѣ
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?

Казаринъ.

Почти... онъ изъ полка былъ выгнанъ за дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому-жъ строга... потомъ лѣтъ черезъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ [1]).

Арбенинъ.

А этотъ маленькій каковъ?
Съ крестомъ, растрепанный?...

Казаринъ.

Трущовъ.
Онъ малый необыкновенный!
Не знаю, штатской, иль военный,
Но въ Грузіи когда то онъ служилъ
Иль посланъ былъ туда съ какимъ то генераломъ,
Кого-то тамъ изъ за угла хватилъ;
Пять лѣтъ за то былъ подъ началомъ,
И крестъ на шею получилъ.

---

[1]) До этого стиха, начиная съ стиха: «Ну, а вонъ тотъ», зачеркнуто.

Игроки (*кричатъ* Казарину).

Пожалуйте сюда.

Казаринъ.

Иду!

1-й понтеръ.

Скорѣй!

Казаринъ.

Какая тамъ бѣда?

(Живой разговоръ между игроками, потомъ успокоиваются. Арбенинъ *замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ).*

Арбенинъ.

Князь, какъ вы здѣсь? Ужель не въ первый разъ?

Князь *(недовольно).*

Я то-же самое хотѣлъ спросить у васъ.

Арбенинъ.

Я вашъ отвѣтъ предупрежду, пожалуй:
Я здѣсь давно знакомъ, и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья:
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ!
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья.
Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ
Въ наукѣ жизни... пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь....
Они погибли быстро предо мною.
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!

Князь *(съ чувствомъ беретъ его за руку).*

Я проигрался!

Арбенинъ.

Что-жъ? Топиться?

Князь.

О! я въ отчаяньи!

Арбенинъ.

Два средства только есть:
Дать клятву за игру во вѣки не садиться,
Или опять сейчасъ же сѣсть.
Но, чтобъ у нихъ выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь;

Вамъ надо испытать, ощупать безпристрастно
Свои способности и душу; по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ, чуть знакомыхъ вамъ,
Всѣ побужденья, мысли;—годы
Употребить на упражненье рукъ;
Все презирать: законъ людей, законъ природы;
День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать свободы—
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ равный;
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:
«Подлецъ!»

(Молчаніе. Князь едва его слушалъ и былъ въ волненіи).

Князь.

Не знаю, какъ мнѣ быть, что дѣлать?

Арбенинъ.

Что хотите.

Князь.

Быть можетъ, счастіе....

Арбенинъ.

О, счастія здѣсь нѣтъ!

Князь.

Я все вѣдь проигралъ...... Ахъ, дайте мнѣ совѣтъ!

Арбенинъ.

Совѣтовъ не даю.

Князь.

Ну, сяду...

Арбенинъ *(вдругъ беретъ его за руку).*

Погодите!
Я сяду вмѣсто васъ. Вы молоды,—я былъ
Неопытенъ когда-то и моложе;
Какъ вы, заносчивъ, опрометчивъ тоже.
И еслибъ... *(останавливается)* ктс-нибудь меня остановилъ,
То... *(смотритъ на него пристально).*
(Перемѣнивъ тонъ). Дайте мнѣ на счастье руку смѣло,
А остальное ужъ не ваше дѣло!
(Подходитъ къ столу; ему даютъ мѣсто).
Не откажите инвалиду:
Хочу я испытать, что скажетъ мнѣ судьба,
И дастъ-ли нынѣшнимъ поклонникамъ въ обиду
Она стариннаго раба?

Казаринъ.

Не вытерпѣлъ.... зажглося ретивое!
(*Тихо*). Ну, не ударься въ грязь лицомъ,
И докажи имъ, что такое
Возиться съ прежнимъ игрокомъ.

Игроки.

Извольте, вамъ и книги въ руки: вы хозяинъ,
Мы гости.

1-й понтеръ (*на ухо второму*).

Берегись, имѣй теперь глаза!..
Не по-нутру мнѣ этотъ Ванька Каинъ
И притузитъ онъ моего туза.

(*Игра начинается. Всѣ толпятся вокругъ стола; иногда разные возгласы; въ продолженіе слѣдующаго разговора многіе мрачно отходятъ отъ стола*).
(Шприхъ *отводитъ на авансцену* Казарина).

Шприхъ (*лукаво*).

Столпились въ кучку всѣ; кажись, нашла гроза.

Казаринъ.

Задастъ онъ имъ на мѣсяцъ страху!

Шприхъ.

Видно,
Что мастеръ!

Казаринъ.

Былъ.

Шприхъ.

Былъ? а теперь....

Казаринъ.

Теперь?
Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;
Глядитъ ягненочкомъ, а, право, тотъ же звѣрь....
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить! Дуракъ, кто говоритъ:
Пусть ангеломъ и притворится,
Да чортъ-то все въ душѣ сидитъ.
И ты, мой другъ (*ударивъ по плечу*), хоть передъ нимъ ребенокъ,
А и въ тебѣ сидитъ чертёнокъ.
(*Подходятъ игроки*).
Что, господа, или не подъ силу—а?...

1-й игрокъ.

Арбенинъ вашъ мастакъ.

Казаринъ.

И, что вы, господа!
(Волненіе между игроками).

3-й понтеръ.

Да этакъ онъ загнетъ, пожалуй, тысячъ на сто.

4-й понтеръ *(въ сторону).*

Обрѣжется...

5-й понтеръ.

Посмотримъ.

Арбенинъ *(встаетъ).*

Баста!
(Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ *и* Шприхъ *также у стола.* Арбенинъ *молча беретъ за руку Князя и отдаетъ ему деньги.* Арбенинъ *блѣденъ).*

Князь.

Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!....
Вы жизнь мою спасли....

Арбенинъ.

И деньги ваши тоже.
(Горько) А право, трудно разрѣшить,
Которое изъ этихъ двухъ дороже.

Князь.

Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.

Арбенинъ.

Ничуть.
Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привесть въ волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь;
Я сѣлъ играть—какъ вы пошли бы на сраженье.

Князь.

Но, проиграться вы могли?

Арбенинъ.

Я? Нѣтъ!... Тѣ дни блаженные прошли!
Я вижу все насквозь.... всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.

Князь.

Вы избѣгаете признательность мою....

Арбенинъ.

По чести вамъ сказать, ее я не терплю.
Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ,
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, чтобъ былъ къ нему привязанъ,
А просто—видѣлъ пользу въ томъ.
(Арбенинъ *уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е [1]).

ТѢЖЕ, КРОМѢ АРБЕНИНА.

Князь.

Мнѣ кажется, онъ говорилъ съ презрѣньемъ....
Досадно!—деньги я не долженъ былъ принять.

Казаринъ.

Задумались,—о чемъ, нельзя-ль узнать?

Князь.

Смущенъ я страннымъ приключеньемъ.
Великодушіемъ....

Казаринъ.

Арбенинъ не таковъ—
Онъ никого безъ видовъ не обяжетъ!
За то вы можете сегодня-жъ безъ чиновъ
Въ пухъ обыграть его—онъ ничего не скажетъ.

Князь.

Но согласитесь вы со мной,
Что одолжаться непріятно
Тому, кто по сердцу для насъ совсѣмъ чужой

Казаринъ.

Особенно, когда онъ знатный
И требуетъ покорности нѣмой!
Или когда хотимъ мы волочиться
За дочерью его иль за его женой,—
Все это можетъ же случиться!
Жена Арбенина собою не дурна,
И, кажется, въ него не очень влюблена,
И я замѣтилъ вотъ недавно,
Какъ у Нероновыхъ движеньемъ томныхъ глазъ
Она кругомъ искала васъ,—да, васъ!
Э, князь! да вы себя ведете славно,

[1]) Съ этого явленія представляемая нынѣ редакція «Маскарада» весьма значительно разнится отъ извѣстнаго уже въ печати текста. **П. Е.**

По нашимъ вы ступаете слѣдамъ.
Мое благословенье вамъ.
Что ныньче молодежь! Трудятся, изнуряють
Себя для службы и наградъ,
О добродѣтели кричатъ,
И возлѣ женщины порядочно зѣваютъ.
Жить не умѣютъ, мой отецъ!
Стыдятся неудачъ, боятся приключеній,
И чѣмъ кончаютъ наконецъ?
Лѣтъ въ 25 всѣ женятся отъ лѣни [1]).

Князь.

Да кто же вамъ сказалъ? Какъ догадаться вамъ?

Казаринъ.

Когда Арбенинъ былъ въ деревнѣ
Вы ѣздили къ Настасьѣ Алексѣвнѣ
По вечерамъ и по утрамъ.

Князь.

Вы правы—что же тутъ дурнаго?

Казаринъ.

Напротивъ...

Князь.

Я боюсь молвы,
И потому надѣюсь, что вы
Объ этомъ никому ни слова...

Казаринъ.

Мнѣ измѣнить вамъ! Васъ предать?

Князь.

Но вы Арбенину пріятель.

Казаринъ.

Ха! ха! ха! ха! о мой Создатель!
Да, онъ мой другъ! вамъ неугодно-ль знать
Начало дружбы нашей: я былъ молодъ,—

---

[1]) Вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ было:

Вотъ видѣте-ль, толкуютъ наконецъ:
От волокитства, объясненій
У ногъ застѣнчивой красы
Бѣгутъ полезные часы
И протираются колѣни.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ,—
Неопытенъ, и пылокъ, и богатъ,
Но онъ—въ его груди ужъ крылся этотъ холодъ,
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ онъ гордится всюду!
Не знаю приписать его къ уму,
Иль обстоятельствамъ—я разбирать не буду.
Разъ, онъ меня завелъ подъ вечерокъ
Къ себѣ—я вѣрилъ счастью! Кошелекъ
Мой полонъ былъ... я сѣлъ играть (признаться,
Страстишка эта ужъ владѣла мной)
И проигралъ... Отецъ мой былъ скупой
И строгій человѣкъ; я вздумалъ отыграться!
Но онъ меня въ когтяхъ своихъ держалъ
И я все снова проигралъ.
Я предался отчаянью: тутъ были,
Я стану правду говорить,
И слезы и мольбы... Онѣ въ немъ возбудили
Одинъ холодный смѣхъ—о! лучше бы пронзить
Меня кинжаломъ!—
И съ того мгновенья
Покинулъ я забавы юныхъ лѣтъ,
Мечтанья нѣжныя и сладкія волненья
И въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ.
Міръ безобразныхъ странныхъ ощущеній,
Міръ обществомъ отвергнутыхъ людей,
Самолюбивыхъ думъ и ледяныхъ страстей,
И увлекательныхъ мученій!
Я увидалъ, что деньги—царь земли,
И поклонился имъ... Года прошли,
Все унеслось—богатство и здоровье,
На вѣкъ передо мной закрылась счастья дверь,
Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье.
И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь,
Умѣренный игрокъ и наблюдатель строгій,
Не дѣйствую нигдѣ, за то ужъ вижу много.

Князь.

Послушать васъ: Арбенинъ вамъ злодѣй.

Казаринъ.

Однако-жъ явно мы понынѣ
Не ссорились, хотя въ душѣ, ей-ей!
Я не терплю его...

Князь.

Поѣду завтра къ Нинѣ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Балъ.

(Музыка въ другой комнатѣ).

1-й гость.

Угодно-ли?

Нина.

Я не танцую;
Я васъ сейчасъ рекомендую
Премилой дамѣ.

1-й гость.

Жертвую собой
Для вашей прихоти.

Нина.

Вы истинный герой!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Князь.

Охота вамъ такъ много суетиться.

Нина.

Всѣмъ надо угодить.

Князь.

Нельзя-ли, хоть на смѣхъ,
Меня въ число поставить всѣхъ...

Нина.

Неблагодарный! есть за что сердиться!
Подумайте, мы не однѣ...

Князь.

Для свѣта—все, а мнѣ
Ни взора кинуть не хотите,
Ни слова нѣжнаго промолвить.

Нина.

Погодите! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Арбенинъ *(Олинькѣ).*

Гдѣ Нина? Отчего ты не танцуешь?

Олинька.

Съ кѣмъ?

Арбенинъ.

А! не охотница до пляски...
Послушай, Олинька, когда пріѣдутъ маски,
Вели отказывать не всѣмъ.
(Олинька *уходитъ*).
(Гостю). Вотъ истинная компаньонка!..
Какъ не скучаетъ съ ней жена!
Всегда молчитъ: блѣдна, грустна,
За то послушнѣе ребенка!..

Гость.

Давно-ль у васъ она живетъ?..

Арбенинъ.

Ужъ скоро третій годъ;
Я взялъ ее, когда женился;
У матери жены моей
Она росла, сиротка съ раннихъ дней.

Гость.

Да, если такъ—а то я-бъ подивился.
(Арбенинъ, *пожавъ плечами, уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

ГОСТЬ ВЫХОДИТЪ ИЗЪ ЗАЛЫ КЪ ДАМѢ.

Дама.

Вы съ нѣкоторыхъ поръ на міръ, какъ на содомъ,
Глядите строгимъ мудрецомъ!...

2-й гость.

Премудрость нынѣшняго свѣта
Не смотритъ за предѣлъ балета!

Балетъ на сценѣ—въ обществѣ балетъ,
Страдаютъ ноги и паркетъ,—
Куда какъ весело, ей-Богу!
Захочется у насъ кому
Въ beau monde открыть себѣ дорогу,
Работы нѣтъ его уму,
Умѣй онъ поднимать лишь ногу.
И все, чтобы сказать: сегодня я туда,
А завтра буду тамъ... есть изъ чего стараться.
Тоска!..

Дама.

Зачѣмъ же вы сюда
Пріѣхали?

2-й гость.

Куда же мнѣ дѣваться?

Дама.

Вамъ не понравится, боюся, мой совѣтъ...

2-й гость.

Здѣсь отъ передней до гостиной
Все такъ высоко, холодно и чинно,
Такъ приторно и такъ невинно,
Что мочи нѣтъ!

Дама.

Тѣмъ лучше...

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

3-й гость.

Объ закладъ побиться не хотите-ль,
Что онъ московскій житель;
Но впрочемъ не дивлюсь, что здѣсь скучаетъ онъ:
Блестящій балъ, да что за тонъ,
La societé est si melée
De ces figures qu'on voit passer
Aux boulevards, à l'assamblée
Madame, voudrez vous bien valser.
(Музыка; всѣ уходятъ).

Олинька *(одна).*

Имъ весело, для нихъ судьбою
Жизнь такъ роскошно убрана,
А я одна, всегда одна!
Всѣмъ быть обязанной, всѣмъ жертвовать собою,
И никого не смѣть любить,

О! развѣ это значитъ жить?..
Счастливыя царицы моды!
Имъ не измѣнитъ свѣтъ, ихъ не измѣнятъ годы.
За что же?.. Красота моя
Ихъ красотѣ поддѣльной не уступитъ:
Жемчугъ, алмазы, кисея
Морщинъ и глупости собою не искупитъ,
Но счастье ихъ!... восторга своего
Несутъ имъ дань мужчины ежечасно!
Я лучше, я умнѣй... Напрасно!..
Никто не видитъ ничего!
(Сзади проходитъ нѣсколько гостей и между ними маска).
И онъ, онъ также какъ другіе
Бѣжитъ за вѣтреной толпой
И мимоходомъ лишь порой
Мнѣ кинетъ взглядъ... мечты пустыя...
И какъ его винить, и какъ ему узнать,
Что я ему готова жизнь отдать
За мигъ одинъ... за слово!..
Все ждать да ждать... О, Боже... это онъ!
Разстроенъ, кажется, смущенъ...

Князь *(быстро подходитъ).*

Ахъ, извините, я васъ принялъ за другую.

Олинька.

И потому лишь подошли.

Князь.

Вы размышляли! отъ земли
Мечты васъ вѣрно унесли
Въ міръ лучшій, жизнь другую.
Я не прощу себѣ! такъ дерзко помѣшать...

Олинька.

Чему?

Князь.

Мечтамъ.

Олинька.

Дай Богъ вамъ не мечтать!
Вдаваться вредно въ заблужденье...

Князь.

Вы правы: чувства, страсти—все обманъ.

Олинька.

О! для чего-жъ отъ нихъ такое намъ мученье.

Князь.

Васъ взволновалъ какой-нибудь романъ?

Олинька *(въ сторону).*

Нѣтъ, истинное приключенье.

Князь.

Не вѣрьте сердцу, ни уму,
Когда они бываютъ въ спорѣ.

Олинька.

Чему же вѣрить?

Князь.

Ничему [1]).
(Отходитъ въ сторону).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Князь.

Не въ духѣ я болтать о вздорѣ,
А компаньонка мнѣ нужна.

Нина *(входитъ).*

Измучилась!...

Князь.

Но къ вамъ идетъ усталость.

Нина.

Я думала найти въ васъ жалость.

Князь.

Гдѣ есть любовь, тамъ жалость ужъ смѣшна.

Нина.

О! вы не знаете какъ тягостно, какъ скучно
Жить для толпы; всегда въ ея глазахъ,
Не смѣть ни передъ кѣмъ открыться простодушно;
Вездѣ съ улыбкою являться на губахъ.
Для выгодъ мужа, быть съ однимъ любезной,

---

[1]) Вмѣсто зачеркнутаго: «**Кому-же вѣрить?—Никому**».

Холодностію мстить другому за него,
И слышать: «Нина, это мнѣ полезно;
Благодарю тебя!» и больше ничего.

Князь.

Восторгъ толпы и свѣта удивленье
Замѣнятъ счастіе легко.

Нина.

Къ толпѣ я чувствую презрѣнье.

Князь.

Чего-жъ вамъ надобно?

Нина.

Любви хоть на мгновенье!

Князь.

О вамъ искать недалеко!...
Любви вы ищите, глубокой, сильной, страстной:
Она предъ вами здѣсь, въ груди моей;
Вы это знаете—и сколько, сколько дней
Я мучился и думалъ: все напрасно!
Но я любимъ, я былъ любимъ всегда?
О, я молю: скажите, да!...
Когда, вы помните, на балѣ
Мы увидались въ первый разъ,
Лежало облако печали
На свѣтломъ небѣ вашихъ глазъ.
Они усталые, безъ цѣли,
Бродили медленно вокругъ.
И не искалъ ихъ встрѣчи вашъ супругъ
И на него поднять вы ихъ не смѣли.
И онъ стоялъ близь васъ безчувственный какъ сталь,
Съ лицомъ исполненнымъ безстрастья,
Какъ неизбѣжная печаль
Близь неожиданнаго счастья.
Тогда во мнѣ проснулся чудный звукъ...
Я поклялся любить и клятву не нарушу,—
Я чувствовалъ: вамъ нуженъ другъ —
И въ жертву я принесъ вамъ душу.

Нина.

Насъ могутъ слышать! умоляю васъ,
Уйдите!...

Князь.

Нѣтъ, скажите мнѣ хоть разъ,
Что я любимъ, скажите, обѣщайте.

Нина.

Да, я люблю васъ!... Боже мой, ступайте!..

Князь *(хватаетъ ея руку).*

Одинъ лишь поцѣлуй на счастіе въ залогъ,
Одинъ, не больше, видитъ Богъ.

Нина *(не вырывая руки).*

Неблагодарный! вотъ мужчины:
Похожи всѣ на одного!
Теперь вамъ мало сердца Нины,
Теперь вамъ хочется всего!
Вамъ надо честь мою на поруганье!
Чтобъ встрѣтившись на балѣ, на гуляньѣ,
Могли бы вы со смѣхомъ разсказать
Друзьямъ смѣшное приключенье,
И, разрѣшая ихъ сомнѣнье,
Промолвить: вотъ она, и пальцемъ указать.
(Маска въ дверяхъ).

Князь.

Обидно ваше подозрѣнье,
И я васъ долженъ наказать *(срываетъ браслетъ).*
Вотъ мнѣ залогъ любви. Доволенъ я! Прощайте!

Нина *(въ испугѣ).*

Ахъ! что вы сдѣлали! Отдайте мнѣ, отдайте!
Мой мужъ замѣтитъ, онъ меня убьетъ!
Да—нѣтъ, вы шутите! о, это злая шутка,
Отдайте, я лишусь разсудка.
Вы такъ-то любите? Всѣ обѣщанья вотъ!..
Вотъ за довѣренность какъ нынче отвѣчаютъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Олинька *(становится между ими).*

Скорѣй, скорѣй, за вами примѣчаютъ!

Нина *(убѣгая).*

Хоть пощадите честь мою.

Князь *(задумываясь).*

Мнѣ кажется... что я ее люблю.

Олинька.

Хотя-бъ сказалъ: благодарю!
Ни взгляда, ни привѣта,

Онъ вѣрно думаетъ, что платятъ мнѣ за это.
Нѣтъ, вижу, что всегда останусь я рабой
Привычки—жертвовать собой.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Князь.

Что дѣлаешь ты здѣсь, таинственная маска?

Маска.

Смотрю на вашъ романъ,
Завязка дѣльная, да будетъ-ли развязка?

Князь.

Узнать нельзя-ль, кто вы?

Маска.

Изъ дальнихъ странъ
Пріѣзжій... Вамъ знакома Уналаска?

Князь.

Пусть такъ, на этотъ разъ;
Тамъ, вѣрно, принято у васъ
Подсматривать, подслушивать стараться,
И не въ свои дѣла мѣшаться!
Но это здѣсь, мой милый другъ,
Не такъ свободно сходитъ съ рукъ!

Маска.

Угрозы!.. и еще какія!..
Гостепріимства нѣтъ въ Россіи!

Князь *(увидавъ Арбенина).*

Теперь не время... но...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

КАЗАРИНЪ *(снимаетъ маску и хохочетъ).*

Арбенинъ *(подходитъ).*

Что Звѣздичъ такъ взбѣшонъ?..
Ужъ вѣрно зацѣпилъ его ты эпиграммой.

Казаринъ.

Нѣтъ, сердится за то, что видѣлъ я, какъ онъ
Любезничалъ съ одною дамой!

Арбенинъ.

Съ кѣмъ, съ Олинькой?

Казаринъ.

Быть можетъ... не совсѣмъ.

Арбенинъ.

Ты для друзей и слѣпъ, и нѣмъ,
А помнится глаза-то были зорки...
Бывало, тотчасъ различать
Хоть за версту пятерку отъ шестерки;
Подобный глазъ для мужа кладъ!
Вотъ я такъ ничего не вижу и не знаю,
Женѣ свободу полную даю,
Мечтаю, что любимъ, о вѣрности мечтаю,
Лишь потому, что вѣренъ и люблю.

Казаринъ.

Мечтай, мечтай, судьба твоя завидна!
Безпечность рѣдкая въ такихъ, какъ ты, мужьяхъ.

Арбенинъ.

Ты правъ, я не молодъ.

Казаринъ.

И опытенъ; — обидно
Съ такимъ умомъ...

Арбенинъ.

Ну что же?

Казаринъ.

Ахъ!
Не спрашивай.

Арбенинъ.

Ужъ вѣрно подозрѣнье...

Казаринъ.

Нѣтъ, я тебя оставлю въ заблужденьи,
Тебя, мой старый, первый другъ.
Вступилъ ты въ новый, лучшій кругъ
И знанье сердца, знанье свѣта
Ты презрѣлъ для любви—законной и святой,
И лаской женщины душа твоя согрѣта.
Я не дивлюся, Богъ съ тобой!
Вѣдь это иногда бываетъ:
Кто въ дѣтствѣ разсуждалъ, тотъ въ старости мечтаетъ;
Но я все тотъ, каковъ и былъ....

Арбенинъ.

Чужаго счастія отчаянный Зоилъ,
Ну, что же? продолжай! вѣдь цѣлый часъ хлопочешь;
Прищурься, ха-ха-ха! поохай, пожалѣй.

Казаринъ.

Такъ.... если самъ ты этого ужъ хочешь....

Арбенинъ.

Ужъ эти мнѣ разнощики вѣстей!

Казаринъ.

Я радъ, что ты какъ прежде хладнокровенъ,
И стану говорить смѣлѣй:
Союзъ вашъ нѣсколько неровенъ,
И начинаю думать я,
Что ты не вовсе безъ расчета.
Пожалуй, есть мужья—
Имъ подражать кому охота:
Ревнуютъ, бѣсятся, шумятъ.
Провелъ меня ты славно, братъ.
И надо-бъ отомстить, да штука мастерская,
И я мирюсь, искусство уважая!
Великодушіемъ прямымъ
Князька ты одурачилъ славно;
Началомъ пользуясь такимъ,
Ты оберешь его исправно.
Пускай женѣ въ отсутствіи твоемъ,
Онъ платитъ нѣжные визиты,
Тебѣ же платится за карточнымъ столомъ,
И дѣло слажено—вы квиты!

Арбенинъ *(въ негодованіи).*

Казаринъ!

Казаринъ.

Видѣлъ я сейчасъ,
Какъ нѣжничалъ, шепталъ онъ съ нею....
Я издали смотрѣлъ и утверждать не смѣю,—
Трельяжъ ихъ закрывалъ отъ любопытныхъ глазъ,—
Два вздоха слышалъ я, да звуки поцѣлуя,
И больше ничего, поклясться въ томъ могу я.

Арбенинъ.

Ты видѣлъ, слышалъ, помни, что сказалъ!
Я доберусь до истины! Терпѣнья
Достанетъ у меня, но если ты солгалъ,
Казаринъ, о! тогда не жди спасенья,
Ты въ десять лѣтъ успѣлъ меня узнать.

Я въ жизни разъ лишь былъ обманутъ—разъ—не болѣ,
И отомстилъ, и отомщу опять!
И страшно отомстить—въ моей, ты знаешь, волѣ.

Казаринъ.

Мой бѣдный другъ, все тотъ же онъ,
Все тотъ же чортъ, когда взбѣшенъ!
Дни, объ которыхъ я тоскую,
Невольно ты напомнилъ мнѣ теперь,
Жизнь безпокойную, кипучую, лихую,
Тогда ты былъ не человѣкъ, а звѣрь.

(Смѣясь уходитъ).

Арбенинъ.

О, кто мнѣ возвратитъ всѣ буйныя надежды,
Васъ, нестерпимые, но сладостные дни?
За васъ отдамъ я счастіе невѣжды,
Безпечность и покой—не для меня они!
Мнѣ-ль быть супругомъ и отцомъ семейства?
Мнѣ-ль, мнѣ-ль, который испыталъ
Всѣ ужасы и сладости злодѣйства
И съ нимъ лицомъ къ лицу ни разу не дрожалъ.
(Погружается въ задумчивость, музыка играетъ и онъ садится).
Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ,
Любимъ былъ часто нѣжно, страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви—какъ няня сказку.
И скучно стало мнѣ и тяжко жить,
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавый
Жениться.... чтобъ имѣть святое право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить.
И я нашелъ жену—покорное созданье,
Она была прекрасна и нѣжна;
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ олтарю она приведена,
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся!
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ—и увидалъ, что я ее люблю,
И стыдно молвить.... ужаснулся!
И снова ревность, бѣшенство, любовь,
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ,
Изломанный челнокъ, я снова брошенъ въ море!
Вернусь-ли къ пристани я вновь?

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Арбенинъ *(одинъ).*

Ночь, проведенная безъ сна,
Страхъ видѣть истину,—и милліонъ сомнѣній!
Съ утра по улицамъ бродилъ, подобно тѣни,
И не усталъ—и въ сердцѣ мысль одна!...
Одинъ лишь злой намекъ обманчивый, быть можетъ,
Разбилъ въ куски спокойствіе мое!
И все воскресло вновь—и все меня тревожитъ:
Былое, будущность, обманъ и правда—все!...
Но я рѣшился, буду твердъ.... узнаю прежде,
Увѣрюсь.... доказательства.... да!... да....
Мнѣ доказательствъ надо.... и тогда....
Тогда.... конецъ любви.... конецъ надеждѣ!...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Арбенинъ *(входитъ* Нина).

А, здравствуй, Нина!... Наконецъ....

Нина.

Недавно я проснулась.

Арбенинъ.

Поздно....
Я жду тебя ужъ цѣлый часъ....

Нина.

Серьезно?
Ахъ, какъ ты милъ!...

Арбенинъ.

А думаешь: глупецъ....

Нина.

Вотъ ты опять не въ духѣ, смотришь грозно
И на тебя ни чѣмъ не угодишь....

Арбенинъ.

Скучаю я съ тобою розно.

Нина.

А встрѣтимся—ворчишь.
(Ласкаясь) Скажи мнѣ просто: «Нина,
Кинь свѣтъ, я буду жить съ тобой
И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франтъ, затянутый въ корсетѣ,
Съ утра до вечера тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ;
А я лишь часъ какой на дню
Могу сказать тебѣ два слова!»—
Скажи мнѣ это—я готова:
Въ деревнѣ молодость свою я схороню.
Но что меня умчало
Воображенье.... и къ чему?
Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,
Что даже не ревнуешь ни къ кому!

Арбенинъ.

Какъ быть, я жить привыкъ безпечно,
А ревновать смѣшно.

Нина.

Конечно.
Ты столько видѣлъ, испыталъ,
И ревность и любовь тебѣ не новы....
Ты отдыхаешь....

Арбенинъ *(въ сторону. Въ продолженіе этого монолога онъ по временамъ останавливается и наблюдаетъ* Нину*).*

О, недолго отдыхалъ.
(Ей) Послушай, насъ одной судьбы оковы
Связали навсегда ошибкой, можетъ быть,
Не мнѣ и не тебѣ судить!...
Ты молода лѣтами и душою;
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Одинъ заглавный листъ, и предъ тобою
Открыто море счастія и зла.
Иди любой дорогой:
Надѣйся и мечтай—вдали надежды много,

А въ прошломъ жизнь твоя бѣла.
Ни сердца своего, ни моего не зная
Ты отдалася мнѣ и любишь—вѣрю я—
И безотчетно чувствами играя
И рѣзвясь какъ дитя.
Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,—
И болѣе всего—страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я,
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли;
Такъ годы многіе прошли!
О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но нынче черствая кора
Съ моей души слетѣла—міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно,
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ съ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный;
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ,
Боюся осквернить тебя прикосновеньемъ,
Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,
Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ.
Тогда ты говоришь: меня не любитъ онъ!
(Она ласково смотритъ на него и проводитъ рукой по волосамъ).

Нина.

Тебя понять, ей-Богу, трудно;
Чего ты требуешь, могу-ль я отгадать.

Арбенинъ.

Да! требовать любви конечно безразсудно,
И я не требую—мнѣ поздно покупать
Лукавый поцѣлуй признаньями и лестью,
Моя душа съ твоей душой
Не встрѣтились... что дѣлать—Богъ съ тобой...
Позволь мнѣ дорожить по крайней мѣрѣ честью!
Честь, имя—вотъ чего я требую отъ васъ.

Вы ихъ толпѣ на поруганье дали
Я внятно говорю... вы все не понимали,
Поймите же меня, хотя на этотъ разъ.

Нина.

Мнѣ отвѣчать вамъ было-бъ стыдно.

Арбенинъ.

Стыдъ, такъ... пора!... его давно не видно...
Зачѣмъ явился онъ теперь!
Гоните прочь его скорѣй, въ окно иль въ дверь,
Откуда входитъ къ вамъ любезный,
Чувствительный, услужливый князекъ.

Нина.

Такъ вотъ что? Это мнѣ урокъ.

Арбенинъ.

И вѣрно безполезный.

Нина.

Не знаю, кто оклеветалъ меня!
Я это заслужила:
Смѣялась, рѣзвилась, шутила;
Нѣтъ, съ нынѣшняго дня
Не будетъ смѣть ко мнѣ приблизиться мужчина
На разстояньи въ три аршина! *(съ ироніей)*
Рѣшусь не говорить, рѣшуся не смотрѣть,
Не танцовать, за картами сидѣть
Какъ кукла, какъ статуя,
Тогда на васъ конечно угожу я.
Тогда вы скажите — вотъ вѣрная жена!
Какъ зло на всѣхъ глядитъ она! *(смѣясь)*.
Смѣшно, смѣшно ей-Богу,
Не стыдно-ли, не грѣхъ,
Изъ пустяковъ поднять тревогу.

Арбенинъ.

Дай Богъ, чтобъ это былъ не твой послѣдній смѣхъ.

Нина.

О если ваши продолжатся бредни,
То это вѣрно не послѣдній.

Арбенинъ.

Увидимъ.

Нина.

Я тебя люблю,
Мнѣ жаль тебя, Евгеній.

Арбенинъ.

Ну, по чести,
Признанье въ-пору...

Нина.

Выслушай, молю;
Я оправдаюсь.

Арбенинъ.

Нѣтъ!

Нина.

Чего-жъ ты хочешь?

Арбенинъ.

Мести!

Нина.

Кому-жъ ты хочешь мстить?

Арбенинъ.

О, часъ придетъ,
И, право, мнѣ вы надивитесь!

Нина.

Не мнѣ-ль?

Арбенинъ.

Геройство къ вамъ нейдетъ.

Нина.

Кому-жъ?

Арбенинъ.

Вы за кого боитесь?

Нина.

О, это нестерпимо!.. Что-жъ онъ самъ
Не явится сюда, мой тайный обвинитель?
Пусть повторитъ при мнѣ, пускай покажетъ вамъ
Всѣ доказательства, вы этого хотите.
А если онъ не явится? Какой
Найдете вы предлогъ, чтобъ оправдаться.
(*Плача*) Но, право, вы слезы не стоите одной
И мнѣ приличнѣе смѣяться.

Арбенинъ.

Такъ суждено мнѣ, можетъ быть,
Весельемъ оскорблять, страданіемъ смѣшить.
И что за диво? У другихъ на свѣтѣ
Надеждъ и цѣлей милліонъ.
У одного богатство есть въ предметѣ,
Другой въ науки погруженъ.
Тотъ добивается чиновъ, крестовъ и славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь;
Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился,
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился.
Богатъ и безъ гроша былъ скукою томимъ,
Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.
Все, что осталось мнѣ отъ жизни, это ты,
Созданье слабое, но ангелъ красоты:
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье —
Я человѣкъ, пока они мои:
Безъ нихъ — нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманутъ..... если я
Обманутъ, если на груди моей змѣя
Такъ много дней была согрѣта,—если точно
Я правду отгадалъ... и, лаской усыпленъ,
Съ другимъ осмѣянъ былъ заочно?
Послушай, Нина..... я рожденъ
Съ душей кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она какъ камень... но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться! тогда,
Тогда не ожидай прощенья!
Закона я на месть свою не призову,
Но самъ безъ слезъ и сожалѣнья
Двѣ наши жизни разорву!

(Хочетъ взять ее за руку, она отскакиваетъ въ сторону).

Нина.

Не подходи..... о, какъ ты страшенъ!

Арбенинъ.

Неужели?
Я страшенъ! нѣтъ, ты шутишь, я смѣшонъ;
Да, ты своей достигла цѣли;
Зачѣмъ же не пришелъ полюбоваться онъ
Моимъ отчаяньемъ!.. теперь бы очень кстати

Вчерашній разговоръ вамъ повторить живой.
Чай въ промежуткахъ ласкъ, объятій,
Смѣялись вы жестоко надо мной?

Нина.

Вчера!..

Арбенинъ.

Вчера на балѣ.

Нина *(въ сторону).*

Онъ все знаетъ!
(Ему). Такъ вотъ причина! А ты, видѣлъ самъ?
Ты видѣлъ... нѣтъ! Кто-жъ обвиняетъ
Меня? Никто... ты слѣдуешь мечтамъ,
Тебѣ спокойствіе и счастье надоѣло!
Прекрасно! продолжай же смѣло!..
Ты хочешь правды? Вѣрь или не вѣрь,
Тебѣ я все скажу теперь.
Князь любитъ Олиньку... давно-ли — я не знаю,—
И безъ тебя онъ для нея одной
Ѣзжалъ сюда... онъ не бывалъ со мной,
Онъ избѣгалъ меня... вчера, я понимаю!..
Вчера онъ съ ней, отъ бала удалясь,
Былъ здѣсь... и на меня подумать!... Этотъ князь
Хвастунъ, мальчишка... да, я ихъ застала
Вчера; вдругъ Олинька, краснѣя, убѣжала.
И я за это, я терплю
Угрозы ревности, упреки подозрѣнья!..

Арбенинъ.

Я вѣрю... и сейчасъ за Олинькой пошлю.

Нина.

Избавьте хоть ее отъ пытокъ и мученья.
Чего еще вамъ надо?

Арбенинъ.

Убѣжденья!

Нина.

Но не теперь, въ другой хоть разъ...

Арбенинъ *(звонитъ; лакей входитъ).*

Поди и позови мнѣ Олиньку — сейчасъ.

Нина.

Евгеній, я прошу, не говори съ ней строго,
Она такъ молода... вина ее скорѣй
Простая вѣтреность...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

ВХОДИТЪ ОЛИНЬКА.

Нина *(подбѣгая къ ней, тихо говоритъ).*
Не бойся, будь смѣлѣй.

Олинька.
Что вамъ угодно?

Арбенинъ.
Много! очень много!..

Олинька.
Что сдѣлалось?..

Нина *(ей тихо).*
Не погуби меня *(упадая въ кресло)*
Молчи, молчи!...

Олинька.
Готова слушать я...

Арбенинъ.
Скажи мнѣ, Олинька... на сердцѣ руку смѣло...
Всю правду, какъ предъ Богомъ, все скажи.

Олинька.
Я не охотница, вы знаете, до лжи.

Арбенинъ.
О да! я знаю, ты всегда умѣла
Открыто правду говорить,
Собою жертвовать и искренно любить;
Ты чувствовать умѣла одолженья,
Не замѣчать, не помнить зла.
Какъ ангелъ-примиритель, ты жила
Въ семействѣ нашемъ... Но ужасныя мученья
Столпились къ сердцу моему.
И я теперь не вѣрю ничему.
Клянись... но можетъ быть моленье
Отвергнешь ты мое,
И что мудренаго! кому моей судьбою
Заняться! я суровъ, я холоденъ душою...
Одинъ лишь разъ, одинъ пожертвуй ты собою
Не для меня, нѣтъ — для нее...

Олинька.

О, мнѣ конечно ничего не стоитъ
Собой пожертвовать для васъ.
Вы точно знаете, васъ это успокоитъ?
Извольте... гдѣ? когда? сейчасъ?...

Арбенинъ.

Вотъ, видишь, это дѣло важно: въ свѣтѣ
Смѣюсь надъ этимъ самъ,
А въ сердцѣ цѣлый адъ... такъ знай, въ твоемъ отвѣтѣ
Жизнь или смерть обоимъ намъ.
Я былъ въ отлучкѣ долго... слухъ промчался,
Что Звѣздичъ въ Нину былъ влюбленъ.
Онъ каждый день сюда являлся,
Но для кого? свѣтъ часто ошибался:
Его сужденья не законъ.
Вчера здѣсь слышали признанья, объясненья,
Вы обѣ были тутъ — съ которой же изъ васъ?
Я долженъ знать сейчасъ...
О, если не съ тобой — то нѣтъ ему спасенья!..

Олинька.

Теперь я понимаю... онъ убьетъ,
Убьетъ его...

Арбенинъ.

Ты видишь, рѣчь идетъ
О жизни, счастіи и чести.
Я истины хочу: она сказала мнѣ,
Что съ княземъ здѣсь вы оставались вмѣстѣ?

Олинька.

Она сказала? съ нимъ? наединѣ?

Арбенинъ.

Она! а ты молчишь?

Олинька.

Что дѣлать, Боже!

Арбенинъ.

Я вашу связь не осуждаю... что же...
Но если это такъ, то домъ оставить мой
Должна ты завтра же: не ссорюсь я съ тобой,
Но честь жены всего дороже мужу!
Ошибку свѣта, я предъ свѣтомъ обнаружу.

Олинька.

А я? Куда я дѣнусь?.. Ни родныхъ,
Ни друга на землѣ,—чѣмъ жить... въ презрѣньи
У всѣхъ... въ мои лѣта... за что? о, въ этотъ мигъ
(*Нинѣ*) Отъ васъ я требую, да, требую спасенья,
Защиты—вы должны, вы можете однѣ...

Арбенинъ.

Она не признается. Для терпѣнья
Граница есть...

Нина.

Но что же дѣлать мнѣ?

Арбенинъ.

Подумай, Олинька: одно лишь средство
Окончить все: скажи мнѣ: да иль нѣтъ;
Скорѣй, скорѣй, какой-нибудь отвѣтъ!
Но также вспомни время дѣтства,
Заботы, ласки матери ея
Тебя не покидали на мгновенье.
Чужая ей, ты съ ней дѣлила все...
Есть сердце у тебя? Смущенье,
Страхъ, обморокъ!.. ну, право, я не звѣрь,
Прошу лишь слова правды... не хотите,
Ошибся я—не надобно, идите.

Олинька (*черезъ силу*).

Минуту погодите!..
Да... я всему виной... довольны-ль вы теперь?

Арбенинъ.

О, наконецъ!
(*Послѣ молчанія, женѣ*).
Здѣсь на колѣна
Я упадаю предъ тобой
Прости, прости меня... глупецъ я злой
И недостойный! можетъ-ли измѣна
Такую душу омрачить!
Я чувствую: я недостоинъ жить.
Здѣсь, здѣсь клянусь не знать успокоенья,
Пока коварный клеветникъ,
Какъ я передъ тобой теперь, у ногъ моихъ
Не будетъ умолять о жизни и прощеньи.
На Божій судъ пойду я съ нимъ...
Скажи мнѣ: я прощенъ? Я вновь тобой любимъ?

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Казаринъ.

Я утверждалъ всегда,
Чего судьба упрямая захочетъ,
Пусть цѣлый міръ хлопочетъ,
А сбудется навѣрно,—да!
Князь Звѣздичъ, напримѣръ, была ему острастка,
А ныньче самъ ко мнѣ на вечеръ назвался.
Играть не станетъ онъ, посмотримъ, только сказка,—
Ужъ быть тому, за что я разъ взялся!
Вотъ кажется онъ самъ,—какое нетерпѣнье:
Явился прежде всѣхъ. (*Отворяя дверь*). А, князь, мое почтенье.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

КАЗАРИНЪ И АРБЕНИНЪ.

Казаринъ (*оправившись*).

Ну, братъ, не ждалъ я, виноватъ;
Я, впрочемъ, очень радъ.

Арбенинъ.

Не торопись заранѣ веселиться!

Казаринъ.

Мой бѣдный другъ, какъ пріунылъ!
Да что-жъ могло съ тобой случиться?
Ахъ помню! видишь-ли я правду говорилъ!
Изъ благодарности, однако, умоляю,
Старинную припомня связь,
Умѣрь себя, ко мнѣ сегодня будетъ князь.
Хоть ныньче помолчи, его я обыграю,
А завтра дѣлай съ нимъ, чего душа
Попроситъ...

Арбенинъ.

Мысль отмѣнно хороша,
Я князю не скажу ни слова.

Казаринъ.

Вотъ сердце доброе! да, въ свѣтѣ нѣтъ такого.

Арбенинъ.

Тебѣ же я скажу всю правду, какъ привыкъ:
Ты, милой мой, презрѣнный клеветникъ,
Клеймомъ стыда, я васъ, сударь, отмѣчу,
Чтобъ каждый почиталъ обидой съ вами встрѣчу.

Казаринъ.

Ахъ, Боже мой... меня, за что-жъ меня?
Вотъ хлопочи, совѣтуй другу?
Зло за добро, брань за услугу!..
Что? Этакъ дѣлаютъ друзья...

Арбенинъ.

Да, да! я помню, время было,
Когда съ тобой однимъ путемъ
Стремленіе страстей насъ уносило,
Я нуженъ былъ тебѣ, искусствомъ и умомъ,
Я защищалъ тебя въ опасныя мгновенья,
Съ тобой добычу я дѣлилъ—
И только! вотъ твое о дружбѣ мнѣнье,
Иначе въ жизни ты ни разу не любилъ.
Когда всю ночь я въ шумномъ кругѣ
Сидѣлъ и хохоталъ съ истерзанной душой,
Искалъ-ли я въ тебѣ, какъ въ другѣ,
Надежды, жалости?.. бывалъ-ли я съ тобой
Таковъ какъ иногда бываю
Одинъ съ моимъ Творцомъ, когда подъ гнетомъ бѣдъ
За преступленья юныхъ лѣтъ
Я, горько плача, умоляю?
Нѣтъ, нѣтъ!
Ты мнѣ завидуешь, тебя-жъ я презираю!

Казаринъ.

Пусть такъ! возьми назадъ, возьми
Ты дружбу глупую,—все кончено межъ нами,
Я никогда не дорожилъ людьми,
Тѣмъ болѣ гордецами!
А чѣмъ же лучше ты меня?
Тѣмъ, что бѣснуешься, кричишь ты безъ разбору,
А я, разсудокъ свой храня,

Не много говорю, да въ-пору!..
Чѣмъ виноватъ я, что жена
Тебѣ немного невѣрна...
Съ такою совѣстью, измученной и грозной,
Тебѣ бы въ монастырь, а ужъ влюбляться поздно.
А хочешь ты купить прощеніе грѣховъ,
Молчи, терпи...

Арбенинъ.

О нѣтъ, я не таковъ!..
Я не стерплю стыда и оскорбленья;
При первомъ подозрѣньи,
Тебѣ я это ужъ сказалъ,
И все-жъ ты на нее безстыдно клеветалъ,
Но я открылъ глаза... и будешь ты наказанъ,
Да, совѣстью моей не такъ еще я связанъ,
Какъ ты, быть можетъ, полагалъ.

Казаринъ.

Твоихъ угрозъ я не пугаюсь, право.

Арбенинъ.

Посмотримъ! помнишь-ли, совѣтникъ мой лукавый,
Второе сентября, семь лѣтъ тому назадъ...

Казаринъ *(смущаясь).*

Что-жъ, помню.

Арбенинъ.

Очень радъ.
Я стану говорить короче,
Дольчини, ты и Штраль, товарищъ твой,
Играли вы до поздней ночи;
Я рано убрался домой;
Когда я уходилъ, во взорахъ итальянца
Блистала радость; на его щекахъ
Безжизненныхъ игралъ огонь румянца;
Колода картъ тряслась въ его рукахъ
И золото предъ нимъ катилось, вы же оба
Разсѣлись тѣнями, возставшими изъ гроба,
Ты это помнишь-ли?..

Казаринъ.

Ну, что-жъ?

Арбенинъ.

Сейчасъ
Я кончу мой разсказъ.
Предъ вашимъ домомъ, утромъ рано,

Дольчини былъ найденъ на мостовой
Въ крови, съ разбитой головой.
Вы всѣхъ увѣрили, что пьяный
Онъ выскочилъ въ окно,
Такъ это и осталось! Но
Волшебной сказкою меня не обморочишь,
И кѣмъ онъ былъ убитъ, скажу я, если хочешь.

Казаринъ.

Ты доказать не можешь ничего.

Арбенинъ.

Конечно! вотъ письмо, кто написалъ его?

Казаринъ *(упадая на стулъ).*

Злодѣй! вѣдь я погибъ...

Арбенинъ.

Твой другъ мнѣ проигрался
И отдалъ свой бумажникъ. Въ немъ
Нашелъ я этотъ кладъ,—кто въ дуракахъ остался?
Ты мнѣ хотѣлъ вредить... за зло плачу я зломъ.

Казаринъ.

Помилуй, сжалься, я твой рабъ отнынѣ,
Конечно, что ужъ дѣлать,—согрѣшилъ,
Но я клянусь...

Арбенинъ.

Какой святыней?

Казаринъ *(плача).*

Я ужъ раскаялся.

Арбенинъ.

А, плачешь, крокодилъ!

Казаринъ *(вскакиваетъ).*

(Въ сторону). Одно осталось средство для спасенья.
(Громко). Постой, смотри, вотъ шкафъ и отъ него ключи,
Тамъ тысячъ пятьдесятъ, съ условіемъ—молчи,
Тебѣ все, все мое имѣнье!

Арбенинъ.

Ха-ха-ха-ха! смѣшное предложенье!..

Казаринъ.

Не хочешь?

Арбенинъ.

Я богатъ.

Казаринъ.

Онъ правъ, но если такъ,
Я остаюсь при первомъ мнѣньи.

Арбенинъ.

Что? Что?

Казаринъ.

Я, просто, былъ дуракъ,
Что испугался, — докажи сначала,
Что я солгалъ... да, — докажи сперва,
Что мнѣ вредить имѣешь ты права
И что жена тебѣ не измѣняла,
Ты мужъ, какихъ на свѣтѣ мало,
Всѣмъ вѣрилъ! Прежде мнѣ,
Потомъ проказницѣ женѣ;
Съ тобой, я вижу, надо осторожно...

Арбенинъ.

Изволь, тебя утѣшить можно,
Ты знаешь Олиньку — она,
Бѣдняжка, въ князя влюблена,
Онъ для нея ѣзжалъ ко мнѣ—межъ ними
Что было, я не знаю, только все
Упало на жену; намеками своими
Ты очернилъ ее!
Но я хотѣлъ знать правду... и немного
Трудился — Олинька призналась... строго
Я поступилъ, — но требуетъ нужда:
Она мой домъ оставитъ навсегда.

Казаринъ.

Сама призналась?

Арбенинъ.

Да!

Казаринъ.

Заставили признаться?

Арбенинъ.

Сама!

Казаринъ.

Не можетъ быть! уговорить легко!

Арбенинъ.

Мнѣ любопытно знать, какъ можетъ далеко
Такая дерзость простираться.

Казаринъ.

Я милости прошу—минутъ чрезъ пять
Князь будетъ здѣсь—дай слово не мѣшать.

Арбенинъ.

Въ чемъ?

Казаринъ.

Ради Бога!

Арбенинъ.

Про жену ни слова!

Казаринъ.

Пусть, ни гугу!

Арбенинъ.

Посмотримъ, это ново!
Послѣднее то будетъ щельмовство,
Пѣснь лебедя... а тамъ къ разсчету.

Казаринъ.

Заплатишь, милый, за охоту
Знать верхъ искусства моего.
(Ходитъ по комнатѣ).

Онъ скоро будетъ... кажется идетъ,
Нѣтъ, если онъ не будетъ — право
Злой духъ меня толкнетъ
Съ нимъ заключить разсчетъ кровавый.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

ТѢЖЕ. ВХОДИТЪ КНЯЗЬ.

Казаринъ *(тихо).*

Насилу! Кажется, еще на этотъ разъ
Судьба меня спасти взялась. *(Князю)*
Князь, поздно поздно! что? откуда?

Князь.

Я былъ въ театрѣ.

Казаринъ.

Что даютъ?

Князь.

Балетъ.

Казаринъ.

А я про васъ здѣсь слышалъ чудо
И вѣрить не хотѣлъ...

Князь.

Конечно, не секретъ?

Казаринъ.

Сказать бы радъ,—да мудрено рѣшиться:
Не вздумали бы разсердиться.

Князь.

За правду не сержусь, а если ложь—
На васъ сердиться мнѣ за что-жъ?

Казаринъ.

Люблю за это нашу молодежь!
Разсудитъ прежде, послѣ скажетъ.
Бывало, намъ ничто языкъ не свяжетъ:
Врутъ, хоть сердись, хоть не сердись,
Зато и доврались.

Князь.

Да что-жъ вы про меня узнали?

Казаринъ.

Да вотъ что! бѣдная.... ее вы наказали
За жертвы, за любовь.... люби васъ, шалуновъ,
Потомъ терпи. Кто-жъ виноватъ—она-ли?
Анъ нѣтъ! Чай сколько просьбъ и словъ,
Угрозъ и ласкъ, и слезъ, и обѣщаній
Вы расточили передъ ней,
И все зачѣмъ?—изъ сущей дряни:
Повеселиться пять, шесть дней!
Прекрасно, князь, прекрасно!
Скажите-ка: она васъ любитъ страстно?
Вы долго волочились?... О! злодѣй.

Князь.

Позвольте хоть узнать, о комъ вы говорите?

Казаринъ.

Не знаетъ! о невинность! посмотрите,
Какой серьезный видъ и недовольный взоръ,
Да я не зналъ, что вы такой актеръ!
А для кого, скажите-ка по чести,
Ѣзжали вы къ нему такъ часто въ домъ?

А кто съ утра ждалъ подъ окномъ
Какъ вы проѣдете.... ужъ я на вашемъ мѣстѣ,
Теперь, когда открылося, когда
Она безъ крова, жертвою стыда
Осуждена искать дневнаго пропитанья,
Ужъ я женился бы.... хотя-бъ изъ состраданья.

Князь.

Да, ради Бога, кто-жъ она? И въ чемъ
Я виноватъ?

Казаринъ.

Нашли же вы на комъ,
На компаньонкѣ пробовать искусство,
И трудно-ль обмануть простое чувство
И погубить невинное дитя:
За это я возьмусь шутя!

Князь.

Послушайте, зашли вы дальше шутки.

Казаринъ.

Да, я и не шучу.... я правду вамъ сказалъ;
Арбенинъ Оленьку прогналъ....
Что-жъ дѣлать, у него свои есть предразсудки.

Князь.

Помилуйте, да вы сошли съ ума,
Кто такъ наклеветалъ безбожно?

Казаринъ.

Она сама призналась.

Князь.

Какъ?

Казаринъ.

Она сама.

Князь.

Не можетъ быть.

Казаринъ.

Случилось—такъ возможно.

Князь.

Не можетъ быть. Ея признанье ложно;
Я не хочу, чтобъ за меня она,
Она страдала. Я помочь не въ силахъ, право....
Я не люблю ее.... жениться мысль смѣшна.

Арбенинъ.

И то, зачѣмъ?... Ужъ вы покрылись славой.

Князь.

Съ чего вы вздумали, что я женюсь на ней?

Арбенинъ.

Ну, князь, я думалъ вы честнѣй....

Князь.

Вы это думали?... А! это оскорбленье!
Останьтесь же при первомъ мнѣньи
И, прежде чѣмъ рѣшитъ свинецъ,
Я докажу, что я не трусъ и не подлецъ.
Хотитель правду знать?

Арбенинъ.

Посмотримъ.... Что же?

Князь.

Вы не раскаятесь?

Арбенинъ.

У васъ спрошу я тоже.

Князь.

Хотите?

Арбенинъ.

Да!

Князь.

Скажите лучше: нѣтъ!

Арбенинъ.

Хочу.

Князь *(подавая браслетъ).*

Смотрите: чей браслетъ?
Узнали-ль?

Арбенинъ.

Да—узналъ!

Князь.

Я думаю узнали.
Теперь раскаялись?...

Арбенинъ.

Нѣтъ! вы его украли!...
А! вы подумали, что можете со мной
Шутить, какъ съ мальчикомъ,.. глупцы вы оба, дѣти...

Вы видите, какъ ваши сѣти
Я разорвалъ одной рукой...
А, князь — вы сами захотѣли
Себя достойно наказать!
Какъ вы рѣшились, какъ вы смѣли
Въ глаза все это мнѣ сказать!
Скорѣе на колѣни, на колѣни.
Нѣтъ! очень радъ! тѣмъ меньше затрудненій,
Вамъ жизнь наскучила, — не странно. Жизнь глупца,
Жизнь площаднаго волокиты,
Утѣшьтесь же теперь, вы будете убиты.
Умрите-жъ съ именемъ и смертью подлеца.

Князь.

Скорѣе часъ и мѣсто!

Казаринъ.

Ну, насилу
Избавлюсь отъ него: не въ крѣпость, такъ въ могилу.

Арбенинъ.

Я жду васъ завтра къ девяти часамъ
И у себя. *(Подходитъ къ* Казарину*).*

Казаринъ *(смѣясь).*

Не спорь со мною.

Арбенинъ.

Не веселись по пустякамъ,
Твои дѣла сегодня-жъ я устрою.
(Уходитъ быстро).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Казаринъ *(Нѣсколько времени пораженъ, потомъ вскакиваетъ).*

Князь, я вашъ секундантъ! угодно?

Князь.

Очень радъ!
(Въ сторону). Я глупо поступилъ, да ужъ нельзя назадъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

КОМНАТА АРБЕНИНА. НИНА СПИТЪ НА КАНАПЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Арбенинъ *(входя, оборачивается въ дверь).*

Князь Звѣздичъ скоро долженъ быть. Ко мнѣ
Его проси. Ступай! Какъ ты сюда попала?

Служанка.

Тихонько-съ! барыня сейчасъ заночивала;
Ждала васъ цѣлу ночь и бредила во снѣ...
Потомъ чѣмъ-свѣтъ одѣлась, встала,
Изволила придти къ вамъ въ кабинетъ,
Да и уснула здѣсь на креслахъ.

Арбенинъ.

Я исправить
Хочу, вину свою... ты можешь насъ оставить.

(Служанка уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

АРБЕНИНЪ И НИНА.

Арбенинъ *(подходя къ Нинѣ).*

Спитъ! точно спитъ! сомнѣнья нѣтъ:
Улыбка по лицу струится
И грудь колышется и смутныя слова
Межъ губъ скользятъ едва, едва!..
Понять не трудно, кто ей снится.
О! эта мысль запала въ грудь мою,
Бѣжитъ за мной и шепчетъ: мщенье, мщенье!
А я, безумный, все еще ловлю
Надежду сладкую, и сладкое сомнѣнье!
И кто подумалъ бы и кто смѣлъ ожидать?

Меня... меня... меня продать
За поцѣлуй глупца—меня, который
Готовъ былъ жизнь за ласку ей отдать!
Мнѣ измѣнить! мнѣ—и такъ скоро!
(Задумывается).
Да... да... я этого хочу
Я вырву у нея признанье
Угрозой, страхомъ!.. Я ей отомщу,
Какъ прежде мстилъ—безъ состраданья.
(Молчаніе).
Бывало, я искалъ могучею душой
Заботъ, трудовъ, глубокихъ ощущеній,
Въ страданіяхъ мой пробуждался геній
И весело боролся я съ судьбой.
И былъ я гордъ, и силенъ, и свободенъ,
На жизнь глядѣлъ какъ на игрушку я,
И въ злобѣ былъ я благороденъ,
И жалость не смѣшна казалася моя.
Но часъ пришелъ, и я упалъ—ничтожный
Безумецъ, безоруженъ противъ мукъ и зла.
Добро, какъ счастіе, мнѣ стало невозможно
И месть какъ жизнь мнѣ тяжела.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

АРБЕНИНЪ, НИНА И ОЛИНЬКА.

Олинька *(входя увидавъ):*
Ахъ, Боже мой!.. онъ здѣсь.

Арбенинъ.
Не разбуди... *(увидавъ узелъ)*
Что это значитъ?

Олинька.
Я пришла проститься...

Арбенинъ.
Къ кому же ты пойдешь?

Олинька.
Къ кому случится,
Прощайте!

Арбенинъ.
Погоди!
Мнѣ жаль тебя... бѣдняжка, ни роднова,
Ни друга на землѣ...

Олинька.
Что-жъ? Я на все готова.

Арбенинъ.

Легко сказать, презрѣнье, нищета...
Ужасно!

Олинька.

Да, ужасно!..

Арбенинъ.

Тебѣ упрекомъ будетъ красота,
Придутъ и скажутъ: да, она прекрасна,
Съ подобнымъ личикомъ невинность сохранить
Задача трудная! Къ тому-жъ, вѣдь надо жить!..

Олинька.

О, я умру!

Арбенинъ.

Кто виноватъ, не ты-ли?..
Подумай.

Олинька.

Я!

Арбенинъ.

Подумай! [1])

Олинька.

Я одна.

Арбенинъ.

Признайся мнѣ: вы въ заговорѣ были;
Тебя солгать заставила она...
Ты гибнешь. Если нѣтъ—признайся—спасена!...
Есть время...

Олинька.

О, не искушайте!

Арбенинъ.

Я жду послѣдній твой отвѣтъ.

Олинька *(уходя).*

Прощайте

Арбенинъ.

Постой... войди сюда... и черезъ часъ
Я кликну... можетъ быть, и прежде.

Олинька.

Для чего же?

Арбенинъ.

Узнаешь *(она входитъ).*

---

[1]) Напечатаное курсивомъ было зачеркнуто.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

АРБЕНИНЪ И НИНА.

Арбенинъ.

Боже! Боже!
Дай твердость мнѣ въ послѣдній разъ.
(подходя къ Нинѣ)
Проснись... пора...

Нина.

Ахъ, это ты, Евгеній!
Какой тяжелый сонъ... толпа видѣній
Въ умѣ моемъ еще тѣснится... снилось мнѣ,
Что ты ласкалъ меня такъ страстно;
А говорятъ, что все во снѣ
Наоборотъ—и вѣрить имъ опасно
Боюсь, что ждетъ меня бѣда!

Арбенинъ.

Предчувствіямъ я вѣрю иногда.

Нина.

Тебя я жду всю ночь—была готова
Послать искать.

Арбенинъ.

О, рѣдкая жена!

Нина.

Послушай, милый другъ, я что-то нездорова.

Арбенинъ *(въ сторону).*

Судьба мнѣ помогаетъ снова.

Нина.

Я очень, кажется, больна.

Арбенинъ.

Мнѣ жаль.

Нина.

Послушай, я сказать тебѣ должна,
Со мною ты ужасно измѣнился,
Сталъ холоденъ и принужденъ.
И отчего?

Арбенинъ.

Какъ быть, мнѣ также снился
Зловѣщій сонъ!...

Нина.

Все грустенъ, все ворчишь — мнѣ въ тягость жизнь такая.

Арбенинъ.

Ты права, что такое жизнь? Жизнь — вещь пустая;
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,
Все въ мірѣ намъ и радость и отрада,
Пройдутъ года желаній и страстей
И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что жизнь? Давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей.
Гдѣ первое — рожденье, гдѣ второе —
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть — послѣднее... а цѣлое — обманъ.

Нина.

О, нѣтъ! я жить хочу.

Арбенинъ.

Пустое!

Нина.

И умереть боюсь...

Арбенинъ.

Жизнь — вѣчность, смерть — лишь мигъ.

Нина.

Нельзя-ль отъ шутокъ мнѣ твоихъ
Избавиться. Я слушать все готова,
Но не теперь... Евгеній, я молю:
Пошли за докторомъ.— Я очень нездорова
И голова кружится.

Арбенинъ.

Не пошлю.

Нина.

О, ты меня не любишь...

Арбенинъ.

А за что же
Тебя любить?... за то-ль скажи,
Что былъ обманутъ я? Ты требуешь любви —
Насмѣшка горькая...

Нина.

О, Боже!

Арбенинъ,

Тому назадъ лѣтъ десять я вступалъ
Еще на поприще разврата.
Разъ въ ночь одну я все до капли проигралъ;
Тогда я зналъ ужъ цѣну злата,
Но цѣну жизни я не зналъ.
Я былъ въ отчаяньи, — ушелъ и яду
Купилъ — и возвратнлся вновь
Къ игорному столу. Въ груди кипѣла кровь;
Въ одной рукѣ держалъ я лимонаду
Стаканъ, въ другой четверку пикъ.
Послѣдній рубль въ карманѣ дожидался
Съ завѣтнымъ порошкомъ. Рискъ, право, былъ великъ,
Но счастье вынесло и въ часъ я отыгрался!
И этотъ порошокъ я долго сберегалъ
Среди волненій жизни шумной,
Какъ талисманъ таинственный и чудный
Хранилъ на черный день, и этотъ день насталъ.

Нина.

Что хочешь ты сказать? Не мучь меня, Евгеній!
Но ты дрожишь? Ты сталъ блѣднѣе тѣни?

Арбенинъ.

Тутъ былъ стаканъ — онъ пустъ.. кто выпилъ лимонадъ?

Нина.

Я выпила... Смѣешься?..

Арбенинъ.

Да — я радъ!

Нина.

Что-жъ было въ немъ?

Арбенинъ.

Что? Ядъ!

Нина.

Не вѣрю, невозможно, и съ такою
Холодностью смѣяться надо мною,
И въ чемъ виновна я — ни въ чемъ,
Что балы я люблю, вотъ вся бѣда въ одномъ.
Ядъ! ядъ! О, это было бы ужасно!
Нѣтъ, поскорѣй разсѣй мой страхъ...
Зачѣмъ терзать меня напрасно.
Взгляни сюда! О, смерть въ твоихъ глазахъ!

Арбенинъ *(бросая браслетъ на столъ).*

Ты измѣнила мнѣ, — вотъ обвиненье!

Нина.

Не вѣрь — не вѣрь... изъ сожалѣнья...

Арбенинъ.

Признайся!

Нина.

Не могу.

Арбенинъ.

Подумай, ты умрешь.

Нина.

Но я невинна!

Арбенинъ.

Ложь!

Нина.

Такъ нѣтъ спасенья?

Арбенинъ.

Нѣтъ спасенья!

(Нина плачетъ).

Да, горько я ошибся — возмечталъ
О счастьи — думалъ снова
Любить и вѣровать — но часъ судьбы насталъ
И все прошло, какъ бредъ больнова.
Я могъ бы воскресить погибшія мечты,
Я могъ бы, вѣруя надеждѣ,
Быть снова тѣмъ, чѣмъ былъ я прежде,
Ты не хотѣла, — ты!
Плачь, плачь — но что такое, Нина,
Что слезы женскія? — Вода!
Я-жъ плакалъ! Я, мужчина!
Отъ злобы, ревности, мученья и стыда.
Я плакалъ — да!
А ты не знаешь, что такое значитъ
Когда мужчина плачетъ!
Въ тотъ мигъ къ нему не подходи [1]):
Смерть у него въ рукахъ — и адъ въ его груди.

Нина.

О, ты ужасенъ! О помилуй! пощади.
Я все исполню, я признаюсь... поскорѣе,
Еще есть время. Говори, чего

---

[1]) Было: «О, въ этотъ мигъ» и пр.

Ты хочешь.... смерть всего страшнѣе....
Смерть, смерть—да, я люблю его....
Нѣтъ, нѣтъ—то было заблужденье,
Ребячество, обманъ, воображенья
Я не любила никого.
Позволь обнять твои колѣни,
Ты видишь я у ногъ твоихъ, Евгеній!
Скажи, скажи какой цѣной
Купить мнѣ жизнь.... цѣной мученій....
Чѣмъ хочешь буду я—твоей рабой....
Я молода, жизнь такъ прекрасна
О! ты меня спасешь—ты не злодѣй,
Я знаю, жалость есть въ душѣ твоей,
Помучишь и простишь—напрасно, все напрасно....
Мнѣ кажется, я чувствую въ груди
Огонь, огонь—о сжалься, пощади!...

(Бросается къ дверямъ).

Сюда, сюда.... на помощь!... умираю!...
Ядъ, ядъ! не слышатъ... понимаю!
Ты остороженъ и ко мнѣ нейдутъ,
Но помни, я тебя жестокій проклинаю
И ты придешь на вѣчный судъ [1])!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

АРБЕНИНЪ, НИНА И ОЛИНЬКА.

Олинька.

Я здѣсь! Что съ вами?

Нина.

Ахъ, скорѣе, ради Бога!
Покуда время есть! Я жить хочу, жить, жить!
Ужели и тебя мнѣ надо такъ молить.

Олинька.

О, что вы сдѣлали?...

Арбенинъ *(помолчавъ).*

Перепугалъ немного!
Хотѣлъ знать правду и узналъ....
Опомнитесь, и встаньте, я солгалъ
Я не ношу съ собою яда....
Въ васъ сердце низкаго разряда,
И ваша казнь не смерть, а стыдъ.
Что вы дрожите, будьте вновь спокойны,

---

[1]) Было: «Но помни: есть небесный судъ,
И я тебя, жестокій, проклинаю!».

Вамъ долго жить на свѣтѣ суждено,
И счастье вамъ еще возможно—но
Ни чьей любви, ни чьей вы мести недостойны.
Да, нынѣ чувствую—я старъ,
Измученъ долгою борьбою.
Послѣдній на меня упалъ судьбы ударъ,
И я поникъ покорной головою.
Желаній нѣтъ, надежды нѣтъ,
Я выброшенъ изъ круга жизни шумной,
Съ несносной памятью невозвратимыхъ лѣтъ,
Страдалецъ мрачный и безумный.
(Садится. Входитъ князь съ пистолетами).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

АРБЕНИНЪ, НИНА, ОЛИНЬКА, КНЯЗЬ И КАЗАРИНЪ.

Князь.

Что это значитъ, смѣю васъ спросить?
Дуэль въ кругу семейства—очень ново!
Тѣмъ лучше, случая такого
Мнѣ, вѣрно, болѣ не нажить.

Казаринъ.

По чести, странный выборъ секундантовъ.
Гдѣ о дуэлѣ рѣчь, тамъ я въ числѣ педантовъ.

Князь.

Мнѣ все равно, безъ дальнихъ словъ,
Вотъ пистолеты,—я готовъ....

Арбенинъ *(встаетъ).*

День, часъ тому назадъ, хотѣлъ я крови, мести,
Защитникъ правъ своихъ и чести,
Съ надеждой трепетной въ груди,
Я думалъ отразить позоръ и обвиненье,
И я ошибся. Съ глазъ слетѣло заблужденье
Вы правы—торжествуйте! Впереди
Васъ ждутъ побѣды славныя, какъ эта,
Отчаянье мужей, рукоплесканье свѣта...
И мало-ль женщинъ есть, во всемъ подобныхъ ей —
Онѣ того, кто посмѣлѣй!!!
Смотрите, какъ блѣдна, почти безъ чувства.
А отчего, не отгадаешь вдругъ,
Что это? стыдъ, раскаянье, искусство?
Ничуть! испугъ, одинъ испугъ!
Ни вы, ни я, мы не имѣли власти

Въ ней поселить хоть искру страсти.
Ея душа безсильна и черства,
Мольбой не тронется, боится лишь угрозы.
Въ замѣнъ любви у ней—слова.
Въ замѣнъ печали—слезы.
За что-жъ мы будемъ драться? Пусть—убьетъ
Одинъ изъ насъ другаго; такъ что-жъ далѣ?
Мы-жъ въ дуракахъ. На первомъ балѣ,
Она любовника, иль мужа вновь найдетъ.
Теперь стрѣляться вы хотите?
Вотъ грудь моя обнажена,
Возьмите жизнь мою,—возьмите,
Она ни мнѣ, ни міру не нужна.

Казаринъ.

Стрѣляйте же скорѣй, скорѣй.

Арбенинъ.

Молчите?
Задумались?... и такъ, оставьте насъ!
Мы квиты...

(*Князь уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Казаринъ.

Обманулъ! еще разъ увернулся!
Скорѣй и мнѣ убраться съ глазъ,
Покуда не очнулся. (*Уходитъ*).

Арбенинъ.

Куда бѣжишь постой, постой,
Разсчетъ у насъ не кончился съ тобой.

(*Послѣ долгаго молчанья*).

Я ѣду, Олинька! прощай!
Будь счастлива—прекрасное созданье,
Душѣ твоей удѣлъ—небесный рай —
Душъ благородныхъ возданье.
Какъ утѣшенье, образъ твой
Я унесу въ изгнаніе съ собой.
Пускай прошедшее тебя не возмущаетъ.
Я будущность твою устрою: ни нужда,
Ни бѣдность вновь тебѣ не угрожаетъ.

Олинька.

Вы возвратитесь?...

Арбенинъ.

Никогда!

КОНЕЦЪ.

II.

Наброски стихотворенiй и письмо Лермонтова.

Напечатанная выше новая редакцiя „Маскарада“ найдена нами въ подлинныхъ рукописяхъ Лермонтова, пожертвованныхъ года 2—3 тому назадъ Чертковской библiотекѣ г-жею В. Д. Арнольди (рожденной Свербѣевой). Личное наше мнѣнiе, раздѣляемое редакцiей „Русской Старины“, склоняется къ тому, что это не первоначальный, необработанный текстъ, а напротивъ, переработка той редакцiи, которая до сихъ поръ была извѣстна въ печати.

Кромѣ внутренняго, на нашъ взглядъ, превосходства новой редакцiи надъ прежнею, вотъ тѣ, такъ сказать, внѣшнiе признаки, на основанiи которыхъ мы позволяемъ себѣ считать новую редакцiю за позднѣйшую: 1) Рукопись „Маскарада“ находится въ числѣ другихъ несомнѣнно и исключительно относящихся только къ 1837—1841 гг., и преимущественно къ послѣднему. 2) Она переписана писарскою рукою и исправлена Лермонтовымъ, между тѣмъ, какъ всѣ произведенiя свои до выхода изъ школы Лермонтовъ всегда переписывалъ самъ. 3) Въ печати „Маскарадъ“ появился годъ спустя послѣ смерти Лермонтова и напечатанъ не съ подлинной рукописи, а по списку 1834 г. Тамъ, въ 1-мъ дѣйствiи, въ 1-й сценѣ, въ разговорѣ Арбенина съ Казаринымъ помѣщено 12 стиховъ, отмѣченныхъ нами выше, на 8-й страницѣ, которые во вновь открытой рукописи также были написаны, но потомъ зачеркнуты и замѣнены текстомъ, не бывшимъ въ первомъ печатномъ изданiи „Маскарада“. Отсюда, кажется, можно заключить, что новая рукопись писана позднѣе прежней. 4) Относительно времени, къ какому относится издаваемый нынѣ списокъ „Маскарада“, не можетъ-ли служить указанiе Андрея Ник. Муравьева въ его „Воспоминанiяхъ о знакомствѣ съ русскими писателями“ (брошюра, изд. въ Кiевѣ, 1872 г.), а именно: по свидѣтельству Муравьева Лермонтовъ незадолго до высылки его изъ Петербурга за стихи на смерть Пушкина (1837 г.) хлопоталъ о постановкѣ „Маскарада“ на сцену. Не передѣлалъ-ли онъ тогда эту пьесу въ видахъ удовлетворенiя требованiй сцены? Извѣстно, что театральная цензура не разрѣшила тогда постановку „Маскарада“.

Кромѣ „Маскарада“, въ числѣ упомянутыхъ рукописей Чертковской библiотеки, встрѣчается нѣсколько ненапечатанныхъ отрывковъ и набросковъ Лермонтова. Пользуемся случаемъ подѣлиться съ читателями тѣми немногими стихами, которые намъ удалось разобрать:

Послѣ стихотворенiя: „Не смѣйся надъ моей мучительной тоскою“

(см. сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 133), относящемуся къ 1841 г. сохранился конецъ какого-то неизвѣстнаго стихотворенія:

. . . .
Великій мужъ! Здѣсь нѣтъ награды
Достойной доблести твоей!
Ее на небѣ сыщутъ взгляды
И не найдутъ среди людей.

Но безпристрастное преданье
Твой славный подвигъ сохранитъ
И, услыхавъ твое, названье
Твой сынъ душою закипитъ.

. . . .
Свершитъ блистательную тризну
Потомокъ поздній надъ тобой;
И съ непритворною слезой
Промолвитъ: «онъ любилъ отчизну!»

Послѣ стихотвореній: „Она поетъ" (т. II, стр. 156) и „Кинжалъ" (т. I, стр. 124) написано карандашомъ цѣлое шуточное стихотвореніе: „Росписку просишь ты, гусаръ", въ 25 стиховъ, которое, судя по одному стиху: „И легче мнѣ судьбы ударъ", можетъ относиться къ 1837 г., когда постигъ поэта первый „судьбы ударъ" за его стихотвореніе: „На смерть Пушкина", или-же къ 1840 г., когда обрушился на него „второй ударъ" за дуэль съ Барантомъ. Двѣ первыя строфы совсѣмъ неудобны для печати, почему приводимъ только заключительную, имѣющую, впрочемъ, ошибку, по которому вмѣсто Моисея является Ааронъ:

Такъ нѣкогда въ степи безводной
Премудрый пастырь Ааронъ
Услышалъ плачъ и вопль народной,
И жезлъ священный поднялъ онъ;
И на челѣ его угрюмомъ
Надежды лучъ блеснулъ живой,
И тронулъ камень онъ нѣмой,
И брызнулъ ключъ съ привѣтнымъ шумомъ
Новорожденною струей.

Къ той же эпохѣ, вѣроятно, слѣдуетъ отнести эпиграмму по поводу представленія драмы Н. Кукольника: „Скопинъ-Шуйскій". Эпиграмма эта набросана на оборотѣ листка, первая страница котораго занята стихотвореніями: „Я, матерь Божія" (т. I, стран. 64), „Разстались мы" (т. I, стр. 66) и „Ангелъ" (т. I, стр. 1).

Въ Большомъ театрѣ я сидѣлъ.
Давали Скопина. Я слушалъ и смотрѣлъ.
Когда же занавѣсъ при плескахъ опустился,
Тогда сказалъ знакомый мнѣ одинъ:
Что, братецъ, жаль! вотъ умеръ и Скопинъ!
Ну, право, лучше-бъ не родился.

Кстати приводимъ одну записку Лермонтова, заключающую маленькую черту для будущей его біографіи. В. Н. Поливановъ доставилъ ред. „Русской Старины" письмо В. Шеншина къ Николаю Ивановичу Поливанову изъ Москвы отъ 7-го іюня 1831 года. На этомъ письмѣ находится приписка рукою Лермонтова, которую приводимъ здѣсь буквально съ значками и звѣздочкою, какъ въ подлинникѣ:

„Любезной другъ, здравствуй! протяни руку и думай, что она встрѣчаетъ мою; я теперь сумасшедшій совсѣмъ. Насъ судьба разноситъ въ разныя стороны, какъ ветеръ листы осени. Завтра свадьба твоей кузины Лужиной, на которой меня не будетъ (*?!); впротчемъ, мнѣ теперь не до подробностей. Чортъ возьми всѣ свадебные пиры. Нѣтъ, другъ мой! мы съ тобой не для свѣта созданы. Я не могу тебѣ много писать: боленъ, разстроенъ, глаза каждую минуту мокры.—Source intarissable. Много со мной было. Прощай; напиши что-нибудь веселѣе. Что ты дѣлаешь? Прощай, другъ мой. М. Лермантовъ".

Самое письмо В. Шеншина не представляетъ интереса и ничего не упоминаетъ о свадьбѣ, а о Лермонтовѣ въ немъ говорится: „мнѣ здѣсь очень душно и только одинъ Лермонтовъ, съ которымъ я уже пять дней не видался (онъ былъ въ вашемъ сосѣдствѣ, у Ивановыхъ), меня утѣшаетъ своею бесѣдою", и потомъ, при совѣтѣ бросить меланхолію, прибавлено: „слѣдуй Шпигельбергу, а не Лермонтову, котораго ты безжалостно изувѣчилъ, подражая ему на французскомъ языкѣ". Подпись письма довольно характеристична: „твой другъ, хотя тебя и увѣряетъ твой папенька, что мы пострѣлы, негодяи, но пожалуста не вѣрь, впрочемъ самъ знаешь,—дѣйствуй по сердцу. В. Шеншинъ".

Въ заключеніе мы приводимъ одно изъ воспоминаній о Лермонтовѣ, хотя и малосодержательное, но интересное въ томъ отношеніи, что оно передаетъ первоначальные слухи о послѣдней дуэли поэта. Мы надѣемся, что оно вызоветъ отъ кого слѣдуетъ или опроверженіе, или поправку. Въ послѣднее время „друзья" Лермонтова, мужескаго и женскаго пола, дали о немъ нѣсколько воспоминаній

такого рода, которыя еще болѣе затемнили и безъ того загадочную личность поэта. Читая ихъ, какъ-то невольно прилагаешь къ нему его же стихи:

Или на «немъ» тяготитъ преступленіе,
Или друзей клевета ядовитая....

Особенно темнымъ мѣстомъ въ біографіи его является причина предсмертной дуэли. Самъ г. Мартыновъ, какъ извѣстно, отказался сообщить о ней какія-нибудь свѣдѣнія въ печати. (См. приложенія къ „Запискамъ Хвостовой", изданіе редакціи „Русской Старины", Спб., 1871 г., стр. 257), а кн. А. И. Васильчиковъ, близко знающій обстоятельства этого событія и давшій въ „Рус. Архивѣ" (1872 г., тетрадь 1-я) статейку въ защиту г. Мартынова, до того наполнилъ ее недомолвками и умолчаніями, что прежнія недоумѣнія не только не разрѣшились, но еще болѣе запутались. Намъ кажется, что г. Мартынову не слѣдовало бы отказываться отъ печатнаго изложенія этого несчастнаго событія или откладывать это до „посмертныхъ записокъ", въ его же собственномъ интересѣ. То, что явится отъ его имени при жизни очевидцевъ дуэли и не будетъ ими опровергнуто, должно будетъ считаться несомнѣннымъ, тогда какъ въ „посмертныхъ запискахъ" оно останется или безъ возраженія, или уже некому будетъ отвѣтить на сдѣланное замѣчаніе и явится широкое поле для произвольныхъ толкованій. Для примѣра укажу на одинъ фактъ. Принято почти всѣми біографіями, будто г. Мартыновъ выстрѣлилъ не цѣлясь и убилъ Лермонтова на повалъ, а мнѣ передавали за достовѣрный фактъ люди близкіе къ этой дуэли, будто г. Мартыновъ такъ долго цѣлился въ Лермонтова, подошедшаго къ барьеру, что секунданты закричали ему: „стрѣляйте же, или мы васъ разведемъ!" Въ послѣднемъ случаѣ уже вовсе устраняется ненамѣренность смертельной раны. Кто же разъяснитъ это?

П. А. Ефремовъ.

III.

Воспоминаніе о Лермонтовѣ.

. . . .

Когда я былъ ужъ на третьемъ курсѣ этико-политическаго факультета въ Московскомъ университетѣ, въ 1831-мъ году, поступилъ въ университетъ по тому же факультету студентъ Лермонтовъ, неуклюжій, сутуловатый, маленькій, лѣтъ шестнадцати юноша, брюнетъ, съ лицомъ оливковаго цвѣта и большими черными глазами, какъ бы исподлобья смотрѣвшими. Вообще студенты послѣдняго курса не очень-то сходились съ первокурсни-

ками, а потому и я былъ мало знакомъ съ Лермонтовымъ, хотя онъ почти всегда на лекціяхъ садился возлѣ меня. Тогда никто и не подозрѣвалъ въ немъ никакого поэтическаго таланта.

Прошло десять лѣтъ. На Кавказѣ, въ 1841 году, находился я въ Ставрополѣ, въ штабѣ командовавшаго войсками генерала Граббе, гдѣ я, въ должности старшаго адъютанта, завѣдывалъ первымъ, т. е. строевымъ отдѣленіемъ штаба. Однажды входитъ ко мнѣ въ канцелярію офицеръ въ полной формѣ и рекомендуется мнѣ поручикомъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовымъ. Въ то время мнѣ уже были извѣстны его поэтическія произведенія, возбуждавшія такой восторгъ, и поэтому я съ особеннымъ волненіемъ сталъ смотрѣть на него, и попросивъ его садиться, спросилъ,—не учился-ли онъ въ Московскомъ университетѣ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, я сказалъ ему мою фамилію, и онъ припомнилъ наше университетское съ нимъ знакомство. Послѣ этого онъ объяснилъ мнѣ свою надобность, приведшую его въ канцелярію штаба. Ему хотѣлось узнать, что сдѣлано по запросу о немъ военнаго министра. Я какъ-то и не помнилъ этой бумаги, велѣлъ писарю отыскать ее, и когда писарь принесъ мнѣ бумагу, то я прочелъ ее Лермонтову. Въ бумагѣ этой къ командовавшему войсками военный министръ писалъ, что государь императоръ, вслѣдствіе ходатайства бабки поручика Тенгинскаго полка Лермонтова такой-то (не помню фамилии[1]) объ отпускѣ его въ С.-Петербургъ для свиданія съ нею, приказалъ узнать о службѣ, поведеніи и образѣ жизни этого офицера.

— Что же вы будете отвѣчать на это? спросилъ меня Лермонтовъ.

По обыкновенію, въ штабѣ по нѣкоторымъ бумагамъ, не требовавшимъ какой-либо особенной отписки, писаря сами составляли черновые отпуски, и вотъ въ эту-то категорію бумагъ попалъ какъ-то случайно и запросъ министра о Лермонтовѣ; исправный писарь уже начернилъ и отпускъ.

— А вотъ вамъ и отвѣтъ, сказалъ я, засмѣявшись, Лермонтову,—и началъ читать ему этотъ составленный писаремъ отпускъ, въ которомъ было сказано, что такой-то поручикъ Лер-

[1]) Елисавета Алексѣевна Арсеньева, рожденная Столыпина. П. Е.

монтовъ служитъ исправно, ведетъ жизнь трезвую и добропорядочную и ни въ какихъ злокачественныхъ поступкахъ не замѣченъ.

Лермонтовъ сильно хохоталъ надъ такой его аттестаціей, увѣрялъ, что ничего не можетъ быть для него лестнѣе, что здѣсь заключается все, что только необходимо знать о немъ государю, и просилъ меня не измѣнять выраженій аттестаціи, и этими же самыми словами отвѣчать министру, чего, разумѣется, нельзя было такъ оставить.

Послѣ этого свиданія моего съ Лермонтовымъ тотчасъ же былъ посланъ министру самый лестный о немъ отзывъ, вслѣдствіе котораго былъ разрѣшенъ ему двадцативосьмидневный отпускъ въ Петербургъ. Это было зимой въ началѣ 1841-го, роковаго для Лермонтова, года. Въ маѣ мѣсяцѣ, по случаю болѣзни, я отправился въ Пятигорскъ для пользованія минеральными водами, куда вскорѣ пріѣхалъ Лермонтовъ, возвратившійся изъ Петербурга.

Въ Пятигорскѣ знакомство мое съ Лермонтовымъ ограничивалось только нѣсколькими словами при встрѣчахъ, сойтися ближе мы не могли. Во-первыхъ, онъ былъ вовсе не симпатичная личность, и скорѣе отталкивающая, нежели привлекавшая къ себѣ; а главное, въ то время, даже на Кавказѣ, былъ особенный извѣстный родъ изящныхъ молодыхъ людей,—людей великосвѣтскихъ, считавшихъ себя выше другихъ по своимъ аристократическимъ манерамъ и свѣтскому образованію, постоянно говорившихъ по-французски, развязныхъ въ обществѣ, ловкихъ и смѣлыхъ съ женщинами, и высокомѣрно презиравшихъ весь остальной людъ; всѣ эти барчата съ высоты своего величія гордо смотрѣли на нашего брата армейскаго офицера, и сходились съ нами развѣ только въ экспедиціяхъ, гдѣ мы, въ свою очередь, съ сожалѣніемъ на нихъ смотрѣли и издѣвались надъ ихъ аристократизмомъ. Къ этой категоріи принадлежала бо́льшая часть гвардейскихъ офицеровъ, ежегодно тогда посылаемыхъ на Кавказъ; къ этой же категоріи принадлежалъ и Лермонтовъ, который, сверхъ того, и по характеру своему не любилъ дружиться съ людьми: онъ всегда былъ высокомѣренъ, ѣдокъ, и едва-ли во всю жизнь имѣлъ хотя одного друга.

Выдержавъ курсъ леченія минеральными водами, въ іюлѣ

мѣсяцѣ 1841 года, уѣхалъ я изъ Пятигорска. Имѣя отпускъ, я прямо поѣхалъ домой въ Малороссію, гдѣ скоро по пріѣздѣ получилъ отъ одного моего пріятеля письмо изъ Ставрополя, съ извѣстіемъ о гибельной для Лермонтова дуэли его съ Мартыновымъ.

Считаю не лишнимъ разсказать здѣсь все, что я только зналъ и слышалъ въ Пятигорскѣ и потомъ узналъ изъ писемъ ко мнѣ моихъ кавказскихъ товарищей объ отношеніяхъ Лермонтова къ Мартынову и объ ихъ дуэли—свѣдѣнія, за вѣрность которыхъ я хотя и не могу ручаться, но какъ онѣ разсказывались и до, и вскорѣ послѣ самаго этого происшествія, то я думаю, что въ нихъ есть хотя часть правды, и что они хотя сколько-нибудь могутъ послужить къ разъясненію причины этой дуэли,—причины, до сихъ поръ никѣмъ не разъясненной.

Мартыновыхъ было два брата, оба гвардейскіе офицеры. Старшій изъ нихъ прибылъ на Кавказъ въ 1839-мъ году, былъ прикомандированъ къ нашему Куринскому полку, участвовалъ въ экспедиціи этого года подъ Ахульго, гдѣ былъ слегка раненъ пулей въ бровь, и получивъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ, уѣхалъ въ Ставрополь, куда въ 1840-мъ году прибылъ его меньшой братъ. Въ это время я служилъ въ Ставрополѣ, въ штабѣ командовавшаго войсками, и квартировалъ вмѣстѣ съ адъютантами генерала Граббе: Альбини, моимъ университетскимъ товарищемъ, и Викторовымъ, хорошо игравшимъ на фортепьяно. Къ намъ на квартиру почти каждый день приходилъ меньшой Мартыновъ. Это былъ очень красивый молодой гвардейскій офицеръ, высокаго роста, блондинъ, съ вздернутымъ немного носомъ. Онъ былъ всегда очень любезенъ, веселъ, порядочно пѣлъ подъ фортепьяно романсы, и полонъ надеждъ на свою будущность: онъ все мечталъ о чинахъ, орденахъ и думалъ не иначе, какъ дослужиться на Кавказѣ до генеральскаго чина. Послѣ онъ уѣхалъ въ Гребенской казачій полкъ, куда былъ прикомандированъ, и въ 1841 году я увидѣлъ его въ Пятигорскѣ. Но въ какомъ положеніи! Вмѣсто генеральскаго чина, онъ былъ уже въ отставкѣ всего маіоромъ, не имѣлъ никакого ордена, и изъ веселаго и свѣтскаго изящнаго молодаго человѣка сдѣлался какимъ-то дикаремъ: отростилъ огромные бакенбарды, въ простомъ черкесскомъ костюмѣ, съ огромнымъ кинжаломъ, нахлобу-

ченной бѣлой папахой, вѣчно мрачный и молчаливый! Какая была причина такой скорой съ нимъ перемѣны—осталось мнѣ неизвѣстнымъ; знакомство мое съ нимъ въ это время было, какъ говорится, шапочное, и хотя въ послѣдствіи, уже на желѣзныхъ водахъ, гдѣ насъ было всего два паціента, я съ нимъ и сошелся нѣсколько ближе, но все же не настолько, чтобы имѣть право на его откровенность. Мнѣ кажется, причиной такого страннаго образа дѣйствій Мартынова было желаніе играть роль Печорина, героя тогдашняго времени, котораго Мартыновъ, къ несчастію, и дѣйствительно вполнѣ олицетворилъ собою.

Когда Лермонтовъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ знакомъ съ родителями Мартынова, то ему будто бы очень понравилась сестра Мартынова, и онъ хотѣлъ было на ней жениться, о чемъ будто бы и объяснился съ отцомъ дѣвицы. Но отецъ, будучи не особенно хорошаго мнѣнія о Лермонтовѣ, далъ ему уклончивый отвѣтъ. Когда Лермонтовъ, передъ отъѣздомъ своимъ на Кавказъ, пришелъ проститься съ семействомъ Мартынова, то отецъ просилъ его доставить письмо отъ него къ своему сыну въ Пятигорскъ, со вложеніемъ пятисотъ рублей ассигнаціями денегъ. Лермонтовъ взялъ письмо, и, предполагая, что вѣроятно въ немъ отецъ пишетъ къ сыну что-нибудь о его предложеніи и желая знать его о себѣ мнѣніе, дорогою будто бы распечаталъ письмо, въ которомъ и прочелъ самый неблагопріятный о себѣ отзывъ старика Мартынова. Письмо это Лермонтовъ уничтожилъ, а по пріѣздѣ въ Пятигорскъ, сказалъ Мартынову, что у него было къ нему отъ его отца письмо съ деньгами, но что онъ его потерялъ, деньги же отдалъ Мартынову. Вотъ это-то обстоятельство, будто бы, было причиной тайнаго неудовольствія Лермонтова къ Мартынову, хотя по наружности онъ оставался его пріятелемъ.

Въ Пятигорскѣ жило въ то время семейство генерала Верзилина, находившагося на службѣ въ Варшавѣ при князѣ Паскевичѣ, состоявшее изъ матери и трехъ взрослыхъ дочерей—дѣвицъ. Это былъ единственный домъ въ Пятигорскѣ, въ которомъ почти ежедневно собиралась вся изящная молодежь пятигорскихъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ были Лермонтовъ и Мартыновъ. Въ особенности привлекала въ этотъ домъ старшая Верзилина—Эмилія, дѣвица уже не совсѣмъ молодая, которая еще во время посѣщенія Пятигорска Пушкинымъ прославлена

была имъ какъ «звѣзда Кавказа», дѣвушка очень умная, образованная, свѣтская, до невѣроятности обворожительная, и превосходная музыкантша на фортепьяно, отчего въ домѣ ихъ, кромѣ фешенебельной молодежи, собирались и музыканты.... Она была лихая наѣздница, часто составляла кавалькады, на которыхъ была одѣта всегда въ какомъ-нибудь фантастическомъ костюмѣ.

Однажды пришелъ къ Верзилинымъ Лермонтовъ въ то время, когда Эмилія, окруженная толпою молодыхъ наѣздниковъ, собиралась ѣхать верхомъ загородъ. Она была опоясана черкесскимъ хорошенькимъ кушачкомъ, на которомъ висѣлъ маленькій, самой изящной работы, черкесскій кинжальчикъ. Вынувъ его изъ ножонъ и показывая Лермонтову, она спросила его:

— Неправда-ли, хорошенькій кинжальчикъ?

— Да, очень хорошъ, отвѣчалъ онъ, имъ особенно ловко колоть дѣтей! — намекая этимъ на одинъ совершенно нелѣпый слухъ; этотъ случай характеризуетъ всегдашнюю язвительность и злость Лермонтова, который, какъ говорится, для краснаго словца не жалѣлъ ни матери, ни отца.

Такъ, говорили, поступалъ онъ и съ Мартыновымъ, при всякомъ удобномъ случаѣ отпуская ему въ публикѣ самыя ѣдкія колкости. Мартыновъ будто бы неоднократно просилъ его не говорить такихъ колкостей въ обществѣ, а особливо при дамахъ, на которыя ему, «какъ другу его», хотя не слѣдуетъ сердиться, но и сносить же ихъ можетъ быть для него иногда предосудительно, наконецъ что подобныя пререканія между ними могутъ довести ихъ до самыхъ непріятныхъ послѣдствій. Лермонтовъ однако не унимался, и даже, какъ бы нарочно, старался раздражать Мартынова. Наконецъ, когда однажды въ домѣ Верзилиныхъ — Лермонтовъ, подсмѣиваясь при дамахъ надъ костюмомъ Мартынова и его кинжаломъ, саркастически назвалъ его какъ бы даннымъ ему прозвищемъ: Г-нъ большой кинжалъ (M-ieur le grand poignard), то Мартыновъ, не выдержавъ болѣе, будто бы тамъ же отвѣтилъ ему при всѣхъ: послѣ этого я вижу, что ты большой дуракъ!... и это будто бы послужило поводомъ къ ихъ роковой дуэли.

Насколько всѣ подробности, мною приведенныя, справедливы—утверждать не берусь, но считаю ихъ не безъинтересными, какъ обрисовывающія характеръ Лермонтова и показывающія не-

симпатію къ его личности того общества, которое такъ восхищалось его поэзіей. О Лермонтовѣ у насъ вообще еще мало написано, а объ этой послѣдней его эпохѣ жизни — менѣе всего. Весьма желательно, чтобы самъ Мартыновъ, если онъ живъ еще, прервалъ свое молчаніе и сообщилъ публикѣ вѣрныя свѣдѣнія, необходимыя для біографіи нашего великаго поэта.

Я. И. Костенецкій.

IV.

Портреты Лермонтова.

Почти 22 года со смерти Лермонтова въ публикѣ обращался только одинъ его портретъ: въ армейскомъ сюртукѣ, съ шашкою. Оригиналъ этого портрета былъ рисованъ красками въ 1841 г. художникомъ К. А. Горбуновымъ, и, по словамъ его, остался неоконченнымъ за отъѣздомъ Лермонтова на Кавказъ. Когда же оттуда пришла внезапная вѣсть о кончинѣ поэта, то А. А. Краевскій обратился къ художнику за портретомъ, который и былъ докончeнъ и переданъ ему.

Съ этого оригинала появились многочисленныя литографіи и политипажи, а наконецъ и гравюра Ѳ. Іордана (1859), прилагавшіеся къ изданіямъ сочиненій Лермонтова съ 1856 г. по 1863 г., и кромѣ того, помѣщенные въ „Альбомѣ русскихъ писателей“ Н. Н. Полеваго (М., 1860), въ „Иллюстраціи“ (1861, № 153), въ „Литературномъ подаркѣ дѣтямъ“ (М., 1862), въ „Портретной галлереѣ“ Мюнстера (Спб., 1869), и при дешевомъ изданіи: „Пѣсня про царя Ивана Васильевича“ (Спб., 1866).

Слыша много разъ отъ лицъ, знавшихъ Лермонтова, что портретъ этотъ очень неудовлетворителенъ, что выраженіе лица поэта осталось въ немъ совершенно непереданнымъ, я ужъ давно занимался розыскиваніемъ другаго оригинала, но долго не находилъ слѣдовъ и даже не могъ свѣрить: насколько литографіи и гравюра отступили отъ подлинника К. А. Горбунова; г. Краевскій обѣщалъ мнѣ этотъ подлинникъ и не дальше какъ зимой 1875 года пересматривалъ свое собраніе портретовъ, но Лермонтовскаго не нашелъ, да и не могъ найти, потому что портретъ этотъ, къ сожалѣнію, уже не существуетъ. Случайно, нынѣшней весной, я узналъ отъ лица, взявшаго портретъ у г. Краевскаго для копировки, что, повѣшенный на сырую стѣну, онъ совсѣмъ уничтожился отъ сырости.

Только въ 1862 году, въ № 7 „Русскаго Художественнаго Листка“ г. Тимма, появился второй портретъ Лермонтова съ оригинала, принадлежащаго княгинѣ С. И. Ухтомской, сдѣланнаго художникомъ Р. Шведе на другой день послѣ кончины поэта. Желая приложить

хотя это изображеніе, взамѣнъ прежняго, къ приготовлявшемуся тогда второму, подъ фирмою С. Дудышкина, собранію сочиненій Лермонтова, я обратился къ г. Тимму. За полученіемъ оригинала онъ направилъ меня къ А. И. Арнольди, у котораго однако-жъ я уже не нашелъ портрета, возвращеннаго имъ владѣлицѣ.

Продолжая видаться съ г. Тиммомъ, я узналъ отъ него, что долженъ существовать еще портретъ Лермонтова, рисованный съ натуры акварелью художникомъ Клиндеромъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Послѣ долгихъ розысковъ мнѣ, наконецъ, удалось найти г. Клиндера въ одной изъ петербургскихъ фотографій. Художникъ припомнилъ, что въ 1838 или 1839 г. онъ рисовалъ нѣсколько экземпляровъ портретовъ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ для взаимнаго обмѣна между сослуживцами, между прочими: для М. Ю. Лермонтова, М. Хомутова, А. Л. Потапова, кн. Абамелика и кн. В. А. Меншикова. Оставалось достать одинъ изъ этихъ оригиналовъ. Наказной атаманъ, генералъ Хомутовъ, жилъ далеко; князя Абамелика не было въ Петербургѣ; кн. Меншиковъ былъ за границею, но оказалось возможнымъ обратиться къ А. Л. Потапову, что и было сдѣлано мною чрезъ посредство одного изъ моихъ знакомыхъ. Александръ Львовичъ отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ просьбѣ и выписалъ портретъ Лермонтова изъ своего имѣнія; но вмѣсто Лермонтовскаго, оттуда, по ошибкѣ управляющаго, выслали портретъ другаго лица, который при перевозкѣ до того испортился, что грѣшно было бы просить владѣльца подвергнуть такой же участи и портретъ Лермонтова. Въ это время возвратился изъ-за границы кн. В. А. Меншиковъ, который не отказалъ А. И. Глазунову въ дозволеніи снять фотографію съ портрета Лермонтова, находившагося въ его подмосковномъ имѣніи. Для бо̀льшей точности сняты были тогда двѣ фотографическія копіи: одна въ величину оригинальнаго рисунка, а другая— въ уменьшенномъ видѣ, въ форматѣ изданія сочиненій Лермонтова, и посланы къ Брокгаузу, въ Лейпцигъ. Сдѣланная имъ съ этихъ снимковъ гравюра была приложена къ изданію 1863 г., при которомъ осталась и гравюра Ѳ. Іордана, съ прежняго оригинала, такъ какъ розыскать новый удалось только уже по отпечатаніи стараго портрета. Новая гравюра была повторена при послѣднемъ изданіи соч. Лермонтова, 1873 г., а политипажи съ нея помѣщены въ обоихъ изданіяхъ „Очерковъ исторіи русской литературы“ П. Н. Полеваго (Спб., 1872 и 1874 г.) и во 2-мъ томѣ „Русской Библіотеки“ М. М. Стасюлевича (Спб., 1874 г.).

Въ началѣ 1865 г. до меня дошла копія съ четвертаго оригинальнаго портрета. Г. Муренко прислалъ изъ Саратова И. И. Глазунову фотографическій снимокъ, сдѣланный имъ съ портрета Лермонтова въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, съ наброшенной на плечо ши-

нелью и съ треугольною шляпою въ рукѣ. Оригиналъ былъ рисованъ художникомъ Захаровымъ, масляными красками, для г. Столыпина вскорѣ по выходѣ Лермонтова изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (т. е. около 1836—1837 гг.). Такъ какъ новаго изданія сочиненій Лермонтова вскорѣ не предвидѣлось, а отдѣльно изданные портреты у насъ вовсе не расходятся, то г. Глазуновъ согласился издать въ большомъ форматѣ, съ рисунками г. Шарлеманя, „Пѣсню про царя Ивана Васильевича", и приложить къ ней новый портретъ Лермонтова, который и былъ награвированъ у Брокгауза. Замѣчу, что покойный Лонгиновъ считалъ этотъ портретъ самымъ схожимъ, тогда какъ товарищъ Лермонтова по школѣ, г. Меринскій, находилъ его прикрашеннымъ, а сдѣланный съ оригинала кн. Меншикова считалъ весьма похожимъ.

Въ половинѣ 1873 г. отыскался еще одинъ, пятый, оригиналъ портрета. Подлинникъ этотъ, въ числѣ 34-хъ портретовъ офицеровъ лейбъ-гусарскаго полка 1838—1849 гг., принадлежалъ товарищу Лермонтова по полку В. Д. Бакаеву († 1871); послѣ его смерти перешелъ къ Николаю Петровичу Васильеву, а имъ, вмѣстѣ со всею коллекціею, переданъ въ редакцію „Русской Старины" (см. „Р. С." 1873 г., томъ VIII, стр. 811—812). Изъ подписи подъ портретомъ видно, что его рисовалъ (акварелью) тоже Клиндеръ въ сентябрѣ 1839 г., между тѣмъ этотъ портретъ, схожій съ оригиналомъ кн. Меншикова по одеждѣ Лермонтова, существенно отличается въ рисовкѣ лица и обороту. Намъ не удалось на этотъ разъ розыскать г. Клиндера (по справкѣ въ адресномъ столѣ его, не оказалось въ Петербургѣ), чтобъ разъяснить вопросъ объ этой разницѣ.

Съ послѣдняго оригинала прилагается теперь копія, хромолитографированная, по заказу редакціи „Русской Старины", въ Парижѣ, въ мастерской Лемерсье, художника пользующагося вполнѣ заслуженною извѣстностью.

Сообщ. **П. А. Ефремовъ.**

Примѣчаніе. Упомянутая выше коллекція портретовъ лейбъ-гусаровъ состоитъ изъ 34-хъ портретовъ, почти одинаковаго формата (въ 4-ю долю большаго листа); рисованы акварелью нѣкоторые (какъ отозвался о нихъ профессоръ В. И. Якобій) весьма искусно, но ни одинъ изъ нихъ не подписанъ. А. Л. Потаповъ—одинъ изъ товарищей Лермонтова по полку, — которому мы показали эту коллекцію, весьма обязательно объяснилъ, кого изображаетъ тотъ или другой портретъ этого собранія. Вотъ списокъ этихъ лейбъ-гусаровъ: кн. С. Д. Абамеликъ-Лазаревъ,— гр. Ѳ. Д. Алопеусъ,— В. Д. Бакаевъ,— И. А. Баратынскій,—Н. И. Бухаровъ,—кн. Э. А. Бѣлосельскій-Бѣло-

зерскій,—кн. Витгенштейнъ (два портрета),—баронъ Э. Ѳ. Герсдорфъ,—П. П. Годейнъ,—И. Н. Гончаровъ,—кн. Р. А. Долгоруковъ,—И. И. Ершовъ,—Д. Д. Засѣцкій,—гр. І. К. Ламбертъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Ломоносовъ,—кн. В. А. Меншиковъ,—А. Ѳ. Мосоловъ,—В. П. Никитинъ,—П. И. Паншинъ,—М. В. Пашковъ,—Пономаревъ,—А. Г. Реми,—баронъ Д. Г. Розенъ,—П. Д. Саломирскій,—А. А. Столыпинъ—А. Г. Столыпинъ,—А. Ѳ. Тиранъ,—Ульяновскій,—М. Г. Хомутовъ,—С. И. Храповицкій,—Д. Д. Шепелевъ и кн. Д. Г. Щербатовъ.

Всѣ эти портреты рисованы красками, акварелью, Клиндеромъ, что и видно изъ помѣты, сдѣланной почти на каждомъ портретѣ, съ обозначеніемъ года и мѣсяца, когда исполнена работа. За отсутствіемъ въ тѣ годы (1830—1840) дагеротипа и фотографіи, богачи лейбъ-гусары, желая имѣть у себя полныя коллекціи портретовъ своихъ товарищей по полку, по объясненію А. Л. Потапова, заказывали ихъ акварелистамъ; однимъ изъ искуснѣйшихъ—былъ въ то время Клиндеръ. Нѣкоторыя коллекціи были гораздо полнѣе поступившей въ распоряженіе „Русской Старины“ и стоили владѣльцамъ до 2 т. рублей. Портретъ Лермонтова хотя и не можетъ быть отнесенъ къ самымъ удачнымъ произведеніямъ кисти Клиндера, но совершенно похожъ на оригиналъ. Въ виду этого, воспроизведеніе его въ точныхъ снимкахъ, разрисованныхъ красками, оказалось вполнѣ полезнымъ для почитателей великаго таланта Лермонтова (а ими должны быть всѣ грамотные русскіе) и мы, не остановившись предъ издержками, представляемъ эти снимки читателямъ „Русской Старины“.

Ред.

К. Ѳ. РЫЛѢЕВЪ.

1795—1826.

Въ предисловіи къ первому изданію сочиненій Рылѣева[1]), сдѣланному мною въ 1872 г., я указалъ годъ рожденія К. Ѳ—ча 1797 (сентября 18-го). День рожденія, т. е. число мѣсяца, указанъ въ одномъ изъ писемъ самого Рылѣева, но годъ былъ поставленъ приблизительно, по семейнымъ преданіямъ, вопреки показанію Д. А. Кропотова въ его статьѣ: „Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ" („Рус. Вѣстн." 1869 г., № 3). При этомъ я прибавилъ, что указываемый г. Кропотовымъ 1789 г. едва-ли вѣренъ, хотя это основано на спискахъ кадетскаго корпуса, обозначающихъ, что Рылѣевъ опредѣленъ былъ туда 23-го января 1801 г., двѣнадцати лѣтъ отъ роду. Я полагалъ не ошибка-ли или не описка-ли это вмѣсто 1807 г., вслѣдствіе чего годомъ рожденія былъ бы 1795, что гораздо ближе подходитъ къ 1797, чѣмъ къ 1789. По выходѣ изданія, мнѣ было указано „Русскою Стариною" (1872 г., томъ VI, стр. 438), что въ статьѣ А. А. Бестужева, соиздателя съ Рылѣевымъ „Полярной Звѣзды", годъ рожденія послѣдняго прямо указанъ 1795-й („Пол. Зв." 1823 г., стр. 29), почему онъ и былъ принятъ мною при второмъ изданіи сочиненій Рылѣева. Несмотря, однако, на свидѣтельство Бестужева, г. Кропотовъ продолжалъ настаивать на своемъ прежнемъ мнѣніи, считая единственно вѣрными данныя списковъ кадетскаго корпуса („Рус. Стар." 1872 г., томъ VI, стр. 602—604) и недовѣрчиво относясь даже къ указанію приложеній къ „Исторіи императора Александра I"—М. И. Богдановича, гдѣ означено, что Рылѣеву, во время производства дѣла, было 29 лѣтъ (т. VI, стр. 62 прил.), т. е. годомъ рожденія надо бы принять 1796-й или

[1]) 2-е изданіе вышло въ 1875 г. См. о немъ въ «Библіографическомъ листкѣ» «Русской Старины» (май 1875 г.). Ред.

1797-й, смотря потому къ 1825 или 1826 году относится указанное свѣдѣніе.

По выходѣ втораго изданія сочиненій К. Ѳ. Рылѣева мнѣ удалось получить три документа, изъ которыхъ по каждому годъ рожденія Рылѣева опредѣляется 1795-й, безъ всякаго сомнѣнія. Документы эти отличаются достовѣрностью и сами относятся къ различнымъ годамъ, именно: 1) Письмо отца К. Ѳ. Рылѣева отъ 30-го апрѣля 1813 г.; 2) Письмо матери отъ 19-го октября 1817 г., и 3) Подлинный формулярный списокъ, составленный въ 1821 г., о службѣ К. Ѳ. Рылѣева, какъ засѣдателя отъ дворянства с.-петербургской палаты уголовнаго суда.

Чтобы разъ навсегда покончить вопросъ, привожу всѣ три документа въ ихъ полномъ составѣ, тѣмъ болѣе, что письма отца и матери представляютъ матеріалъ для будущей біографіи Рылѣева.

П. А. Ефремовъ.

I.

Кіевъ.—30-го апрѣля 1813 г.

Письма твои, любезнѣйшій мой Кондратій Ѳедоровичъ, одно съ адъютантомъ, отсюда ѣздившимъ, другое отъ 17-го декабря минувшаго года и третіе безъ числа, по почтѣ полученное мною сего апрѣля въ 26-й день, съ одной стороны утѣшили меня тѣмъ, что, по благости Всевышняго, ты здоровъ, а съ другой, и огорчили немало, какъ потому-что не получилъ я отъ тебя удовлетворительнаго на письмо мое отвѣта, такъ и для того, что ты, любезный сынъ, вмѣсто послѣдованія отцовскому, не говорю уже предписанію, но предусмотрѣнному относительно изъ корпуса твоего выпуска совѣту, наполнилъ свои письма, особенно же послѣднее, выдуманными, если кѣмъ-нибудь не настроенными, то прямо дѣтскими затѣями, которыя нетокмо отцу, но и чужому, сѣдинами покрытому мужу юноша 18 лѣтній[1]) едва-ли рѣшился бы на бумагу сколько пространно, столько безъ участія прямаго сердца, и еще трикратно излагать!.. Ахъ, любезный сынъ! сколь утѣшительно читать отъ сердца написанное, буде то сердце во всей наготѣ неповинности откровенно и просто изливается, говоря собственными его, а не чужими, либо выученными словами! Скольже, напротивъ того, человѣкъ дѣлаетъ самъ себя почти отвратительнымъ, когда говоритъ о сердцѣ, и обнаруживаетъ при томъ, что оно наполнено чужими умозаключеніями, натянутыми и несвязными выраженіями, и что всего гнусняе, то для того и повторяетъ о сердечныхъ чувствованіяхъ

---

[1]) Вычтя изъ 1813-ти 18, получимъ 1795. П. Е.

часто, что сердце его занято однѣми деньгами..... Надобны-ли онѣ ему дѣйствительно, или можно и безъ нихъ обойтиться?.... Вотъ, любезный сынъ, истинная причина, для которыя пріостановился я къ тебѣ писать, мня, что не получилъ моего отвѣта на два твои письма; вникни-жъ со вниманіемъ въ смыслъ моего, съ адъютантомъ отсюда отправленнаго къ тебѣ отзыва..... Тамъ предусмотрительно писалъ я въ разсужденіи твоего выпуска, когда бы онъ ни случился, что̀ тебѣ, по долгу сына къ отцу, сдѣлать тогда надлежало. И ежели я твой родитель, то долженъ ты изъ сыновняго уваженія, вступая въ новое для тебя поприще, не размышляя ни о чемъ другомъ, прежде всего броситься въ отцовскія объятія и вѣрить благонадежно тому, что онъ, съ лутчею противу всякаго другаго благодѣтеля твоего горячностію пріиметъ, обыметъ и благословитъ по возможности! Да и пріятнѣе ему будетъ видѣть тебя, вмѣсто двухъ дорогостоющихъ, въ одномъ и отъ казны даемомъ мундирѣ, и буде ты пріѣдешь тѣми деньгами, которыя на проѣздъ тоже казна жалуетъ. Тако всѣ и изо всѣхъ мѣстъ выпускные, въ полкъ опредѣляемые, отъ благодѣтельной казны снабдѣваются, съ дозволеніемъ даже не только къ родителямъ, но и къ дальнымъ родственникамъ заѣзжать, и довлѣетъ-ли тебѣ только одному не пользоваться толикими щедротами отъ общаго нашего отца! Не сердись на меня, мой милый Кондраша, за сіи истины. Я съ ними удерживался и ожидалъ отъ тебя, какъ выше сказано, дабы ты выразумѣлъ смыслъ моего отзыва, но когда ты и въ третіемъ письмѣ не отсталъ отъ внушеній, худыми людьми тебѣ преподанныхъ, то ты же и вынудилъ отъ меня сіе отцовское изложеніе. Время содѣлаетъ, что самъ познаешь, что ни ложнаго, ни суетнаго говорить, а тѣмъ меньше на бумагу излагать, не можетъ и не долженъ, по всей строгой справедливости, тебя токмо любящій и благословляющій отецъ твой, Ѳедоръ Рылѣевъ.

P. S. Женѣ моей, а твоей матери, объявя постоянную мою къ ней приверженность, кланяйся и цѣлуй за меня ея руки; скажи ей, что не пишу я къ ней для того, что и она ко мнѣ не пишетъ. И какъ сіе письмо, такъ и то, которое писалъ я къ тебѣ съ адъютантомъ, непремѣнно покажи и дай ей прочитать; увѣряя, что буде она ко мнѣ напишетъ, то я съ душевнымъ удовольствіемъ готовъ возобновить съ нею переписку, жаждущую мною выше всякаго удовольствія. Я и прежде къ тебѣ писалъ и теперь напоминаю, чтобъ ты, взявъ отъ Анны Ѳедоровны письмо, ко мнѣ оное при своемъ доставилъ и обстоятельно увѣдомилъ бы меня: гдѣ она и чѣмъ занимается?

Ожидаю отъ тебя, любезнѣйшій мой Кондратій Ѳедоровичъ, скораго и удовлетворительнаго на прежнее и на сіе письмо отвѣта!

II.

Петродаръ.—19 октября 1817 года.

Другъ мой, Кондратій Өедоровичъ, письмо я твое получила. Правда твоя, что я не была счастлива: отецъ твой не умѣлъ устроить мое и твое спокойствіе; что дѣлать, Богу такъ было угодно. Благодѣтель мой и другъ, Петръ Өедоровичъ, далъ мнѣ кусокъ хлѣба. Тебѣ, мой другъ, извѣстно, деревня не такъ велика: ревизскихъ душъ 42, а работниковъ 17, то самъ посуди, сколько они могутъ наработать: земля у насъ не такая, какъ тамъ, гдѣ ты теперь; долгу на мнѣ много, деревня въ закладѣ, тебѣ извѣстно, что я насилу могу проценты платить, и то съ помощію друга моего, Петра Өедоровича; а что пишешь въ разсуждіе женитьбы, я не запрещаю: съ Богомъ, только подумай самъ хорошенько; жену надо содержать хорошо, а ты чѣмъ будешь ее покоить? Петродаръ не много доходу приноситъ, только что и можно продать одинъ овесъ, и то не болѣе какъ 50 четвертей. Посуди самъ, Наталія и ты будете горе терпѣть, а я, глядя на васъ, плакать. Я совѣтую тебѣ, какъ мать и другъ твой вѣрной, подумай хорошенько и скажи невѣстѣ и родителямъ ея правду, сколько ты богатъ; то я не думаю, чтобъ они захотѣли бы, чтобъ дочь ихъ милая терпѣла нужду. Посуди самъ, тебѣ только 22 года недавно[1]), и служба, и чинъ твой такъ малы; если и въ статскую службу идти по твоему чину, то я не знаю, какое мѣсто; я удивляюсь, что тебѣ наскучила военная служба; что ты будешь дѣлать въ деревнѣ? чѣмъ займешься; скоро все тебѣ наскучитъ и самъ будешь жалѣть, что скоро поспѣшилъ отставкою; можешь и женатый служить: ты не первой, много женатыхъ, да служатъ. Вотъ тебѣ мой совѣтъ; впрочемъ, самъ лучше знаешь, ты имѣешь умъ; любовь скоро проходитъ, какъ у стариковъ, такъ и у молодыхъ, посуди хорошенько, чтобъ не сдѣлать Наташу несчастной и родителей ея не заставляй раскаяваться, что они дочь свою милую отдали за тебя. Ты говоришь: люблю ее и надѣюсь, что любовь моя продолжится вѣчно. Ахъ, другъ мой, ты еще не знаешь какая эта птица—любовь! какъ прилетитъ, такъ и улетитъ; покойный отецъ твой говорилъ мнѣ: вѣчно любить тебя стану — и его любовь улетѣла.

Я вижу, другъ мой Кондраша, письмо мое тебѣ нанесетъ много непріятностей, будь терпѣливъ, прочитай со вниманіемъ, современемъ будешь благодарить меня. Ты еще такъ молодъ и не можешь судить, сколько обязанностей священныхъ въ супружествѣ должно хранить.

---

[1]) Вычтя изъ 1817-ти 22, получимъ 1795. П. Е.

Я—мать и хочу съ сыномъ говорить откровенно: женитьба твоя меня не огорчаетъ, а что ты выходишь изъ службы, то меня поразило.

Петра Ѳедоровича я давно не видала, потому что я живу въ деревнѣ; письмо твое прислалъ ко мнѣ и прежде прочиталъ, не знаю какъ онъ судитъ о твоей отставкѣ; я просила его письмомъ, чтобъ онъ къ тебѣ написалъ какъ отецъ и благодѣтель; онъ самъ служилъ Богу и государю, но болѣзнь его принудила выйти въ отставку. Дядя твой и старикъ все еще служитъ и ничего не имѣетъ, однимъ жалованьемъ живетъ.

Прощай, другъ мой Кондраша, будь здоровъ и веселъ и спокоенъ, чего желаетъ тебѣ мать и другъ твой вѣрной и молитъ Господа Бога, чтобъ онъ тебя не оставилъ своимъ святымъ покровомъ; пиши поскорѣй, успокой мать твою. Настасья Рылѣева.

Я сколько разъ тебя спрашивала: у тебя-ли Абрамъ? увѣдомь, если онъ бѣжалъ, то я подамъ объявку; напиши ко мнѣ. Третью ночь, какъ я не могу спать, а все твоя отставка, милый мой Кондраша! Подумай хорошенько, ты такъ молодъ и мало служилъ.

Сообщ. **П. А. Ефремовъ.**

III.

Свѣдѣнія изъ формулярнаго списка, составленнаго въ 1821 году.

Подпоручикъ Кондратъ Ѳедоровъ Рылѣевъ, 26-ти лѣтъ, изъ дворянъ, въ службу вступилъ изъ кадетскаго корпуса прапорщикомъ 1-й резервной артиллерійской бригады въ конную № 1 роту, которая переименована въ 11-ю и напослѣдокъ въ 12-ю—1814 года, 10 февраля. Былъ въ походахъ 1814 года въ Швейцарію и Францію; 1815 года, апрѣля съ 12-го, вторично во Францію и обратно въ Россію. По высочайшему приказу уволенъ отъ службы съ чиномъ подпоручика 1818 года 26-го декабря. Избранъ дворянствомъ въ санктпетербургскую палату уголовнаго суда засѣдателемъ 1821 года, января 24 дня. Женатъ.

Сообщ. **А. Г. Пупаревъ.**

ДНЕВНИКЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

1832—1845.

III[1]).

1832 годъ.

«Вѣстникъ Европы», Каченовскаго.—Кн. Шаликовъ.—Былины, собранныя Киршей-Даниловымъ.—Мистики.—Старые дневники, 1832 г.

ноябрь.— декабрь.

7-го ноября 1832 г.

Въ книжкѣ „Вѣстникъ Европы" 1817 г. заключающей 17-й и 18-й номера, прочелъ я свою собственную статейку (переведенную Каченовскимъ изъ „Conservateur Impartial")—Взглядъ на нынѣшнее (1817 г.) состояніе русской словесности. Нахожу, что въ мысляхъ своихъ я мало перемѣнился.

14-го ноября.

Прочелъ сегодня 12 книгу Tales of the Hall и Соца возраженіе на мою статью, напечатанную въ 77-мъ номерѣ „Conservateur Impartial" 1817 года. Помнится, что Гнѣдичъ гораздо болѣе меня разсердился на это возраженіе: да и быть не могло иначе.

18-го ноября.

Я за собой замѣтилъ, что если въ „Вѣстникѣ Европы" мнѣ попадается статья кого-нибудь, съ кѣмъ я былъ въ ссорѣ, то читаю ее съ особеннымъ вниманіемъ и искренно радуюсь, когда нахожу въ ней что-нибудь дѣльное.

Уважать Воейкова, какъ человѣка, мнѣ невозможно, да врядъ-ли возможно и лучшимъ его друзьямъ, однако же, какъ писатель, можно сказать, что онъ заслуживаетъ быть отличеннымъ отъ толпы писакъ безталанныхъ: въ немъ точно иногда проблески дарованія.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г. томъ XIII, стр. 333—382; 490—531.

21-го ноября 1832 г.

Въ „Вѣстникѣ“ мнѣ попался Софоклъ—родственника и пріятеля моего Катенина: это истинно прекрасное стихотвореніе. Несмотря на всѣ нападки, Катенинъ человѣкъ съ большимъ дарованіемъ—и не съ однимъ дарованіемъ: чтобъ написать стихи, каковы слѣдующіе два:

«Когда же мстить врагамъ обиду
«Душой великіе могли?»

надобно имѣть не мелкую душу. Благодарю, любезный Павелъ Александровичъ, за эти два стиха: желалъ бы, чтобъ ихъ когда-нибудь ко мнѣ приноровили.

23-го ноября.

Начинаются въ „Вѣстникѣ“ щелчки Каченовскаго исторіографу: надобно признаться, что они не глупы и очень злы. Всего забавнѣе письмо къ издателямъ харьковскаго „Вѣстника“: это истинно предательская шутка. Подъ предлогомъ, будто не вѣритъ, что извѣстныя записки о московскихъ достопамятностяхъ сочинены Карамзинымъ, критикъ говоритъ о нихъ такія вещи, отъ которыхъ нѣтъ другаго средства, какъ только отмалчиваться. (Записки точно Карамзина: это я знаю, потому что, по просьбѣ Жуковскаго, перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ съ своеручнаго подлинника покойнаго Николая Михайловича).

25-го ноября 1832 г.

Есть писатели такіе, которые темны отъ богатства и глубины мыслей; есть другіе, которые также темны отъ совершеннаго отсутствія мыслей. Первыхъ человѣкъ не глупый, наконецъ, пойметъ, поломавши нѣсколько надъ ними голову; но вторыхъ не поняли бы ни Гомеръ, ни Ньютонъ, ни Шеллингъ, если бы и вмѣстѣ стали ихъ читать и сообщать другъ другу свои догадки. Возможно-ли, напримѣръ, добраться до смысла нѣкоторыхъ фразъ Шаликова? Невозможно, ибо въ нихъ ровно никакого смысла нѣтъ и не бывало. Это, конечно, справедливо: но есть и у Шаликова иногда кое-что, показывающее, что онъ истинно добрый малый, хотя и плохой писака: таково, напримѣръ, въ „Вѣстникѣ“ на 13-й годъ было его описаніе всего того, что нѣкоторые его знакомые претерпѣли въ Москвѣ въ роковой 1812 годъ и чему онъ самъ былъ свидѣтелемъ,—эту статейку нельзя читать безъ того, чтобы не зашевелилось въ сердцѣ; таковы еще его извѣстія о бѣдныхъ—тутъ всякій разъ видно, что онъ въ нихъ принимаетъ искреннее участіе; таково, наконецъ, слѣдующее правило (особенно, если онъ ему слѣдуетъ) „сносить терпѣливо всѣ неудовольствія и непріятности отъ человѣка, ссорившагося со мною“. Ну, князь Петръ

Ивановичъ, думалъ-ли ты, что злой, насмѣшливый Кюхельбекеръ посвятитъ почти цѣлую страницу въ дневникѣ своемъ разсужденію о тебѣ и, сверхъ того, искренней, вовсе не насмѣшливой хвалѣ того, что въ тебѣ достойно хвалы?

30-го ноября 1832 г.

Прекрасна статья Снегирева: „Матвѣевъ". Впрочемъ, характеръ Матвѣева такъ высокъ, что едва-ли возможно совершенно исказить его даже и дурнымъ изображеніемъ, было бы оно только не злонамѣренное, каково, напримѣръ, изображеніе лица, почти столь же возвышеннаго, Василія Шуйскаго, въ ....[1]). Но exempla sunt odiosa. Жаль мнѣ историковъ, въ глазахъ которыхъ кто несчастливъ, тотъ и виноватъ.

Въ Рихтеровой исторіи медицины указъ Ѳеодора I объ учрежденіи больницы и дома призрѣнія бѣдныхъ: въ этомъ указѣ дышетъ такой духъ, который бы принесъ честь и XIX вѣку.

5-го декабря.

Изъ 12-ти первыхъ повѣстей въ „Собраніи древнихъ стихотвореній" (изд. Калайдовича) лучшія: самая извѣстная изо всѣхъ Соловей Будиміровичъ, гдѣ разскащикъ истинно достигаетъ иногда эпической высоты; забавная Novella (въ родѣ Боккачіевыхъ) Гость Терентьище; Волхъ Всеславичъ, гдѣ много воображенія и поэзіи почти восточной; Три года Добрынюшка стольничалъ, сказка, сходная по духу съ предъидущею; Женитьба князя Владиміра (ее бы лучше назвать: Дунай Ивановичъ), которой трагическое и вмѣстѣ волшебное окончаніе отзывается чѣмъ-то похожимъ на многія катастрофы въ Овидіевыхъ „Превращеніяхъ"; наконецъ, Василій Буслаевъ (и продолженіе этой сказки подъ № 18). При чтеніи начала этой повѣсти родилась во мнѣ мысль: нѣтъ-ли, быть можетъ, историческаго основанія разсказанному тутъ происшествію, искаженному изустнымъ преданіемъ? Не былъ-ли Буслаевъ въ самомъ дѣлѣ счастливымъ демагогомъ, покорившимъ помощію удальцевъ, которыхъ съумѣлъ привлечь къ себѣ щедростью,—Новгородскую республику? Что онъ точно былъ посадникомъ, доказываетъ лѣтопись, а что онъ былъ необыкновеннымъ, мирнымъ, законнымъ посадникомъ — явствуетъ изъ преданія, сохранившаго, во 1-хъ, въ сказкѣ Кирши Данилова память о насильственныхъ его поступкахъ; во-2-хъ, въ другой сказкѣ, въ прозѣ (въ собраніи Левшина), воспоминаніе о необыкновенной власти, ибо тутъ его величаютъ старославенскимъ княземъ Василіемъ Богуслаевичемъ.

---

[1]) Пропускъ въ подлинникѣ.

6-го декабря 1832 г.

Статья Буткова о Спорахъ и Норикахъ, хотя и основана на довольно зыбкомъ основанiи, — на этимологiи именъ славянскихъ, — однако же содержитъ много любопытнаго. Догадка о кавказскомъ происхожденiи славянъ заслуживаетъ изслѣдованiя: по сiю пору есть на Кавказѣ народъ, который называется чехами; также лезги или леки, лехи близко подходятъ своимъ именемъ къ ляхамъ. Впрочемъ, языки кавказскихъ чеховъ и леховъ не представляютъ никакого сходства ни между собою, ни съ языками польскимъ или богемскимъ. (Говорю: никакого, по крайней мѣрѣ, такого, по которому можно бы было и теперь узнать ихъ одинакое происхожденiе. Такое сходство существуетъ между языками славянскими, германскими, ѳракiйскими (т. е. греческимъ и латинскимъ) и персидскимъ; напротивъ того, доказано, что языки лезгинскiй, черкесскiй и проч. корнями своими ото всѣхъ отъ нихъ отличаются и сходствуютъ съ ними только мужественною гармонiею своихъ звуковъ). Мимоходомъ замѣчу, что и прочiе языки различныхъ племенъ кавказскихъ и прикавказскихъ очень мало имѣютъ сходнаго между собою,—и это явленiе довольно странное.

9-го декабря.

Прочелъ я еще 12 повѣстей Кирши Данилова. По моему мнѣнiю, лучшiя изъ нихъ: „Ставръ Бояринъ" — сказка очень замысловатая; „Добрыня Чудь покорилъ" — повѣсть истинно-юмористическая; „Потокъ Михайло Ивановичъ,—богатая воображенiемъ, игривая, мѣстами страшная; „Сорокъ каликъ съ каликою" — легенда, по вымыслу и слогу, быть можетъ, перлъ всего собранiя. „Алёша Поповичъ" Улиссъ между богатырями Владимiра: его характеръ чуть-ли не рѣзче всѣхъ прочихъ обозначенъ, тщательнѣе всѣхъ прочихъ дорисованъ и почти вездѣ выдержанъ. Самъ Владимiръ болѣе похожъ на Карла, нежели на Артура.

Въ сказкѣ: „Царь Саулъ Левандовичъ" что-то восточное, что-то напоминающее Ша-Намэ. Думаю, что она соотечественница Еруслану Лазаревичу, т. е. переселена къ намъ изъ Ирана или, по крайней мѣрѣ, изъ Татарiи.

13-го декабря 1832 г.

Вечеромъ послѣ ужина прочелъ я первую книгу Краббевой поэмы: „The Village". Судя по началу, Краббева фламандская картина не въ примѣръ занимательнѣе, чѣмъ Томсоно-Деммевскiя чувствительно-безхарактерныя собранiя возгласовъ, изображенiй и поученiй, называемыя сельскими или описательными поэмами.

15-го декабря 1832 г.

Гете въ одной изъ Римскихъ эпиграммъ своихъ называетъ мухъ, помѣшавшихъ спать ему, вдохновительницами (Musageten); моимъ вдохновителемъ съ понедѣльника было ненастье, отъ котораго въ моей канурѣ такъ было темно, что я не могъ внесть съ доски въ тетрадь окончанія второй пѣсни поэмы моей, а потому по неволѣ долженъ былъ выхаживать новые стихи; мыслей для третьей пѣсни не было,—и такъ, плодомъ комнатнаго моего путешествія оказалось посланіе къ матушкѣ.

23-го декабря 1832 г.

Жаль мнѣ, что я сегодня разбилъ трубку, которая служила мнѣ болѣе полугода; я привыкъ къ ней, любилъ ее; надо же любить что-нибудь!

26-го декабря.

Многіе осуждаютъ Лафатера, Юнга-Штиллинга и другихъ мистиковъ за то, что они вѣрили непосредственнымъ, видимымъ дѣйствіямъ Провидѣнія Божія, наставлявшаго ихъ, помогавшаго имъ въ ихъ частной жизни вещественными, такъ сказать, знаками, чудесами. Чтобъ знать, заслуживаютъ-ли мистики порицаніе своихъ противниковъ, надобно бы, чтобъ обстоятельства ихъ, ихъ характеръ и проч. были мнѣ нѣсколько болѣе извѣстными, чѣмъ теперь. Конечно, надменно полагать, чтобъ Всевышній нарушеніемъ своихъ вѣчныхъ законовъ сталъ помогать намъ въ хозяйственныхъ хлопотахъ нашей мелкой, частной жизни. Но есть чудеса другаго рода: дѣйствія видимаго отеческаго попеченія Господа о нашемъ благѣ, такія дѣйствія, которыя до того кажутся естественными, что мы, слѣпцы неблагодарные, приписываемъ ихъ случаю; а между тѣмъ въ нихъ-то открылось бы для насъ милосердіе Божіе, чудесное, если бы мы только сами не закрывали глазъ своихъ. И я нѣсколько разъ въ жизни испытывалъ надъ собою такого рода чудеса и не полагаю, чтобы называть ихъ чудесами было гордостію или суевѣріемъ. Сегодня былъ со мною подобный случай (говорю случай, потому что въ свѣтѣ это назвали бы случаемъ). Осудивъ въ сердцѣ своемъ кое-кого изъ ближнихъ своихъ, быть можетъ, и не совершенно противъ меня правыхъ, я въ библіи искалъ притчу, которую въ умѣ своемъ къ нимъ приноравливалъ, въ книгѣ жизни я искалъ смертельнаго яда; — но вмѣсто яду Отецъ мой небесный подалъ мнѣ горькое, но спасительное лекарство: не та притча, какой я искалъ, попалась мнѣ, а другая, совершенно приноровленная къ грѣху, въ который впалъ я, — притча о рабѣ, неуплатимо должномъ Господу своему и прощенномъ, а не хотѣвшемъ клеврету своему простить ничтожнаго долга.

28-го декабря 1832 г.

На дняхъ я вынулъ изъ чемодана свои старые дневники; при окончаніи года недурно обозрѣть прошедшее. Сегодня прочелъ я дневникъ послѣднихъ чиселъ декабря 1831 года. Два или три мѣста поразили меня; 22-го числа я спрашиваю: „буду-ли живъ черезъ годъ и въ такомъ-ли я состояніи души, чтобъ могъ безъ страха подумать о другой жизни?"—а 29-го: „въ сытость мнѣ этотъ 1831 годъ, въ сытость и въ тягость такъ, какъ давно ни одинъ не былъ". Первый вопросъ и теперь могу повторить: и нынѣ еще слишкомъ привязанъ къ землѣ; особенно слишкомъ дорожу своими стихотворными занятіями; положимъ, что самолюбіе меня не ослѣпляетъ, положимъ, что я въ самомъ дѣлѣ не безъ таланта, но, во-1-хъ, талантъ еще не есть несомнѣнная порука за то, что не забудутъ меня (особенно, когда всѣ внѣшнія обстоятельства, кажется, соединились для того, чтобъ подавить всякую надежду на будущую извѣстность); во 2-хъ, пусть и достигну своего желанія, пусть пріобрѣту то, что честятъ здѣсь на землѣ безсмертіемъ,—этотъ пустой, ничтожный самозванецъ, это безсмертіе, что̀ въ сравненіи съ тѣмъ другимъ истиннымъ безсмертіемъ, къ которому я каждый день и часъ долженъ бы готовиться въ сей земной гостинницѣ?

Вторая отмѣтка должна нынѣ исполнить сердце мое живѣйшей благодарности къ Господу: нынѣшній годъ для меня былъ гораздо легче прошлаго; конечно, онъ былъ не безъ непріятностей, не безъ тяжелыхъ минутъ, однако же такихъ живыхъ, такихъ мучительныхъ страданій, какъ въ 1831 году, въ немъ для меня не было.

31-го декабря.

Пишу письма къ своимъ: за ними меня застанетъ и новый годъ.

IV.

1833 годъ.

Сны.—Кн. В. Ѳ. Одоевскій.—П. А. Катенинъ.—Историческія изслѣдованія Арцыбашева.—А. Писаревъ.—Оборона «Горя отъ ума».—Посланіе къ Д. Г. Глинкѣ.—Профессоръ Павловъ.—Стихотвореніе: «Любовь».

Январь—мартъ.

3-го января.

У меня сегодня были опять живые сны: между прочимъ, за какимъ-то обѣдомъ, гдѣ много было дамъ, я съ рюмкою въ рукѣ говорилъ похвальное слово прекрасному полу; когда проснулся, я еще помнилъ эту рѣчь во всѣхъ ея частяхъ и хотѣлъ было внесть ее въ дневникъ, но теперь забылъ.

4-го января.

Наконецъ, у меня опять книги: съ удовольствіемъ прочелъ я Поединокъ Казановы съ Броницкимъ; пройдоха тутъ виденъ на каждой строкѣ, но пройдоха умный.

5-го января.

Получилъ письма отъ матушки, Сашеньки и тетеньки, да посылку; жаль мнѣ, что не могу исполнить просьбы добрыхъ моихъ племянницъ: онѣ прислали мнѣ вязанныя туфли своей собственной работы и хотятъ, чтобъ я ихъ носилъ, но туфли-то мнѣ маловаты.

6-го января.

Въ книжкахъ „Вѣстника Европы" на 1822 годъ нѣсколько статей о нѣмецкой философіи въ духѣ совершенно противномъ тому, въ какомъ были прежнія Каченовскаго и его сотрудниковъ; но, признаюсь, и ими я не совсѣмъ доволенъ. Въ нихъ все слишкомъ молодо, не зрѣло. Конечно, 17-ти-лѣтнему Одоевскому онѣ приносятъ величайшую честь: мало юношей и постарѣе его, которые бы такъ писали и такъ успѣшно занимались предметами самыми отвлеченными; однако же ученичество все-таки кое-гдѣ проглядываетъ, напримѣръ, въ страсти сражаться съ вѣтрянными мельницами, съ Баттэ и Эшенбургомъ, о которыхъ едва-ли еще кто помнилъ въ 1822 году. Таже молодость видна и въ пристрастіи къ мистическимъ формамъ, затмѣвающимъ только дѣло.

7-го января.

Міръ поэта—Катенина одно изъ самыхъ лучшихъ лирическихъ твореній, какія только имѣемъ на русскомъ языкѣ. Начало: о предметахъ поэтическихъ у евреевъ, потомъ переходъ отъ евреевъ къ грекамъ и окончаніе—необыкновенно хороши.

Слѣдующіе стихи безподобны:

И на крылахъ воображенья,
Какъ ластица, скиталица полей,
Летитъ душа, сбирая наслажденья
Съ обильныхъ жатвъ давно минувшихъ дней;
Вѣтръ свѣжій вѣетъ отъ востока,
Отъ тучныхъ, счастливыхъ земель,
Гдѣ міра и людей святая колыбель.

Изображеніе Авраама прекрасно; столь же почти хорошо свиданіе Іосифа съ братьями. Эпизоду Руѳь я подражалъ, однако же безъ намѣренія, въ первой пѣсни своего Давида, а гдѣ Катенинъ говоритъ о Давидѣ, мы встрѣтились почти слово въ слово. Вотъ два стиха Катенина, которые у меня почти повторены:

«Царь, пастырь, воинъ и пѣвецъ,
Весь жизни цвѣтъ собралъ въ себѣ единомъ».

Во второй половинѣ Промеѳей Эсхилловъ единственъ. Но лучше всего мнѣ нравится окончаніе; оно напоминаетъ окончаніе и Гетевой: „Euphrosyne“ и Шиллеровой „Прогулки“, но не есть имъ подражаніе. Стихи, каковы въ этомъ случаѣ:

«Нѣтъ, нѣтъ! въ лице ихъ узнаю
. . . .
Я вижу, движется ихъ строй,
Ихъ очи смотрятъ, грудь ихъ дышетъ....
Промолвите, герои древнихъ лѣтъ,
Да жадный слухъ вашъ гласъ услышитъ!
Хочу рукой моей коснуться васъ.... Ахъ, нѣтъ!
Нѣтъ ихъ, нѣтъ никого!.....
. . . .
Вокругъ меня зари свѣтъ слабый льется,
Лицо горитъ, мретъ голосъ, сердце бьется
И слезы каплютъ изъ очей».

Такіе стихи являютъ поэта истинно восторженнаго, истинно изступленнаго: ихъ и лучшій подражатель никогда не напишетъ.

10-го января 1833 г.

Очень дѣльная статья Арцыбашева: „Два съѣзда князей“ (отрывокъ изъ Нестора). Какъ тутъ все живо и хорошо. Кажется, что все видишь: не лучше-ли это нашихъ такъ называемыхъ прагматическихъ исторій? Противу послѣднихъ очень умно вооружается и Сегюръ въ предисловіи къ своему сокращенію „Всеобщей Исторіи“.

Наконецъ попалась мнѣ статья довольно путная въ „Вѣстникѣ Европы“: Изъяславъ II или средина XII-го столѣтія въ Россіи, статья Арцыбашева. Это отдѣленіе нашей исторіи удачно въ послѣдствіи обработано Полевымъ, но я увѣренъ, что Арцыбашева трудъ ему былъ очень полезенъ.

11-го января.

Давно я не читалъ ничего Гофмана. Въ „Вѣстникѣ“ его повѣсть „Счастье игроковъ“, которой начало истинно мастерское. Подъ конецъ слишкомъ много происшествій; однако же они, быть можетъ, произвели бы сильное дѣйствіе, если бы были болѣе развиты, если бы были разсказаны не черезъ чуръ бѣгло и нѣсколько спутано.

Въ статьяхъ Одоевскаго я вездѣ узнаю своего любезнаго сотрудника [1]): какъ все у него зелено! но изъ него могъ бы выйти человѣкъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, что онъ теперь творитъ? Неужто женитьба его совсѣмъ переродила и онъ ужъ совершенно сталъ

---

[1]) По изданію журнала «Мнемозина», въ 1823. Ред.

похожъ на тѣхъ, надъ которыми, бывало, такъ ѣдко и неосторожно смѣялся?

12-го января 1833 г.

Много въ „Вѣстникѣ“ на 1823 годъ статей Одоевскаго. Не изъ лучшихъ—„Дни досадъ“. Охота человѣку, не знающему людей, писать каррикатуры и называть ихъ людьми!

Посланіе Загоскина къ Людмилѣ принадлежитъ къ хорошимъ сатирамъ на русскомъ языкѣ, а число хорошихъ сатиръ у насъ не слишкомъ велико: въ немъ много vers à retenir.

Одно изъ послѣднихъ стихотвореній Капниста—„Въ память Береста“; оно прекрасно не по отдѣльнымъ разительнымъ стихамъ, которыхъ въ немъ вовсе нѣтъ, а по своему цѣлому и по подробностямъ въ самомъ вымыслѣ.

17-го января.

Перечитывая сегодня поутру начало третьей пѣсни своей поэмы,—я замѣтилъ въ механизмѣ стиховъ и въ слогѣ что-то пушкинское. Люблю и уважаю прекрасный талантъ Пушкина, но, признаться, мнѣ бы не хотѣлось быть въ числѣ его подражателей. Впрочемъ, никакъ не могу понять отчего это сходство могло произойти: мы, кажется, шли съ 1820 года совершенно различными дорогами, онъ всегда выдавалъ себя (искренно ли или нѣтъ—это иное дѣло!) за приверженца школы такъ называемыхъ очистителей языка,—а я вотъ ужъ 12 лѣтъ служу въ дружинѣ славянъ подъ знаменами Шишкова, Катенина, Грибоѣдова, Шихматова.—Чуть-ли не стихи четырехстопные сбили меня: ихъ столько на пушкинскую стать, что невольно заговоришь языкомъ, который онъ и легіонъ его послѣдователей присвоили этому размѣру.

19-го января.

Съ понедѣльника (16-го числа) начались здѣсь жестокіе морозы, какихъ прошедшею зимою вовсе не было. Въ первый разъ въ бытность мою здѣсь льдомъ совершенно почти покрыло окно мое.

20-го января.

Читалъ я когда-то,—не помню ужъ въ какой книгѣ,—будто знающіе древніе языки потому только превозносятъ Гомера, Пиндара etc., что имъ стоило много труда изучить ихъ. Это мнѣніе, конечно, не стоитъ опроверженія. Замѣчу однако же, что напряженное вниманіе, нужное для того, чтобы понять писателя, употребляющаго языкъ, который не совершенно знаемъ, который изучаемъ, дѣйствительно иногда открываетъ намъ красоты, коихъ мы безъ того бы не замѣтили.

Десять разъ, быть можетъ, на своемъ вѣку читалъ я 7-ю пѣснь Иліады и въ отличныхъ переводахъ, напримѣръ, въ Фоссовомъ:

«Hielt er (Ajax) unter die Hand, und hinein warf, nochend, der Herold».

28-го января.

А. Писаревъ былъ человѣкъ съ талантомъ. Если бы не кулисная жизнь и мелкія литературныя сплетни, онъ, статься можетъ, въ исторіи русской поэзіи оставилъ бы значительное имя;—но его погубили ранніе успѣхи, вскружившіе ему голову, заставившіе его слишкомъ много думать о себѣ, когда онъ на то никакого еще не пріобрѣлъ права.

30-го января.

Перелагаю притчу Димитрія Ростовскаго въ бѣлые ямбы. Началъ 8-ю книгу Иліады.

5-го февраля 1833 г.

„The Marchant of Venice"—безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ лучшихъ твореній Шекспира. Послѣднія два дѣйствія превосходны; пятое люблю я еще болѣе четвертаго, хотя и чувствую, что для созданія четвертаго нужно было бо́льшее усиліе дарованія, нежели для пятаго. Музыкальное начало послѣдняго (въ Шиллеровомъ значеніи этого слова) необыкновенно удачно противопоставлено пластикѣ четвертаго дѣйствія: въ одномъ—день, движеніе, блескъ, страсти, ужасъ, жалость, все живо, все рѣзко; въ другомъ—ночь, полусвѣтъ, тишина, фантазія, нѣга, роскошь, все чуть оттѣнено, неопредѣленно, сладостно.

7-го февраля.

Нападки М. Дмитріева и его клевретовъ на „Горе отъ ума" совершенно показываютъ степень ихъ просвѣщенія, познаній и понятій. Степень эта истинно не завидная. Но пусть, они въ этомъ не виноваты: есть, однако же, въ ихъ статьяхъ такія вещи, за которыя ихъ можно бы обвинить передъ такимъ судомъ, котораго никакой писатель, съ талантомъ-ли, или безъ таланта, съ обширными свѣдѣніями или нѣтъ, не долженъ терять изъ виду,—говорю о судѣ чести. Предательскія похвалы удачнымъ портретамъ въ комедіи Грибоѣдова — грѣхъ гораздо тягчайшій, чѣмъ ихъ придирки и умничанья. Очень понимаю, что они хотѣли сказать, но знаю (и знать это я очень могу, потому что Грибоѣдовъ писалъ „Горе отъ ума" почти при мнѣ, по крайней мѣрѣ, мнѣ первому читалъ каждое отдѣльное явленіе непосредственно послѣ того, какъ оно было написано), знаю, что поэтъ никогда не былъ намѣренъ писать подобные портреты: его прекрасная душа была выше такихъ мелочей. Впрочемъ, qui se sent galent qu'il se gratte! Завтра напишу нѣсколько замѣчаній объ этой

комедіи: она, конечно, имѣетъ недостатки (все человѣческое подвержено этому жребію), однако же вовсе не тѣ, какіе г. Дмитріевъ изволитъ въ ней видѣть, и вопреки своимъ недостаткамъ, она чуть-ли ни останется лучшимъ цвѣткомъ нашей поэзіи отъ Ломоносова до извѣстнаго мнѣ времени.

8-го февраля 1833 г.

„Нѣтъ дѣйствія въ „Горе отъ ума"! говорятъ гг. Дмитріевъ, Бѣлугинъ и братія. Не стану утверждать, что это несправедливо, хотя и не трудно было бы доказать, что въ этой комедіи гораздо болѣе дѣйствія или движенія, чѣмъ въ большей части тѣхъ комедій, которыхъ вся занимательность основана на завязкѣ. Въ „Горе отъ ума", точно, вся завязка состоитъ въ противоположности Чацкаго прочимъ лицамъ; тутъ, точно, нѣтъ никакихъ намѣреній, которыхъ одни желаютъ достигнуть, которымъ другіе противятся, нѣтъ борьбы выгодъ, нѣтъ того, что въ драматургіи называется интригою. Данъ Чацкій, даны прочіе характеры, они сведены вмѣстѣ, и показано, какова непремѣнно должна быть встрѣча этихъ антиподовъ,—и только. Это очень просто, но въ сей-то именно простотѣ—новость, смѣлость, величіе того поэтическаго соображенія, котораго не поняли ни противники Грибоѣдова, ни его неловкіе защитники. Другой упрекъ касается неправильностей, небрежностей слога Грибоѣдова, и онъ столь же мало основателенъ. Ни слова уже о томъ, что не гг. Писаревымъ, Дмитріевымъ и подобнымъ молодцамъ было говорить о неправильностяхъ, потому что у нихъ едва-ли гдѣ найдется и 20 стиховъ сряду безъ самыхъ грубыхъ ошибокъ граматическихъ, логическихъ, риѳмическихъ, словомъ, какихъ угодно. Но что такое неправильности слога Грибоѣдова? (кромѣ нѣкоторыхъ и то очень рѣдкихъ исключеній). Съ одной стороны опущенія союзовъ, сокращенія, подразумѣванія, съ другой плеоназмы,—словомъ, именно то, чѣмъ разговорный языкъ отличается отъ книжнаго. Ни Дмитріеву, ни Писареву, ни Шаховскому и Хмельницкому (за ихъ хорошо написанныя сцены), но автору 1-й главы Онѣгина [1]), Грибоѣдовъ могъ бы сказать тоже, что какому-то философу, давнему переселенцу, но все же не аѳинянину,—сказала аѳинская торговка: „вы иностранцы".—„А почему?" — „Вы говорите **слишкомъ** правильно; у васъ нѣтъ тѣхъ мнимыхъ неправильностей, тѣхъ оборотовъ и выраженій, безъ которыхъ живой разговорный языкъ не можетъ обойтись, но о которыхъ молчатъ ваши **граматики и риторики**".

---

[1]) Въ послѣдствіи Пушкинъ очень хорошо понялъ тайну языка Грибоѣдова и ею воспользовался. **В. К.**

11-го февраля 1833 г.

Статьи Арцыбашева должны быть очень полезны для отечественной исторіи. Въ „Вѣстникѣ“ 1825 года заслуживаютъ вниманія слѣдующія: „Униженіе Кіева“ и „Мятежи въ великомъ княжествѣ Владимірскомъ“. Ужасна смерть Андрея Боголюбскаго, такъ ужасна, что, кажется, тутъ и для трагедіи невозможно найти ничего такого, чтобы не возмущало сердца самымъ не поэтическимъ образомъ.

13-го февраля.

Покойный Черевинъ былъ человѣкъ истинно достойный; у насъ были общіе знакомые и пріятели (Нечаевъ, Пущинъ и другіе), однако же мнѣ не удалось съ нимъ лично познакомиться. Напечатанная уже по смерти Черевина его статья: „О преподаваніи исторіи дѣтямъ“ заслуживаетъ, чтобъ ее перевели и на иностранные языки; она у насъ рѣдкое явленіе; тутъ русскій мыслящій писатель говоритъ истинное и при томъ новое, новое не для однихъ русскихъ. „Я называю“, говоритъ Черевинъ, „сокращенныя исторіи, исторіи для дѣтей нелѣпостью“. Въ этомъ я совершенно съ нимъ согласенъ, согласенъ также съ его мнѣніемъ о предметахъ, какими при первоначальномъ ученіи надлежало бы замѣнить совершенно безполезный, даже вредный курсъ исторіи, будто бы приспособленный къ понятіямъ ребенка.

16-го февраля.

Хочу послать племяннику Дмитрію [1]) свое переложеніе притчи св. Димитрія. Вотъ нѣсколько стиховъ, которые, такъ сказать, должны служить введеніемъ къ оному:

Племяннику, Д. Г. Глинкѣ, при пересылкѣ притчи св. Димитрія.

Ты далеко отъ насъ, въ странѣ чужой,
Ты тамъ, гдѣ въ старину король морской [2]),
Бывало, спуститъ въ пѣнистыя волны
Коней пучины, дерзостные челны,
И отплыветъ съ дружиной удалой
Въ сѣдую даль, на славу и разбой.
Ты тамъ, гдѣ голосъ скальдовъ вдохновенныхъ
И вѣщій строй полночныхъ арфъ гремѣлъ,
И юный витязь трепеталъ, кипѣлъ
Отъ пламенныхъ стиховъ пѣвцовъ священныхъ
И въ дождь бросался кровожадныхъ стрѣлъ;

---

[1]) Дмитрій Григорьевичъ Глинка, нынѣ русскій посолъ при Лиссабонскомъ дворѣ, писатель и ученый. Ред.

[2]) Королями морскими—викингами назывались вожди нормандскихъ удальцевъ, опустошавшихъ приморья Европы съ IX по XIII столѣтіе. Они обыкновенно были младшіе братья королей. В. К.

Въ отчизнѣ ты и пѣсней, и отваги,
Въ землѣ Одена, Бальдера и Браги,
Въ землѣ, которой чудодѣйный духъ
Великаго очаровалъ поэта,
И онъ склонилъ къ ея преданьямъ слухъ
И завѣщалъ безсмертію Гамлета.
Но Русь святую помнишь ты и тамъ,
Ты вѣренъ всюду и всегда друзьямъ.
Нѣтъ! праведника мудрое сказанье
Смиреннаго, чье имя носишь ты,
Не объ отечествѣ напоминанье—
Одинъ залогъ любви сіи черты!
Прими же притчу! я обрѣлъ отраду,
Души болѣзнямъ въ ней обрѣлъ цѣльбу:
Да будетъ и тебѣ она въ усладу!
Благословлю Вышняго судьбу:
Стоишь, какъ пальма, въ красотѣ могущей,
Ты твердъ и свѣтелъ въ юности цвѣтущей,
Надежды полнъ, и доблестенъ, и смѣлъ.....
Дай Богъ тебѣ безбурныхъ дней предѣлъ!
Но не поднять завѣсы съ тьмы грядущей,
Земля—юдоль искуса, а не рай:
И ты, мой другъ, ненастья ожидай,
Лишь не забудь: и радость, и страданье—
Одной отеческой руки даянье.

17-го февраля.

Жаль, что Московскій университетъ истинно геніальнаго Павлова заставилъ читать „Сельское хозяйство"; это почти тоже, что Ахиллесу приказать быть хлѣбопекомъ или Платону танцмейстеромъ. Въ моей „Мнемозинѣ" одна изъ лучшихъ статей—первая въ 4-й части— его же, Павлова: по моему мнѣнію, онъ чуть-ли не самый умный, самый лучшій послѣдователь Шеллинга изъ нашихъ соотечественниковъ. Не только Одоевскому, но, кажется, и И. Давыдову далеко до него. Я съ нимъ былъ знакомъ еще въ Берлинѣ: тогда онъ въ полномъ смыслѣ былъ еще нѣмецкимъ студентомъ,—боекъ, уменъ, burschikos, молодецъ. Потомъ меня забавляли его смѣшныя отмѣтки въ записныхъ тетрадяхъ, какія хранятся для путешественниковъ въ примѣчательныхъ мѣстахъ такъ называемой Саксонской Швейцаріи. Наконецъ, я съ нимъ свидѣлся опять ужъ въ Москвѣ при публичномъ чтеніи общества любителей русской словесности. Тутъ я въ немъ замѣтилъ какую-то робость, унылость, застѣнчивость, которыя ясно показывали, что онъ не слишкомъ доволенъ своимъ положеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, каково читать Сельское хозяйство тому, кто предполагалъ, что получитъ каѳедру философіи,—каѳедру, коей былъ бы онъ истиннымъ украшеніемъ!

18-го февраля 1833 г.

Кончилъ 8-ю книгу Иліады: это значитъ, что я ужъ прочелъ третью долю всей поэмы. Объ успѣхахъ же своихъ могу судить по сему: въ два часа съ небольшимъ разобралъ я сегодня около 150 стиховъ.

19-го февраля.

Всякій разъ, когда читаю что-нибудь Мерзлякова, во мнѣ рождается чувство сожалѣнія къ этому человѣку съ истиннымъ дарованіемъ, погибшимъ отъ обстоятельствъ и недостаточнаго образованія. Въ его одѣ „Трудъ“ между множествомъ стиховъ, до смысла коихъ трудно добраться, есть также и такіе, которые служатъ сильнымъ доказательствомъ, что ему, точно, было знакомо вдохновеніе.

27-го февраля.

Рѣдко случается или, лучше сказать, рѣдко удается намъ замѣтить, чтобы была связь между сномъ, который видимъ, и другимъ, видѣннымъ нами давно. Это было со мною сегодня: я во снѣ вспомнилъ другой, давно ужъ забытый. Если такія воспоминанія бываютъ чаще, чѣмъ мы замѣчаемъ (въ чемъ я почти увѣренъ), нельзя-ли изъ того вывесть заключенія, что дѣятельность нашей души во снѣ имѣетъ гораздо болѣе существеннаго, нежели обыкновенно предполагаютъ? А если это такъ, сколько тутъ открывается предметовъ для размышленія; сколько представляется сравненій сна съ бодрствованіемъ, сравненій такихъ, которыя съ перваго взгляду не слишкомъ клонятся въ пользу дѣйствительной жизни, однако же при бо̀льшемъ вниманіи открываютъ для сердца вѣрующаго богатый источникъ надеждъ и упованій.

6-го марта.

Примѣчательный день: былъ у меня въ первый разъ молодой пасторъ, имя ему Савеніусъ. Получилъ я отъ него рейнгардовы проповѣди. Такимъ образомъ я въ эти послѣдніе два года познакомлюсь съ тремя лучшими, можетъ быть, нѣмецкими проповѣдниками: Дрезеке, Чирнеромъ и Рейнгардомъ [1]).

16-го марта.

Любопытна статейка самаго Каченовскаго въ „Вѣстникѣ Европы“: „О старинныхъ названіяхъ въ Россіи денегъ“; особенно что онъ говоритъ о скотѣ, скотницѣ въ смыслѣ 24-й части гривны. Онъ это слово производитъ отъ шведскаго skatt, skott и отвергаетъ мнѣніе Карамзина, что монета получила названіе отъ скота въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова. Признаю сродство между шведскимъ словомъ

[1]) О первыхъ двухъ говорилось въ утраченныхъ тетрадяхъ моего дневника. В. К.

skatt, skott, итальянскимъ scudi, варварскимъ латинскимъ scotus и нашимъ; но почему же не полагать, что народы западные заняли свое названіе монетѣ у славянъ?

20-го марта 1833 г.

Нынѣшній день — день рожденія матушки — я освятилъ окончаніемъ 5-й пѣсни своей поэмы и окончаніемъ чтенія 9-й книги Иліады.

24-го марта.

Къ младшей сестрѣ посылаю стихи: „Любовь“, основанные на 13-й главѣ посланія 1-го св. Павла къ Коринѳянамъ. Эту главу я зналъ наизусть, но, было, забылъ; теперь опять вытвердилъ.

Любовь.

Высокая сила дана человѣку:
Пусть вѣкъ его малъ, и рождается слабъ,
И бури съ рожденья грозятъ его вѣку,
Пусть онъ и страданья и тлѣнія рабъ;
Но мысль его, искра чудесная,
Блеститъ и во мракѣ земномъ;
Душа его—гостья небесная:
Не вѣчно же прахъ ему домъ.

По тѣлу былинка,—и чтожъ? дерзновенный,
Свѣтила и солнца кладетъ на вѣсы,
И слышитъ біеніе сердца вселенной,
Гармонію звѣздъ, міровые часы.
Поятъ пѣснопѣвцы потоками
Увядшія души племенъ,
Предъ полными Бога пророками
Спадаетъ завѣса временъ.

Такъ! дивна же данная смертному сила,
Но сонъ его дни: и вождя, и царя,
И мудраго—всѣхъ ожидаетъ могила:
Увидѣла гордаго славой заря;
Луна же, со свода туманнаго,
Сребря вертограды земли,
Узрѣла его бездыханнаго;
Заутра слѣда не нашли.

Пусть каждая мнѣ покорится стихія,
И каждаго знаю народа языкъ,
И скажутъ: «онъ ангелу равный витія»,
И всѣхъ превзойду моготою владыкъ,
Пусть будутъ мнѣ книгой открытою
Дѣла нерожденнаго дня;
Но бездной пожрусь же несытою,
Но гробъ же поглотитъ меня.

Потребно единое въ области свѣта,
Въ той области, гдѣ Судія возсѣдитъ,
Гдѣ будетъ не въ тѣло земное одѣта,
Куда, все покинувъ, душа воспаритъ:
Любовь!—Безъ любви оживляющей
Я только звенящій кимвалъ,
Тотъ звукъ, что подъ дланью играющей
Трепещущій бубенъ издалъ.

Иной не щадитъ ни трудовъ, ни сокровищъ,
И служитъ убогому, жертвуя всѣмъ,
Безстрашенъ и твердъ, и летитъ на чудовищъ,
Въ мученіи пламени крѣпокъ и нѣмъ;
Дымяся геройскою кровію,
Земля да прославитъ его;—
Но, если влекомъ не любовію,
Предъ Господомъ онъ—ничего.

Хотя бы и силой владѣлъ чудотворной,
И молвилъ бы, вѣры божественной полнъ,
Горѣ, его грозному зову покорной:
«Повергнися въ лоно бездонное волнъ!»
Качая главою лѣсистою,
Та двинется въ море,—но самъ,
Объятъ не любовію чистою,
Творца-ли предстанетъ очамъ?

Обиды любовь, милосердуя, сноситъ,
Любви не смутятъ и навѣты вражды,
Любовь похвалы за даянье не проситъ
И стона не ждетъ и моленья нужды;
Себѣ же не ищетъ и праваго,
Не хочетъ и злобному зла,
Не мыслитъ во вѣки лукаваго,
Всегда, какъ зерцало, свѣтла.

Скорбитъ о неправдѣ, но въ чистую радость—
Священная, вѣчная истина ей;
Грѣхи покрываетъ и горечь за сладость,
Враговъ же готова считать за друзей;
Все ею пріемлется съ вѣрою,
На чемъ только блага печать:
Злодѣйству же равною мѣрою
Любви-ли возможно воздать?

Какъ дымъ или спящаго мужа мечтанья,
Какъ облака легкаго быстрый полетъ,
Такъ пышность, и сила, и мудрость, и знанія,
Все бренное въ день разрѣшенья минетъ.
Настанетъ одно совершенное,

Любовь воцарится одна;
Вожатый въ жилище блаженное,
Предстатель за грѣшныхъ—она!

Тебѣ подобаетъ Единому слава,
О, Сынъ Всемогущаго, бездна любви,
Ты, коего вѣчны и власть и держава!
Распятый! Тебѣ я молюсь: обнови
Любви воскрешающей пламенемъ
Остывшее сердце во мнѣ!
Да буду не льдомъ и не каменемъ,
Да буду Твоимъ въ той странѣ!

27-го марта.

Въ началѣ своего заточенія я выучилъ наизусть нѣсколько мѣстъ Священнаго Писанія, но потомъ позабылъ. Хочу ихъ постепенно возобновить въ своей памяти: на прошедшей недѣлѣ вытвердилъ я начало 13-й главы I-го Посланія къ Коринѳянамъ, а потомъ 2-ю главу Іисуса сына Сирахова.

29-го марта 1833 г.

Вчера и сегодня я прочелъ еще 24 главы пророка Іезекіиля. Изложеніе его до чрезвычайности живописно; 14-ти первымъ стихамъ 37-й главы никогда не перестану удивляться! они выше всего того, что встрѣчается подобнаго у свѣтскихъ писателей: нѣсколько крупицъ съ трапезы Іезекіилевой довольно было, чтобы Шиллеровъ знаменитый разговоръ Франца Мора и старика Даніила превратить въ богатое, роскошное пиршество для изумленнаго воображенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

Письмо очевидца о его кончинѣ.

5-го февраля 1837 г.

Вижу изъ твоего нынѣшняго письма и изъ твоихъ впечатлѣній, что Тургеневъ передалъ тебѣ не полный отчетъ о послѣднихъ дняхъ Пушкина. Впрочемъ, оно не могло быть иначе. Тургеневъ не былъ безотлучно при немъ днемъ и ночью, подобно мнѣ, Жуковскому, Віельгорскому. Постараюсь пополнить разсказъ его.

Первое слово его женѣ, когда внесли его въ комнату раненаго и положили на диванъ, было слѣдующее:

— Какъ я счастливъ! Я еще живъ и ты возлѣ меня! Будь покойна: ты невиновата, я знаю, что ты невиновата.

Между тѣмъ онъ скрылъ отъ нея опасность раны своей, которую докторъ, по его требованію, откровенно объявилъ ему смертельною.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ тутъ Шольцу, который первый изъ докторовъ видѣлъ его (на мѣстѣ поединка доктора не было, и впрочемъ, по существу раны, имъ полученной, докторъ былъ бы безполезенъ),—что вы сказали мнѣ правду, какъ честный человѣкъ: теперь займусь дѣлами моими.

Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ Арендтъ и подтвердилъ ему мнѣніе перваго доктора о безнадежности положенія его и смертельности раны, имъ полученной. Разставаясь съ нимъ, Арендтъ сказалъ ему:

— Ѣду къ государю, не прикажите-ли что сказать ему?

— Скажите, отвѣчалъ Пушкинъ, что умираю и прошу у него прощенія за себя и за Данзаса (братъ московскаго, бывшій лицейскимъ товарищемъ, вѣрнымъ другомъ въ жизни и по смерти, и за часъ до поединка попавшійся ему на улицѣ и взятый въ секунданты).

Ночью возвратился къ нему Арендтъ и привезъ ему для прочтенія собственноручную записку, карандашомъ написанную государемъ,

почти въ такихъ словахъ: „Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки".

Пушкинъ былъ чрезвычайно тронутъ этими словами и убѣдительно просилъ Арендта оставить ему эту записку; но государь велѣлъ ее прочесть ему и немедленно возвратить.

— „Скажите государю,—говорилъ Пушкинъ Арендту,—что жалѣю о потерѣ жизни, потому что не могу изъявить ему мою благодарность, что я былъ бы весь его".

Эти слова слышаны мною и врѣзались въ память и сердце мое по чувству, съ коимъ они были произнесены.

Пришелъ священникъ, исповѣдалъ и причастилъ его. Священникъ говорилъ мнѣ послѣ со слезами о немъ и о благочестіи, съ коимъ онъ исполнилъ долгъ христіанскій. Пушкинъ никогда не былъ esprit fort, по крайней мѣрѣ, не былъ имъ въ послѣдніе годы жизни своей; напротивъ, онъ имѣлъ сильное религіозное чувство: читалъ и любилъ читать евангеліе, былъ проникнутъ красотою многихъ молитвъ, зналъ ихъ наизусть и часто твердилъ ихъ.

Жену призывалъ онъ часто, но не позволялъ ей быть безотлучно при себѣ, а ее увѣрялъ онъ, что раненъ въ ногу и доктора, по требованію его, въ томъ же ее удостовѣрили. Когда мучительная боль вырывала невольно крики изъ груди его, отъ которыхъ онъ по возможности удерживался, зажимая ротъ свой, онъ всегда прибавлялъ:

— Бѣдная жена! бѣдная жена!—и посылалъ докторовъ успокоивать ее.

Въ эти два дня онъ только и начиналъ говорить, что о ней и о государѣ. Ни одной жалобы, ни одного упрека, ни одного холоднаго, черстваго слова не слыхали мы. Если онъ и просилъ докторовъ не заботиться о продолженіи жизни его, дать ему умереть скорѣе, то единственно отъ того, что онъ зналъ о неминуемости смерти своей и терпѣлъ лютѣйшія мученія. Арендтъ, который видѣлъ много смертей на вѣку своемъ и на поляхъ сраженій, и на болѣзненныхъ одрахъ, отходилъ со слезами на глазахъ отъ постели его и говорилъ, что онъ никогда не видалъ ничего подобнаго, такого терпѣнія при такихъ страданіяхъ. Еще сказалъ и повторилъ нѣсколько разъ Арендтъ замѣчательное и прекрасное утѣшительное слово объ этомъ несчастномъ приключеніи:

— Для Пушкина жаль, что онъ не былъ убитъ на мѣстѣ, потому что мученія его невыразимы; но для чести жены его—это счастіе, что

онъ остался живъ. Никому изъ насъ, видя его, нельзя сомнѣваться въ невинности ея и въ любви, которую къ ней Пушкинъ сохранилъ.

Эти слова въ устахъ Арендта, который не имѣлъ никакой личной связи съ Пушкинымъ и былъ при немъ, какъ былъ бы онъ при каждомъ другомъ въ томъ же положеніи, удивительно выразительны. Надобно знать Арендта, его разсѣянность, его привычку къ подобнымъ сценамъ, чтобы понять всю силу его впечатлѣнія. Стало быть, видимое имъ было такъ убѣдительно, такъ поразительно и полно истины, что пробудило и его вниманіе и имъ овладѣло.

— Простилъ-ли царь моего Данзаса? спросилъ Пушкинъ у Арендта, — и на довольно успокоительный отвѣтъ его изъявилъ снова преданность и благодарность къ государю.

Кажется, Віельгорскому сказалъ онъ однажды: „жду Арендта и царскаго слова, чтобы умереть спокойно".

Ожесточенія (?) къ жизни въ немъ вовсе не было. Онъ желалъ смерти, какъ конца мученій, и, отчаяваясь въ жизни, не хотѣлъ продолжать ее насильственно безполезными мѣрами и новыми мученіями. Но на другой день, когда сдѣлалось ему получше, и замѣтилъ онъ, что и доктора поободрились, и онъ сдѣлался податливымъ къ надеждѣ, слушался докторовъ, самъ приставлялъ себѣ своеручно пьявицы, принималъ лекарства, и когда доктора обѣщали ему хорошія послѣдствія отъ лекарствъ, онъ отвѣчалъ имъ:

— Дай Богъ, дай Богъ!

Но этотъ оборотъ къ лучшему былъ непродолжителенъ и онъ вновь убѣдился въ неминуемости близкой кончины, и ожидалъ ее спокойно, наблюдая ходъ ея, какъ въ постороннемъ человѣкѣ, щупалъ пульсъ свой и говорилъ:

— Вотъ смерть идетъ". — Спрашивалъ: „въ которомъ часу, полагаетъ Арендтъ, что онъ долженъ умереть?" и изъявлялъ желаніе, чтобы предсказаніе Арендта сбылось въ тотъ же день. Прощаясь съ дѣтьми, перекрестилъ онъ ихъ. Съ женою прощался нѣсколько разъ и всегда говорилъ ей съ нѣжностью и любовью. Съ нами прощался онъ посреди ужасныхъ мученій и судорожныхъ движеній, но съ духомъ бодрымъ и съ нѣжностью. У меня крѣпко пожалъ онъ руку и сказалъ:

— Прости, будь счастливъ.

Пожелалъ онъ видѣть Карамзину. Мы за нею послали. Прощаясь съ нею, просилъ онъ ее перекрестить его, что̀ она и исполнила. Данзасъ, желая вывѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ онъ къ Гекерену, спросилъ его: не поручитъ-ли онъ ему чего-нибудь, въ случаѣ смерти, касательно Гекерена?

— Требую, отвѣчалъ онъ ему, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ.

Вотъ все, что на эту минуту могу припомнить изъ всего того, что мы видѣли. Ручаюсь совѣстью, что нѣтъ тутъ лишняго слова и никакого преувеличенія. Напротивъ, вѣроятно, многаго нѣтъ. Собираемъ теперь, что каждый изъ насъ видѣлъ и слышалъ, чтобы составить полное описаніе, засвидѣтельствованное нами и докторами. Пушкинъ принадлежитъ не однимъ ближнимъ и друзьямъ, но и отечеству, и исторіи. Надобно, чтобы память о немъ сохранилась въ чистотѣ и цѣлости истины. Но изъ сказаннаго здѣсь мною ты можешь видѣть, въ какихъ чувствахъ, въ какомъ расположеніи ума и сердца своего кончилъ жизнь Пушкинъ. Дай Богъ намъ каждому подобную кончину! О томъ, что было причиною этой кровавой и страшной развязки—говорить много нечего. Многое осталось въ этомъ дѣлѣ темнымъ и таинственнымъ для насъ самихъ. Довольно намъ имѣть твердое, задушевное убѣжденіе, что жена Пушкина непорочна и что мужъ ея жилъ и умеръ съ этимъ убѣжденіемъ, что любовь и ласковость къ ней не измѣнились въ немъ ни на минуту.

Пушкина въ гробъ положили и зарѣзали жену его городскія сплетни, людская злоба, праздность и клевета петербургскихъ салоновъ, безъименныя письма. Пылкая, страстная душа его, африканская кровь, не могли вытерпѣть раздраженія, произведеннаго сомнѣніями и подозрѣніями общества.

— „Il y a deux espèces de cocus,—говорилъ онъ д'Аршіаку, секунданту Гекерена, за часъ до поединка,—ceux qui le sont de fait savent à quoi s'en tenir: le cas de ceux qui le sont par la grâce du public, est plus embarrassant et c'est le mien“.

Когда д'Аршіакъ требовалъ секунданта отъ Пушкина для переговоровъ о причинахъ поединка, онъ письменно отвѣчалъ ему:

— „Je ne me soucie pas de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes sécrets de famille. Je ne consens à aucun pour parler entre les témoins“.

Послѣ пришлю я тебѣ всѣ письма, относящіяся до этого дѣла. Покажи, пожалуйста, мое письмо Ив. Ив. Дмитріеву и Сонцову, или, лучше, дай имъ копію съ него и вообще показывай письмо всѣмъ, кому заблагоразсудишь. Повторяю, все въ немъ сказанное есть сущая, но развѣ неполная истина.

Скажи Сергѣю Львовичу (отцу поэта), что Наталья Николаевна (жена поэта) очень слаба, о горести ея и говорить нечего. Она тотчасъ просила меня написать ему о случившемся несчастіи, но, право, я ни духа, ни силы физической писать не имѣлъ. Наталья Нико-

лаевна ожидаетъ брата старшаго изъ Калужской губерніи, и поѣдетъ съ нимъ и съ семействомъ своимъ тотчасъ въ Калужскую губернію. Скажи ему, что всѣ порядочные люди, начиная отъ царской фамиліи, пріемлютъ въ ней живѣйшее участіе, убѣждены въ ея невинности, и признаютъ всю эту бѣдственную исторію какимъ-то фаталитетомъ, который невозможно объяснить и невозможно было предупредить. Анонимныя письма причина всего; они облили горячимъ ядомъ раздражительное сердце Пушкина: ему съ той поры нужна была кровавая развязка.

Пожалуйста дай и мнѣ копію съ письма моего, чтобы сохранить его въ памяти. Прочти Владиміру Пушкину, и, если можешь отыскать, Павлу Воиновичу Нащокину, другу покойнаго Пушкина.

А. И. Тургеневъ отправился третьяго дня вечеромъ съ тѣломъ Пушкина и съ жандармскимъ капитаномъ, для погребенія, въ монастырь Святыя горы, Псковской губерніи, близь деревни Пушкина. Не до смѣха было, а нельзя было намъ воздержаться отъ смѣха, глядя на Тургенева и на сборы его дорожные.

Примѣчаніе. Кѣмъ и къ кому писано это письмо, попадающееся намъ во многихъ спискахъ и почему оно до сихъ поръ, сколько помнимъ, не было еще напечатано,— мы не знаемъ. Несомнѣнно однако, что документъ этотъ имѣетъ общій интересъ и значеніе для біографіи Пушкина, такъ какъ въ немъ есть нѣкоторыя свѣдѣнія, не находящіеся въ извѣстныхъ разсказахъ Жуковскаго, Даля, Спаскаго и друг. лицъ о послѣднихъ дняхъ жизни великаго поэта.

Ред.

—⊖⊃—

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ОДОЕВСКОЙ.

1804—1839.

Въ „Русской Старинѣ“ 1870 г., изданіе третье, томъ I, стр. 571—579, напечатано нѣсколько стихотвореній даровитаго поэта А. И. Одоевскаго, столь преждевременно скончавшагося на Кавказѣ вскорѣ послѣ гибели Пушкина и незадолго до таковой же судьбы своего друга Лермонтова.

Помѣщаемъ здѣсь еще одно стихотвореніе того же поэта, А. И. Одоевскаго, къ его отцу, съ которымъ онъ былъ связанъ самою нѣжною любовью и дружбою; хотя посланіе это и было напечатано („От. Зап.“ 1841 г., № 7; въ „Сборн. для легкаго чтенія“ 1856 г. т. III, и въ „Собр. стихотвореній“ изд. 1862 г., въ Лейпцигѣ), но съ ошибками. Мы печатаемъ его по подлинной рукописи автора, сохранившейся въ бумагахъ покойнаго генерала С. П. Лепарскаго. Достойно замѣчанія, что стихотвореніе это весьма распространено и еще недавно крестьянинъ И. Самсоновъ прислалъ намъ одинъ изъ списковъ этого посланія. **Ред.**

Какъ недвижимы волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ,
Непроницаемою гранью!
За ними, — полный жизни міръ,
А здѣсь я одинокъ и сиръ,—
Отдалъ всю жизнь воспоминанью!

* *
*

Всю жизнь... Остатокъ прежнихъ силъ
Теперь въ одно я чувство слилъ—
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный.
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.

* *
*

Проснется-ль темный сводъ небесъ,
И загорится-ль дальній лѣсъ,
И золотой зашепчетъ колосъ,
Въ лунѣ,—въ туманной выси горъ,
Вездѣ мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.

* * *

Когда-жъ объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ изсохшихъ ногъ
Стряхнетъ твой первенецъ-изгнанникъ,—
Взойдетъ — растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу приметъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ?....

* * *

Нѣтъ! Не входить мнѣ въ отчій домъ,
И не молиться мнѣ съ отцемъ
Предъ домашнею иконой,
Не утѣшать его сѣдинъ,
Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ,
Его младенцамъ обороной.

* * *

Меня въ чужбину вихрь умчалъ
И бросилъ на девятой валъ
Мой челнъ, скользившій безъ кормила
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ, не кровною рукой,
Но вьюгой вырыта могила.

* * *

Съ тѣхъ поръ, засвѣтитъ-ли заря,
Молю я — солнышко царя
И нашу свѣтлую царицу:
Меня — о солнце, воскреси,
И дай мнѣ на святой Руси
Увидѣть хоть одну денницу.

* * *

Взнеси опять мой бѣдный челнъ,
Игралище безумныхъ волнъ,
На океанъ твоей державы.
Съ небесъ мнѣ кроткой лучъ пролей,
И грѣшной юности моей
Не помяни ты въ царствѣ славы.

(Сибирь). **А. Одоевской.**

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

I.

Гоголь въ своихъ письмахъ.

1820 — 1842.

Внутренно я не измѣнялся никогда.
(Письмо къ С. Т. Аксакову).
Человѣкъ большой плутъ.
(Письмо къ г-жѣ Смирновой).
Есть во мнѣ что-то хлестаковское.
(Письмо къ Жуковскому).

Письма нашего великаго писателя, занимающія, какъ извѣстно, въ изданіи П. А. Кулиша цѣлыхъ два тома (508 и 554 стр. большаго формата), все еще пополняются вновь доставляемыми его друзьями въ редакціи нашихъ историко-литературныхъ журналовъ-сборниковъ.

П. А. Кулишъ заявилъ въ своемъ изданіи, что „нѣкоторыя письма погибли невозвратно; другихъ издатель не имѣлъ возможности собрать; многія изъ собранныхъ печатать еще рано“. Быть можетъ, г. Кулишъ нашелъ бы, что и теперь еще рано печатать нѣкоторыя изъ тѣхъ писемъ, которыя читатель прочтетъ на страницахъ „Русской Старины“, получившей ихъ отъ сына покойнаго Ст. Петр. Шевырева, Бориса Степановича. Другимъ же можетъ, наоборотъ, казаться, что пора бы пополнить и тѣ пропуски и сокращенія, которыя такъ часто попадаются въ письмахъ, напечатанныхъ г. Кулишомъ, едва-ли не руководившимся при этихъ пропускахъ, между прочимъ, и своими панегиристическими отношеніями къ Гоголю. Такія отношенія къ знаменитымъ писателямъ все еще не выходятъ у насъ изъ употребленія, какъ одно изъ уродливыхъ проявленій нашего такъ-называемаго „патріотизма“. Такія отношенія особенно поражаютъ въ томъ случаѣ, когда рядомъ съ ними встрѣчаешь самыя скороспѣло-смѣлыя прини-

зительныя сужденія вообще о своемъ народѣ. Видно, мы все еще не можемъ совершенно сойти съ точки зрѣнія прошлаго вѣка—съ его презрительнымъ поглядываньемъ на массу, при чисто-рабскомъ почитаніи великихъ людей.

Редакція „Русской Старины“ предложила мнѣ просмотрѣть доставленныя ей письма Гоголя и приложить къ нимъ мою замѣтку. Хотя письма эти писаны, главнымъ образомъ, къ одному лицу (Ст. Петр. Шевыреву; кромѣ того, только одно къ Языкову и одно къ П. А. Плетневу) и относятся, за исключеніемъ одного, ко второму періоду жизни Гоголя (съ 1842 г.) я счелъ нужнымъ разсмотрѣть ихъ въ связи со всѣми прежде извѣстными письмами не только этого послѣдняго, но и перваго періода его жизни. Уже А. Н. Пыпинъ въ своей характеристикѣ Гоголя указалъ на то, что оба періода самымъ непосредственнымъ образомъ между собою связаны, такъ что въ сущности въ Гоголѣ вовсе не произошло того крутаго перелома, о которомъ такъ много у насъ говорили. Но, указавъ на существованіе въ Гоголѣ уже издавна возможности тѣхъ сторонъ его міровоззрѣнія и характера, которыя окончательно выступили наружу со времени его „Переписки съ друзьями“, А. Н. Пыпинъ объяснялъ это преимущественно умственною несостоятельностью Гоголя, а эту послѣднюю—невысокимъ умственнымъ уровнемъ той общественно-литературной среды, въ которой онъ вращался. Разсмотрѣвъ выдающіяся черты прежде извѣстныхъ писемъ Гоголя въ связи съ тѣми, которыя печатаются теперь, я надѣюсь вмѣстѣ съ тѣмъ высказать свои посильныя замѣчанія на взглядъ г. Пыпина, которому несомнѣнно принадлежитъ та заслуга, что онъ первый посмотрѣлъ на Гоголя, какъ на человѣка, снявъ его съ тѣхъ подмостковъ, на которые громоздили его, не удовлетворяясь тѣмъ высокимъ мѣстомъ, какое, несмотря ни на что, останется за его громаднымъ талантомъ въ исторіи нашей литературы [1]).

Письма Гоголя, какъ извѣстно, идутъ съ его ученическихъ годовъ. Въ своихъ нѣжинскихъ посланіяхъ онъ нерѣдко обращается къ родителямъ за деньгами, разсказывая иногда о своихъ картинахъ: „ежели бы вы ихъ повидѣли, то вѣрно бы не могли повѣрить, что я рисо-

[1]) Къ неблагопріятнымъ заключеніямъ о характерѣ Гоголя нельзя не прійти, если приняться за его письма безъ предвзятой мысли, подобно тому, какъ, совершенно на оборотъ, безпристрастному человѣку нельзя не признать, что чѣмъ болѣе открывается матеріаловъ для біографіи Жуковскаго, тѣмъ привлекательнѣе становится онъ, какъ человѣкъ. Съ Гоголемъ же, какъ человѣкомъ, примиряетъ то, что онъ не всегда только щеголялъ смиренномудріемъ своего всенароднаго покаянія, но что въ немъ сказывалось и искреннее сознаніе своихъ слабостей, усиливавшееся съ годами въ уровень съ усиленіемъ въ немъ самолюбиваго мистицизма. О. М.

валъ", но оставаясь при одномъ желаніи послать имъ кое-какія изъ нихъ, рисованныя „сухими колерами". „Нѣкоторыя изъ нихъ, пояснялъ онъ, еще не докончены, а другія, боюсь, чтобы не потерлись дорогою, потому что рисовка ихъ весьма нѣжна". Въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти отца Гоголь пишетъ матери, что перенесъ этотъ ударъ „съ твердостью истиннаго христіанина", при томъ же, „не давъ никому замѣтить, что былъ опечаленъ", тогда какъ была будто бы минута, когда онъ „хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ". (Кулишъ, V, 18 и 19). Откровеннаго сознанія въ слабыхъ успѣхахъ не видно въ этихъ письмахъ, но передъ пріѣздомъ на каникулы говорится: „знаю, что вамъ не можетъ быть подарка лучшаго, какъ привезть вамъ сердце доброе, пылающее къ вамъ самою нѣжною любовью.... но смѣю вамъ сказать, что я пріобрѣлъ уже довольно и другихъ качествъ.... обработалъ таки свои понятія, которыя сдѣлались гораздо проницательнѣе, дальновиднѣе"... (24). Между тѣмъ, приближалось время выпуска, когда должно было оказаться, что, кромѣ „душевныхъ качествъ" и „обработанныхъ понятій", Гоголь ничѣмъ почти не запасся въ Нѣжинскомъ лицеѣ. Онъ сталъ подготовлять къ этому такимъ образомъ: „о потерянномъ времени жалѣть нечего. Нужно стараться вознаградить его, и въ короткіе эти полгода я хочу произвесть, и произведу (я всегда достигалъ своихъ намѣреній), вдвое болѣе, нежели во все время моего здѣсь пребыванія.... при моемъ желѣзномъ терпѣніи", и т. д. Когда же плодовъ этого „желѣзнаго терпѣнія" все-таки не оказалось, молодому дипломату пришлось, наконецъ, сознаться: „я, точно, во многомъ, очень во многомъ предъ вами виноватъ, почтеннѣйшая маменька. Недавно только понялъ я, что имѣлъ нужды не по своему состоянію...." Но пришлось пойти еще далѣе въ вынужденной откровенности: „я не говорилъ никогда, пишетъ Гоголь, что утерялъ цѣлые шесть лѣтъ даромъ"; потомъ однако же слѣдуетъ оговорка, исполненная опять самомнѣнія: „нужно удивляться, что я могъ столько узнать еще. Вы изъявляли сожалѣніе, что меня въ началѣ не поручили кому; но знаете-ли, что для этого нужны были тысячи? Да что бы изъ этого было? Ежели я что знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ...." Затѣмъ появляется даже риторика въ трагическомъ вкусѣ: „Я больше поиспыталъ горя и нужды, нежели вы думаете.... Врядъ-ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія, и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ.... Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ".... (стр. 71). И это говоритъ юноша, только еще готовящійся выступить на поприще жизни!

Но вотъ учебные годы кончились. Побывавъ у матери, молодой

Гоголь отправляется въ Петербургъ искать мѣста. Какъ вдругъ она получаетъ отъ него письмо, изъ котораго узнаетъ, что онъ ѣдетъ за границу. На это онъ употребляетъ деньги, высланныя ему матерью для внесенія въ опекунскій совѣтъ (взявъ изъ этого учрежденія четырехмѣсячную отсрочку). „Поступокъ рѣшительный, безразсудный, сознается Гоголь, но что же было мнѣ дѣлать? Всѣ деньги, слѣдуемыя въ опекунскій совѣтъ, оставилъ я себѣ и теперь могу рѣшительно сказать: больше отъ васъ не потребую.... Что же касается до того, какъ вознаградить эту сумму, какъ внесть ее сполна, вы имѣете полное право данною и прилагаемою мною при семъ довѣренностью продать слѣдуемое мнѣ имѣніе, часть или все, заложить его, подарить и проч." Въ объясненіе такого, какъ самъ онъ выражается, безразсуднаго поступка, Гоголь приводитъ ни больше, ни меньше, какъ волю Божію. „Я хотѣлъ-было, увѣряетъ онъ, противиться этимъ вѣчно неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспиталъ свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣивать благо и работать на пользу міра.... Несмотря на это все, я рѣшился, въ угодность вамъ больше (мать, стало быть, оказывается виновною—она противилась голосу Бога, раздававшемуся въ душѣ ея сына), я рѣшился служить здѣсь во что бы то ни стало; но Богу не было это угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи.... Люди совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я, съ помощью своихъ покровителей не могъ достигнуть". Далѣе—исполненное пристыженности сознаніе въ томъ, чѣмъ наказалъ его Богъ за неповиновеніе своей волѣ.... „Вы знаете,—говоритъ онъ,—что я былъ одаренъ твердостью, даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ...." И вдругъ—этотъ твердый человѣкъ влюбился! „Но она была слишкомъ высока, высока!" Пришлось бѣжать отъ этой любви—новая причина поѣздки за границу. Впрочемъ въ слѣдующемъ письмѣ, уже изъ Любека, проглядываетъ чувство совѣсти: „мысль, что я вамъ причиняю симъ, тяжелымъ камнемъ налегла на душу, говоритъ Гоголь, и напрасно я старался увѣрить самого себя, что я принужденъ былъ повиноваться волѣ Того, который управляетъ нами свыше". Но, совершенно, повидимому, искренно предаваясь раскаянію, онъ и тутъ опять особеннымъ образомъ впутываетъ Высочайшее существо. „Часто я думаю о себѣ: зачѣмъ Богъ создалъ сердце, можетъ быть, единственное, по крайней мѣрѣ рѣдкое въ мірѣ, чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему

высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? Зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія". Надо думать, что у Гоголя, въ промежутокъ времени между двумя этими письмами, поколебалась надежда подѣйствовать на религіозное чувство матери указаньемъ на волю Божію; теперь онъ невольно попадаетъ въ тонъ ропота на своего создателя, способный оскорбить ея религіозное чувство. Между тѣмъ, желая привести болѣе извинительныя причины своей поѣздки, онъ говоритъ далѣе, что главную, кажется, забылъ объявить въ предъидущемъ письмѣ. „Во все почти время весны и лѣта въ Петербургѣ я былъ боленъ; теперь хотя и здоровъ, но у меня высыпала по всему лицу и рукамъ большая сыпь". На бѣду, этотъ оправдательный изворотъ только возбудилъ совершенно неожиданныя подозрѣнія со стороны матери. Она истолковала себѣ болѣзнь его въ такомъ смыслѣ, что ему пришлось въ слѣдующемъ письмѣ восклицать: „какъ вы могли, маменька, подумать даже, что я — добыча разврата, что нахожусь на послѣдней степени униженія человѣчества! наконецъ, рѣшились мнѣ приписать болѣзнь, при мысли о которой всегда трепетали отъ ужаса даже самыя мысли мои".

Совѣсть заставила Гоголя вскорѣ, какъ извѣстно, вернуться въ Петербургъ. Но, пріискавъ себѣ наконецъ мѣсто съ небольшимъ жалованьемъ, онъ, еще такъ недавно увѣрявшій мать, что болѣе ничего отъ нея не потребуетъ, спрашиваетъ теперь: „въ состояніи-ли вы выдавать мнѣ въ каждый мѣсяцъ по 100 р.?" (стр. 89, 95, 107). Вскорѣ послѣ того, объявивъ матери, что на этотъ годъ ему достаточно получить отъ нея 500 рублей „какъ послѣдніе", онъ затѣмъ съ радостью объявляетъ ей о представившемся случаѣ оставить свою ничтожную службу: „ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной, Богъ знаетъ, за какое благополучіе почелъ бы занять оставленное мною мѣсто". Дѣло въ томъ, что Гоголю представилось другое: мѣсто учителя въ патріотическомъ институтѣ. Объ этомъ совершенно простомъ обстоятельствѣ онъ съ торжественностью писалъ матери: „государыня приказала мнѣ читать въ находящемся въ ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ". И нѣсколько позже, посылая матери первый томъ своихъ „Вечеровъ на Хуторѣ", онъ счелъ нужнымъ написать про эту книгу: „она понравилась здѣсь всѣмъ, начиная отъ государыни" (129, 134). Въ новомъ качествѣ педагога, года два спустя, онъ даетъ наставленія своей матери, какъ она должна воспитывать его сестру: „говорите ей побольѣ о будущей жизни.... при всякомъ ея поступкѣ, худомъ или хорошемъ.... Нужно сильно потрясти дѣтскія чувства...." Онъ узналъ

это на собственномъ опытѣ, совершенно случайно, такъ какъ въ сущности его только хотѣли воспитать хорошо, но не съумѣли, потому что „родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями дѣтей своихъ". Гоголь самъ напросился на „потрясенie своихъ дѣтскихъ чувствъ": „я просилъ васъ разсказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и возбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело въ послѣдствiи во мнѣ самыя высокiя мысли". На этомъ-то, случайно раскрывшемся передъ нимъ, началѣ застращиванiй и приманокъ хочетъ онъ основать религiозно-нравственное воспитанie своей сестры, воображая, что такимъ образомъ можно оградить ее отъ ошибки, сдѣланной при его собственномъ воспитанiи, доведшемъ его до того, что онъ „глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать ему" (186).

Этими послѣдними словами Гоголь мѣтко обозначилъ корень одного изъ своихъ недостатковъ—той непомѣрной требовательности, которая, сказываясь сначала въ отношенiяхъ къ матери, въ послѣдствiи стала сказываться и въ отношенiи къ друзьямъ. Гоголь до конца оставался баловнемъ, который хотя и увѣрялъ мать, что она напрасно его считаетъ генiемъ [1], но на самомъ дѣлѣ постоянно выдвигалъ впередъ, какъ передъ нею, такъ и передъ друзьями, особенности своей исключительной природы, широта которой будто бы не давала ей укладываться въ обыкновенныя рамки. Еще въ лицеѣ воображая себя какою-то загадкой для всѣхъ, онъ и въ послѣдствiи не желалъ давать разгадать себя друзьямъ, усиленно того добивавшимся. При сильно развитомъ воображенiи, онъ, говоря о себѣ, невольно вдавался въ преувеличенiя и даже въ выдумки, составлявшiя своего рода самообманъ его непомѣрнаго самолюбiя [2]. Такое самолюбiе въ дѣйствительно генiальномъ баловнѣ сказывалось нерѣдко какою-то черствою снисходительностью къ одолженiямъ и заботамъ о немъ, какъ бы къ какой-то должной, хотя иногда и излишней дани. Такъ, благодаря мать за связанные для него чулки, онъ какъ бы милостиво замѣчаетъ ей: „хотя я совсѣмъ не ношу нитяныхъ чулокъ, но, какъ драгоцѣнность, какъ труды рукъ вашихъ, буду беречь у себя. Прошу, однако же, васъ ничѣмъ не озабочиваться для меня...." (150). Впрочемъ, лучшая сторона Гоголя

---

[1]) Въ письмѣ отъ 12-го апрѣля 1835 г.

[2]) Самъ онъ въ послѣдствiи (въ 1847 г.) писалъ С. Т. Аксакову: «поэты лгутъ иногда невиннымъ образомъ, обманывая сами себя» (Кулишъ VI, 437). С. Т. Аксаковъ говоритъ о Гоголѣ: «онъ былъ не лгунъ, а выдумщикъ» (Зап. о жизни Гоголя I, 231). О. М.

тутъ же внушила ему и слѣдующія слова: „я не знаю, какъ уплатить вамъ хотя сотую долю старыхъ долговъ“ и т. д. Но когда нѣсколько лѣтъ спустя добрая мать вздумала потѣшить себя новымъ подаркомъ ему—опять работою своихъ рукъ, онъ отвѣчалъ на это такими ледяными словами: „напрасно вы нашили мнѣ рубашекъ. Я ихъ во всякомъ случаѣ не могу носить и не буду, потому что онѣ сшиты не такъ, какъ я привыкъ“; хотя далѣе и тутъ прибавлено: „во всякомъ случаѣ не нахожу словъ, какъ благодарить васъ за ваши заботы“ (379). По ходящимъ разсказамъ, Гоголь въ послѣдствіи не менѣе холодно-величаво отвѣчалъ и на подобнаго рода предупредительность своихъ друзей и знакомыхъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ шире становится кругъ лицъ, съ которыми переписывается Гоголь. Въ 1833 г. особенно любопытны его письма къ М. А. Максимовичу и къ М. П. Погодину о профессурѣ, которой онъ, во что бы ни стало, искалъ, вообразивъ не шутя, что она ему будетъ по силамъ. Когда Погодину при этомъ захотѣлось познакомиться съ записками ученицъ Гоголя, въ отвѣтъ на это онъ получилъ отговорку такого рода: „журнальца, который ведутъ мои ученицы, я не посылаю, потому что онъ очень обезображенъ посторонними и чужими прибавленіями, которыя онѣ присоединяютъ иногда отъ себя изъ дрянныхъ печатныхъ книжекъ, какія попадутся имъ въ руки [1]). При томъ же я только такое подносилъ имъ, что можно понять женскимъ мелкимъ умомъ. Лучше обождать нѣсколько времени: я вамъ пришлю или привезу чисто свое, которое подготовляю къ печати. Это будетъ всеобщая исторія и всеобщая географія въ трехъ, если не въ двухъ, томахъ, подъ заглавіемъ: „Земля и люди“. Изъ этого гораздо лучше вы узнаете нѣкоторыя мои мысли объ этихъ наукахъ. Да, я только теперь прочелъ изданнаго вами Беттигера. Это, точно, одна изъ удобнѣйшихъ и лучшихъ для насъ исторія. Нѣкоторыя мысли я нашелъ у ней совершенно сходными съ моими и потому тотчасъ выбросилъ ихъ у себя“. На вопросъ Погодина о продолженіи „Вечеровъ на Хуторѣ“ Гоголь презрительно отвѣчаетъ: „чортъ съ ними!... хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого, прибавлять сказки, не могу.... Да обрекутся онѣ неизвѣстности, покамѣстъ что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня!...“ (168—169). Въ письмѣ къ Максимовичу о профессурѣ въ Кіевѣ, Гоголь говоритъ: „нужно будетъ стараться кого-нибудь изъ извѣстныхъ людей туда впихнуть, истинно просвѣщенныхъ и также

[1]) Нѣсколько другую причину «непосланья журнальца» приводитъ Гоголь въ нѣсколько позднѣйшемъ письмѣ къ М. П. Погодину («Р. А.», стр. 2370).

чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою" (193)[1]). Въ связи со стремленіемъ въ Кіевъ находится „Исторія Малороссіи", за которую будто бы принялся Гоголь, не оставляя и своей „Всеобщей исторіи". „Мнѣ кажется, пишетъ онъ Погодину, что сдѣлаю кое-что не общее во всеобщей исторіи. Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней ужъ слишкомъ горитъ, но исторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна!" (196). О той же своей „Исторіи Малороссіи" сообщаетъ онъ Максимовичу: „Исторію Малороссіи" я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ" (198). Понятно, что почитателямъ Гоголя могло захотѣться прочесть хоть какіе-нибудь отрывки изъ этой исторіи, но Гоголь умѣлъ отклонить и это, какъ въ свое время отклонилъ сообщеніе записокъ своихъ ученицъ. „Скажи Надеждину,—пишетъ онъ Погодину,—что болѣзнь помѣшала мнѣ прислать обѣщанный ему отрывокъ изъ исторіи. Она у меня въ такомъ забытіи и такою облечена пылью, что я боюсь подступить къ ней, и чтобы вырвать изъ нея отрывокъ для печати, нужно ее хорошенько перечистить" (202). На письмо Максимовича о Цыхѣ (который получилъ въ Кіевскомъ университетѣ вожделѣнную Гоголемъ каѳедру всеобщей исторіи) Гоголь отвѣчаетъ удивленнымъ вопросомъ: „развѣ есть какое-нибудь офиціальное объ этомъ извѣстіе? Министръ мнѣ обѣщалъ непремѣнно это мѣсто и требовалъ даже, чтобъ я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавливаюсь затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя, впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ" (204). Отказавшись затѣмъ отъ адъюнктства въ Москвѣ, переговоры о которомъ шли черезъ М. П. Погодина, Гоголь однако же принялъ его, наконецъ, въ Петербургѣ, окончательно разувѣрившись въ возможности добиться бо̀льшаго. Вотъ какъ онъ извѣщаетъ объ этомъ Погодина, отъ 23-го іюля 1834 г.: „на время рѣшился занять здѣсь каѳедру

---

[1]) Настоящій перлъ переписки этого времени, несмотря на наклонность къ пропускамъ, не усумнился включить въ свои «Записки о жизни Гоголя» г. Кулишъ. «Когда будешь писать къ Б**, намекни ему обо мнѣ вотъ какимъ образомъ: «что вы бы, дескать, хорошо сдѣлали, еслибы залучили въ университетъ Гоголя», что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы какъ будто вскользь» (Зап. I, 135). Хороши также совѣты, даваемые Гоголемъ Максимовичу на счетъ преподаванія въ университетѣ: «не сиди надъ книгами!.. говори свое, и то какъ можно поменьше. Студенты твои —— (опять пропускъ)... Лучше всего ты дѣлай эстетическіе съ ними разборы... Такъ дѣлаютъ всѣ благоразумные люди» (тамъ же, 142). Къ счастью, благородный М. А. Максимовичъ не послѣдовалъ такимъ sine cur'нымъ совѣтамъ. **О. М.**

исторіи, и именно среднихъ вѣковъ. Если ты этого желаешь, то я пришлю тебѣ нѣкоторыя свои лекціи, съ тѣмъ только, чтобы ты въ замѣнъ прислалъ мнѣ свои. Весьма недурно, если бы ты отнялъ у какого-нибудь студента тетрадь записываемыхъ имъ твоихъ лекцій, особенно о среднихъ вѣкахъ, и прислалъ бы.... мнѣ теперь же" (221). Дипломатизируя такимъ образомъ, Гоголь, повидимому, самолюбиво воображалъ, что все это очень тонко, и что друзья его очень просты.... не умѣли еще разувѣриться въ возможности получить отъ него самого какія-нибудь лекціи и понять, на что ему могутъ быть нужны чужія.... Извѣстно, какимъ позорнымъ образомъ разыграна была Гоголемъ профессорская роль въ Петербургѣ. Это не помѣшало ему однако же въ письмѣ къ Погодину, отъ 14-го декабря того же года, тономъ снисходительнаго ученаго выправлять свой прежній, не совсѣмъ благопріятный, отзывъ о Геренѣ. „Я бы отъ души радъ былъ,—говоритъ Гоголь— если-бъ намъ подавали побольше Гереновъ. Изъ нихъ можно таскать обѣими руками. Съ твоими мыслями я уже давно былъ согласенъ, и если ты думаешь, что я отсѣкаю народы отъ человѣчества, то ты неправъ. Ты не гляди на мои историческіе отрывки: они давно писаны; не гляди также на статью о среднихъ вѣкахъ въ департаментскомъ журналѣ. Она сказана только такъ, чтобы сказать что-нибудь и только раззодорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобъ я старался возбудить только чувства и воображеніе. Клянусь, цѣль у меня высшая". Но, такъ какъ все же нельзя было не принять въ расчетъ того, что до Погодина, конечно, дошелъ слухъ о жалкомъ fiasco профессора Гоголя, то далѣе и дѣлается переходъ къ этому непріятному обстоятельству, но такъ, что выходитъ по пословицѣ: „съ больной головы на здоровую". Гоголь начинаетъ жаловаться: „я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ лицѣ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художническую отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками.... Хоть бы одно студенческое существо понимало меня! Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ". Оказывается, что во всемъ виноваты студенты, какъ прежде виноваты были ученицы Гоголя, или ихъ „мелкій женскій умъ", къ которому долженъ онъ былъ спускаться, или какъ виновата была его мать, когда, желая, чтобы онъ дѣло дѣлалъ въ Петербургѣ, противилась волѣ Божіей, звавшей его попутешествовать за границей! Но въ письмѣ отъ 5-го декабря слѣдующаго 1835 г. Гоголю пришлось писать къ

тому же Погодину уже другимъ тономъ: „я распаевался съ университетомъ, и черезъ пять мѣсяцевъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный, я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея (и такъ все-таки — только неузнанный! но далѣе уже совсѣмъ другое....). Въ эти полтора года — годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся—въ эти полтора года я много вынесъ", и т. д. (246). А еще въ началѣ года у него хватило духу увѣрять Максимовича, при сообщеніи ему о выходѣ въ свѣтъ „Исторіи пугачевскаго бунта" Пушкина: „я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8-и, если не изъ 9-ти" (231). Между тѣмъ, хотя г. Кулишъ и находилъ возможнымъ вѣрить или увѣрять, что здоровье Гоголя было изнурено, между прочимъ, и этими трудами (Зап. I, 186), извѣстно, что, кромѣ тѣхъ набросковъ, о которыхъ говоритъ Гоголь въ письмѣ къ М. П. Погодину, въ бумагахъ его никакой всеобщей или малороссійской исторіи никогда и небывало, какъ небывало того, чтобы очаровательное созданіе Гоголя, Хлестаковъ, написалъ, независимо отъ Загоскина, какого-то своего „Юрія Милославскаго" [1]).

Вскорѣ послѣ того громкій успѣхъ „Ревизора", вмѣстѣ съ „высокимъ заступничествомъ за него государя",—какъ выразился самъ Гоголь,—даже ненависть, вызванная „Ревизоромъ" въ извѣстной части нашего общества, должны были вполнѣ вознаградить Гоголя за вполнѣ имъ заслуженное безславіе на каѳедрѣ. Въ письмахъ этого времени онъ ублажаетъ свое самолюбіе жалобами на крики противъ „Ревизора", но находитъ возможнымъ и нужнымъ и тутъ, какъ прежде въ своихъ письмахъ къ матери, искать „утѣшенія" въ религіи, т. е. въ мысли объ особомъ о себѣ попеченіи Промысла. „Все, что ни дѣлалось со мною,—пишетъ онъ Погодину,—все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой" (261). Мы знаемъ уже, что воля эта однажды направила его, какъ онъ увѣрялъ, за границу — отвести тамъ душу и собраться съ духомъ. Теперь онъ еще рѣшительнѣе направляетъ свой „поэтическій побѣгъ", но уже не къ нѣмцамъ (которыхъ онъ прежде

---

[1]) Любопытно, что г. Кулишъ, приводя все это въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя», все-таки находилъ возможнымъ приходить въ паѳосъ и отъ его характера. Дѣлая порою пропуски, какъ я уже замѣтилъ, онъ не счелъ однако же нужнымъ пропустить въ своихъ «Запискахъ» то мѣсто изъ письма Гоголя къ матери о присылкѣ бытовыхъ матерьяловъ изъ Малороссіи, гдѣ онъ выражаетъ желаніе величайшей точности въ названіяхъ, потому что сочиненіе его, «если когда выдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ» (!!) (Зап. I, 78). **О. М.**

называлъ добрыми, теперь же находитъ, что ихъ Германія — самая отвратительная отрыжка табаку и пива), а подъ благодатное небо Италіи. „Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ,—пишетъ онъ отъ 30-го марта 1837 г. изъ Рима Погодину.—Для чего? Не для того-ли, чтобы повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ?.. Не видалъ я развѣ дорогаго сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ?“ Но, вспомнивъ, кому онъ пишетъ, Гоголь считаетъ нужнымъ и логически не невозможнымъ заиграть при этомъ на стрункѣ патріотизма: „Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ, богатый искусствами и человѣкомъ; но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ посвятить я чуждому. Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства, предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня“ (289). Позже (въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 17-го марта 1842 г.) Гоголемъ была измышлена особенная причина пребыванія его за границею: „уже въ самой природѣ моей заключена способность только тогда представлять себѣ живо міръ, когда я удалился отъ него. Вотъ почему о Россіи я могу писать только въ Римѣ“ (465). И всѣ мы повѣрили ему въ этомъ на слово, страннымъ образомъ позабывъ, сколько прежнихъ произведеній написано было Гоголемъ о Россіи въ Россіи и какъ они тѣмъ не менѣе были хороши. Мы даже были готовы включить слова Гоголя въ теорію творчества, какъ какой-нибудь несомнѣнный, имъ открытый законъ. А на самомъ дѣлѣ это только ловкая фраза, немного уступающая той, какую онъ вставилъ однажды въ письмо къ М. П. Б—ой: „родину души своей я увидѣлъ (въ Римѣ), гдѣ душа моя жила прежде меня, прежде чѣмъ я родился на свѣтъ“ (315). Въ письмѣ къ матери онъ ссылается на болѣе простую и понятную причину своего пребыванія въ Италіи—на свое нездоровье, требующее лѣченія хорошимъ климатомъ, а такое лѣченіе медленно! Но онъ старается и этому придать особый религіозный оттѣнокъ, говоря: „прежде всего мы должны повиноваться Тому, кто предписываетъ намъ благоразуміе“ (302). Мать, вѣроятно, убѣдилась этимъ доводомъ, узнавъ, что и государю дѣло должно было быть представлено съ этой стороны, такъ какъ онъ пожаловалъ Гоголю 5,000 руб Но хотя Гоголь и писалъ Плетневу, что это дастъ ему возможность полтора года прожить безбѣдно въ Италіи, это не помѣшало ему въ скоромъ времени обращаться за деньгами къ своимъ друзьямъ, съ такою же, какъ бы дѣтскою, беззастѣнчивостью, съ какою онъ бывало обращался за ними къ матери. Но какъ прежде, такъ и теперь въ письмахъ Гоголя мелькаетъ порою искреннее, повидимому, сознаніе

своихъ слабостей и ошибокъ. Когда мать изъ одного его письма заключила, что онъ дѣлаетъ ей упреки, Гоголь, увѣряя ее въ противномъ, говоритъ ей: „я не облегчилъ трудовъ, я не устроилъ спокойствія моей матери, я не доставилъ ей беззаботной, счастливой жизни и радостной старости; напротивъ, я обременилъ ее, я взвалилъ на нее всю возможную тяжесть, которую болѣе крѣпкія силы не вынесли бы" (362). Семейныя обстоятельства стали требовать возвращенія Гоголя въ Россію. Уступивъ имъ, онъ, отъ 29-го декабря 1839 года, писалъ Данилевскому: „Да, я въ Россіи. Послѣднюю нужно принести жертву. Присутствіе мое было необходимо... Я былъ въ Петербургѣ и взялъ оттуда сестеръ... (т. е. изъ института). Я не буду въ Малороссіи и не имѣю никакой возможности это сдѣлать, но, желая исполнить сыновній долгъ, т. е. доставить случай маменькѣ меня видѣть, приглашаю ее въ Москву на двѣ недѣли. Мнѣ же предстоитъ, какъ самъ знаешь, путь не малый въ мой любезный Римъ: тамъ только найду успокоеніе" (394). На свою поѣздку, какъ мы узнаемъ изъ его письма къ Погодину, досталъ онъ 4,000 р. черезъ Жуковскаго; матери же писалъ вскорѣ послѣ того: „если бы вы знали, какъ бы мнѣ теперь хотѣлось повидаться съ вами! Но все возлагаю на Бога, какъ Онъ устроитъ. Если бы вы могли достать себѣ денегъ, хоть только на проѣздъ въ Москву" (398). Около того же времени Гоголь выказываетъ наставническую заботливость объ одной изъ выпущенныхъ изъ института сестеръ, внушая ей въ письмѣ: „когда случится тебѣ быть больной, то занимайся въ это время тѣмъ, чѣмъ можно заниматься въ постелѣ, и чаще молись, чтобы умъ твой не былъ ни на минуту празденъ и не имѣлъ бы времени выдумывать чего-нибудь соблазнительнаго" (397). Наставленія эти могутъ, кажется, быть отнесены къ разряду тѣхъ, какія онъ давно уже давалъ матери, говоря ей, что она должна потрясать дѣтскія чувства другой его сестры ужасами ада и приманками рая. По возвращеніи на родину души своей — въ Римъ — Гоголь пишетъ оттуда письмо къ другой сестрѣ — подходящаго содержанія. Онъ тутъ находитъ нехорошимъ то, что она мало работаетъ по случаю множества праздниковъ, соблюдаемыхъ въ ихъ Васильевкѣ. Это, по мнѣнію Гоголя, неизвинительная уступка окружающимъ людямъ съ ихъ суетностью. „Я тебѣ приказываю, — пишетъ онъ, — работать и заниматься именно въ праздникъ, натурально только не въ тѣ часы, которые посвящены Богу, и если кто-нибудь станетъ тебѣ замѣчать, что это нехорошо, ты не входи ни въ какія разсужденія и не старайся даже убѣждать въ противномъ, а скажи прямо, коротко и твердо: это желаніе моего брата. Я люблю своего брата, и

потому всякое малѣйшее его желаніе для меня законъ" [1]) (414). И Гоголь все болѣе и болѣе усвоивалъ себѣ этотъ тонъ, такъ что онъ сталъ у него сказываться въ письмахъ къ различнымъ лицамъ, несмотря на то, что по временамъ онъ продолжаетъ проявлять и способность откровенно виниться: „сколько пожертвованій сдѣлано для меня моими друзьями, — пишетъ онъ Погодину вскорѣ послѣ только что приведеннаго письма къ сестрѣ;—когда я ихъ выплачу! А я думалъ, что въ этомъ году уже будетъ готова у меня вещь, которая за однимъ разомъ меня выкупитъ, сниметъ тяжести, которыя лежатъ на моей безсовѣстной совѣсти" (419). Въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, писанномъ двумя мѣсяцами позже, онъ радостно извѣщаетъ о томъ, что эта искупительная вещь близка къ концу. „Я теперь приготовляю къ совершенной очисткѣ первый томъ „Мертвыхъ душъ... Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что, можетъ быть, современемъ (выйдетъ) кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы" (427). Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу (въ мартѣ слѣдующаго 1841 г.) Гоголь патетически говоритъ: „созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета. О, если бы еще три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего (т. е., надо думать, „Мертвыхъ душъ" въ полномъ видѣ)..." Далѣе дѣло сводится на то, что для него нужно сдѣлать заемъ: „Погодинъ вамъ скажетъ. Въ началѣ же 1842 г. выплатится мною все, потому что одно то, которое уже у меня готово и которое, если дастъ Богъ, напечатаю въ концѣ текущаго года (т. е., конечно, первый томъ „Мертвыхъ душъ"), уже достаточно для уплаты". На замѣчаніе Аксакова, что не худо бы Гоголю прислать что-нибудь въ журналъ Погодина, Гоголь, тономъ жреца, которому помѣшали во время священнодѣйствія, отвѣчаетъ: „Тяжкій грѣхъ отвлекать меня! Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочнаго; и для презрѣннаго-ли журнальнаго пошлаго занятія ежедневными дрязгами, я долженъ совершать непрощаемыя преступленія?" (438). Въ письмѣ къ своему родственнику, А. С. Данилевскому, Гоголь является уже — мало сказать: жрецомъ, а какимъ-то вѣщимъ-непогрѣшимымъ: „Теперь ты

---

[1]) Курсивъ въ изданіи г. Кулиша.

долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и горе кому бы ни было, неслушающему моего слова!... О, вѣрь словамъ моимъ! Властью вышнею облечено отнынѣ мое слово. Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнить мое слово!" (447). А все дѣло заключалось въ томъ, чтобы побудить Данилевскаго засѣсть для хозяйства въ деревню, т. е. сдѣлать то, къ чему бы ни за что не приневолилъ себя Гоголь. Полтора мѣсяца спустя, онъ пишетъ такимъ же тономъ одержимаго благодатію человѣка къ поэту Языкову: „Отнынѣ взоръ твой долженъ быть свѣтло и бодро вознесенъ горѣ — для сего была наша встрѣча. И если при разставаніи нашемъ, при пожатіи рукъ нашихъ, не отдѣлилась отъ моей руки искра крѣпости душевной въ душу тебѣ, то, значитъ, ты не любишь меня. И если когда-нибудь одолѣетъ тебя скука и ты, вспомнивши обо мнѣ, не въ силахъ одолѣть ее, то, значитъ, ты не любишь меня. И если мгновенный недугъ отяжелитъ тебя и низу поклонится духъ твой, то, значитъ, ты не любишь меня" (451). Еще мѣсяца два спустя онъ точно также пишетъ живописцу Иванову: „Теперь самое главное—крѣпитесь! идите бодро и ни въ какомъ случаѣ не упадайте духомъ; иначе будетъ значить, что вы не помните меня и не любите меня: помнящій меня несетъ силу и крѣпость въ душѣ" (455). Что удивительнаго, если полгода позже (это шло у него crescendo), онъ пишетъ еще богоноснѣе С. Т. Аксакову: „Крѣпки и сильны будьте душой, ибо крѣпость и сила почіетъ въ душѣ пишущаго сіи строки, а между любящими душами все передается и сообщается отъ одной къ другой, и потому сила отдѣлится отъ меня несомнѣнно въ вашу душу" (475). Поставивъ себя въ положеніе какого-то свѣтоносца и свѣтодавца, Гоголь прямо выказываетъ готовность уединиться, подобно древнимъ подвижникамъ, на какой-нибудь столпъ, или въ какую-нибудь пустыню, чтобы не растерять своего свѣта среди обыкновенныхъ людей, исчадій будничной суеты, а только выдѣлять его имъ издалека по частичкамъ. „Нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха", пишетъ онъ 10-го февраля 1842 года Языкову (459). „Я теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской", увѣряетъ онъ 10-го апрѣля того же года Н. Д. Бѣлозерскаго (468). Вскорѣ послѣ того (4-го іюня) онъ уже заключаетъ письмо къ матери слѣдующими, вполнѣ подходящими къ аскету, словами: „посылаю вамъ мое благословенье и всѣмъ моимъ сестрамъ" (475). На счастіе, его „тихимъ пристанищемъ", его недосягаемо—высокимъ столпомъ могъ быть вѣчный Римъ съ его чудной природой и его чудесами искусства. Приневоленный (на этотъ разъ уже литературными своими дѣлами) на время заглянуть оттуда въ

міръ—въ Россію, Гоголь пишетъ одной изъ своихъ почитательницъ: „съ того времени, какъ только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется какъ-будто я очутился на чужбинѣ“ (457). Понятно, что ему хотѣлось бы попрочнѣе прикрѣпить себя — не къ этой земной, а къ своей душевной родинѣ, къ тому мѣсту, гдѣ онъ „спасался“,— къ Риму, и вотъ онъ пишетъ изъ Москвы къ Жуковскому: „F. F. получилъ, какъ вамъ извѣстно, мѣсто директора основывающейся нынѣ въ Римѣ нашей академіи художниковъ съ 2,000 р. жалованья въ годъ. Такъ какъ при директорахъ всегда бываетъ конференцъ-секретарь, то почему не сдѣлаться мнѣ секретаремъ его? Здѣсь я даже могу быть полезнымъ, я, рѣшительно безполезный во всемъ прочемъ (идущее, въ своемъ родѣ, къ аскету—смиреніе паче гордости). А ужъ для меня-то навѣрно это будетъ полезно, потому что тогда мнѣ, можетъ быть, дадутъ рублей 1,000 сер. жалованья“ (471).

Вотъ какимъ уже вполнѣ выказался передъ друзьями Гоголь въ то время, когда публика продолжала высоко цѣнить его по повѣстямъ „Миргорода“, по „Ревизору“, и находилась еще подъ живымъ впечатлѣніемъ только что вышедшаго въ свѣтъ I т. „Мертвыхъ душъ“. Если совершенно понятно то удивленіе, растворенное негодованіемъ и недоумѣньемъ, какое было въ послѣдствіи возбуждено въ публикѣ неожиданнымъ выходомъ въ свѣтъ „Переписки съ друзьями“, вмѣсто нетерпѣливо ожидавшагося втораго тома великой юмористической поэмы, то друзьямъ нашего юмориста нечему было тутъ удивляться или недоумѣвать—кромѣ, развѣ, того апогея самомнѣнія, какимъ только и можно объяснить его рѣшимость—сунуть публикѣ эти клочки старыхъ писемъ: дорожите, молъ, всѣмъ, что бы ни упало съ высоты моего подвижническаго столпа.

II.

Неизданныя письма Гоголя.

(1835) 1842—1848.

Въ началѣ помѣщается здѣсь письмо къ С. П. Шевыреву, стоящее особнякомъ, какъ относящееся еще къ 1-му періоду. Оно должно быть писано въ 1835 г.

Марта 10.

Посылаю вамъ мой „Миргородъ“ и желалъ бы отъ всего сердца, чтобы онъ для моей собственной славы доставилъ вамъ удовольствіе.

Изъявите ваше мнѣніе, напримѣръ, въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, вы этимъ меня обяжете много: вашимъ мнѣніемъ я дорожу.

Я слышалъ также, что вы хотѣли сказать кое-что объ „Арабескахъ“. Я просилъ князя Одоевскаго не писать разбора, за который онъ хо-

тѣлъ было приняться, потому что мнѣніе его я могъ слышать всегда и даже изустно. Ваше же я могу услышать только печатно. Я къ вамъ пишу уже слишкомъ безъ церемоній. Но, кажется, между нами такъ быть должно. Если мы не будемъ понимать другъ друга, то я не знаю, будетъ-ли тогда кто-нибудь понимать насъ. Я васъ люблю почти десять лѣтъ, съ того времени, когда вы стали издавать „Московскій Вѣстникъ", который я началъ читать, будучи еще въ школѣ, и ваши мысли подымали изъ глубины души моей многое, которое еще донынѣ не совершенно развернулось. Вамъ просьба отъ лица всѣхъ, отъ литературы, литераторовъ и отъ всего, что есть литературнаго. Поддержите „Московскій Наблюдатель", все будетъ зависѣть отъ успѣха его. Ради Бога, уговорите москвичей работать, грѣхъ, право, грѣхъ имъ всѣмъ. Скажите Кирѣевскому, что его ругнетъ все, что будетъ послѣ насъ, за его бездѣйствіе. Да, впрочемъ, этотъ упрекъ можно присоединить ко многимъ. Я съ своей стороны радъ все употребить. На дняхъ, я, можетъ быть, окончу повѣсть для „Московскаго Наблюдателя" и начну другую. Ради Бога, поспѣшите первыми книжками. Здѣсь большая часть потому не подписывается, что не увѣрена въ существованіи его, потому что Сенковскій и прочая челядь разглашаетъ, будто бы его совсѣмъ не будетъ и онъ уже запрещенъ. Подгоните съ своей стороны всѣхъ, кого слѣдуетъ и, самое главное, посовѣтуйте употребить всѣ старанія къ тому, чтобы акуратно выходили[1]) книжки. Это чрезвычайно дѣйствуетъ на нашу публику. Москвѣ предстоитъ старая ея обязанность—спасти насъ отъ нашествія иноплеменныхъ языковъ. Прощайте! Жму крѣпко вашу руку и прошу[2]) убѣдительно вашей[3]) дружбы. Вы пріобрѣтаете такого человѣка, которому можно все говорить въ глаза и который готовъ употребить Богъ знаетъ что, чтобы только услышать правду.

Обнимите за меня Кирѣевскаго и вручите ему посылаемый при семъ экземляръ. Другой экземпляръ прошу васъ отправить Надеждину.

Желаю вамъ всего хорошаго, труда, спокойствія и прочаго. Остаюсь вашимъ покорнымъ слугой Ник. Гоголь.

Рядъ писемъ 1842 г. открывается здѣсь письмомъ, неимѣющимъ даты, но по содержанію относящимся къ началу іюня, ко времени незадолго до отъѣзда Гоголя изъ Петербурга обратно въ Римъ[4]). Адреса не сохранилось, но надо думать, что письмо это, какъ и большая часть остальныхъ, относилось къ С. П. Шевыреву, въ бумагахъ котораго и найдено вмѣстѣ съ другими.

---

[1]) Тутъ зачеркнуто слово: «всѣ».

[2]) Зачеркнуто слово: «васъ».

[3]) Зачеркнуто слово: «руки».

[4]) Одновременно съ письмомъ къ С. Т. Аксакову, напечатаннымъ у г. Кулиша въ V т., на стр. 475.

Пишу къ тебѣ за нѣсколько минутъ до моего отъѣзда. Ухлопотался сильно и едва могъ кое-какія обдѣлать главныя дѣла. Прокоповичъ занялся ревностно изданіемъ сочиненій моихъ въ 4 томахъ; выйдутъ всѣ томы къ октябрю. О „Мертвыхъ душахъ“ Прокоповичъ пишетъ тебѣ отчетъ; я взялъ у него изъ вырученныхъ денегъ 500 рублей для себя, которые понадобились мнѣ сильно. Впрочемъ, они пополнятся скоро царскимъ подаркомъ, который, говорятъ, послѣ моего отъѣзда послѣдуетъ. Но это все ———[1]) дѣла. Обнимаю тебя. Образъ твой предо мной. Твое нѣжное участіе, и дружба, и прекрасная душа впечатлѣлись неизгладимо и вѣчно въ мою душу. Прощай, да хранитъ небо свѣтлость и торжественный покой души твоей, выше чего нѣтъ ничего въ мірѣ. Посылаю тебѣ сердечный поцѣлуй мой. Изъ Гастейна напишу къ тебѣ. Твой Гоголь.

За письмомъ этимъ слѣдуютъ, помѣщенныя у г. Кулиша въ V т., на стр. 475—492, писанныя опять изъ-за границы. Въ письмѣ къ Жуковскому, отъ 26-го іюня, изъ Берлина, Гоголь говорилъ: «съ каждымъ днемъ и часомъ становится свѣтлѣй и торжественнѣй въ душѣ моей... не безъ цѣли и значенья были мои поѣздки, удаленья и отлученья отъ міра.... совершилось незримо въ нихъ воспитанье души моей... я сталъ далеко лучше того, какимъ запечатлѣлся въ священной для меня памяти друзей моихъ.... Много труда и пути, и душевнаго воспитанья впереди еще! Чище горняго снѣга и свѣтлѣй небесъ должна быть душа моя, и тогда только я приду въ силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрѣшится загадка моего существованія.... Силою стремленій моихъ, силою слезъ, силою душевной жажды быть достойну того, благословляю васъ. Благословенье это не безсильно, и потому съ вѣрой примите его.... Посылаю вамъ «Мертвыя души». Это первая часть.... Я передѣлалъ ее много съ того времени, какъ читалъ вамъ первыя главы, но все, однако же, не могу не видѣть ея малозначительности въ сравненіи съ другими, имѣющими послѣдователей, частями» (479—480). Въ слѣдующихъ затѣмъ письмахъ къ разнымъ лицамъ Гоголь высказывалъ желаніе познакомиться съ критиками на первый томъ. С. Т. Аксакову онъ писалъ: «Ваше мнѣніе: нѣтъ человѣка, который бы понялъ съ перваго разу «Мертвыя души», совершенно справедливо и должно распространяться на всѣхъ, потому что многое можетъ быть понятно одному только мнѣ....» Далѣе Гоголь старался тутъ разсѣять недоумѣніе, возбужденное въ Аксаковѣ слухомъ объ его сборахъ въ «отдаленное путешествіе». «Что вы нашли во мнѣ похожаго на ханжу, писалъ онъ, или хотя на это простодушное богомольство или набожность, которою дышетъ наша добрая Москва, не думая о томъ, чтобы быть лучшею....» Онъ же, совершенно напротивъ того, какъ видно изъ письма къ Жуковскому, и хотѣлъ стать, и сталъ, и долженъ стать еще лучшимъ. «Какъ же вы хотите,—писалъ онъ Аксакову,—чтобы въ груди того, который услышалъ высокія минуты небесной жизни, который услышалъ любовь, не возродилось желаніе взглянуть на ту землю, гдѣ проходили стопы Того, Кто первый сказалъ слова любви сей человѣкамъ.... Человѣку, не носящему ни клобука, ни митры, смѣшливому и смѣшащему людей, считающему и

[1]) Слово неразобрано.

донынѣ важнымъ дѣломъ выставить неважныя дѣла и пустоту жизни, такому человѣку — неправда-ли? — странно предпринять такое путешествіе? ...Какъ можно знать, что нѣтъ, можетъ быть, тайной связи между симъ моимъ сочиненіемъ («Мертвыми душами»).... и между симъ отдаленнымъ моимъ путешествіемъ?... Помните, что въ то время, когда мельче всего становится міръ, когда пустѣе жизнь, въ эгоизмъ и холодъ облекается все и никто не вѣритъ чудесамъ, въ то время именно можетъ совершиться чудо, чудеснѣе всѣхъ чудесъ....» Т. е. орудіемъ такого чуда можетъ сдѣлаться онъ, не даромъ остающійся загадкою для своихъ друзей, и взывающій въ этомъ письмѣ къ одному изъ нихъ: «свѣтлѣй и свѣтлѣй да будутъ съ каждымъ днемъ и минутой ваши мысли, и свѣтлѣй всего да будетъ неотразимая вѣра ваша въ Бога.... Вотъ что вамъ говоритъ человѣкъ, смѣшащій людей!...» (487 — 491). Письмо это писано 6-го августа, изъ Гастейна. За нимъ должны быть помѣщены слѣдующія къ С. П. Шевыреву.

Августа 12-го. Гастейнъ.

Пишу къ тебѣ подъ вліяніемъ самаго живаго о тебѣ воспоминанія. Во-первыхъ, я былъ въ Мюнхенѣ, вспомнилъ пребываніе твое, барона Моля, переписку нашу, серебряныя оплатки, смутившія спокойствіе невозмущеннаго городка Данау; потомъ въ Гастейнѣ у Языкова нашелъ я „Москвитянинъ" за прошлый годъ и перечелъ съ жадностью всѣ твои рецензіи и критики — это доставило мнѣ много наслажденій и родило весьма сильную просьбу, которую, можетъ быть, ты уже и предчувствуешь. Грѣхъ будетъ на душѣ твоей, если ты не напишешь разбора „Мертвыхъ душъ". Кромѣ тебя, врядъ-ли кто другой можетъ правдиво и какъ слѣдуетъ оцѣнить ихъ. Тутъ есть надъ чѣмъ потрудиться; поприще двой(н)ственное (?). Во-первыхъ, опредѣлить и дать значеніе сочиненію, вслѣдствіе твоего собственнаго эстетическаго мѣрила, и потомъ разсмотрѣть впечатлѣнія, произведенныя имъ на массу публики, дать имъ повѣрку и указать причины такихъ впечатлѣній. (Первыя впечатлѣнія, я думаю, должны быть непріятны, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется, уже вслѣдствіе самаго сюжета, а все то, что относится къ достоинству творчества — все то невидится въ началѣ). Притомъ тутъ тебѣ болѣе, нежели гдѣ-либо, предстоитъ полная свобода. Узы дружбы нашей таковы, что мы можемъ прямо въ глаза указать другу наши собственные недостатки, не опасаясь затронуть какой-нибудь щекотливой и самолюбивой струны. Во имя нашей дружбы, во имя правды, которой нѣтъ ничего святѣе въ мірѣ, и во имя твоего же душевнаго, вѣрнаго чувства, я прошу тебя быть какъ можно строже. Чѣмъ болѣе отыщешь ты и выставишь моихъ недостатковъ и пороковъ, тѣмъ болѣе будетъ твоя услуга. Я знаю, есть въ любящемъ насъ человѣкѣ нѣжная внутренная осторожность пройти мимо того, что кажется слишкомъ чувствительно и щекотливо, я вспомнилъ, что въ нѣкоторомъ отношеніи я подалъ даже, можетъ

быть, самъ поводъ думать друзьямъ моимъ обо мнѣ, какъ о самолюбивомъ человѣкѣ. Можетъ быть, даже самые кое-какіе лирическіе порывы въ „Мертвыхъ душахъ"... но въ сторону все это, вѣрь въ эту минуту словамъ моимъ. Нѣтъ, можетъ быть, въ цѣлой Россіи человѣка, такъ жаднаго узнать всѣ свои пороки и недостатки. Я это [1]) говорю въ сердечномъ полномъ изліяніи и нѣтъ лжи въ моемъ сердцѣ. Есть еще старое повѣрье, что предъ публикою нужно болѣе скрыть, чѣмъ выставить слабыя стороны [2]), что это охлаждаетъ читателей, отгоняетъ покупателей. Это неправда. Голосъ благороднаго безпристрастія долговѣчнѣй и доходитъ равно во всѣ души. Если же уменьшится чрезъ то тридцать, сорокъ или сотня покупателей, то это еще не бѣда, это временное дѣло [3]) и вознаградится съ барышомъ въ послѣдствіи. Еще: будь такъ добръ и вели тиснуть одинъ экземпляръ (если будетъ критика печататься въ „Москвитянинѣ") отдѣльно на листкахъ потонѣе, чтобы можно было всю критику прислать мнѣ прямо въ письмѣ; если не умѣстится въ одномъ, можно размѣстить на два, на три и дать часть другимъ, которые будутъ писать ко мнѣ письма. Прощай! Цѣлую тебя поцѣлуемъ души. Въ немъ много любви, а любовь развивается и ростетъ вѣчно. Передай мой душевный поклонъ Софьѣ Борисовнѣ и поцѣлуй Бориса. Если будешь писать скоро послѣ полученія письма моего, то адресуй въ Венецію, но вѣрнѣе прямо въ Римъ. Я вспомнилъ на счетъ распредѣленія уплаты моихъ долговъ: можетъ быть, никто не захочетъ получить первый, отговариваясь, что ему не такъ нужно... и потому вотъ непремѣнный порядокъ. Погодину полторы тысячи, я полагаю, заплачено. Затѣмъ слѣдуетъ заплатить Свербѣеву, потомъ неизвѣстному, кому именно, не знаю: Аксаковъ мнѣ не сказалъ, потомъ Павлову, потомъ Хомякову, а вторая серія, какъ слѣдуетъ по писанному. Этотъ порядокъ ни начемъ не основанъ, даже не на алфавитѣ, а просто зажмуря глаза и потому каждый не можетъ отказываться.

Языковъ тебѣ кланяется.

Дюссельдорфъ, сентября 20.

Получивши твое письмо отъ 20 августа, я писалъ тотъ же часъ къ Прокоповичу, напишу еще къ Плетневу. Не могу никакъ понять, чтобы значила эта неакуратность. Въ случаѣ неимѣнія денегъ нужно будетъ занять. Языковъ мнѣ писалъ еще недавно, что если встрѣтится мнѣ надобность въ нихъ, адресоваться бы къ нему безъ всякой церемоніи. Но къ этому нужно приступить не иначе, какъ

---

[1]) Зачеркнуто слово: «въ полномъ».

[2]) Вмѣсто: «слабыя стороны», сначала написано было «недостатки».

[3]) Вмѣсто: «временное дѣло», было написано: «притомъ все это».

прежде распросивъ его стороною, точно-ли онъ при лишнихъ деньгахъ, иначе онъ послѣднее обстоятельство скроетъ. Что-жъ дѣлать? Конечно, лучше если бы всѣ дѣла мои были въ Москвѣ, и всѣ тѣ препятствія, о которыхъ я писалъ, могли бы быть побѣждены, но, я думаю, ты замѣтилъ, что въ томъ же письмѣ, гдѣ я исчислялъ причины, заставившія меня печатать сочиненія мои въ Петербургѣ, есть что-то, какъ будто, недосказанное. Что-жъ дѣлать, такъ ужъ видно на роду мнѣ написано быть скрытнымъ. Но за то вотъ мое слово, все будетъ до послѣдняго движенія явно. Многаго я не потому не могу сказать, чтобъ не хотѣлъ сказать, но не могу потому сказать, что не нашелъ еще словъ, какъ сказать. Иногда человѣкъ не отъ того не понятъ другими, что его не могутъ понять, но отъ того, что онъ еще глупъ, невоспитанъ и не умѣетъ такъ выразиться, чтобы его поняли. Чего не съумѣешь объяснить, о томъ лучше молчи [1]). Ну что, еслибъ я сказалъ, напримѣръ, что одинъ изъ васъ былъ невинною причиною того, что я рѣшился утвердительно печатать сочиненія мои въ Петербургѣ? Воображаю, какими бы вопросами осыпали меня и ты, и другіе, а я бы на то не отвѣчалъ именно потому, чтобы вы меня потомъ похвалили сами за то, что я молчалъ. Но оставимъ все это, эти дѣла не важныя и не ведутъ къ дѣлу. За письмо твое много благодарю, хотя оно и говоритъ только о дѣлѣ, но въ немъ есть нѣсколько драгоцѣнныхъ мнѣ строкъ, показывающихъ твое душевное состояніе. Въ душевномъ твоемъ состояніи, кромѣ другаго, слышна, между прочимъ, какая-то грусть,—грусть человѣка, взглянувшаго на положеніе журнальной литературы. На это я тебѣ скажу вотъ что: это чувство непріятно и мнѣ оно вполнѣ знакомо. Но является оно тогда, когда приглядываешься болѣе чѣмъ слѣдуетъ въ этомъ кругу. Это зло представляется тогда огромнымъ и какъ-будто обнимающимъ всю область литературы; но какъ только выберешься хотя на мигъ изъ этого круга и войдешь на мгновенье въ себя, увидишь, что это такой ничтожный уголокъ, что о немъ даже и помышлять не слѣдуетъ. Вблизи, когда побудешь съ ними, мало-ли чего не вообразится? покажется даже, что это вліяніе страшно для будущаго, для юности, для воспитанія; а какъ взглянешь съ мѣста повыше, увидишь, что все это на минуту, все

---

[1]) Въ одномъ изъ позднѣйшихъ (1847 г.) писемъ къ С. Т. Аксакову Гоголь говоритъ, что «былъ скрытенъ, потому что былъ не глупъ—вотъ и все» (VI, 324). Г. Кулишъ и эту черту въ характерѣ Гоголя истолковываетъ панегиристически: «Онъ не любилъ обнаруживать даже и передъ близкими друзьями сокровеннѣйшихъ движеній души своей, и то, что для него всего было священнѣе, онъ всего глубже таилъ въ своемъ сердцѣ» (Зап. I, 187). А между тѣмъ, свои религіозныя чувства онъ сталъ выставлять на показъ чуть не всему народу!

подъ вліяніемъ моды. Оглянешься: ужъ на мѣсто одного—другое: сегодня гегелисты, завтра шелингисты, потомъ опять какіе-нибудь исты. Что-жъ дѣлать? уже таково стремленіе общества быть какими-нибудь истами. Человѣчество бѣжитъ опрометью, никто не стоитъ на мѣстѣ; пусть его бѣжитъ, такъ нужно. Но горе тѣмъ, которые поставлены стоять недвижно у огней истины, если они увлекутся общимъ движеніемъ, хотя бы даже съ тѣмъ, чтобы образумить тѣхъ, которые мчатся. Хороводъ этотъ кружится, кружится, а наконецъ, можетъ вдругъ обратиться на мѣсто, гдѣ огни истины. Что-жъ, если онъ не найдетъ на своихъ мѣстахъ блюстителей и если увидятъ, что святые огни пылаютъ не полнымъ свѣтомъ? Не опроверженіемъ минутнаго, а утвержденіемъ вѣчнаго должны заниматься многіе, которымъ Богъ далъ необщіе всѣмъ дары. Человѣку, рожденному съ силами бо̀льшими, слѣдуетъ, прежде чѣмъ сразиться съ міромъ, глубоко воспитать себя. Если-жъ онъ будетъ живо принимать къ себѣ все, что современно, онъ выйдетъ изъ состоянія душевнаго спокойствія, безъ котораго невозможно наше воспитаніе. По всему видно, что мода не подержится долго и будетъ, наконецъ, и ей нанесенъ сильный ударъ, какъ уже многому тому наносились удары смертельные, что̀ считалося отъ міра Богомъ и неподверженнымъ сокрушенію. И такъ, мнѣ кажется, современная журнальная литература должна производить въ разумномъ скорѣе равнодушіе къ ней, чѣмъ какое-либо сердечное огорченіе. Это просто плошка, которая не только что подъ-часъ плохо горитъ, но даже еще и воняетъ.

Одинъ предводитель дворянства, вскорѣ послѣ 1814 года, далъ балъ своему дворянству, внутренность зала ухитрился онъ освѣтить сальными плошками въ совокупности съ скипидарнымъ масломъ. То есть, онъ болѣе понадѣялся на неприхотливость гостей. Но однако-жъ гости чрезъ нѣсколько времени замѣтили, что нестерпимо воняетъ—а ужъ куда были неприхотливы—и предводитель приказалъ вынести плошки.

Жуковскій благодаритъ тебя за поклонъ и отвѣчаетъ тѣмъ же; онъ трудится за Одиссеей. Двѣ пѣсни уже есть, я просилъ хоть одну въ „Москвитянинъ", но онъ не хочетъ теперь еще печатать, по причинѣ безпрестанныхъ переправокъ. Единственная пьеса, которая была у него отдѣльная, послана имъ Плетневу подъ названіемъ: „Маттео Фальконе", она прекрасна. Прощай, обнимаю тебя отъ всей души: передай это объятье всѣмъ близкимъ душѣ моей, которыхъ люблю также много, какъ и они меня любятъ. Твой Гоголь.

Затѣмъ въ изданіи г. Кулиша слѣдуютъ письма Гоголя къ различнымъ лицамъ изъ Рима. Въ письмѣ отъ 2-го ноября къ П. А. Плетневу онъ говоритъ: «Я къ вамъ съ корыстолюбивой просьбой, другъ души моей, П. А., узнайте,

что дѣлаютъ экземпляры «М. Д.», назначенные мною къ представленію — [1]) и оставленные мною для этого у гр. В**. Въ древнія времена, когда былъ въ Петербургѣ Жуковскій, мнѣ обыкновенно что-нибудь слѣдовало. Это мнѣ теперь очень, очень было бы нужно...... Я долженъ иногда помогать сестрамъ и матери, не вслѣдствіе какого-нибудь великодушія, а вслѣдствіе совершенной ихъ невозможности обойтись безъ меня. Конечно, я не имѣю никакого права, основываясь на этихъ причинахъ, ждать вспоможенія, но прошу, чтобы меня не исключили изъ круга другихъ писателей, которымъ изъявляется царская милость за подносимые экземпляры. Ради дружбы нашей, присоедините ваше участье» (499). Въ ноябрѣ же, безъ обозначенія самаго числа (на штемпелѣ значится какъ будто 12-е). Гоголь отправилъ Шевыреву слѣдующее письмо, замѣчательное тѣмъ, что изъ него видна способность друзей Гоголя не безусловно хвалить его — даже и какъ писателя.

Римъ. — Ноябрь.

Благодарю тебя много, много за твои обѣ статьи, которыя я получилъ въ исправности отъ княгини Волконской, хотя нѣсколько поздно. Въ обѣихъ статьяхъ твоихъ, кромѣ большаго ихъ достоинства и значенія для нашей публики, есть очень много полезнаго собственно для меня. Замѣчаніе твое о неполнотѣ комическаго взгляда, берущаго только въ полъобхвата предметъ, могло быть сдѣлано только глубокимъ критикомъ — созерцателемъ. Замѣчанія объ излишествѣ моей расточительности тоже большая правда. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ ты на одномъ экземплярѣ замѣтилъ на поляхъ карандашомъ всѣ тѣ мѣста, которыя отданы даромъ читателю, или лучше сказать, навязаны на него безъ всякой просьбы съ его стороны. Это мнѣ очень нужно, хотя я уже и самъ много кое-чего вижу, чего не видалъ прежде, но человѣкъ требуетъ всякой помощи отъ другихъ и только послѣ указаній, которыя намъ сдѣлаютъ другіе, мы видимъ яснѣе собственные грѣхи. Ты пишешь въ твоемъ письмѣ, чтобы я, не глядя ни на какія критики, шелъ смѣло впередъ. Но я могу идти смѣло впередъ только тогда, когда взгляну на тѣ критики. Критика придаетъ мнѣ крылья. Послѣ критики, всеобщаго шума и разноголосья, мнѣ всегда яснѣй предстаетъ мое творенье. А ты самъ, я думаю, чувствуешь, что, не извѣдавъ себя со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ своихъ недостаткахъ, нельзя избавиться отъ своихъ недостатковъ. Мнѣ даже критики Булгарина приносятъ пользу, потому что я, какъ нѣмецъ, снимаю плеву со всякой дряни. Но какую же пользу можетъ принесть мнѣ критика, подобная твоей, гдѣ дышетъ такая чистая любовь къ искусству и гдѣ я вижу столько душевной любви ко мнѣ, ты можешь судить самъ. Я много освѣжился душой по прочтеньи твоихъ статей и ощутилъ

[1]) Тутъ опять одинъ изъ тѣхъ пропусковъ, которые считалъ нужными г. Кулишъ.

въ себѣ прибавившуюся силу. Я жалѣлъ только, что ты, вровень съ достоинствами сочиненія, не обнажилъ побольше его недостатковъ. У насъ никто не повѣритъ, если я скажу, что мнѣ хочется, и душа моя даже требуетъ [1]), чтобы меня болѣе охуждали, чѣмъ хвалили, но художникъ-критикъ долженъ понять художника-писателя. Прощай, обнимаю тебя много разъ. Пожалуйста присылай мнѣ всѣ критики, которыя случится написать обо мнѣ, прямо по почтѣ, не затрудняйся тѣмъ, что письмо будетъ толсто и придется много платить за него. Я готовъ вчетверо заплатить и все еще буду въ барышахъ. Прокоповичу я послалъ все, что слѣдуетъ и потому нѣтъ никакихъ препятствій къ скорому выходу моихъ сочиненій. Увѣдомь меня, когда они получатся въ Москву. Узнай также отъ Аксакова, Серг. Тим., высланы-ли деньги мнѣ въ Римъ и какимъ путемъ посланы онѣ. Меня очень изумляетъ, что ихъ до сихъ поръ здѣсь нѣтъ, тѣмъ болѣе, что Сергѣй Тимоѳеевичъ хотѣлъ послать ихъ даже раньше того срока, къ которому я просилъ. Я просилъ его выслать въ Римъ къ 1-му октября, а теперь уже, слава Богу, 10-е ноября [2]). Языковъ тебѣ кланяется. Адресуй:

Via Felice, № 12^b, 3 piano.

Передай Софьѣ Борисовнѣ, вмѣстѣ съ самимъ искреннимъ и душевнымъ поклономъ моимъ, множество благодарностей за великодушное участіе ея въ хозяйственныхъ дѣлахъ по части „Мертвыхъ душъ“.

Далѣе, послѣ немногихъ писемъ къ разнымъ лицамъ, должно быть помѣщено слѣдующее къ Н. М. Языкову:

Ницца, декабря 21 (января 2).

Я получилъ два письма твои, адресованныя одно въ Дюссельдорфъ, другое—въ Ниццу. Состояніе твоего здоровья меня не удовлетворяетъ, но куражъ! Мы должны бодрить другъ друга и подавать другъ другу руку; я самъ тоже одолѣваемъ разными недугами, тѣмъ болѣе несносными для меня, что они наводятъ томленіе, тоску и мѣшаютъ какъ слѣдуетъ работать. Гребу рѣшительно противу волнъ, иду противъ себя самаго, то есть противу находящаго бездѣйствія и томительнаго безпокойства. Сила свыше не оставляетъ меня, но тѣлу моему потребно возобновленіе. Подумываю, наконецъ, сурьезно о Греффенбергѣ; перекрестясь и благословясь, рѣшусь погрузиться въ холодную воду. Хотя бы даже никакой помощи противу недуговъ коренныхъ не подала вода, но и освѣженіе чего-нибудь да стоитъ. Чувствую, что неспокой-

[1]) Зачеркнуто слово «этого».
[2]) Зачеркнуты двѣ строчки.

ство духа, смѣшанное съ непонятною тоскою, есть нынѣ болѣзнь повсемѣстная, слѣдствіе какого-то тягостнаго расположенія въ воздухѣ; всѣ времена года перепортились, я насилу ушелъ отъ дождей и то, можетъ быть, потому, что засѣлъ въ Ниццѣ, гдѣ, какъ тебѣ извѣстно, дуютъ вѣтры только съ одной стороны, стало быть весьма рѣдко. Погода прекрасная, то есть всегдашнее солнце, но не работается такъ какъ бы хотѣлъ. Живу я въ виду небольшаго хвостика моря, на которое, впрочемъ, хожу глядѣть вблизи. Здѣсь нашелъ нѣсколько русскихъ знакомыхъ, семейство Віельгорскихъ, Соллогуба, который тебѣ кланяется и который, кажется, охотникъ больше ѣздить по вечеринкамъ, чѣмъ писать. Кн. Мещерскіе—московскіе, съ которыми я познакомился недавно, и Смирнова, съ которою знакомъ уже давно и которую знаешь и ты по пирогамъ, присыланнымъ нѣкогда въ Римъ. Впрочемъ, я вижусь съ ними не такъ часто, какъ бы могъ. Хочу насильно заставить себя что-нибудь сдѣлать и потому веду жизнь уединенную и преданную размышленіямъ. Вотъ все, что пока могу сказать о себѣ. Теперь отношусь къ тебѣ съ просьбой: если ты при деньгахъ, то ссуди меня тремя тысячами на полгода или даже двумя, когда не достанетъ. Книжныя дѣла мои, какъ, я думаю, тебѣ тоже извѣстно, пошли весьма скверно. Если найдутся у тебя лишнія деньги, то дай знать объ этомъ Шевыреву: онъ, обративъ ихъ на вексель, пришлетъ мнѣ. Если же не случится, то на нѣтъ, какъ говорится, и суда нѣтъ. Затѣмъ поздравляю тебя съ наступающимъ годомъ; дай Богъ, чтобъ онъ тебѣ былъ плодовитъ во всѣхъ отношеніяхъ; а потомъ пожелаемъ того же и всѣмъ, кто только предпринялъ какое-нибудь дѣло во благо и пользу общую. Затѣмъ прощай; душевно обнимаю. Не забывай иногда перечитывать письмо мое, которое я писалъ тебѣ предъ симъ; тамъ находятся тѣ совѣты, которые мнѣ доставляли почти всегда значительную пользу, когда я ихъ слушалъ. Гдѣ-то я начиталъ, что совѣты всегда нужно давать и никакъ не слѣдуетъ останавливаться тѣмъ, что самъ не готовъ. Потому что, давая совѣты другимъ, сдѣлается стыдно самому, когда увидишь, что все это слѣдуетъ прежде обратить къ себѣ, и кончится тѣмъ, что, наконецъ, придетъ въ умъ исправиться самому совѣтщику. Увѣдоми о Петрѣ М. и всемъ его семействѣ, а равно и о другихъ, которымъ всѣмъ передай мой поклонъ. Нащокина поблагодари за поклонъ и скажи ему, что я самъ тоже безъ денегъ и безъ мѣста, стало быть, мы должны крѣпиться духомъ равно и прибѣгать къ одной силѣ, поддерживающей человѣка. Надеждѣ Наколаевнѣ передай это письмо. Авдотьѣ Петровнѣ, равно какъ и всѣмъ Елагинымъ и Кирѣевскимъ, передай мое душевное поздравленіе съ новымъ годомъ и пожелай имъ всѣмъ отъ меня всякаго счастія. Твой Гоголь.

Забирай, пожалуста, отъ Н. Н. Шереметевой письма въ свое письмо; письма, запечатанныя въ одинъ пакетъ, обойдутся гораздо дешевле. Мнѣ не хочется, чтобы для меня издерживалась она такъ много.

Слѣдующее за этимъ письмо къ С. П. Шевыреву—самое, кажется, замѣчательное изъ печатаемыхъ теперь. Оно самымъ полнымъ образомъ дорисовываетъ черты, проявлявшіяся уже въ прежнихъ письмахъ, а потому и не нуждается въ особыхъ комментаріяхъ.

Февраля 28 (1843 г.)—Римъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ молчаній со всѣхъ сторонъ я получилъ письмо отъ тебя, безцѣнный другъ мой! Поблагодаривши тебя за него отъ всей души, я принимаюсь отвѣчать на всѣ его пункты: 1) Ты говоришь, что я плохо распорядился относительно дѣлъ моихъ и, между прочимъ, не сказалъ, какъ и въ чемъ плохо и относительно какихъ именно дѣлъ. Что я плохо распорядился—это для меня не новость, и не долженъ, и не могу заниматься моими житейскими дѣлами, вслѣдствіе многихъ глубокихъ душевныхъ и сердечныхъ причинъ, но о нихъ послѣ. Но тебѣ ни въ какомъ случаѣ не должно со мною церемониться: ты долженъ говорить все на прямикъ, не опасаясь никакимъ образомъ задѣть какихъ бы то ни было струнъ самолюбія-ли авторскаго или просто человѣческаго, или чего бы то ни было, что называется обыкновенно чувствительною и щекотливою стороною. Все будетъ принято благодарно и съ любовью. Это я тебѣ говорю разъ на всегда, и прошу, ради дружбы нашей, не заставить меня повторить это въ другой разъ. Сколько я могу догадываться, вѣроятно, плохое распоряженіе относится къ изданію моихъ мелкихъ сочиненій, и, вѣроятно, Прокоповичъ сдѣлалъ, по неопытности, какую-нибудь глупость. Впрочемъ, вотъ причины, почему я печатаніе ихъ предпринялъ въ Петербургѣ и распорядился не такъ, какъ бы слѣдовало, относительно, разныхъ выгодъ житейскихъ. Изданіе всѣхъ сочиненій моихъ непремѣнно нужно было произвести, не откладывая и не затягивая этого дѣла, къ новому году или сейчасъ послѣ новаго года: взглянувши на все и сообразя все, ты самъ, можетъ быть, проникнешь въ необходимость этого. Признаюсь, я помышлялъ-было обратиться къ тебѣ, несмотря на то, что совѣсть кричала противъ этого. Но когда я увидѣлъ, что и Погодинъ ѣдетъ за границу и что „Москвитянинъ“ взваленъ на тебя, у меня не достало духу. Я думалъ обратиться къ Серг. Т., но Сергѣй Тимоѳ. сказалъ, что онъ будетъ лѣтомъ въ деревнѣ; впрочемъ, молодые люди (К. С. и братья) могутъ, оставаясь въ городѣ, завѣдывать печатаньемъ. Я уже думалъ было поручить дѣло въ Москвѣ, но меня вдругъ смутила мысль, что дѣло пойдетъ на страшную проволочку. Не говоря о медленности москов-

скихъ типографій, меня сильно остановило ценсурное дѣло. Изъ всѣхъ ценсоровъ одинъ только Никитенко былъ подвигнутъ ко мнѣ участіемъ искреннимъ, но безпрестанная пересылка мелкихъ пьесъ изъ Москвы въ Петербургъ (онѣ же поступали и къ ценсору не въ одно время), письменныя объясненія и недоразумѣнія, все это мнѣ предвѣщало такую возню, что у меня просто не поднимались руки. И какъ я вспомню, чего мнѣ стоило вытребовать и получить изъ Петербурга рукопись М. Д. послѣ того какъ она уже цѣлый мѣсяцъ была пропущена комитетомъ... И притомъ, Никитенко, при всемъ доброжелательствѣ, малороссіянинъ и лѣнивъ, его нужно было подталкивать безпрестанно личными посѣщеніями. Все это заставило меня печатаніе производить въ Петербургѣ. Прокоповичу я поручилъ потому, что знаю его совершенно съ дѣтства, какъ лучшаго школьнаго товарища: это человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ честный и благородный, и дѣятельный, когда того потребують. Плетнева я просилъ напутствовать его во всякихъ затрудненіяхъ. У Прокоповича было все лѣто совершенно свободно и онъ могъ неутомимо и безостановочно заняться печатаніемъ. Этой работой я имѣлъ отчасти намѣреніе возбудить его къ дѣятельности, усыпленной нѣсколько его черствой и непитательной работой. Доходовъ отъ этого изданія я не могъ ожидать. Хотя, конечно, нѣсколько неизвѣстныхъ пьесъ (которыхъ я имѣлъ благоразуміе не печатать въ журналахъ) могли придать нѣкоторый интересъ новости книгѣ, но все же она не новость. Она изъ четырехъ томовъ, стало быть, высокой цѣны никакъ нельзя было назначить. Большаго куша вынуть изъ кармана, при теперешнемъ безденежьи, не такъ легко, какъ вынуть пять или десять рублей. Но при томъ я не имѣю духа и безсовѣстности возвысить цѣну, зная, что мои покупатели, большею частію, люди бѣдные, а не богатые, и что иной, можетъ быть, платитъ чуть не послѣднюю копѣйку. Тутъ это мерзкое сребролюбіе подлѣй и гаже чѣмъ въ какомъ-либо другомъ случаѣ. И такъ, несмотря на то, что напечатаніе стало свыше 16-ти тысячъ и что въ книгѣ 126 листовъ, я велѣлъ ее не продавать никакъ дороже 25 рублей. Первые экземпляры пойдутъ, конечно, шибче и окупятъ, можетъ быть, изданіе, но тамъ медленно. Половину экземпляровъ или треть я хотѣлъ было назначить, по отправкѣ въ Москву, къ тебѣ, но не знаю удобно-ли тебѣ и какъ это сдѣлать, объ этомъ меня увѣдоми. И такъ, вотъ тебѣ всѣ причины моего распоряженія, которое сдѣлалъ я относительно этого дѣла; конечно, можно было распорядиться и умнѣе, но у меня не было силъ на то, не было силъ потому, что я и не могу, и не долженъ заниматься многимъ, что относится къ житейскому, но объ этомъ будетъ рѣчь послѣ. Весьма можетъ быть, что Прокоповичъ,

какъ еще неопытный, многое сдѣлалъ не такъ какъ слѣдуетъ, и потому ты, пожалуста, извѣсти меня обо всемъ. Я, натурально, не скажу Прокоповичу, что слышалъ отъ тебя, а издалека дамъ ему знать быть осмотрительнѣй и благоразумнѣй. Но довольно объ этомъ, поговоримъ о 2-мъ пунктѣ твоего письма. Ты говоришь, что пора печатать второе изданіе „М.Д.", но что оно должно выдти необходимо вмѣстѣ со 2-мъ томомъ. Но если такъ, тогда нужно слишкомъ долго ждать. Еще разъ я долженъ повторить, что сочиненіе мое гораздо важнѣе и значительнѣе, чѣмъ можно предполагать по его началу. И если надъ первою частью, которая оглянула едва десятую долю того, что должна оглянуть вторая часть, просидѣлъ я почти пять лѣтъ, чего, натурально, никто не замѣтилъ, одинъ ты замѣтилъ долговременную и тщательную обработку многихъ частей. И такъ, если надъ первой частью просидѣлъ я столько времени, не думай, чтобъ я былъ когда-либо преданъ праздному бездѣйствію; въ продолженіе этого времени я работалъ головой даже и тогда, когда думали, что я вовсе ничего не дѣлаю и живу только для удовольствія своего. И такъ, если надъ первой частью просидѣлъ я такъ долго, разсуди самъ, сколько долженъ просидѣть я надъ второй. Это правда, что я могу теперь работать увѣреннѣе, тверже, осмотрительнѣе, благодаря тѣмъ подвигамъ, которые я предпринималъ къ воспитанію моему и которыхъ тоже никто не замѣтилъ. Напримѣръ, никто не зналъ, для чего я производилъ передѣлки моихъ прежнихъ пьесъ, тогда какъ я производилъ ихъ, основываясь на разумѣньи самого себя, на устройствѣ головы своей. Я видѣлъ, что на этомъ одномъ я могъ только навыкнуть, производить плотное созданіе, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ и неумѣренности, вполнѣ ясное и совершенное въ высокой трезвости духа. Послѣ сихъ и другихъ подвиговъ, предпринятыхъ во глубинѣ душѣ, я, разумѣется, могу теперь двигать работу далеко успѣшнѣе и быстрѣе, чѣмъ прежде; но нужно знать и то, что горизонтъ мой сталъ чрезъ то необходимо шире и пространнѣй, что мнѣ теперь нужно обхватить болѣе того, что вѣрно бы не вошло прежде. И такъ, если предположить самую безпрерывную и ничѣмъ не останавливаемую работу, то два года—это самый короткій срокъ. Но я не смѣю объ этомъ и думать, зная мою необезпеченную нынѣшнюю жизнь и многія житейскія дѣла, которыя иногда въ силѣ будутъ разстроить меня, хотя употребляю всѣ силы держать себя отъ нихъ подалѣ и меньше сколько можно о нихъ думать и заботиться. Понужденіе къ скорѣйшему появленію втораго тома, можетъ быть, ты сдѣлалъ вслѣдствіе когда-то помѣщеннаго въ „Москвитянинѣ" объявленія, и потому вотъ тебѣ настоящая истина: никогда и никому я не говорилъ, сколько и что именно у меня готово,

и когда, къ величайшему изумленію моему, напечатано было въ „Москвитянинѣ“ извѣщеніе, что два тома уже написаны, третій пишется, и все сочиненіе выйдетъ въ продолженіе года, тогда не была даже кончена первая часть. Вотъ какъ трудно созидаются тѣ вещи, которыя на видъ инымъ кажутся вовсе не трудны. Если ты подъ словомъ необходимость появленія втораго тома разумѣешь необходимость истребить непріятное впечатлѣніе, ропотъ и негодованіе противъ меня, то вѣрь мнѣ: мнѣ бы слишкомъ хотѣлось самому, чтобъ меня поняли въ настоящемъ значеніи, а не въ превратномъ. Но нельзя упреждать время, нужно, чтобъ все излилось прежде само собою, и ненависть противъ меня (слишкомъ тяжелая для того, кто бы захотѣлъ заплатить за нее, можетъ быть, всею силою любви), ненависть противъ меня должна существовать и быть въ продолженіе нѣкотораго времени, можетъ быть, даже долгаго. И хотя я чувствую, что появленіе втораго тома было бы свѣтло и слишкомъ выгодно для меня, но въ тоже время, проникнувши глубже въ ходъ всего текущаго предъ глазами, вижу, что все и самая ненависть есть благо. И никогда нельзя придумать человѣку умнѣй того, что совершается свыше и чего иногда въ слѣпотѣ своей мы не можемъ видѣть и чего, лучше сказать, мы и не стремимся проникнуть. Вѣрь мнѣ, что я не такъ безпеченъ и неразуменъ въ моихъ главныхъ дѣлахъ, какъ неразуменъ и безпеченъ въ житейскихъ. Иногда силой внутренняго глаза и уха я вижу и слышу время и мѣсто, когда должна выйти въ свѣтъ моя книга, иногда по тѣмъ же самымъ причинамъ, почему бываетъ ясно мнѣ движеніе души человѣка, становится мнѣ ясно и движеніе массы. Развѣ ты не видишь, что еще и до сихъ поръ всѣ принимаютъ мою книгу за сатиру и личность, тогда какъ въ ней нѣтъ и тѣни сатиры и личности, что можно замѣтить вполнѣ только послѣ нѣсколькихъ чтеній; а книгу мою, большею частію, прочли только по одному разу всѣ тѣ, которые возстаютъ противъ меня. Еще, смотри, какъ гордо и съ какимъ презрѣніемъ смотрятъ всѣ на героевъ моихъ; книга писана долго, нужно чтобъ дали трудъ всмотрѣться въ нее долго. Нужно чтобы устоялось мнѣніе. Противъ перваго впечатлѣнія я не могу дѣйствовать. Противъ перваго впечатлѣнія должна дѣйствовать критика, и только тогда съ помощью ея впечатлѣнія получатъ образъ, выйдутъ сколько-нибудь изъ перваго хаоса и станутъ опредѣлительны и ясны, тогда только я могу дѣйствовать противъ нихъ. Вѣрь, что я употребляю всѣ силы производить успѣшно свою работу, что внѣ ея я не живу и что давно умеръ для другихъ наслажденій. Но вслѣдствіе устройства головы моей я могу работать вслѣдствіе только глубокихъ обдумываній и соображеній, и никакая сила не можетъ заставить меня произвести,

а тѣмъ болѣе выдать вещь, которой незрѣлость и слабость я уже вижу самъ; я могу умереть съ голода, но не выдать безразсуднаго, необдуманнаго творенія. Не осуждай меня. Есть вещи, которыя нельзя изъяснить. Есть голосъ, повелѣвающій намъ, предъ которымъ ничтоженъ нашъ жалкій разсудокъ, есть много того, что можетъ только почувствоваться глубиною души въ минуту слезъ и молитвъ, а не въ минуты житейскихъ расчетовъ! Но, довольно. Теперь я приступаю къ тому, о чемъ давно хотѣлъ поговорить и для чего какъ-то не имѣлъ достаточныхъ силъ. Но, помолясь, приступаю теперь твердо. Это письмо прочитайте вмѣстѣ: ты, Погодинъ и Серг. Тим. Съ вами ближе связана жизнь моя, вы уже оказали мнѣ тѣ высокіе знаки святой дружбы, которые основаны не на земныхъ отношеніяхъ и узахъ и отъ которыхъ не разъ струились слезы въ глубинѣ души моей. Отъ васъ я теперь потребую жертвы, но эту жертву вы должны принесть для меня. Возьмите отъ меня на три или на четыре даже года всѣ житейскія дѣла мои. Тысячи есть причинъ, внутреннихъ и глубокихъ причинъ, почему я не могу и не долженъ и не властенъ думать о нихъ. Не въ силахъ я изъяснить вамъ ихъ, они всѣ находятся въ такихъ соприкосновеніяхъ со внутренней моей жизнью, что я не въ силахъ стать въ холодное и вполнѣ спокойное состояніе души моей, дабы изъяснить все сколько-нибудь понятнымъ языкомъ. Ничего не могу я вамъ сказать, какъ только то, что это слишкомъ важное дѣло. Вѣрьте словамъ моимъ и больше ничего. Если человѣкъ въ полномъ разумѣ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ своихъ, а не въ пору опрометчивой юности, человѣкъ сколько-нибудь чуждый неумѣренностей и излишествъ, омрачающихъ очи, говоритъ, не будучи въ силахъ объяснить безсильнымъ словомъ, говоритъ только изъ глубины растроганной глубоко души,— вѣрьте мнѣ, тогда нужно повѣрить словамъ такого человѣка. Не стану вамъ говорить, что благодарность моя будетъ за это вамъ безконечна, какъ безконечна къ намъ любовь Христа Спасителя нашего. Прежде всего я долженъ быть обезпеченъ на три года. Распорядитесь какъ найдете лучше со вторымъ изданіемъ и съ другими, если только послѣдуютъ, но распорядитесь такъ, чтобъ я получалъ по шести тысячъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ всякій годъ. Это самая строгая смѣта; я бы могъ издерживать и меньше, если бы оставался на мѣстѣ; но путешествіе и перемѣны мѣстъ мнѣ также необходимы, какъ насущный хлѣбъ. Голова моя такъ странно устроена, что иногда мнѣ вдругъ нужно пронестись нѣсколько сотъ верстъ и пролетѣть разстояніе для того, чтобъ мѣнять одно впечатлѣніе другимъ, уяснить духовный взоръ и быть въ силахъ обхватить и забра(ти)ть въ одно то, что мнѣ нужно. Я уже не говорю, что изъ каждаго угла Европы взоръ мой видитъ

новыя стороны Россіи и что въ полный обхватъ ее обнять я могу только, можетъ быть, тогда, когда огляну всю Европу. Поѣздка въ Англію будетъ слишкомъ необходима мнѣ, хотя внутренно я нележу къ тому и хотя не знаю еще, будутъ-ли на то какія средства. Изданіе и пересылку денегъ ты, какъ человѣкъ точный болѣе другихъ, долженъ принять на себя. Высылку денегъ раздѣлить на два срока: 1-й—къ 1-му октябрю и другой—къ 1-му апрѣлю, въ мѣсто, куда я напишу, по три тысячи; если же почему-либо не удобно, то на три срока по двѣ тысячи. Но, ради Бога, чтобы сроки были акуратны. Въ чужой землѣ иногда слишкомъ приходится трудно. Теперь, напримѣръ, я пріѣхалъ въ Римъ въ увѣренности, что уже найду здѣсь деньги, назначенныя мною къ 1-му октября, и вмѣсто того вотъ уже шестой мѣсяцъ я живу безъ копѣйки, не получая ни откуда. Въ первый мѣсяцъ мы даже побѣдствовали вмѣстѣ съ Языковымъ; но, слава Богу, ему прислали сверхъ ожиданья больше и я могъ у него занять двѣ тысячи слишкомъ. Теперь мнѣ слѣдуетъ ему уже и выплатить; ни откуда не шлютъ мнѣ, изъ Петербурга я не получилъ ни одного изъ тѣхъ подарковъ, которые я получалъ прежде, когда былъ тамъ Жуковскій. Вотъ уже четвертый мѣсяцъ, какъ я не получаю даже ни письма, ни извѣстія и не знаю, что дѣлается съ печатаніемъ. Подобныя обстоятельства бываютъ иногда для меня роковыми, не житейскимъ бѣдствіемъ своимъ и нищетой стѣсненной нужды, но состояніемъ душевнымъ. Это бываетъ роковымъ, когда случается въ то время, когда мнѣ нужно вдругъ сняться и сдвинуться съ мѣста и когда я услышалъ къ тому душевную потребность, состояніе мое бываетъ тогда глубоко тяжело и оканчивается иногда тяжелой болѣзнью. Два раза уже въ моей жизни мнѣ приходилось слишкомъ трудно... Не знаю, дадите-ли вы вѣру словамъ моимъ, но слова мои душевная правда. И много у меня пропало чрезъ то времени, за которое не знаю, чего бы не заплатилъ; я также расчетливъ на него, какъ расчетливъ на ту копѣйку, которую прошу себѣ (у меня уже давно все мое состояніе—самый крохотной чемоданъ и четыре пары бѣлья). И такъ, обдумайте и посудите объ этомъ. Если не станетъ для этого денегъ за выручку моихъ сочиненій, придумайте другія средства. Разсудите сами, я думаю, я уже сдѣлалъ настолько, чтобы дали мнѣ возможность окончить трудъ мой, не заставляя меня бѣгать по сторонамъ, подыматься на аферы, чтобы, такимъ образомъ, приводить себя въ возможность заниматься дѣломъ, тогда какъ мнѣ всякая минута дорога; или (?) и тогда, какъ я вижу надобность, необходимость скорѣйшаго окончанія труда моего. Если-жъ средствъ не отыщется другихъ, тогда прямо просите для меня; въ какомъ бы то ни было видѣ были мнѣ даны, я ихъ благодарно приму,

и, можетъ быть, всякая копѣйка, брошенная мнѣ, помолится о спасенiи душъ тѣхъ, которые бросили мнѣ эту копѣйку. Но если эта копѣйка будетъ брошена вслѣдствiе отказа въ чемъ-либо нужномъ себѣ, тогда не берите этой копѣйки; я не долженъ никому стоить лишенья и теперь еще не имѣю права. Относительно другой части дѣлъ моихъ, на счетъ матери моей и сестеръ, я буду писать къ Сергѣю Тимоѳеевичу и Погодину и изложу имъ, какимъ образомъ по имѣнiю поступить наилучше, если потребуется надобность такая. Я, сдѣлавъ все, что могъ, отдалъ имъ свою половину имѣнiя, сто душъ, и отдалъ, будучи самъ нищимъ, и не получа достаточнаго для своего собственнаго пропитанiя. Наконецъ, я одѣвалъ и платилъ за сестеръ, и это дѣлалъ не отъ доходовъ и излишествъ, а занимая, и надѣлалъ долговъ, которые долженъ уплачивать. Погодинъ меня часто упрекалъ, что я сдѣлалъ мало для семьи и матери. Но откуда же и чѣмъ я могъ сдѣлать больше, мнѣ не указалъ никто на это средствъ. Я даже полагаю, что въ дѣлахъ моей матери гораздо важнѣе и полезнѣе будетъ умный совѣтъ, чѣмъ другая помощь. Имѣнiе хорошо, 200 душъ, но, конечно, маменька, не будучи хозяйкой, не въ силахъ хорошо управиться, но въ помощахъ такого рода должно прибѣгать къ радикальнымъ средствамъ, и объ этомъ я буду писать къ Сергѣю Тимоѳеевичу и Погодину, надѣясь на прекрасныя души ихъ и на нѣжное участiе ихъ. И дай Богъ, чтобъ я въ силахъ былъ написать только; но мнѣ кажется, что они лучше могутъ почувствовать мое положенiе, если только вникнутъ глубоко въ мое положенiе. Боже! какъ часто не достаетъ ни словъ, ни выраженiй мнѣ тогда, какъ толпится въ душѣ много того, чтобъ хотѣла выразить и сказать моя душа и какъ у жсно тяжело бываетъ мнѣ написать письмо... Есть миллiоны причинъ, почему я не могу войти въ дѣла житейскiя и относящiяся ко мнѣ. Еще разъ я долженъ сказать это: отнимите отъ меня на три или четыре года все это. Если Погодинъ и Сергѣй Тимоѳеевичъ найдутъ необходимость точно помочь иногда денежнымъ образомъ моей матери, тогда, разумѣется, взять изъ моихъ денегъ, вырученныхъ за продажу, если только она окажется; но нужно помнить тоже слишкомъ хорошо мое положенiе, взвѣсить то и другое, какъ повелитъ благоразумiе. Они на своей землѣ, въ своемъ имѣнiи, и, слава Богу, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть безъ куска хлѣба. Я въ чужой землѣ и прошу только насущнаго пропитанiя, чтобъ не умереть мнѣ въ продолженiе какихъ-нибудь трехъ, четырехъ лѣтъ. Но да внушитъ вамъ Богъ и вразумитъ васъ. Вы всячески сдѣлаете умнѣе и лучше меня. Напиши мнѣ, могу-ли я надѣяться получить въ самомъ короткомъ времени, то есть, накопилось-ли въ кассѣ для меня денегъ? Мнѣ нужны, по край-

ней мѣрѣ, 3,500; двѣ тысячи слишкомъ я долженъ отдать Языкову, да тысячу слишкомъ мнѣ нужно впередъ для прожитья и поднятья изъ Рима. Что касается до моего пріѣзда въ Москву, то ты видишь, что мнѣ для этого необходимость настоитъ и, взглянувши глубокимъ окомъ на все, ты увидишь даже, что я не долженъ этого дѣлать прежде окончанія труда моего. Это, можетъ быть, даже слишкомъ тягостная мысль для сердца, потому что, сказать правду, для меня давно уже мертво все, что окружаетъ меня здѣсь и глаза мои все(го) смотрятъ только въ Россію и нѣтъ мѣры любви моей къ ней, какъ нѣтъ мѣры любви моей къ вамъ, которой я не въ силахъ и не могу разсказать. Прощайте, пишите мнѣ хоть по одной строчкѣ, хоть по самой незначительной строчкѣ. Письма ваши очень важны для меня и они будутъ послѣ еще важнѣе и значительнѣй, когда я останусь одинъ и потребую пустыней и удаленій отъ всего для глубокаго воспитанья, душевнаго воспитанья, которое совершается внутри меня святой чудесной волею Небеснаго Отца нашего. Прощай, я буду къ тебѣ писать, можетъ быть, скоро, вслѣдствіе другой уже моей потребности душевной. Цѣлую и обнимаю тысячи разъ... На это письмо дай немедленный отвѣтъ, чтобы я зналъ, что ты получилъ его. И если набрались деньги, ты высылай ихъ немедленно на имя Валентини, piazza Apostoli, palazzo Walentini, потому что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ мы думаемъ подняться изъ Рима. Твой Гоголь.

Сообщ. **Б. С. Шевыревъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ПРЖЕЦЛАВСКАГО.

Ценсура.

1830—1865.

„Le plus cruel des despotismes, c'est l'arbitraire de l'ignorance".
Anonyme.

Учрежденія, создаваемыя людьми для регулированія отправленій жизни народовъ, составляютъ живыя умственныя существа (êtres de raison). Эти невещественныя личности подчиняются однако-жъ общимъ бытовымъ условіямъ; совершая предназначенный имъ циклъ, они проходятъ обыкновенные фазисы всякой органической жизни. Имѣя назначеніемъ достиженіе упомянутой цѣли, они должны неотступно слѣдовать за роковыми фазисами жизни народа, развиваться вмѣстѣ съ ея развитіемъ, видоизмѣняться сообразно съ возникающими въ ней новыми потребностями, порождающими новыя формы жизненныхъ отправленій.

Слѣдуя такому правильному ходу, учрежденія со временемъ перерождаются до того, что первоначальный ихъ характеръ почти совершенно сглаживается; остаются неприкосновенными одни лишь коренныя основы, на которыхъ и для которыхъ они были построены. Тогда основы эти облекаются уже въ новыя формы, сообразныя съ появившимися новыми условіями.

Таковъ естественный ходъ, такова судьба всѣхъ человѣческихъ установленій и всѣхъ законодательствъ. Удерживать, во что бы то ни стало, отжившій status quo—это насиловать натуральный порядокъ, это вводить разладъ между справедливыми доказательствами прогресса и учрежденіями, и, вмѣсто нормальныхъ, создавать ненормальныя, искусственныя и тѣмъ самымъ стѣсни-

тельныя положенія, и потому счастливо то политическое тѣло, члены котораго не томятся въ долгомъ ожиданіи осуществленія разумныхъ своихъ пожеланій, гдѣ сама власть одновременно съ обществомъ уразумѣваетъ насущныя потребности и соображаетъ съ ними постепенное развитіе учрежденій. На такомъ естественномъ пути прогресса совершились у насъ въ послѣднее двадцатилѣтіе благодѣтельныя преобразованія всѣхъ прежнихъ установленій. Въ числѣ ихъ цензура подверглась такимъ измѣненіямъ, что недавнее прошедшее ея должно считать переселившимся уже въ царство тѣней, и будемъ надѣяться, что говорить о ней уже возможно, какъ объ учрежденіи, совершившемъ свой циклъ безвозвратно. Que la terre lui soit legère!

Я имѣю нѣкоторое право считать себя свѣдущимъ въ біографіи покойной цензуры: сперва какъ издававшій въ Петербургѣ, съ 1830 по 1858 годъ, политико-литературную газету, на польскомъ языкѣ, а потомъ, съ 1853 по 1865 годъ, какъ членъ главныхъ управленій по дѣламъ печати.

Согласно этимъ различнымъ положеніямъ, обзоръ періода 1830—1865 годовъ естественно раздѣляется на два разнохарактерныхъ разсказа. Для полноты этихъ разсказовъ необходимо представить прежде всего подробности перваго изъ такихъ положеній.

I.

Въ 1820-хъ годахъ польская періодическая пресса находилась въ очень неудовлетворительномъ состояніи. Въ Вильнѣ издавался «Литовскій Курьеръ» (Kuryer Litewski), собственность генерала Влодека, доставшаяся ему по наслѣдству. Газета эта, арендуемая Марцинкевичемъ, выходившая три раза въ недѣлю, заключала въ себѣ одни внутреннія и заграничныя извѣстія; никакой литературы въ ней не было и главнымъ матеріаломъ ея были офиціальныя объявленія, на которыя изданіе это имѣло исключительную привиллегію. Оно вообще редактировано было съ крайнею небрежностью, расчитывая на упомянутыя объявленія, содѣлывавшія газету необходимою для присутственныхъ мѣстъ, для всѣхъ должностныхъ и многихъ частныхъ лицъ. Почти

тоже самое было и въ Варшавѣ. Тамъ любимцемъ читающей публики постоянно былъ летучій ежедневный листокъ: «Варшавскій Курьеръ», болѣе чѣмъ на половину наполненный чисто мѣстными извѣстіями о загородныхъ гуляньяхъ, завтракахъ, «подвечеркахъ» и т. п., съ плохими шарадами и каламбурами. Другія варшавскія газеты не давали ничего собственно литературнаго. Онѣ наполнялись отчасти утилитарными, отчасти критическими статьями, но эти послѣднія сами были ниже всякой критики, какъ это доказано Мицкевичемъ въ его знаменитомъ «Предисловіи» къ петербургскому изданію его стихотвореній. Вообще въ тогдашней польской письменности чувствовался недостатокъ серьезнаго изданія, которое было бы проводникомъ текущей литературы и распространяемой университетами науки.

Въ 1829 году, трое насъ, товарищей по Виленскому университету: Францискъ Малевскій, Александръ Парчевскій и я, по внушенію и какъ бы по уполномочію другихъ товарищей, въ томъ числѣ Мицкевича, рѣшились на попытку осуществить давно задуманное намѣреніе—издавать въ Петербургѣ газету на польскомъ языкѣ, которая хотя отчасти восполняла бы упомянутый недостатокъ, открывая поле для дѣятельности даровитыхъ писателей молодаго поколѣнія, не находившей себѣ простора. Никто изъ насъ въ этомъ дѣлѣ не имѣлъ никакой опытности, но ее, какъ показали послѣдствія, замѣнило трудолюбіе и усердіе къ благонамѣренной цѣли.

Наша ассоціація составилась на слѣдующихъ основаніяхъ: для первоначальныхъ издержекъ мы положили капиталъ въ 6,000 рублей асс., изъ котораго я внесъ половину, а два участника—по ¼. Въ такой же соразмѣрности мы должны были дѣлить между собою доходъ отъ подписки и убытки, въ случаѣ недостаточности ея.

По особымъ уваженіямъ, званіе, права и обязанности отвѣтственнаго издателя-редактора, съ полнымъ «jus gladii», предоставлены были мнѣ, и въ исходѣ 1829 г. я исходатайствовалъ разрѣшеніе издавать въ Петербургѣ, на польскомъ языкѣ, политико-литературную газету, по одному разу въ недѣлю, подъ названіемъ «Tygodnik» («Еженедѣльникъ»). Кромѣ обыкновенныхъ объявленій и нѣсколькихъ писемъ къ тѣмъ, которыхъ призывали въ корреспонденты, мы не сдѣлали ничего для пріобрѣтенія заранѣе подписчиковъ. О печатаніи газеты я заключилъ договоръ съ управленіемъ

военной типографіи на довольно выгодныхъ условіяхъ; предъ частными подобными заведеніями оно имѣло то преимущество, что не закрывалось въ опредѣленные часы, посылать «оригиналъ» для набора и дѣлать корректуру можно было и поздно ночью. Два отряженные для меня наборщика, которымъ я платилъ хорошее жалованье, очень скоро выучились набирать съ польскаго письма, хотя не понимая ни слова [1]). Во весь періодъ своего существованія, съ 1830 по 1859 годъ, газета печаталась въ той же типографіи.

Въ первомъ году изданія, 1830 г., наша ассоціація приготовилась было встрѣтить дефицитъ, но это опасеніе не оправдалось; въ концѣ года намъ пришлось получить изъ чистой прибыли небольшой дивидендъ. Видя въ этомъ хорошее предзнаменованіе и имѣя порядочный запасъ матеріаловъ, я предположилъ издавать съ 1831 года газету по два раза въ недѣлю, увеличивъ число листовъ, но не увеличивая годовой платы 50 руб. асс. (въ послѣдствіи переложенной въ 15 руб. сереб.) и сохраняя первоначальное названіе. Такъ, безъ измѣненія, газета издавалась уже до конца 1858 года включительно [2]).

Въ теченіе своего существованія «Тигодникъ» годъ отъ году пріобрѣталъ болѣе извѣстности и доброй славы. Я это говорю откровенно и смѣло потому, что за такіе успѣхи на мою долю собственно приходится мало заслуги. Всѣ—рѣшительно всѣ знаменитые того времени писатели содѣйствовали этимъ успѣхамъ; они постоянно сообщали для моей газеты не только отдѣльныя статьи, но и не мало произведеній, составляющихъ цѣлые томы, которые печатались фельетонами. Въ той и другой формѣ «Ти-

---

[1]) Одинъ изъ примѣровъ удивительной понятливости русскаго человѣка. Однажды, въ 1846 году, императоръ Николай I посѣтилъ военную типографію, очень замѣчательную по громадности производимыхъ въ ней работъ и образцовому порядку. Обходя съ военнымъ министромъ огромную залу, гдѣ работали десятки людей и на одной такъ называемой «кассѣ» замѣтивъ набирающихъ съ польскаго оригинала мою газету, государь спросилъ наборщиковъ: понимаютъ-ли они по-польски?—«Никакъ нѣтъ-съ в. и. в.», былъ отвѣтъ.—«Какъ же вы можете набирать?»—«По привычкѣ, в. и. в.». Тогда, обратившись къ министру, Николай Павловичъ сказалъ: «Il faut que j'amène ici l'impératrice, je lui montrerai des machines, comme il n'y en a pas en Angleterre. (Надо бы привести сюда императрицу посмотрѣть такія машины, какихъ и въ Англіи нѣтъ).

[2]) Вскорѣ потомъ газета перешла въ полную мою собственность, съ обязанностью выплачивать одному изъ участниковъ извѣстный процентъ отъ чистой прибыли. Другой соучастникъ уступилъ мнѣ вполнѣ свое право. **О. П.**

годникъ» заключилъ въ себѣ множество литературныхъ и научныхъ произведеній: митрополита Головинскаго, Ромуальда Губе, Ник. Малиновскаго, графа Генриха Ржевускаго, Элеоноры Штюрмеръ (псевдонимъ), Ходзько, М. Грабовскаго, I. Крашевскаго, К. Малковскаго, К. Буйницкаго, графа Холонѣвскаго и многихъ другихъ. Такимъ образомъ собраніе нумеровъ моей газеты за двадцать девять лѣтъ, начиная съ 1830 года, остается живымъ памятникомъ и лучшимъ представителемъ польской письменной интеллигенціи за этотъ періодъ. Мое личное участіе въ литературной части газеты ограничивалось критическими разборами новыхъ книгъ, полемикой въ необходимыхъ случаяхъ и юмористическими статьями изъ петербургской и обще-европейской жизни. Впрочемъ, я не писалъ ничего подъ моимъ именемъ, а нѣкоторыя статьи и въ моемъ, и въ другихъ изданіяхъ подписывалъ или буквами I. Е. герба Г., или Е. G., или псевдонимами: Фалена, Микросъ, Ципринусъ. Существенная же дѣятельность моя состояла въ строгомъ выборѣ всего, что печаталось и въ постоянной заботѣ о сохраненіи въ моемъ изданіи неприкосновеннымъ однажды избраннаго, зрѣло обдуманнаго направленія. Если по особымъ уваженіямъ помѣщались иногда статьи, хотя нѣсколько расходящіяся съ моимъ образомъ мыслей, то это всякій разъ оговаривалось въ выноскахъ, въ формѣ мотивированнаго протеста редакціи. Это не всѣмъ нравилось, но мнѣ казалось необходимымъ для того, чтобы изданіе, въ своемъ цѣломъ, сохранило ненарушимыми свои принципы, свой характеръ и колоритъ, и этого я достигъ.

Предпріятіе основалось при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ это время продолжалась мода на все польское; такое происхожденіе служило хорошею рекомендаціею и въ обществѣ, и для службы. Одноплеменнымъ съ русскими полякамъ легко было бы изъ такого расположенія извлечь и частную для себя выгоду, и способствовать общей пользѣ, во всякомъ же случаѣ пріобрѣсть то значеніе, которое, вопреки общественному чутью, упрочили за собою иноплеменные туземцы одной изъ окраинъ имперіи. Но поляки не съумѣли этимъ воспользоваться. А между тѣмъ наступилъ 1830 годъ и плачевныя событія послѣднихъ мѣсяцевъ этого года въ одно мгновеніе превратили прежнее расположеніе въ противоположное чувство. Появленіе въ слѣдующемъ году холеры,

которую невѣжество приписало польской интригѣ, сдѣлало положеніе поляковъ въ Петербургѣ тѣмъ болѣе тяжелымъ, что (mirabile dictum!) и многіе изъ образованныхъ классовъ повѣрили этому гаму неразумной толпы [1]).

Но до наступленія такого переворота, моя газета считала уже почти годъ существованія и въ это время она возбудила сочувствіе и въ той части русской публики, которой не чуждъ былъ польскій языкъ; въ русскихъ изданіяхъ появились переводы замѣчательнѣйшихъ статей «Еженедѣльника».

Съ конца 1830 года газета «Тигодникъ» сдѣлалась органомъ самаго энергичнаго осужденія преступнаго варшавскаго движенія и не переставала всѣми силами противодѣйствовать революціоннымъ доктринамъ, которыми, подъ знаменемъ лже-патріотизма, значительная часть польскаго народа вовлечена была въ преступленіе и пагубу. Для такого противодѣйствія, какъ и для всякаго ратоборства за правду, въ виду господствовавшаго въ царствѣ и западномъ краѣ фанатизма, требовалось не мало не только гражданскаго мужества, но и самоотреченія, такъ какъ газета и ея редакторъ съ такимъ направленіемъ не могли нравиться тогдашней польской публикѣ.

Въ 1832 году правительство присвоило нашей газетѣ названіе и права офиціальной газеты Царства Польскаго.

Почти одновременно, кажется въ началѣ 1833 г., редакторъ, вмѣстѣ съ четырьмя товарищами его по университету, остававшимися, какъ и онъ, въ государственной службѣ, парижскимъ эмигрантскимъ трибуналомъ были приговорены къ смерти и казнены по портретамъ на Батиньольскомъ полѣ.

Все это сказано для того, чтобы показать, что «Тигодникъ» заслуживалъ полнаго довѣрія со стороны правительства, представлялъ всѣ ручательства благонамѣренности и преданности долгу. За всѣмъ тѣмъ, по возникновеніи польскаго мятежа, положеніе редакціи, особенно при тогдашней взыскательной цензурѣ, содѣлалось крайне деликатнымъ, хотя, впрочемъ, взыскательность эта и не могла устрашать меня. То, что мы сами, я и мои сотрудники по редакціи, писали, не могло возбуждать даже сомнѣ-

[1]) Смотри мою статью въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ X.

О. П.

нія; для статей же, сообщаемыхъ посторонними, я былъ самымъ строгимъ ценсоромъ. Одно, о чемъ я молилъ Провидѣніе, это, чтобы моимъ ценсоромъ былъ умный человѣкъ, такой, который понималъ бы все въ томъ прямомъ смыслѣ, въ какомъ написано; не искалъ бы, какъ французы говорятъ, «полдня въ четырнадцатомъ часу», и на бѣлой бумагѣ между строкъ не усиливался читать то, чего тамъ нѣтъ. Я давно сдѣлалъ замѣчаніе, что, въ своемъ описаніи «Ада», Данте пропустилъ одно изъ тяжкихъ человѣческихъ мученій: это положеніе редактора журнала, имѣющаго дѣло съ глупымъ ценсоромъ, и вотъ чего я страшно боялся на этомъ еще свѣтѣ.

О ценсурѣ вообще я составилъ себѣ собственную теорію; она чрезвычайно упрощала взаимныя отношенія печати къ наблюдательной власти и содѣлывала излишнимъ особый ценсурный уставъ, хотя таковой и красовался въ общемъ сводѣ законовъ. Продолжая мои изданія 29 лѣтъ и, въ наиболѣе щекотливомъ положеніи польской газеты въ Петербургѣ, не подвергшись ни разу взысканію, я собственнымъ опытомъ убѣдился въ практичности моей теоріи. Она заключается въ слѣдующемъ:

Для удовлетворительнаго, по возможности безошибочнаго сужденія о какомъ бы то ни было предметѣ, прежде всего необходимо уяснить себѣ его всесторонне, изслѣдовать конечное, внутреннее значеніе предмета и, такимъ образомъ, приведя вопросъ о немъ къ наипростѣйшему выраженію, сопоставить съ ближайшимъ ему по аналогіи, вполнѣ уясненнымъ и окончательно уже опредѣленнымъ предметомъ. Тогда, подобно математическому процессу, не упуская руководящей нити, добытой изъ извѣстнаго, искать по ней неизвѣстнаго. Внутреннее значеніе и самое назначеніе ценсуры, подвергнувъ такой аналитической операціи, ближайшимъ аналогическимъ къ нему терминомъ окажется значеніе и назначеніе полиціи.

Полиція же есть учрежденіе, имѣющее цѣлью дѣйствующіе въ данной странѣ, въ данное время, писанные законы приводить въ фактическое исполненіе и предотвращать всякое, также фактическое ихъ нарушеніе. Слѣдовательно, то, что требуется отъ полиціи въ области матеріальныхъ дѣяній, требуется отъ ценсуры въ кругѣ дѣйствія интеллектуальномъ: сущность и той, и другой

одинаково, хотя и въ различныхъ сферахъ, состоитъ въ охраненіи отъ нарушенія дѣйствующаго закона.

Изъ этого слѣдующія заключенія:

Цензура, бывъ ни что иное какъ полиція печатнаго слова, не нуждается для своего руководства ни въ какомъ спеціальномъ уставѣ; во всемъ, что приходитъ къ ея сужденію, она должна имѣть въ виду общіе обязательные законы. По такому взгляду, всякія разсужденія и апологіи о томъ, что закономъ предписывается или чего законъ не запрещаетъ, слѣдуетъ считать позволительными и наоборотъ — не допускаться.

Законодательства всѣхъ цивилизованныхъ государствъ согласны между собою въ главныхъ основаніяхъ. Всѣ имѣютъ цѣлью охранять установившуюся форму правленія, упрочивать въ странѣ порядокъ и спокойствіе на началахъ религіи и нравственности, обезпечивать правильное отправленіе правосудія и администраціи и давать наилучшее направленіе народному просвѣщенію. При примѣненіи однако-жъ этихъ общихъ положеній, представляются слѣдующія уваженія. Въ тѣхъ же цивилизованныхъ государствахъ, кромѣ писанныхъ, существуютъ и соблюдаются законы и неписанные, почти на столько же обязательные. Это—правила приличія и общежитія во всѣхъ ихъ примѣненіяхъ, начиная съ личныхъ, затѣмъ общественныхъ до государственныхъ и до между-народныхъ. Сверхъ того, тогда какъ для сужденія о позволительности, или непозволительности дѣянія, наблюдательная власть, полиція, имѣетъ прямой, наглядной критерій въ буквѣ закона, подобное сужденіе въ области печатнаго слова требуетъ особой способности, особаго чутья для оцѣнки отношеній печатаемаго къ писанному и неписанному закону, такъ какъ искусившіеся въ писательскомъ дѣлѣ нерѣдко успѣваютъ, затемнивъ эти отношенія, обойти и тотъ, и другой законъ.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ сами собою явствуютъ условія, необходимыя для правильнаго дѣйствія цензуры, гдѣ она существуетъ, и для полученія тѣхъ результатовъ, для которыхъ учреждена.

Первое изъ этихъ условій есть самый строгій, самый цѣлесообразный выборъ лицъ — исполнителей требованій учрежденія. Дабы въ лицѣ цензора соединены были ручательства и для власти, въ соблюденіи ея интересовъ, и для частныхъ лицъ, въ обезпе-

ченіи ихъ отъ притѣсненій, нужно, чтобы онъ зналъ писанные и неписанные законы, чтобы былъ не чуждъ ходу общихъ политическихъ дѣлъ, общественному быту и движенію, не чуждъ наукамъ и литературѣ, а болѣе всего, на столько уменъ, чтобы взгляды и сужденія его не шли въ разрѣзъ степени общественнаго развитія въ предѣлахъ законности. Надо бы сказать себѣ однажды навсегда, что хорошій цензоръ есть своего рода эклектическая спеціальность, и что если гдѣ фамусовскій фаворитизмъ вреденъ, такъ это по преимуществу въ назначеніи цензоровъ. И предвидѣть невозможно, сколько вреда и частнымъ интересамъ, и общей пользѣ можетъ причинить на этомъ мѣстѣ человѣкъ, неспособный по чему-либо: по незнанію, по излишней мнительности съ одной стороны, а съ другой—по ложному либерализму и жаждѣ популярности, хотя, впрочемъ, послѣднее случается у насъ очень рѣдко.

По такомъ уясненіи себѣ всѣхъ сторонъ положенія, при чистотѣ намѣреній и отсутствіи всякаго лицепріятія, я имѣлъ право ожидать, что мнѣ будетъ возможно спокойно слѣдовать по пути избраннаго поприща.

Моей газетѣ, при ея дебютѣ, посчастливилось и въ ценсурномъ отношеніи. Съ 1830-го по 1847 годъ включительно она находилась въ разсмотрѣніи людей умныхъ, образованныхъ и вполнѣ знающихъ польскій языкъ. Это были, одинъ послѣ другаго, К. С. Сербиновичъ, Ѳ. И. Сенковскій, П. И. Гаевскій, Иг. Іак. Ивановскій; два изъ нихъ занимали профессорскія каѳедры въ университетѣ. Въ этомъ періодѣ «Тигодникъ», не встрѣчая нераціональныхъ препятствій, помѣстилъ въ себѣ замѣчательнѣйшія статьи и цѣлыя сочиненія лучшихъ современныхъ, выше поименованныхъ писателей.

Но за этимъ періодомъ послѣдовалъ и продолжался почти девять лѣтъ другой, который можно бы назвать смутнымъ временемъ газеты. Несмотря на то, что въ 1848 и 1849 годахъ, по случаю революціонныхъ волненій во всей Европѣ, бдительность ценсуры была естественно возбуждена и строгость ея усилена, «Тигодникъ», однако-жъ, всегда вѣрный своимъ основнымъ началамъ, не преставалъ бы процвѣтать по прежнему, если бы былъ оставленъ въ своемъ прежнемъ нормальномъ положеніи относительно наблюдавшей за нимъ власти. Но, къ сожалѣнію,

сперва съ 10-го сентября 1847 по 1851 годъ, а потомъ, съ малымъ промежуткомъ, по 1857 годъ, газета попала въ руки двухъ новыхъ личностей, впрочемъ, очень почтенныхъ, но вліяніе которыхъ отразилось на ней самымъ тяжелымъ образомъ. Я и теперь удивляюсь себѣ, какъ у меня достало на столько силы воли, чтобы въ такихъ обстоятельствахъ продолжать изданіе. Оно, лишенное всякаго литературнаго достоинства, всякой занимательности, должно было компрометировать меня въ глазахъ читателей, которые не могли уяснить себѣ причины такой внезапной перемѣны, которой я не могъ имъ объяснить.

Причины такого неблагопріятнаго вліянія двухъ разновременно, но одинъ за другимъ, цензуровавшихъ «Тигодникъ», были различны и чисто—личны, но отъ этого мнѣ было не легче. Первый, умный и ученый, не былъ офиціальнымъ цензоромъ; онъ занималъ значительное положеніе въ ученой сферѣ и былъ имъ очень занятъ. Обязанность цензуровать мою газету была ему навязана сверхъ настоящаго его званія и навязана безъ всякаго за то вознагражденія, потому только, что онъ зналъ польскій языкъ. Онъ самъ откровенно признался мнѣ, что при отвѣтственности, которая въ тогдашнее тревожное время лежала на цензурѣ, и при своихъ занятіяхъ, едва-ли онъ можетъ считать обязанностью давать себѣ трудъ вникать съ полнымъ цензорскимъ вниманіемъ въ смыслъ литературныхъ произведеній: трудъ былъ бы не производительный, а рискъ напрасный. Я и самъ не могъ не сознавать нѣкоторой основательности такого реальнаго взгляда, и долженъ былъ отказаться отъ всякой литературы, ограничась въ моей газетѣ офиціальными внутренними, полуофиціальными иностранными извѣстіями и самою невинною, безцвѣтной смѣсью. Такимъ образомъ осталась недоконченною въ «Тигодникѣ» одна прекрасная повѣсть Крашевскаго.

Я не былъ такъ близко извѣстенъ моему полу-цензору, чтобы пользоваться такимъ его довѣріемъ, какое имѣли ко мнѣ его предшественники,—до такой степени, что одинъ изъ нихъ подписывалъ не читавши мои корректуры и ни разу въ этомъ не раскаялся.

Другой, читавшій мое злополучное изданіе во второмъ періодѣ тяжелаго времени, былъ уже офиціальнымъ цензоромъ. Но онъ, кромѣ чрезвычайной боязливости, имѣлъ одинъ маленькій

недостатокъ: онъ не зналъ ни слова по-польски [1]). При всемъ расчетѣ времени на долю его мнительности, я не могъ не замѣтить, что мои корректурные листы онъ продерживалъ слишкомъ долго, часто до поздней ночи. Но я пересталъ удивляться этому, когда узналъ, что каждый разъ онъ посылаетъ за однимъ студентомъ, уроженцемъ западнаго края, который переводитъ ему устно каждое слово. По устраненіи этого лингвистическаго—выступали на сцену интеллектуальныя препятствія. Почти каждое слово, переведенное съ грѣхомъ по поламъ, возбуждало сомнѣніе, вызывало колебанія и нескончаемыя размышленія. Въ результатѣ, ценсоръ многое самъ исключалъ, бо̀льшую же часть статей останавливалъ для доклада ценсурному комитету. Не производя самъ и не пропуская ничего даже сомнительнаго, я напрасно въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ старался постигнуть тотъ умственный процессъ, который моего ценсора дѣлалъ такимъ, какимъ онъ былъ. И до сихъ поръ я остаюсь въ невѣдѣніи, чего онъ хотѣлъ, чего боялся и чѣмъ можно было угодить ему? И при немъ я принужденъ былъ отказаться отъ всякой литературы, отъ всякихъ статей съ разсужденіями и умозаключеніями. Газета болѣе чѣмъ когда-нибудь осуждена была на пошлую, прозябательную жизнь. Дабы никто не могъ заподозрить меня въ преувеличеніи и дабы дать понятіе о такомъ ценсорѣ и о моемъ тогдашнемъ положеніи, приведу изъ многихъ слѣдующіе два примѣра.

Отъ знаменитаго владѣльца сахарнаго завода, волынскаго помѣщика Зенона Головинскаго, я получилъ письмо изъ Брюсселя, которымъ онъ просилъ напечатать, что въ этомъ городѣ видѣлъ примѣненіе къ фабрикаціи сахара ново-выдуманнаго процесса, по коему кристаллизованный рафинадъ получается въ одни сутки прямо изъ свѣжаго свекловичнаго сока. Авторъ письма предостерегаетъ фабрикантовъ, чтобы они воздержались отъ всякихъ другихъ нововведеній до его возвращенія въ имѣніе, а тогда онъ всѣмъ сообщитъ новый способъ, которому теперь учится въ Бельгіи.

Что могло быть ценсурно-невиннѣе этой статьи? Это такъ казалось мнѣ, двуглазому простому смертному. Но мой стоокій Аргусъ высмотрѣлъ въ ней нѣчто такое, что заставило его отло-

[1]) «Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable».

жить статью для внесенія ея въ комитетъ. Если бы по этому случаю назначена была премія за догадливость, то и тогда, я увѣренъ, никто не нашелъ бы того, что затруднило моего цензора. Я отправился къ нему съ подлиннымъ письмомъ. Тутъ на мой вопросъ г. А., всячески извиняясь передо мною, сказалъ:

— Помилуйте, я не могъ неусумниться: въ статьѣ говорится и о кристаллизаціи, и о центробѣжной силѣ, и о распространеніи новости въ краѣ. При томъ же изобрѣтатель—Руссо! Не ясно-ли тутъ видна аллегорія?

Я не зналъ, что отвѣчать и, на силу удержавшись отъ смѣха, покорился въ надеждѣ, что комитетъ разрѣшитъ статью. Не тутъ-то было, къ довершенію курьёза, письмо Головинскаго было окончательно запрещено. Но каково было удивленіе и первой, и аппеляціонной инстанціи, осудившей его за коварную аллегорію, когда недѣли чрезъ двѣ послѣ такого рѣшенія въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» появилась испрошенная г. Руссо привиллегія на его изобрѣтеніе. Тогда цензоръ наивно, и даже не покраснѣвши, сказалъ мнѣ, что теперь къ напечатанію письма Головинскаго «препятствія не имѣется».

Другой курьёзъ былъ слѣдующій:

Въ химіи съ давняго времени оставался нерѣшеннымъ вопросъ: что такое кураре (Curare), страшный ядъ, которымъ дикіе Южной Америки и нѣкоторыхъ островов напитываютъ свои стрѣлы, кинжалы, и т. п., и который мгновенно причиняетъ смерть отъ малѣйшей раны. Наконецъ, Гумбольдтъ въ послѣднее свое путешествіе разрѣшилъ этотъ вопросъ; онъ видѣлъ и описалъ какъ приготовляютъ ядъ. Это—экстрактъ корней дерева, растущаго въ гніющихъ водахъ тропическихъ странъ, изъ рода Strychnos, вида Strychnos toxifera. Къ экстракту дикіе прибавляютъ еще яда гремучей змѣи (Crotalus horridus) и другой Trigonocephalus Lachesis. Найдя извѣстіе объ этомъ въ одномъ англійскомъ журналѣ, я повторилъ его въ отдѣлѣ смѣси. Неудивительно, что проницательный цензоръ, убоявшійся кристаллизаціи сахара, устрашился также и кураре. Онъ удержалъ статейку для представленія на разрѣшеніе своего ареопага. Когда я спросилъ его о причинѣ, то онъ, съ свойственною ему тонкостію соображенія, отвѣчалъ:

— Это извѣстіе можетъ послужить злому человѣку рецептомъ для составленія такого смертоноснаго вещества.

Напрасно я представлялъ, что для этого злому человѣку нужно бы совершить путешествіе въ тѣ страны, гдѣ ростетъ дерево и гдѣ живутъ названныя змѣи; цензоръ былъ непреклоненъ. Комитетъ однако-жъ на этотъ разъ не раздѣлилъ съ нимъ его ультра-гуманныхъ опасеній.

Я могъ бы привести множество подобныхъ примѣровъ, повторявшихся регулярно два раза въ недѣлю въ моихъ корректурахъ, но думаю, что и двухъ достаточно, чтобы дать понятіе о моемъ положеніи и о той грусти, которую я чувствовалъ, безъ всякой вины съ моей стороны, за упадокъ моего изданія, которое въ первыя 16 лѣтъ занимало такое почетное мѣсто въ періодической литературѣ. Помочь же этому было по тогдашнимъ обстоятельствамъ невозможно; я зналъ навѣрно, что жалобы на цензора, и именно на моего цензора, не повели бы ни къ чему и еще, къ плачевной неспособности его, прибавилось бы личное ко мнѣ неудовольствіе.

Впрочемъ, я не во многомъ могъ позавидовать другимъ, даже и русскимъ изданіямъ. Цензоровъ, удовлетворявшихъ требованіямъ своего званія, было очень немного: они составляли исключенія. По городу ходили презабавные анекдоты о подвигахъ цензуры 1840-хъ и начала 50 годовъ. Всѣмъ извѣстенъ казусъ съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ.

Его императорское высочество издавалъ описаніе съ рисунками россійскихъ монетъ и медалей; въ числѣ ихъ было изображеніе рубля, выпущеннаго въ такомъ году царствованія Петра I, когда монархъ этотъ титуловался еще царемъ и великимъ княземъ. Цензоръ не преминулъ вычеркнуть этотъ рисунокъ и надписать глубокомысленное замѣчаніе, что Петръ Великій былъ не царь, а императоръ Всероссійскій. Для августѣйшаго издателя, это, конечно, не имѣло послѣдствій: но каково было сочинителямъ и издателямъ du commun des martyrs, которые должны были покоряться подобнымъ приговорамъ?

Не менѣе распространенъ былъ и анекдотъ съ какою-то книжкою кухонныхъ рецептовъ, изъ которыхъ цензоромъ исключено было одно кушанье потому, что оно приготовлялось на вольномъ

духѣ, и т. п., и т. п. Такіе случаи по истинѣ превосходили вѣроятіе, имѣли всѣ признаки выдумки.

Начальнику моему и по службѣ, и по офиціальности моей газеты, министру статсъ-секретарю Царства Польскаго, я не разъ объяснялъ причины упадка этого изданія и разсказывалъ странности цензора; но я замѣтилъ, что покойный Туркулъ какъ-будто подозрѣваетъ меня въ преувеличиваніи. Мнѣ легко было подтвердить мои слова, показавъ ему искалѣченныя корректуры, и я хотѣлъ уже вытребовать ихъ изъ типографіи, но это оказалось ненужнымъ. Разъ министръ, возвращаясь изъ дворца отъ доклада, зашелъ въ книжный магазинъ Беллизара (теперь Мелліе), гдѣ обыкновенно покупалъ книги; тогда издавался тамъ журналъ «Revue étrangère».

Игнатій Лаврентьевичъ Туркулъ засталъ издателя въ страшно-возбужденномъ состояніи. Въ припадкѣ своей furia francese, онъ бѣгалъ по комнатѣ и рвалъ себѣ волосы.

— Что съ вами? спросилъ Туркулъ.

— А вотъ, посмотрите, г. министръ,— и Беллизаръ подалъ только что полученную обратно корректуру.

Тутъ, въ одной фразѣ Бальзака, слова: «la majesté de la nature» были зачеркнуты и противъ нихъ красовалось слѣдующее поучительное замѣчаніе цензора г. П—ра: «Le mot majesté ne se dit que de têtes couronnées» (Величество говорится только о коронованныхъ головахъ).

Туркулъ, разсмѣявшись отъ души, напрасно старался успокоить расходившагося француза. Возвратившись домой, онъ намъ, чиновникамъ, разсказалъ курьёзъ, а затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Извините меня, Пржецлавскій, я не совсѣмъ довѣрялъ вашимъ жалобамъ, теперь же вѣрю всему.

Какъ могло случиться, что отрасль управленія, столь близко, какъ цензура, связанная съ интересомъ общества, оказалась на степени такой аномаліи и долго на ней оставалась? Я затрудняюсь въ прямомъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ; мнѣ, конечно, извѣстны истинныя причины такой аномаліи, мнѣ извѣстно и то, почему и на какихъ условіяхъ такая жалкая неспособность, какъ мой послѣдній цензоръ, назначена была для газеты, которой онъ даже читать не умѣлъ, но на этотъ разъ я не намѣренъ говорить то

что знаю. Скажу только, что вина такого положенія упадала непосредственно не на главную, а на среднюю цензурную власть. Она въ выборѣ лицъ руководилась произволомъ, и почти всегда личными видами. Все-таки нельзя было не посѣтовать на центральную власть за допущеніе того, что дѣлалось: до нея, хотя и рѣдко, доходили жалобы.

Я упомянулъ уже, что во все время существованія «Еженедѣльника», ни я самъ и никто изъ моихъ цензоровъ, не подверглись ни разу взысканіямъ. Это такъ, да иначе и быть не могло при отсутствіи всякой вины. Это однако-жъ не помѣшало нѣкоторымъ личнымъ недоброжелателямъ покушаться повредить мнѣ и моему изданію, а вмѣстѣ и выказать свою преданность правительству.

Къ главнымъ начальникамъ III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, подъ наблюденіемъ котораго состояла моя газета, поступило на меня разновременно нѣсколько тяжкихъ доносовъ; но эти попытки были крайне неудачны. Каждый разъ призывали меня для объясненій и мнѣ слишкомъ легко было въ нѣсколькихъ словахъ выказать недоразумѣніе, а чаще, еще и грубое невѣжество доносчиковъ, въ родѣ пресловутой кристаллизаціи. Наконецъ, меня совсѣмъ оставили въ покоѣ. Въ послѣдствіи, когда я сдѣлался товарищемъ по главному управленію цензуры Л. В. Дубельта, то узналъ отъ него, что по многимъ доносамъ, на меня поступавшимъ, даже не тревожили меня, и они рѣшались совершаемымъ въ III-мъ отдѣленіи, по суботамъ, сожженіемъ доносовъ, оставляемыхъ безъ послѣдствій. Равнымъ образомъ, не знаю почему, вѣроятно по изданію мною газеты, приказано было на почтѣ вскрывать мои письма. Я, кромѣ покойной матери, не переписывался ни съ кѣмъ, но получалъ много писемъ. Многія изъ нихъ, по вскрытіи, были очень неискусно припечатаны; это было слишкомъ замѣтно, а между тѣмъ не мало писемъ было попорчено. Отдѣленіе почтамта, гдѣ это дѣлалось, называлось также цензурой. Я разъ обратился къ начальнику этого отдѣленія г. У—ву и просилъ его не давать себѣ труда припечатывать вскрытыя письма, а доставлять ихъ ко мнѣ въ особомъ пакетѣ. У—въ хотѣлъ увѣрить меня, что я ошибаюсь, но я легко уличилъ его имѣющимся со мною письмомъ. На немъ почтовый штемпель о полученіи былъ приложенъ такъ

что пришелся на складку конверта; онъ долженъ бы составлять правильный замкнутый кругъ, въ моемъ же случаѣ вышло два полукруга, не сходившіеся съ собою. По такомъ наглядномъ доказательствѣ, я узналъ, что приказаніе, касающееся моихъ корреспонденцій, было отдано давно, тотчасъ по возникновеніи польскаго мятежа 1830 года, но и до 1846 года не было отмѣнено. Съ тѣхъ поръ, однако-жъ, я сталъ получать письма въ цѣлости.

II.

Въ маѣ 1853 года въ изданіи газеты и въ моемъ служебномъ положеніи произошла слѣдующая перемѣна.

Въ Варшавѣ существовалъ ценсурный комитетъ на все царство для разсмотрѣнія произведеній печати и внутренней, и иностранной. Послѣ 1830-го года онъ состоялъ въ непосредственной зависимости попечителя учебнаго округа, но, по уничтоженіи границы, существовавшей между имперіею и царствомъ, комитетъ этотъ, относительно иностранныхъ книгъ, подчиненъ былъ главному управленію ценсуры. Вскорѣ въ этомъ послѣднемъ сдѣлалось ощутительною потребностью имѣть въ своемъ составѣ члена, представляющаго интересы царства и знающаго польскій языкъ, такъ какъ много книгъ на этомъ языкѣ привозилось изъ-за границы и могли поступать жалобы на рѣшенія варшавскаго комитета. По соглашенію объ этомъ министра, статсъ-секретаря Туркула, съ княземъ Варшавскимъ и министромъ народнаго просвѣщенія и по докладу того же покойнаго Туркула, которому предоставленъ былъ выборъ лица, послѣдовалъ, 27-го мая 1853 года, указъ о назначеніи меня членомъ главнаго управленія ценсуры отъ Царства Польскаго, сверхъ настоящей моей должности директора канцеляріи кодификаціонной коммисіи царства, съ правомъ голоса по всѣмъ вообще дѣламъ.

По такомъ назначеніи, официальное званіе издателя и редактора газеты я передалъ одному изъ чиновниковъ статсъ-секретаріата (покойному Ходынскому), оставаясь собственникомъ ея и не преставая принимать въ ея изданіи, по прежнему, дѣятельное участіе, такъ что всѣ описанныя невзгоды, испытуемыя газетой (прекратившеюся по личнымъ моимъ обстоятельствамъ только съ концемъ 1858 г.), упадали на меня. Но, несмотря на мое новое

положеніе, я не могъ сразу сдѣлать ничего, чтобы помочь этому; въ послѣдніе же два года, ценсорами «Тигодника» были уже люди способные, и въ эти годы могъ быть возстановленъ прежній характеръ изданія.

Я охотно сознаюсь, что мысль о назначеніи новаго члена къ центральному учрежденію подана была мною и что я самъ старался о назначеніи меня. Покойный Туркулъ, убѣдившись уже въ грустной несостоятельности тогдашней ценсуры, призналъ мысль мою основательною, а меня, по моей опытности, компетентнымъ для обращенія ея на общую пользу.

Я началъ присутствовать въ главномъ управленіи, въ министерствѣ, и подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова. О составѣ присутствія существовало тогда правило, чтобы въ немъ находились представители всѣхъ главныхъ вѣдомствъ. Членомъ отъ св. синода былъ К. С. Сербиновичъ, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ А. Г. Тройницкій, отъ министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ; общіе правительственные интересы представлялъ управляющій III-мъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, генералъ Дубельтъ, а правительства Царства Польскаго—я. Сверхъ того, присутствовали, по особому высочайшему повелѣнію, сенаторъ П. Г. Митусовъ, и, по своему званію, попечитель петербургскаго учебнаго округа и предсѣдатель ценсурнаго комитета Мусинъ-Пушкинъ [1]). Членомъ считался также, по званію президента академіи наукъ, графъ Д. Н. Блудовъ, но онъ рѣдко посѣщалъ засѣданія. Военное вѣдомство не имѣло у насъ представителя, но интересы его были вполнѣ обезпечены: въ петербургскомъ ценсурномъ комитетѣ засѣдалъ членъ отъ военнаго министерства, генералъ Л. Л. Штюрмеръ, на предварительное разсмотрѣніе котораго поступало все, что о военномъ вѣдомствѣ и о военномъ дѣлѣ предназначалось къ напечатанію.

Со временемъ составъ главнаго управленія измѣнился какъ выбытіемъ нѣкоторыхъ членовъ и назначеніемъ новыхъ, такъ и

---

[1]) Присутствованіе его казалось мнѣ не только лишнимъ, но и нецѣлесообразнымъ, такъ какъ намъ приносимы были жалобы на дѣйствія комитета, и такимъ образомъ предсѣдатель его былъ судьею въ собственномъ дѣлѣ. Къ довершенію аномаліи, предсѣдатель иностранной ценсуры не принадлежалъ къ нашему составу.

О. П.

вслѣдствіе принятаго въ исходѣ 1850 годовъ правила, что цензура должна быть однородна, а не раздроблена по отдѣльнымъ вѣдомствамъ.

Испытавъ на самомъ себѣ весь вредъ дурной цензуры для общества, слѣдовательно и для власти, я сознавалъ за собою и гражданскій, и служебный долгъ—въ новомъ моемъ званіи содѣйствовать по возможности къ улучшенію этой части. Но въ первое время сильное къ тому препятствіе составлялъ присутствовавшій съ нами предсѣдатель цензурнаго комитета, Мусинъ-Пушкинъ, горячо отстаивавшій цензоровъ, опредѣленныхъ по его избранію. На тотъ разъ нужно было ограничиться настояніемъ о болѣе строгомъ выборѣ лицъ, вновь назначаемыхъ въ цензорскія должности. Это продолжалось не долго; по выбытіи Мусина-Пушкина и по замѣщеніи его другимъ предсѣдателемъ комитета, приняты уже были мѣры, дабы поставить петербургскую цензуру на степень, соотвѣтствовавшую раціональнымъ требованіямъ тогдашняго законодательства о печати.

Обыкновенныя занятія въ засѣданіяхъ состояли въ разсмотрѣніи представленій комитетовъ: иностранной цензуры, варшавскаго и провинціальныхъ, о сомнительныхъ случаяхъ и о предполагаемыхъ къ исключенію неодобряемыхъ ими мѣстъ въ иностранныхъ книгахъ, также въ разсмотрѣніи жалобъ частныхъ лицъ на низшія цензурныя инстанціи, прошеній о новыхъ періодическихъ изданіяхъ и т. п. Кромѣ участія въ этихъ занятіяхъ, я вносилъ въ главное управленіе разныя предположенія, имѣющія цѣлью упрощеніе цензорской практики и точное, по возможности, опредѣленіе круга дѣйствія цензоровъ для отвращенія произвола.

Съ половины 1850-хъ годовъ цензура стала ощутительно свободнѣе. Это имѣло благодѣтельное вліяніе на письменность вообще. Но какъ обыкновенно бываетъ послѣ продолжительнаго стѣсненія, это породило на первыхъ порахъ поползновеніе къ нѣкоторому своеволію (?). Симптомомъ его было появленіе почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ такъ называемой обличительной литературы. Ее составляли статьи, въ которыхъ описывались иногда въ смѣшномъ, часто въ оскорбительномъ видѣ разныя, болѣе извѣстныя столичныя и провинціальныя личности, скандальные съ ними случаи, слабыя и дурныя ихъ стороны, а иногда

возводимы были на нихъ и тяжкія обвиненія, такъ что бо́льшая часть этихъ статей подходили подъ опредѣленіе диффамаціи, клеветы, даже просто доноса. Хотя лица не назывались по имени, но въ ихъ фамиліяхъ дѣлались незначительныя измѣненія, а ихъ общественное и служебное положеніе и вся обстановка были такъ съ натуры скопированы, что въ тождествѣ описываемаго субъекта не могло быть сомнѣнія. А между тѣмъ обиженные не могли жаловаться, какъ потому, что тогда не было еще гласнаго суда, который одинъ можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ публичнаго очищенія отъ позора, такъ и потому, что жаловаться на подобныя нападки, болѣе или менѣе аллегорическія, значило узнавать себя въ пасквильномъ изображеніи.

Такая литература сдѣлалась почти господствующею модою, такъ какъ она въ высшей степени интересовала читающую публику, вѣроятно, вслѣдствіе того недобраго расположенія, которое Ларошфуко замѣтилъ въ человѣческой природѣ. Но были и добрые, и умные люди, одобрявшіе это своеволіе; они видѣли въ немъ справедливую кару за смѣшное и предосудительное, находили даже пользу для общественной нравственности, не замѣчая, что подобныя представленія частныхъ случаевъ и лицъ могутъ быть уродливо преувеличены, или даже вполнѣ выдуманы и служить орудіемъ для злобы и личностей, какъ это часто и случалось.

Съ первыхъ же явленій этого жанра я энергично высказался противъ него по двоякому моему служебному званію: какъ членъ цензуры, я не могъ одобрять пасквильнаго характера, проникавшаго въ печать; а какъ чиновникъ юридической части—я находилъ его противнымъ общему духу законодательствъ, въ особенности нашего. Это послѣднее мнѣніе основывалось на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Оглашеніе посредствомъ печати чьего-либо неблаговиднаго, предосудительнаго или даже неразумнаго поступка, или непохвальныхъ подробностей частной жизни,—есть наказаніе, и нерѣдко тяжкое [1]).

Изъ этого опредѣленія сами собою вытекаютъ слѣдующія заключенія:

---

[1]) Въ это время, вслѣдствіе обличительной статьи, одинъ молодой человѣкъ лишилъ себя жизни. О. П.

Всякое наказаніе можетъ быть налагаемо единственно надлежащимъ судомъ, и не иначе какъ: а) по предварительному удостовѣренію въ дѣйствительности осуждаемаго дѣянія, и б) по истребованію отъ обвиняемаго объясненія и по принятію къ совокупному соображенію всего, что онъ могъ бы привести въ свое оправданіе.

Чрезъ возводимыя публично на частныхъ лицъ обвиненія и ѣдкія выходки, нарушались всѣ эти необходимыя условія справедливости. Факты приводились бездоказательно; возраженія на нихъ были невозможны и наказаніе налагалось любымъ аматёромъ скандала, неподписывавшимся, или принявшимъ вымышленное имя. Въ конечномъ анализѣ это было присвоеніе себѣ частными, безъименными лицами судейской власти, безъ уполномочія на то и безъ всякаго ручательства въ праведности суда.

Поэтому всѣ обличительныя статьи, хотя бы въ нихъ изображались и правдивые факты, должны признаваться пасквилями потому именно, что оглашеніе ихъ составляетъ наказаніе, то есть такое юридическое дѣйствіе, которое не можетъ быть предоставлено произволу частныхъ лицъ, особенно принявъ въ уваженіе, что законное оглашеніе по суду примѣнялось къ весьма рѣдкимъ случаямъ.

Такой взглядъ казался мнѣ тѣмъ болѣе справедливымъ, что, при несуществованіи еще въ то время гласнаго суда, потерпѣвшіе отъ обличительныхъ статей не могли получать удовлетворенія полнаго, то есть на столько публичнаго, на сколько публично было помраченіе ихъ доброй славы.

Къ тому слѣдуетъ еще замѣтить, что въ обличительныхъ статьяхъ приходился очень значительный процентъ болѣе или менѣе ложныхъ, почти же всѣ остальныя отличались непомѣрнымъ преувеличеніемъ. Достовѣрно то, что великое большинство ихъ внушено было не какою-либо благонамѣренностью, а личнымъ озлобленіемъ и мщеніемъ.

Соображенія эти представлены были мною главному управленію цензуры. Я прибавилъ къ нимъ проектъ наставленія цензорамъ, заключающаго указанія признаковъ, по которымъ различается позволительная сатира отъ неодобряемаго пасквиля. Главный изъ этихъ признаковъ то, что первая имѣетъ предметомъ не лица, а общіе типы, свойственные цѣлымъ группамъ, цѣлымъ катего-

ріямъ, а послѣдній—всегда только отдѣльныя личности. Затѣмъ слѣдовало подраздѣленіе этого главнаго признака на второстепенные признаки и подробности, изслѣдованіе которыхъ вело къ положительному опредѣленію: къ какому изъ двухъ жанровъ слѣдуетъ причислить данную юмористическую или сатирическую статью, дабы ни въ какомъ случаѣ нельзя было взять одинъ за другой. Въ этомъ проектѣ наставленія, какъ на примѣръ образцовой сатиры, я указывалъ на «Горе отъ ума», на «Мертвыя души», на «Ревизора» и другія драматическія сочиненія.

Здѣсь я позволю себѣ небольшое отступленіе и изъ упомянутаго наставленія приведу кстати слѣдующее: когда появилось «Горе отъ ума», всѣ сразу отдали ему справедливость, но въ томъ числѣ были многіе, которые въ дѣйствующихъ лицахъ предполагали и даже узнавали изображеніе живыхъ московскихъ личностей и въ вѣрности портретовъ находили главное достоинство этой прекрасной драматической сатиры. Взглядъ совершенно ошибочный. Грибоѣдовъ и не думалъ писать портреты; если бы это было такъ, то значеніе «Горя отъ ума» было бы очень кратковременно; оно затерялось бы вмѣстѣ со смертью тѣхъ, которые служили оригиналами для очерковъ. Да и въ продолженіе ихъ жизни достоинство сочиненія на много было бы ниже истиннаго. Грибоѣдовъ превосходно схватилъ и изобразилъ не отдѣльныя личности, а типы, жизнь которыхъ очень продолжительна, и также долговѣчна будетъ заслуга и слава его мастерскаго произведенія. Если оно и переживетъ типы, то останется драгоцѣнною страницей въ исторіи общественнаго развитія, точкою сравненія будущаго съ прошедшимъ. Тоже самое примѣняется и къ другимъ, названнымъ образцовымъ сатирамъ, а теперь и къ превосходнымъ, вполнѣ художественнымъ, талантливымъ очеркамъ Щедрина (М. Е. Салтыкова).

Ценсура стала серьезнѣе и съ бòльшею разборчивостью относиться къ обличительной литературѣ, да и въ самомъ обществѣ появилась реакція противъ этого злоупотребленія печати, особенно послѣ нѣсколькихъ вопіющихъ примѣровъ недобросовѣстности. И такъ, мода на это нездоровое направленіе держалась не долго и въ какіе-нибудь два года прошла совсѣмъ. Если и теперь являются иногда въ газетахъ статейки, которыя можно бы причислить къ отжившему жанру, то онѣ не имѣютъ пасквиль-

наго характера, а какъ скоро такой появится, то влечетъ за собою расправу въ гласномъ судѣ и наказаніе.

Въ январѣ 1860 года, когда еще цензура состояла при министерствѣ народнаго просвѣщенія, послѣдовало преобразованіе состава главнаго управленія, согласно признанной упомянутой выше потребности—единства цензуры. Нѣкоторые изъ прежнихъ членовъ остались, поступили новые, я же былъ оставленъ по прежнему, вслѣдствіе ходатайства министра, покойнаго Е. П. Ковалевскаго.

Послѣ такого преобразованія возбужденъ былъ вопросъ и о преобразованіи общаго цензурнаго устава. Е. П. Ковалевскій, человѣкъ весьма умный и просвѣщенный, самъ сочинялъ почти всѣ новые проекты; они были по возможности примѣняемы къ измѣнившимся взглядамъ вслѣдствіе совершившихся уже въ настоящее царствованіе и предполагаемыхъ благодѣтельныхъ реформъ. Копіи этого проекта были розданы членамъ и каждый отъ себя представилъ по немъ свои замѣчанія. Но графъ Блудовъ, вѣроятно зная о предстоявшемъ коренномъ преобразованіи цензуры въ настоящее ея состояніе, заявилъ въ засѣданіи главнаго управленія, что онъ никакихъ замѣчаній на проектъ дѣлать не будетъ, такъ какъ, по его мнѣнію, подробный уставъ о цензурѣ въ настоящихъ обстоятельствахъ былъ бы дѣломъ несовременнымъ, и что уставъ можетъ быть замѣненъ немногими пунктами правилъ, заключающихъ общія положенія къ руководству въ практикѣ.

И такъ, проектъ новаго устава не былъ разсматриваемъ въ законодательномъ порядкѣ, а вскорѣ изданы были упомянутыя правила въ нѣсколькихъ пунктахъ, утвержденныя въ 1862 г.[1]).

Между тѣмъ кодификаціонная коммисія, въ которой я служилъ, вслѣдствіе учрежденія въ Царствѣ Польскомъ мѣстнаго государственнаго совѣта, была упразднена въ іюнѣ 1861 года, и по высочайшей волѣ я былъ оставленъ членомъ главнаго управленія. Въ этомъ званіи я находился въ министерства графа Путятина и А. В. Головнина.

Еще Е. П. Ковалевскій находилъ нецѣлесообразнымъ, что

[1]) Въ этихъ правилахъ замѣчался тотъ самый взглядъ на значеніе цензуры, который я изложилъ и развилъ въ упомянутомъ моемъ представленіи въ главное управленіе.
О. П.

цензура состояла при министерствѣ просвѣщенія; онъ раздѣлялъ взглядъ на цензуру, какъ на полицію, и поэтому думалъ, что она должна принадлежать министерству внутреннихъ дѣлъ, или III-му отдѣленію собственной Е. И. В. канцеляріи. Онъ говаривалъ при случаѣ: «въ моемъ положеніи я чувствую въ себѣ какое-то тяжкое раздвоеніе: какъ министръ просвѣщенія, я долженъ способствовать возможнымъ успѣхамъ литературы, умноженію числа повременныхъ изданій, а въ тоже время, какъ генералъ-цензоръ, я, по необходимости, принужденъ останавливать это движеніе, нерѣдко запрещая и новыя, и прежнія изданія».

Предвидѣнія Евграфа Петровича сбылись въ министерство А. В. Головнина: въ мартѣ 1862 года высочайшимъ указомъ учреждена новая центральная цензурная власть, подъ названіемъ «Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія». Высочайшимъ приказомъ 16-го того же марта я былъ назначенъ членомъ этого совѣта; кромѣ меня, оставшагося отъ бывшаго главнаго управленія, всѣ члены были вновь избранные. Въ числѣ ихъ былъ академикъ, нѣкогда цензоръ, А. В. Никитенко и извѣстный авторъ «Обломова», И. А. Гончаровъ. Предсѣдатель комитета цензуры иностранной, Ѳ. И. Тютчевъ, считался также нашимъ членомъ, но онъ всего одинъ разъ присутствовалъ; онъ какъ-будто не сознавалъ подсудности своего комитета нашей юрисдикціи. Совѣтъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ товарища министра, бывшаго члена главнаго управленія, А. Г. Тройницкаго.

Кругъ нашихъ занятій по совѣту былъ нѣсколько расширенъ противъ прежняго; кромѣ обязанностей, исполняемыхъ въ главномъ управленіи, между членовъ распредѣлены были повременныя изданія для наблюденія за тѣмъ, что въ нихъ печаталось, и для представленія объ этомъ замѣчаній. На мою долю достались разновременно: «Современникъ» (въ послѣдствіи запрещенный), «Библіотека для чтенія», «День», какой-то медицинскій журналъ и два такъ называемые юмористическіе: издаваемый въ Петербургѣ «Оса» и въ Москвѣ — «Развлеченіе». Сверхъ того, ежедневные журналы читались чиновниками особыхъ порученій и замѣчанія по нимъ поступали на разсмотрѣніе совѣта. Протоколы его, съ замѣчаніями членовъ и упомянутыхъ чиновниковъ и съ нашими по нимъ заключеніями, представляемы были на утвержденіе министра.

Я имѣлъ довольно дѣла съ моими питомцами: «День», а особенно «Современникъ» требовали (?) неусыпнаго наблюденія (?). Въ послѣднемъ, въ мое время, появился надѣлавшій столько шума романъ: «Что дѣлать?» Онъ былъ напечатанъ по странному недоразумѣнію. Первая часть, появившаяся въ одномъ изъ нумеровъ «Современника», не заключала ничего предосудительнаго. Между тѣмъ сочинитель, по какому-то политическому дѣлу, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ статсъ-секретарь у принятія прошеній, князь Голицынъ. Авторъ обратился къ нему съ просьбою дозволить ему докончить романъ, за который онъ получилъ отъ редакціи деньги впередъ. Князь согласился и рукописи двухъ послѣднихъ частей поступили на разсмотрѣніе къ нему. Такъ какъ онѣ, вѣроятно, цензурованы были только въ политическомъ отношеніи, то статсъ-секретарь, не найдя въ нихъ ничего политическаго, пропустилъ ихъ. Цензоръ же, разсматривавшій «Современникъ» послѣ пропуска рукописи княземъ Голицынымъ, не смѣлъ уже останавливать печатаніе ея. Такимъ образомъ проскользнуло въ русскую литературу это произведеніе.

«Оса» заключала иногда нехорошія вещи и цензоръ ея подвергался замѣчаніямъ. По одному, очень безнравственному стихотворенію, напечатанному въ ней, я представилъ совѣту разсужденіе, гдѣ изложены были общіе взгляды на вредность подобныхъ статей, особенно въ формѣ куплетовъ, которые легко остаются въ памяти. Въ «Осѣ» они были тѣмъ болѣе предосудительны, что къ ней прилагались музыкальныя ноты, и поэтому журналъ находился въ рукахъ молодыхъ дѣвушекъ, а стихи къ нимъ именно и относились. При разсмотрѣніи журнала совѣта съ этимъ разсужденіемъ, министръ призналъ его имѣющимъ общую примѣнимость и приказалъ копіи съ него сообщить циркулярно цензурнымъ комитетамъ для руководства.

Что касается «Развлеченія», то журналъ этотъ, при маломъ литературномъ достоинствѣ, на которое онъ, впрочемъ, и притязанія не имѣлъ, оказывалъ иногда правительству услугу. Въ немъ встрѣчались статьи, которыя хотя и можно было назвать обличительными, но онѣ имѣли признаки правдивости и благонамѣренности. Въ нихъ описывались продѣлки и даже притоны московскихъ мошенниковъ, возмутительные примѣры такъ называемаго

«самодурства», злоупотребленія и бездѣйствіе власти въ низшихъ слояхъ администраціи, и все это безъ прямаго отношенія къ личностямъ. Такія указанія, находимыя въ «Развлеченіи», были отъ нашего совѣта сообщаемы департаменту полиціи, и, по надлежащемъ дознаніи, нѣсколько разъ послужили къ обнаруженію и пресѣченію зла.

Совѣтъ нашъ былъ учрежденіе временное; въ продолженіе его занятій вырабатывались, по иниціативѣ министра П. А. Валуева, проекты того положенія, которое теперь существуетъ. Это переходное состояніе понималось и болѣе или менѣе отражалось на нашихъ дѣйствіяхъ. Взглядъ на произведенія печати незамѣтно смягчался и нѣкоторымъ изданіямъ сходили съ рукъ такія прегрѣшенія, которыя въ другое время подвергли бы ихъ строгому взысканію, и здѣсь «будущее бросало свою тѣнь передъ собою».

Въ 1863 году я былъ въ Карлсбадѣ, гдѣ тогда пользовалась водами великая княгиня Елена Павловна. Въ бесѣдахъ, которыхъ удостоивала меня по предметамъ, относящимся до моего званія, говоря о готовящейся реформѣ цензуры, ея императорское высочество энергично высказывалась въ пользу ея либеральнаго направленія. Разумѣется, что такое мнѣніе, заявленное знаменитою принцессою, особою высокаго ума, и, какъ было извѣстно, слѣдившею за государственнымъ движеніемъ, было принято мною какъ avis au lecteur, «къ свѣдѣнію и къ надлежащему, въ потребномъ случаѣ, исполненію».

По случаю отъѣзда, въ концѣ іюня 1864 года, товарища министра за границу, на время его отсутствія поручено мнѣ было министромъ предсѣдательствовать въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Это продолжалось до половины декабря того же 1864-го года.

Между тѣмъ преобразованіе цензуры совершилось, и высочайшимъ указомъ сенату, 31-го августа 1865 года, «по случаю упраздненія временнаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учрежденія по дѣламъ книгопечатанія», я былъ уволенъ отъ должности члена этого учрежденія.

III.

Мое положеніе въ главномъ управленіи, какъ католика и какъ чиновника царства, было нѣсколько исключительно; но и то, и другое послужило къ разъясненію встрѣчаемыхъ нерѣдко вопросовъ, которые безъ того остались бы въ настоящемъ ихъ значеніи темными. Приведу здѣсь нѣсколько анекдотическихъ тому примѣровъ.

Когда въ Римѣ состоялся догматъ о непорочномъ зачатіи Божіей Матери и булла о немъ была напечатана, то возникъ въ комитетѣ ценсуры иностранной вопросъ: можетъ-ли она быть пропущена? Въ главномъ управленіи, гдѣ вопросъ разсматривался, спросили моего мнѣнія, и я отвѣчалъ, что такъ какъ католическая вѣра въ россійской имперіи терпима, а новый догматъ со времени установленія его вошелъ въ число статей этой вѣры (article de foi), то запрещеніемъ буллы нарушена была бы вѣротерпимость въ ея полнотѣ. Этимъ доводомъ присутствіе убѣдилось и булла была пропущена. Затѣмъ нѣкоторые члены пожелали знать въ чемъ заключается новый догматъ. Я объяснилъ, что по сущности его, въ зачатіи Богородицы не признается никакого различія отъ обыкновеннаго физіологическаго процесса, но въ виду назначенія пресвятой дѣвы быть матерью Сына Божія, церковь вѣруетъ, что для нея сдѣлано было исключеніе и снята та скверна первороднаго грѣха, съ которою родятся всѣ человѣки. До послѣдняго собора позволялось не раздѣлять этого вѣрованія, хотя оно было личнымъ убѣжденіемъ всѣхъ папъ, и поэтому Пій IX пожелалъ рѣшить единожды и этотъ сомнительный пунктъ; теперь же, когда вопросъ о непорочности рѣшенъ соборомъ утвердительно, то прежнее вѣрованіе обращено въ канонически обязательное. Члены благодарили меня за ясное опредѣленіе предмета и прибавили, что до того имѣли о немъ темное и даже ошибочное понятіе. Я же, обращаясь къ министру Норову, сенатору Митусову и генералу Дубельту, сказалъ:

— Не мнѣ бы вамъ, господа, объяснять значеніе догмата, а отъ васъ поучиться, вѣдь вы кавалеры ордена непорочнаго зачатія.

— Какъ такъ? спросили они, крайне удивленные.

Тутъ я объяснилъ, что такое было первоначальное названіе ордена Бѣлаго Орла, учрежденнаго королемъ Владиславомъ. Кавалеровъ было всего двѣнадцать и каждый давалъ присягу, что вѣруетъ, какъ и самъ учредитель, въ непорочное зачатіе Богородицы и обязывается вѣрованіе это защищать до послѣдней капли крови. Никто изъ нашихъ кавалеровъ Бѣлаго Орла не зналъ о такомъ происхожденіи ордена; современемъ онъ и перемѣнилъ форму, и утратилъ первоначальное значеніе.

Въ одномъ магазинѣ, въ Москвѣ, продавались парижскія картинки съ изображеніемъ разныхъ святыхъ и съ французскими надписями ихъ именъ. Одна изъ нихъ показалась мѣстному духовному начальству несоотвѣтствующею религіознымъ преданіямъ и оно ходатайствовало о запрещеніи ея къ продажѣ. Картинка, присланная въ главное управленіе, была слѣдующая: изображенъ красивый молодой человѣкъ, нѣжно обнимающій ребенка лѣтъ 7—8; внизу надпись: «Saint Joseph Patriarche». Принявъ это за изображеніе св. Іосифа—супруга пресв. Дѣвы, а ребенка за Христа-отрока, просители осуждали рисунокъ за то, что, вопреки церковной традиціи, святой представленъ молодымъ, «съ французской бородкой», и что вокругъ его головы и головы отрока нѣтъ сіянія. На вопросъ предсѣдателя о моемъ мнѣніи, я отвѣчалъ, что жалоба есть слѣдствіе простой ошибки и анахронизма. Тутъ очевидно, какъ это и въ надписи значится, изображены не св. Іосифъ—супругъ, и не Христосъ, а св. Іосифъ, ветхозавѣтный патріархъ, ласкающій младшаго изъ своихъ братьевъ, Веніамина. Въ изображеніяхъ святыхъ ветхаго завѣта, какъ извѣстно, сіянія не бываетъ, на основаніи, что въ ихъ время «истинный свѣтъ» (Lux vera) не нисходилъ еще на землю [1]). Представленіе патріарха молодымъ и красивымъ согласно съ преданіемъ, присвоившимъ ему даже названіе «прекраснаго», а справедливость этого прилагательнаго доказывается эпизодомъ съ женою Пентефрія (Putiphar). По такомъ разъясненіи недоразумѣнія, картина была разрѣшена къ продажѣ.

Въ главное управленіе прислано было изъ таможни нѣсколько фуляровыхъ носовыхъ платковъ съ портретами (очень похожими):

[1]) Еванг. отъ Іоанна, гл. I, стр. 9.

императора австрійскаго, короля прусскаго, королевы англійской и папы Пія IX. Министръ Норовъ полагалъ запретить продажу этихъ платковъ, находя, по легко оцѣняемой причинѣ, крайне неумѣстнымъ ихъ назначеніе; что же касается портрета папы, то онъ спросилъ моего мнѣнія. Я отвѣчалъ, что, не касаясь даже католическаго вопроса, предметъ этотъ разрѣшенъ уже имъ самимъ, министромъ, изъ справедливаго уваженія къ изображеніямъ лицъ монарховъ, такъ какъ и папа (пользовавшійся тогда еще свѣтскою властью) также монархъ. Всѣ эти платки были запрещены.

Какая-то дама (фамиліи не помню) вошла въ главное управленіе съ прошеніемъ о разрѣшеніи ей издавать модный журналъ, съ картинками и выкройками. Подписная цѣна назначалась очень умѣренная. Въ программѣ обѣщался и текстъ для легкаго чтенія, притомъ же было въ ней сказано, что подписчикамъ предназначается нѣсколько премій, состоящихъ изъ дамскихъ платьевъ и другихъ уборовъ. Нумера подписныхъ билетовъ, по истеченіи каждой половины года подвергнутые тиражу, и преміи будутъ доставлены тѣмъ, чьи билеты выйдутъ. Просительница вручила министру письмо отъ одной высоко-поставленной особы, ходатайствовавшей о скорѣйшемъ разрѣшеніи изданія.

Предсѣдатель и члены высказывались уже въ томъ же смыслѣ, но я, къ общему удивленію, запротестовалъ. Я это сдѣлалъ по слѣдующимъ уваженіямъ. Предположеніе просительницы, по которому предоставлялись преміи вслѣдствіе тиража, есть ничто иное, какъ розыгрышъ ея журнала въ лотерею; а подписные билеты — ничто иное, какъ лотерейные билеты, которые многіе будутъ брать не столько для самаго изданія, сколько въ надеждѣ выигрыша, цѣнность котораго на много превосходитъ подписную плату. Если мы разрѣшимъ это одному изданію, то не будетъ основанія къ отказу въ томъ же и всѣмъ другимъ, а тогда большіе журналы, какъ академическая газета, «Сѣверная Пчела», «Библіотека для чтенія», имѣющіе и безъ того тысячи подписчиковъ, станутъ назначать въ преміи цѣлые дома въ столицахъ или большія суммы денегъ и, по извѣстному пристрастію общества къ азартной игрѣ, пріобрѣтутъ уже не тысячи и не десятки, а сотни тысячъ подписчиковъ; лотерея, подъ предлогомъ под-

писки на журналы, распространится въ огромныхъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ частныя лотереи запрещены и допускаются нашимъ законодательствомъ не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія высшей власти. Кромѣ того, въ Царствѣ Польскомъ существуетъ правительственная, такъ называемая «классная» лотерея, составляющая одну изъ статей казеннаго дохода, которому всякія частныя того же рода операціи не могутъ не принести ущерба. Я прибавилъ, что въ случаѣ разрѣшенія большинствомъ голосовъ моднаго журнала на просимомъ издательницей основаніи, я буду принужденъ, въ интересѣ казны царства и общаго закона, подать особое мнѣніе и объ этомъ случаѣ донести по начальству. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній кончилось тѣмъ, что модный журналъ былъ разрѣшенъ съ исключеніемъ выигрышныхъ премій. Проектъ г-жи *** былъ хорошо придуманъ, съ расчетомъ на порядочный доходъ; тайна нашихъ о немъ преній не была сохранена и въ издательницѣ и ея покровителяхъ я нажилъ себѣ сильныхъ враговъ. Это часто неразлучно съ исполненіемъ долга.

Приведенные примѣры показываютъ, что имѣть въ составѣ центральной ценсуры члена, свѣдущаго въ католицизмѣ и въ польскихъ дѣлахъ, было въ извѣстныхъ случаяхъ небезполезно, чтобы не сказать — необходимо.

Для всѣхъ историческихъ разсказовъ существуетъ правило: «suum cuique»; поэтому, безъ ложной скромности, я исчислю здѣсь нѣсколько общихъ мѣръ, которыя, кромѣ упомянутыхъ выше, приняты были по моей иниціативѣ и дѣйствуютъ въ настоящее время:

Отмѣненъ ценсорскій пропускъ на листахъ съ литографированными линейками для чистописанія (транспарантахъ). На нихъ, вѣроятно потому, что былъ заголовокъ въ нѣсколько словъ и нумеръ, внизу, подъ линіями, красовались: «Печатать дозволяется», годъ, мѣсяцъ, число и подпись ценсора. Я случайно узналъ, что одинъ господинъ, отъѣзжая за границу, накупилъ въ гостиномъ дворѣ множество такихъ транспарантовъ съ тѣмъ, чтобы показывать ихъ въ Европѣ, какъ образчики бдительности нашей ценсуры.

Отмѣнена подпись ценсора на пропускахъ. Я докладывалъ, что въ Австріи и другихъ странахъ, гдѣ есть ценсура, пропускъ печатается безъ подписи, по тому уваженію, что и современникамъ, и потомству нѣтъ никакой надобности знать, кто именно цен-

суровалъ напечатанное, а извѣстность фамиліи можетъ въ томъ или въ другомъ направленіи вліять на дѣйствія цензора. Онъ не можетъ не оглядываться болѣе или менѣе на общественное мнѣніе, тогда какъ оно, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, нерѣдко идетъ въ разрѣзъ съ прямою обязанностью цензорскаго званія. Но какъ при этой отмѣнѣ, вмѣсто подписи, принята была формула: «одобрено цензурою», то въ послѣдствіи, по переходѣ уже цензуры къ министерству внутреннихъ дѣлъ, по моему же представленію о несвойственности выраженія «одобрено», принята и до сихъ поръ осталась, болѣе соотвѣтствующая дѣйствію наблюдательной власти, формула: «Дозволено цензурою».

Въ извѣстіяхъ полицейскихъ газетъ о кражахъ всегда назывались лица, въ нихъ подозрѣваемыя. По уваженію, что, по формальному слѣдствію, подозрѣнія эти могли не подтвердиться, между тѣмъ какъ названныя лица оставались опозоренными, было предписано: въ извѣстіяхъ этого рода не именовать никого, а въ дополненіе первоначальныхъ свѣдѣній публиковать окончательные результаты слѣдствія и суда.

Для полноты настоящаго очерка я чувствую обязанность упомянуть въ немъ о нѣкотораго рода контръ-цензурѣ, которая была учреждена въ исходѣ 1840-хъ годовъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго генералъ-адъютанта Анненкова; но вмѣстѣ съ этимъ я долженъ признаться въ невозможности сказать о ней что-нибудь положительное. Это было учрежденіе не гласное, а хотя было вообще извѣстно, что оно наблюдаетъ за печатью и повѣряетъ дѣйствія цензуры, но лично до меня, какъ издателя журнала, послѣдствія ея дѣятельности не доходили ни разу, а о подробностяхъ ихъ я не старался узнавать. Помню только, что цензора моей газеты страшно боялись этой контръ-цензуры и излишнюю свою осторожность оправдывали этимъ опасеніемъ. Впрочемъ, этотъ комитетъ не долго существовалъ и отъ дѣятельности его не осталось воспоминанія о чемъ-нибудь замѣчательномъ. Это составляетъ, быть можетъ, лучшую похвалу учрежденій такого рода.

О. А. Пржецлавскій.

МОЯ ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ,

разсказъ гравера, академика Л. А. Сѣрякова.

1824—1875.

„Русская Старина" представила на своихъ страницахъ записки и воспоминанія весьма многихъ достопамятныхъ дѣятелей земли русской, прославившихъ себя на различныхъ поприщахъ служенія своему отечеству.

Большое собраніе неизданныхъ еще мемуаровъ находится въ нашемъ распоряженіи въ рукописяхъ и всѣ они постепенно появятся на страницахъ „Русской Старины".

Но изъ всѣхъ Записокъ редакція „Русской Старины" особенно дорожитъ и интересуется разсказами русскихъ самородковъ, талантливыхъ тружениковъ въ области науки, литературы или искусствъ.

Къ числу такихъ самородковъ-талантовъ принадлежитъ академикъ Лаврентій Аксеновичъ Сѣряковъ, превосходныя произведенія котораго — портреты, гравюры на деревѣ, давно извѣстны читателямъ „Русской Старины".

Сынъ крестьянина-солдата, потомъ питомецъ баталіона военныхъ кантонистовъ, рядовой фронтовой солдатъ, потомъ пѣвчій, флейтистъ въ солдатскомъ хорѣ музыкантовъ, фельдфебель и учитель кантонистовъ, военный писарь, наконецъ, топографъ — Сѣряковъ прошелъ крайне тяжелую, вполнѣ тернистую дорогу, прежде чѣмъ, по волѣ покойнаго императора Николая Павловича, предъ нимъ, нижнимъ чиномъ, отворились двери академіи художествъ, откуда онъ вышелъ академикомъ, первымъ и пока единственнымъ съ этимъ высокимъ званіемъ въ Россіи граверомъ на деревѣ. Трудомъ и талантомъ академикъ Л. А. Сѣряковъ пріобрѣлъ званіе гравера Его Императорскаго Величества.

Жизнь людей, подобныхъ Сѣрякову, чрезвычайно поучительна, особенно для нашего общества, въ которомъ нерѣдко гибнутъ таланты, поѣдаемые невѣжественною средою и столь мало энергическихъ, съ твердою волею тружениковъ, готовыхъ съ полнымъ самоотверженіемъ преодолѣть житейскія невзгоды, чтобы пробиться на поприще болѣе широкое для развитія даннаго судьбою дарованія.

Въ виду этого мы убѣдили Л. А. Сѣрякова разсказать свою жизнь.

Разсказъ этотъ, стенографически записанный, передаемъ здѣсь въ той безъискусственной формѣ, какъ слышали его отъ нашего уважаемаго и талантливаго художника.

Ред.

I.

Мои родители.— Дѣтство.— Бунтъ военныхъ поселянъ.— Казнь бунтовщиковъ. 1824—1832.

Отецъ мой былъ крѣпостной крестьянинъ села Холопова, Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи. Онъ имѣлъ двухъ братьевъ, которые, какъ старшіе, заправляли всѣми дѣлами по своему хозяйству. Будучи предпріимчивы и трудолюбивы, братья, состоя на оброкѣ, занимались торговлею желѣзомъ въ Петербургѣ. Вели они жизнь обезпеченную, можно сказать, даже богатую, пользовались доброю славою между односельцами и были на хорошемъ счету у помѣщика.

А помѣщику,— владѣльцу отца моего и его братьевъ,— господину Макавѣеву,— угодить было трудно. Это былъ представитель крайне необузданнаго крѣпостнаго произвола. Нерѣдко, напримѣръ, случалось, что онъ, за какіе-нибудь незначительные проступки, во время лѣтней жары повелѣвалъ обмазывать провинившагося крестьянина дегтемъ, обсыпалъ пухомъ и перьями и выставлялъ несчастнаго на солнцепекѣ; мухи и другія насѣкомыя роемъ налетали на страдальца. Собственноручно же бить крестьянъ, рвать бороды, какъ это однажды случилось, напримѣръ, по разсказамъ моей матери, съ моимъ дѣдушкой, у Макавѣева было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Вотъ у такого-то человѣка мой отецъ и его братья были на хорошемъ счету. Впрочемъ и то сказать, вѣдь помѣщику того времени главное было—оброкъ; а они дань эту платили настолько

исправно, что ихъ прозвали даже «графами»; графы эти одѣвались, впрочемъ, очень бѣдно, сѣро, поэтому и дали имъ прозвище «сѣряки»; отъ этого прозвища образовалась наша фамилія.

Съ юныхъ лѣтъ отецъ мой проживалъ въ Петербургѣ, въ мальчикахъ при желѣзныхъ лавкахъ своихъ братьевъ. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ, въ 1814 году, отправился на родину, въ с. Холопово, женился здѣсь на крестьянкѣ, моей матери, и скоро опять возвратился въ Петербургъ.

Послѣ женитьбы отецъ повелъ жизнь неладную: сталъ играть на билліардѣ, въ карты и попивалъ водочку. Староста, наблюдавшій отъ лица своего помѣщика за «оброчниками» въ Петербургѣ, донесъ барину, что-де младшій Сѣряковъ ведетъ жизнь зазорную. Отца вытребовали въ деревню и, въ примѣръ другимъ, забрили въ солдаты. Это случилось въ 1820 году.

Послѣ этого братья выдѣлили отъ себя моего отца, давъ ему 6,000 руб. асс., которые, впрочемъ, онъ получилъ не вдругъ, а по частямъ, мало по малу.

Отецъ поступилъ въ 3-й карабинерный полкъ гренадерскаго корпуса, и чтобы избѣжать службы въ строю, а съ нею вмѣстѣ неизбѣжныхъ тогда палокъ и затрещинъ, онъ, при опросѣ начальствомъ — не знаетъ-ли какого мастерства, назвался слесаремъ. Мастерства этого, однако, онъ вовсе не зналъ, такъ что когда понадобилось сдѣлать командиру полка замокъ съ секретомъ, то отецъ мой купилъ совершенно новый замокъ, разобралъ, и по немъ уже, какъ по модели, выполнилъ требуемый заказъ.

Невеселыя воспоминанія остались у меня объ отцѣ. Онъ былъ большой кутила и при томъ буйнаго характера. Бывало, придетъ пьяный, выгонитъ насъ съ матушкой изъ избы, и если не пріютимся у кого-либо изъ сосѣдей, то мокнемъ на дождѣ, мерзнемъ на холодѣ. Вообще мы перенесли отъ него много горя. Впрочемъ, это былъ человѣкъ не безъ способностей: самозванецъ-слесарь, отецъ мой весьма скоро не только освоился съ этимъ мастерствомъ, но сдѣлался отличнымъ часовщикомъ; былъ даже по-своему рѣзчикомъ, такъ напримѣръ, искусно рѣзалъ буквы на стали для штампованія на солдатскихъ погонахъ шифровъ полка.

Полкъ, при которомъ отецъ состоялъ слесаремъ, двигался изъ города Бѣлева (Тульской губ.) въ городъ Жиздру (Калужской губ.). Это было 28-го января 1824 года. Отецъ и бере-

менная мною мать слѣдовали въ обозѣ за полкомъ, въ саняхъ-розвальняхъ безъ подрѣзей. Спускаясь въ оврагъ, сани раскатились и потащили лошаденку на дно оврага; мать страшно перепугалась, упала съ саней, вскрикнула и я родился на снѣгу, на днѣ оврага. На второй день, т. е. 29-го января, на постояломъ дворѣ меня окрестили и назвали Лаврентіемъ.

Изъ Калужской губерніи 3-й карабинерный полкъ назначенъ былъ, въ 1827 г., подъ Старую Руссу для производства работъ по проведенію какого-то канала и для вырубки лѣсовъ подъ расчистку полей. Черезъ годъ полкъ пришелъ въ село Перегино, Новгородской губерніи, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ и въ концѣ 1830 г. отправился въ польскую кампанію. Остался одинъ резервный баталіонъ, а при немъ и я съ матушкой,— отецъ же ушелъ вмѣстѣ съ полкомъ.

На седьмомъ году отъ рожденія я началъ учиться грамотѣ у унтеръ-офицера Остроухова. Кромѣ чтенія и письма, учитель-грамотѣй преподавалъ еще цыфирь, развивалъ своихъ питомцевъ чтеніемъ часослова, псалтири и проч.

Наступилъ весьма памятный 1831-й годъ.

13-го іюля я возвращался отъ моего учителя изъ связей[1]) въ Перегино. Подходя къ селу, я замѣтилъ большую толпу народа, вооруженную топорами, вилами, глыжебойками и тому подобными орудіями. Толпа бушевала; раздавались крики, брань, угрозы; шумъ становился все сильнѣе и сильнѣе... Пробравшись кое-какъ сквозь толпу, прибѣжалъ я домой къ матушкѣ.

Надобно замѣтить, что отецъ мой, проведя молодость въ Петербургѣ, старался и жизнь вести во многомъ отличную отъ крестьянъ; такъ, между прочимъ, мы съ матушкой одѣвались не по-деревенски: напримѣръ, вмѣсто сарафановъ, она носила платья, кофты и проч.

Лишь только явился я домой, какъ вбѣжалъ къ намъ мальчикъ, сынъ крестьянина, у котораго мы жили, и закричалъ матушкѣ:

— Марѳа Емельяновна, царская рука пришла — всѣхъ господъ бить! Надѣньте скорѣе сарафанъ, а то и васъ убьютъ!

Мы переодѣлись, и я украдкою выскочилъ на улицу.

---

[1]) Связями назывались деревянныя казармы верстахъ въ двухъ отъ села.
Л. С.

Въ Перегинѣ жилъ одинъ изъ начальниковъ округа, штабъ-офицеръ Вониловичъ. Бунтовщики, которые были по преимуществу не изъ нашего, а изъ другихъ округовъ, направились прежде всего къ его дому; все, что было здѣсь цѣннаго, разграбили; мебель и другія домашнія вещи разломали; наконецъ, перепились найденнымъ въ погребѣ виномъ. Скоро добрались и до самаго Вониловича: его поволокли за ноги по щебню большой дороги, били чѣмъ попало и замертво бросили на площади у часовни.

Жена несчастнаго Вониловича, будучи беременна, бросилась съ двумя малютками въ бродъ чрезъ обмелѣвшую рѣку Ловать; ее провожали два крестьянина, вѣроятно, жители села Перегина; на срединѣ рѣки бѣглецы были настигнуты нѣсколькими мятежниками поселянами, которые и вытащили у ней изъ кармана 40 руб.; при этомъ несчастная такъ перепугалась, что тотчасъ же на берегу разрѣшилась отъ бремени.

Между тѣмъ мятежъ по нашей сторонѣ Ловати разгорался. Въ числѣ прочихъ злополучныхъ жертвъ былъ офицеръ, по фамиліи Свитинъ; его страшно избили и замертво кинули въ глубокій оврагъ. Ночью проходившая по краю оврага жена горниста Минаева услыхала стонъ. Прибѣжавъ домой, разсказала объ этомъ хозяину, который тотчасъ же, вмѣстѣ съ Минаевой, спустился въ оврагъ. Избитаго, обезображеннаго Свитина принесли они въ избу и оказали ему необходимую помощь. Мѣсяца черезъ два больной совершенно выздоровѣлъ.

Бывшій мой учитель, унтеръ-офицеръ, грамотѣй Остроуховъ, не избѣгъ печальной участи: избитаго, полуживаго его привязали къ столбу. Поздно вечеромъ мимо столба проходила моя матушка; замѣтивъ учителя, она тихонько его окликнула. Страдалецъ узналъ ее и чуть слышнымъ голосомъ сказалъ:

— Матушка, дай мнѣ, пожалуйста, напиться; у меня въ горлѣ горитъ.

— Я бы, Иванъ Ѳедоровичъ, со всѣмъ удовольствіемъ исполнила твою просьбу,— отвѣчала съ состраданіемъ матушка,— да вѣдь меня сейчасъ убьютъ за это; тутъ ходятъ мужичье-разбойники, головорѣзы, съ топорами и ножами.

Тѣмъ не менѣе она непремѣнно хотѣла помочь страдальцу. Поэтому, встрѣтивъ въ толпѣ знакомаго поселянина, попросила

его дать Остроухову напиться. Поселянинъ немедленно зачерпнулъ шапкою изъ канавы воды и утолилъ жажду несчастнаго. Послѣ этого Остроуховъ далъ знакъ рукою матушкѣ, чтобы она къ нему подошла и сказалъ ей:

— Иди ты къ моему хозяину на квартиру, тамъ у меня на чердакѣ есть узелокъ, въ которомъ лежатъ разныя бумаги, казенныя деньги и мои собственныя[1]).

Матушка это исполнила, и взятый узелокъ оставила у себя на храненіе. Вскорѣ затѣмъ полумертваго учителя отвязали отъ столба и одинъ крестьянинъ взялъ его къ себѣ на свое попеченіе. Оправившись, Остроуховъ прожилъ только четыре года.

Ночью бунтовщики, по большой части пьяные, расхаживали по селу, пѣли пѣсни и вообще были какъ бы въ чаду отъ совершенныхъ ими безумствъ. На каждомъ шагу встрѣчались сцены въ родѣ слѣдующей: сидитъ небольшая группа бунтовщиковъ, распиваютъ награбленное вино и закусываютъ громадными обломками сахара, забрызганными человѣческою кровью.

На второй или третій день, т. е. около 14-го іюля, повѣсили священника одного изъ приходовъ округа за ноги, внизъ головой, фамиліи его не упомню[2]). Когда у этого, ни въ чемъ неповиннаго страдальца начинала изъ носу и изо рта капать кровь, его опрокидывали и держали головою вверхъ, пока не прекращалось истеченіе крови; послѣ этого опять вѣшали за ноги, и такая пытка продолжалась нѣсколько часовъ.

Въ этотъ же день бунтовщики разграбили полковой цейхгаузъ, захватили оттуда ружья, тесаки и другое оружіе. На слѣдующій день вся толпа бунтующихъ пришельцевъ удалилась изъ нашего села[3]). Многіе изъ принимавшихъ участіе въ мятежѣ начали сознавать, что поступили скверно, или, по крайней мѣрѣ, необдуманно. «Головы отрубили, а языки-то (т. е. жены и дѣти)

---

[1]) Остроуховъ былъ каптенармусомъ при полковомъ цейхгаузѣ. Л. С.

[2]) Рѣчь, кажется, идетъ о священникѣ села Коломны, Іоаннѣ Парвовѣ. См. книгу «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія» 1871 г., изд. «Русской Старины», стр. 30 и слѣд. Ред.

[3]) Считаю не лишнимъ замѣтить, что въ это тяжелое время пущены были въ ходъ разные нелѣпые слухи. Такъ, мальчикъ, сынъ крестьянина, у котораго мы жили, передавалъ намъ:

— Плохо дѣло, спрячтесь въ овесъ. Нашли куль сулемы въ рѣкѣ, которымъ хотѣли отравить насъ,— вотъ поэтому и пришла царская рука. Л. С.

остались», слышалось между бунтовщиками. Слышалось, повторяю, и раскаянье. Старшина въ сѣромъ кафтанѣ, съ галунами, какъ у унтеръ-офицеровъ, говорилъ моей матушкѣ:

— Да, Марѳа Емельяновна, мы такую кашу заварили, что и не расхлебать. Вѣдь мы, кажется, невинныя души-то погубили. Господь накажетъ насъ за это.

Скоро разнеслась вѣсть, что изъ лагеря приближаются резервы. Крестьяне села Перегино, которые собственно далеко не всѣ принимали участіе въ мятежѣ, но между коими были бунтовщики-подстрекатели изъ другихъ округовъ, съ заряженными ружьями вышли за село, на встрѣчу резервамъ, намѣреваясь вступить въ битву. Но, разумѣется, изъ этого ничего не вышло: лишь только поселяне завидѣли стройно идущія колонны солдатъ, какъ немедленно разбѣжались. Это было дней пять спустя послѣ начала мятежа.

Во время этого бунта въ одномъ нашемъ округѣ убито было 11 человѣкъ офицеровъ и чиновниковъ. Тѣла ихъ лежали подъ рогожами посреди села до прибытія резервовъ; похоронены они были безъ всякой церемоніи, въ простыхъ бѣлыхъ гробахъ и не на кладбищѣ, а между связями и Ловатью, на склонѣ горы.

Кромѣ убитыхъ, нѣсколько человѣкъ посажено было мятежниками на гауптвахту. Къ этимъ заключеннымъ матушка носила чай, разные съѣстные припасы и вообще помогала всѣмъ, чѣмъ только могла. Разумѣется, за такія услуги признательность была полная не только въ это время, но и гораздо позднѣе, отъ лицъ, бо̀льшею частію ей совершенно незнакомыхъ. Такъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ бунта, матушка получила однажды подарки, присланные неизвѣстнымъ лицомъ изъ другаго округа. Вѣроятно, какой-нибудь добрый человѣкъ, вспомнивъ посильную помощь, полученную въ тяжелые дни отъ моей матушки, рѣшился отблагодарить ее, когда возъимѣлъ къ тому возможность.

То село, откуда шелъ мятежъ, отстояло отъ нашего села верстъ за 15 или 20. Перегино состояло въ XII-мъ округѣ, самомъ крайнемъ изъ всѣхъ военнопоселенныхъ округовъ; здѣсь бунтъ окончился и далѣе не шелъ.

Вскорѣ по возвращеніи резервовъ, пришли въ наше село донскіе казаки и немедленно начался захватъ виновныхъ и слѣдствіе надъ участниками мятежа.

Меня очень интересовали казаки и ихъ отношеніе къ поселянамъ. Я хорошо ихъ помню, помню и то, что ихъ поставили на полное содержаніе обывателей. Каждому домохозяину ставилось обыкновенно во дворъ человѣкъ 10 или 15; казаки распоряжались въ домѣ на правахъ полныхъ хозяевъ, и поселяне съ своими семействами были у нихъ покорнѣйшими слугами; казаки приказывали колоть для себя куръ, овецъ, даже бить коровъ, и это исполнялось безпрекословно. Сядетъ, бывало, казакъ обѣдать, на столъ подаютъ огромную сковороду жаренаго картофеля.

— Эй ты, тетка, масла-то, масла побольше! кричитъ казакъ.

— Что ты, родимый, посмотри, вѣдь картофель плаваетъ въ маслѣ, совсѣмъ плаваетъ,—робко замѣчаетъ хозяйка.

— Нечего разтабарывать!—кричитъ казакъ, расправляя усы,—тутъ нужно столько масла, чтобы я могъ коня моего напоить!

Казаки вполнѣ разорили поселянъ въ теченіе восьми-мѣсячной стоянки у нихъ по дворамъ. Во все это время, днемъ и ночью, расхаживали по селу пѣшіе и конные патрули изъ казаковъ и солдатъ для предупрежденія, чтобы не произошло какого-нибудь сговора между поселянами. Село наше было совершенно въ осадномъ положеніи.

Во время обхода патрули оказывали тоже безучастно-суровое отношеніе къ обывателямъ. Много разъ бывалъ я свидѣтелемъ такихъ, напримѣръ, сценъ: патруль изъ 5-ти или 6-ти казаковъ объѣзжаетъ село, въ это время по улицѣ бѣжитъ поросенокъ. Одинъ изъ казаковъ ударитъ нагайкою лошадь и съ пикою наперевѣсъ полетитъ за поросенкомъ, секунда — и поросенокъ на пикѣ. Казакъ везетъ добычу къ себѣ на квартиру и приказываетъ изготовить кушанье.

Въ то время, какъ происходила экзекуція, то есть стоянка казаковъ по дворамъ поселянъ, продолжались поимки и аресты поселянъ-участниковъ въ мятежахъ. Виновныхъ отыскивали легко. Призовутъ, бывало, старшину, тотъ и долженъ указать бунтовщиковъ. Старшина называлъ нѣсколькихъ лицъ; оговореннымъ давали очныя ставки. Тѣ путались въ своихъ объясненіяхъ, уличали другъ друга и при этомъ оговаривали другихъ.

Такимъ образомъ, виновныхъ въ нашемъ округѣ оказалось около 300 человѣкъ. Въ связяхъ квартиры убитыхъ штабъ-офицеровъ, оберъ-офицеровъ, докторовъ и другихъ лицъ обращены

были въ арестантскія тюрьмы, въ окна вставили желѣзныя рѣшетки. Въ эти временныя тюрьмы, въ деревянныхъ тяжелыхъ колодкахъ, были разсажены арестованные. Охраняли ихъ казаки и солдаты резервовъ, потомъ присланъ былъ еще баталіонъ солдатъ, кажется, изъ Петербурга.

Обвиняемые, сколько помню про нашъ округъ, просидѣли въ тюрьмахъ до великаго поста 1832 г., въ томительномъ ожиданіи окончательнаго рѣшенія своей участи. Наконецъ, участь эта была рѣшена: однихъ приговорили къ наказанію кнутомъ на такъ называемой кобылѣ, а другихъ—къ прогнанію шпицрутенами.

Я живо помню эти орудія казни. Кобыла — это доска, длиннѣе человѣческаго роста, дюйма въ 3 толщины и въ полъаршина ширины; на одномъ концѣ доски вырѣзка для шеи, а по бокамъ—вырѣзки для рукъ, такъ что, когда преступника клали на кобылу, то онъ обхватывалъ ее руками, и уже на другой сторонѣ руки скручивались ремнемъ; шея притягивалась также ремнемъ, равно какъ и ноги. Другимъ концомъ доска крѣпко врывалась въ землю наискось, подъ угломъ.

Кнутъ состоялъ изъ довольно толстой и твердой рукоятки, къ которой прикрѣплялся плетеный кнутъ, длиною аршина полтора, а на кончикъ кнута навязывался 6-ти или 8-ми вершковый, въ карандашъ толщиной, четырехгранный сыромятный ремень.

Что же касается до шпицрутеновъ, то я вполнѣ ясно помню, что два экземпляра ихъ, для образца, были присланы (какъ я позже слышалъ) Клейнмихелемъ въ канцелярію округа изъ Петербурга. Эти образцовые шпицрутены были присланы, какъ потомъ мнѣ разсказывали, при бумагѣ, за красною печатью, при чемъ предписывалось изготовить по нимъ столько тысячъ, сколько потребуется. Шпицрутенъ — это палка, въ діаметрѣ нѣсколько менѣе вершка, въ длину — сажень; это гибкій, гладкій лозовый прутъ. Такихъ прутьевъ для предстоящей казни бунтовщиковъ нарублено было безчисленное множество, многіе десятки возовъ.

Наступило время казни. Сколько помню, это было на первой или на второй недѣлѣ великаго поста. Подстрекаемый дѣтскимъ любопытствомъ (мнѣ шелъ 9-й годъ), я бѣгалъ на плацъ, лежащій между штабомъ и церковью, каждый день, во все время казней. Морозы стояли въ тѣ дни самые лютые.

На плацу, какъ теперь вижу, была врыта кобыла; близь нея

прохаживались два палача, парни лѣтъ 25-ти, отлично сложенные, мускулистые, широкоплечіе, въ красныхъ рубахахъ, плисовыхъ шароварахъ и въ сапогахъ съ напускомъ. Кругомъ плаца разставлены были казаки и резервный баталіонъ, а за ними толпились родственники осужденныхъ.

Около 9-ти часовъ утра прибыли на мѣсто казни осужденные къ кнуту, которыхъ, помнится, въ первый день казни было 25 человѣкъ. Одни изъ нихъ приговорены были къ 101-му удару кнутомъ, другіе — къ 70-ти или 50-ти, третьи — къ 25-ти ударамъ кнута. Приговоренныхъ клали на кобылу поочереди, такъ что въ то время, какъ одного наказывали, всѣ остальные стояли тутъ же и ждали своей очереди. Перваго положили изъ тѣхъ, которымъ было назначено 101 ударъ. Палачъ отошелъ шаговъ на 15 отъ кобылы, потомъ медленнымъ шагомъ сталъ приближаться къ наказываемому; кнутъ тащился между ногъ палача по снѣгу; когда палачъ подходилъ на близкое разстояніе отъ кобылы, то высоко взмахивалъ правою рукою кнутъ, раздавался въ воздухѣ свистъ и затѣмъ ударъ. Палачъ опять отходилъ на прежнюю дистанцію, опять начиналъ медленно приближаться и т. д.

Наивно-дѣтскими, любопытными глазами слѣдилъ я за взмахами кнута и взглядывалъ на спину казнимыхъ: первые удары дѣлались крестъ на крестъ, съ праваго плеча по ребрамъ, подъ лѣвый бокъ, и съ лѣва на право, а потомъ начинали бить вдоль и поперегъ спины. Мнѣ казалось, что палачъ съ перваго же раза весьма глубоко прорубалъ кожу, потому что послѣ каждаго удара онъ лѣвою рукою смахивалъ съ кнута полную горсть крови. При первыхъ ударахъ обыкновенно слышенъ былъ у казнимыхъ глухой стонъ, который умолкалъ скоро; затѣмъ уже ихъ рубили какъ мясо. Во время самаго дѣла, отсчитавши, напримѣръ, ударовъ 20 или 30, палачъ подходилъ къ стоявшему тутъ же на снѣгу полуштофу, наливалъ стаканъ водки, выпивалъ и опять принимался за работу. Все это дѣлалось очень, очень медленно.

При казни присутствовали священникъ и докторъ. Когда наказываемый не издавалъ ни стона, никакого звука, не замѣчалось даже признаковъ жизни, тогда ему развязывали руки и докторъ давалъ нюхать спиртъ. Когда при этомъ находили, что человѣкъ еще живъ, его опять привязывали къ кобылѣ и продолжали наказывать.

Подъ кнутомъ, сколько помню, ни одинъ не умеръ (помирали на второй или третій день послѣ казни); между тѣмъ каждый получилъ опредѣленное приговоромъ число ударовъ.

Но ударами кнута казнь не оканчивалась. Послѣ кнута наказаннаго снимали съ кобылы и сажали на барабанъ; на спину, которая походила на высоко вздутое рубленное масо, накидывали какой-то тулупъ. Палачъ бралъ коробочку, вынималъ изъ нея рукоятку, на которой сдѣланы были буквы изъ стальныхъ шпилекъ въ $^1/_2$ дюйма длины; шпильки эти изображали, помнится, букву *К* и еще какія-то буквы. Палачъ, держа рукоятку въ лѣвой рукѣ, приставлялъ штемпель ко лбу несчастнаго, затѣмъ правой рукой со всего розмаху ударялъ по другому концу рукоятки; шпильки вонзались въ лобъ и, такимъ образомъ, получалось требуемое клеймо; такимъ же пріемомъ быстро высѣкались буквы на обѣихъ щекахъ. Послѣ отнятія клейма, изъ ранокъ сочилась кровь; палачъ затиралъ кровавыя буквы какимъ-то порошкомъ, чуть-ли ни порохомъ, такъ что въ каждой прорѣзи оставался черный слѣдъ. Такимъ образомъ получался знакъ, который въ послѣдствіи, какъ я слышалъ, дѣлается совершенно бѣлымъ и не можетъ уничтожиться очень долго, во всю жизнь.

Казнь кнутомъ продолжалась до сумерекъ и во все это время били барабаны.

Наказаніе шпицрутенами происходило на другомъ плацу, за оврагомъ. На эту казнь я бѣгалъ по нѣскольку разъ въ день въ теченіи двухъ недѣль; холодно, устану: сбѣгаю домой, отогрѣюсь, и опять прибѣгу. Музыка, видите-ли, играла тамъ цѣлый день— барабанъ да флейта—это и привлекала толпу ребятишекъ.

На этомъ плацу, за оврагомъ, два баталіона солдатъ, всего тысячи въ полторы, построены были въ два параллельныхъ другъ другу круга, шеренгами лицомъ къ лицу. Каждый изъ солдатъ держалъ въ лѣвой рукѣ ружье у ноги, а въ правой — шпицрутенъ. Начальство находилось по рединѣ и по списку выкликало — кому когда выходить и сколько пройти круговъ, или, что тоже, получить ударовъ. Вызывали человѣкъ по 15 осужденныхъ, сначала тѣхъ, которымъ слѣдовало каждому по 2,000 ударовъ. Тотчасъ спускали у нихъ рубашки до пояса; голову оставляли открытою. Затѣмъ каждаго ставили одинъ за другимъ, гуськомъ, такимъ образомъ: руки преступника привязывали къ примкнутому

штыку такъ, что штыкъ приходился противъ живота, причемъ, очевидно, впередъ бѣжать было уже невозможно; нельзя также и остановиться или попятиться назадъ, потому что спереди тянутъ за прикладъ два унтеръ-офицера. Когда осужденныхъ устанавливали, то подъ звуки барабана и флейты они начинали двигаться другъ за другомъ. Каждый солдатъ дѣлалъ изъ шеренги правой ногой шагъ впередъ, наносилъ ударъ и опять становился на свое мѣсто. Наказываемый получалъ удары съ обѣихъ сторонъ, поэтому, каждый разъ голова его, судорожно откидываясь, поворачивалась въ ту сторону, съ которой слѣдовалъ ударъ. Во время шествія кругомъ, по зеленой улицѣ, слышны были только крики несчастныхъ: «братцы! помилосердуйте, братцы, помилосердуйте!»

Если кто при обходѣ круговъ падалъ и далѣе не могъ идти, то подъѣзжали сани, розвальни, которыя везли солдаты; клали на нихъ обезсиленнаго, помертвѣвшаго и везли вдоль шеренгъ; удары продолжали раздаваться до тѣхъ поръ, пока несчастный ни охнуть, ни дохнуть не могъ. Въ такомъ случаѣ подходилъ докторъ и давалъ нюхать спирту. Мертвыхъ выволакивали вонъ, за фронтъ.

Начальство зорко наблюдало за солдатами, чтобы изъ нихъ кто-нибудь не сжалился и не ударилъ бы легче, чѣмъ слѣдовало.

При этой казни, сколько помню, женщинамъ не позволялось присутствовать, а, по приказанію начальства, собраны были только мужчины, въ числѣ которыхъ находились отцы, братья и другіе родственники наказываемыхъ. Всѣмъ зрителямъ довелось пережить страшные, едва-ли ни болѣе мучительные часы, чѣмъ казнимымъ. Но мало того. Были случаи, что между осужденными и солдатами, ихъ наказывающими, существовали близкія родственныя связи: братъ бичевалъ брата, сынъ истязывалъ отца... Наказанныхъ развозили по домамъ обывателей на саняхъ, конвоируемыхъ нѣсколькими казаками. Надобно замѣтить, что такъ какъ всѣхъ 300-тъ человѣкъ, наказанныхъ въ одномъ только нашемъ округѣ, въ лазаретѣ помѣстить было нельзя, то для нихъ отведены были нѣкоторыя избы поселянъ. Сюда уже безпрепятственно ходили всѣ родные, приносили больнымъ съѣстные припасы и водку для обмыванія ранъ: водка предохраняла раны отъ гніенія.

Ни одному изъ наказанныхъ шпицрутенами не было назна-

чено, какъ мнѣ потомъ разсказывали, менѣе 1,000 ударовъ; большею же частію — давали по 2, даже по 3 тысячи ударовъ; братьямъ Ларичамъ, какъ распространителямъ мятежа, дано по 4,000 ударовъ каждому; оба на другой день послѣ казни умерли. Перемерло, впрочемъ, много изъ казненныхъ; этому способствовало: недостатокъ докторовъ, отсутствіе медицинскихъ средствъ, неимѣніе хорошихъ помѣщеній, недостатокъ надлежащаго ухода за больными и проч.

Въ народѣ во все время казней и всѣхъ ихъ послѣдствій не замѣчалось никакого озлобленія, ни малѣйшаго ропота противъ начальства; говорили только: «Господь наказываетъ насъ за грѣхи».

II.

Поступленіе въ полковые пѣвчіе и въ музыканты.— Опредѣленіе въ кантонисты.— Въ полубаталіонѣ кантонистовъ во Псковѣ.— Отправка въ Петербургъ.

1832—1843.

Осенью 1832 г. полкъ нашъ возвратился изъ польской кампаніи и скоро мѣстомъ штабъ-квартиры назначенъ былъ городъ Холмъ (Псковской губ.). Мы съ матушкой отправились въ Холмъ, гдѣ прожили только до весны слѣдующаго года, когда полкъ переведенъ былъ въ Порховъ.

Въ это время 3-й карабинерный полкъ былъ раскассированъ: первый баталіонъ поступилъ во 2-ю гренадерскую дивизію, въ полкъ принца Оранскаго, второй баталіонъ—въ Кіевскій полкъ, третій и четвертый баталіоны—въ другіе полки дивизіи. Я остался при полку принца Оранскаго. Со времени возвращенія нашего бывшаго полка изъ польской кампаніи, я носилъ форму кантониста. Затѣмъ, въ 1833 г., меня сдѣлали полковымъ пѣвчимъ и приказали ходить въ лагери. Такъ прошло около двухъ лѣтъ.

Если не ошибаюсь, въ 1835 г., по случаю открытія памятника Александру I, 30-го августа, вся дивизія назначена была на большіе маневры подъ Красное Село. Разумѣется, и нашъ полкъ отправился туда, а вмѣстѣ съ нимъ и я. Насъ, пѣвчихъ, таскали вездѣ потому, что мы должны были пѣть въ полковой церкви.

Наступилъ сентябрь; пошли дожди; между тѣмъ, я, какъ прежде, при хорошей погодѣ, такъ и теперь имѣлъ квартиру

подъ фурою. Нечего упоминать, что на ночь ложился въ грязи, а утромъ просыпался при довольно сильномъ морозѣ, такъ что съ трудомъ отдиралась примерзшая къ грязи шинель. Въ то время дивизіоннымъ командиромъ былъ генералъ-лейтенантъ Полѣшко. Однажды онъ услышалъ меня поющимъ и нашелъ, что голосъ мой—дискантъ — очень хорошъ, вслѣдствіе чего приказалъ взять меня въ дивизіонные пѣвчіе. По прибытіи полка съ большихъ маневровъ въ Порховъ, меня взяли отъ матушки и немедленно отправили по этапу во Псковъ, гдѣ былъ дивизіонный штабъ. За то, что у меня оказался хорошій дискантъ, я долженъ былъ пройти по этапу 90 верстъ, вмѣстѣ съ арестантами, бѣглыми и бродягами, которыхъ вели въ кандалахъ.

Послѣ четырехдневнаго перехода явился я въ канцелярію. Здѣсь мнѣ сообщили, что пѣвчіе расположены въ деревнѣ, верстъ за 8 отъ города. Меня отправили туда.

Началась для меня самая неприглядная жизнь. Мнѣ шелъ 12-й годъ. Въ праздники и вообще, когда въ дивизіонной церкви полагалась служба, я долженъ былъ являться изъ деревни къ заутрени и обѣдни. Въ этихъ случаяхъ приходилось вставать въ 2 часа ночи и тащиться 8 верстъ въ городъ: зимою по сугробамъ, осенью — по грязи и дождю, а лѣтомъ въ жары. Жилъ я у одного бѣднаго крестьянина, который къ тому же былъ пьяница; жена его была очень добрая женщина и меня весьма любила, вѣрнѣе сказать,—жалѣла. Въ избѣ, вмѣсто печи, находилась какая-то каменка, сложенная изъ груды камней. Бывало, въ глубокую осень или зимой затопятъ эту «печь» и уйдутъ молотить на гумно; дымомъ наполняется изба, но такъ какъ дверь всегда бывала при этомъ растворена, то врывавшійся холодный воздухъ препятствовалъ дыму достигать пола. Я спалъ обыкновенно на лавкѣ, но когда затапливали «печь», мнѣ доводилось перебираться на полъ, подъ лавку, чтобы не задохнуться дымомъ. Но и на новомъ мѣстѣ не находилъ я покоя, такъ какъ, кромѣ рѣзко-холоднаго воздуха, меня стѣсняло близкое сосѣдство свиней, куръ и прочей животины. Поэтому зимою и осенью я считалъ за наслажденіе спать въ ригѣ или на гумнѣ: тамъ, по крайней мѣрѣ, животныя не тревожили; придя на гумно, я прорывалъ себѣ въ соломѣ дыру, клалъ подушку и, залѣзши туда, спалъ крѣпкимъ сномъ, нерѣдко при порядочномъ морозцѣ.

Всѣхъ дивизіонныхъ пѣвчихъ было 24 человѣка; для насъ, мальчиковъ-кантонистовъ, была школа, въ которой учили читать, писать и ариѳметикѣ. Сколько помню, незадолго до того времени изданъ былъ указъ, по которому стали брать въ солдаты изъ причетниковъ. Поэтому у насъ въ школѣ былъ учителемъ семинаристъ, уволенный изъ среднихъ классовъ, слѣдовательно, человѣкъ все-таки свѣдущій, а для насъ, солдатскихъ ребятъ, такъ и весьма образованный.

Пѣвчимъ не полагалось никакого жалованья; отпускался только провіантъ по 1 пуду 32 фун. въ мѣсяцъ, да и этотъ скудный провіантъ не доходилъ до насъ сполна; бо́льшую часть его мы обыкновенно отдавали крестьянамъ, и за это получали какой-нибудь приварокъ. Впрочемъ, пѣвчіе имѣли и нѣкоторые доходы. Такъ, въ большіе праздники, какъ Рождество Христово, Пасха, пѣвчіе ходили къ разнымъ начальникамъ, къ богатымъ купцамъ и вообще къ зажиточнымъ людямъ, и пѣли здѣсь церковно-праздничные концерты. При этомъ набирали мы иногда рублей 40 или 50 асс. Однако же изъ этихъ денегъ собственно мы, дисканты, получали лишь по нѣскольку копѣекъ, такъ какъ львиныя доли доставались всегда басамъ и частью тенорамъ.

Такіе доходы, очевидно, не могли обезпечить насъ настолько, чтобы жить безбѣдно. Поэтому лѣтомъ, когда по рѣкѣ Великой приходили въ Псковъ барки съ дровами, то мы нанимались выгружать дрова на берегъ.

Лично о себѣ я долженъ сказать, что за скромность всѣ крестьяне въ деревнѣ меня любили; зажиточные изъ нихъ нерѣдко посылали за «Лаврешкой», чтобы онъ приходилъ обѣдать, или блины ѣсть, и т. п. Разумѣется, отъ этихъ приглашеній я никогда не отказывался.

Въ описываемое время строились во Псковѣ такъ-называемыя Красныя казармы. Предсѣдателемъ строительной коммисіи былъ генералъ Полѣшко; постройка обошлась казнѣ что-то ужъ слишкомъ дорого, такъ что даже казна охнула. Донесли о какихъ-то злоупотребленіяхъ, допущенныхъ Полѣшко; наряжена была слѣдственная коммисія. Однажды Полѣшко ѣхалъ, чуть-ли ни для объясненій, въ эту коммисію, но его привезли мертваго: онъ, по слухамъ, отравился.

Вмѣсто Полѣшко назначенъ былъ ген.-лейтенантъ баронъ Ро-

зенъ. Лишь только онъ вступилъ въ командованіе дивизіей, какъ сдѣлалъ распоряженіе объ уничтоженіи дивизіонныхъ пѣвчихъ и о зачисленіи ихъ во фронтъ. Мальчиковъ лѣтъ 16—17-ти зачислили въ рядовые, а меня, какъ 13-ти-лѣтняго, въ полкъ—кантонистомъ. Это было въ 1836 году.

Въ полкъ, расположенный въ Порховѣ, я прибылъ опять по этапу и меня опредѣлили въ музыканты. Сначала началъ я играть на кларнетѣ; но это оказалось трудно и меня стали пріобучать къ флейтѣ. Въ слѣдующемъ 1837 г. я ходилъ уже на разводы, и къ осени игралъ марши.

Въ началѣ 1838 г. продолжалъ заниматься тѣмъ же. Но тутъ замѣтили у меня кровохарканье и посовѣтовали матушкѣ, съ которою я жилъ въ это время, чтобы она попросила объ увольненіи меня изъ музыкантовъ. Матушка обратилась къ полковому командиру Володковичу съ просьбою, чтобы меня опредѣлили въ роту, во фронтъ. Просьба была исполнена.

Во фронтѣ началось, разумѣется, ученье, шагистика, хожденіе въ караулъ и т. д.

Въ это время мнѣ прибавили лишній годъ, чтобы записать на дѣйствительную службу. Хотя, такимъ образомъ, я и сталъ 16-ти-лѣтнимъ, но на дѣйствительную службу не попалъ. Дѣло въ томъ, что тутъ состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы кантонистовъ свыше 16-ти лѣтъ при полкахъ не держать, а отправлять ихъ въ ближайшіе баталіоны военныхъ кантонистовъ. Вслѣдствіе этого мнѣ предстояло или поступить въ военные кантонисты, или же оставаться въ полку солдатомъ. Мы съ матушкой избрали первое. Скоро, по распоряженію Володковича, приготовлены были необходимыя бумаги, и точно также по этапу меня отправили изъ Порхова во Псковъ [1]).

Въ апрѣлѣ 1838 г. я прибылъ въ псковскій полубаталіонъ военныхъ кантонистовъ. Въ канцеляріи справились у меня, знаю-ли я грамотѣ и затѣмъ приказали написать что-нибудь; такъ какъ я былъ порядочнаго, для своихъ лѣтъ, роста и имѣлъ красивый почеркъ, то меня зачислили въ 1-ю роту и опредѣлили

[1]) Нижніе воинскіе чины пересылались обыкновенно по этапу, частью для того, чтобы они не могли убѣжать. Такихъ пересылочныхъ, въ отличіе отъ ихъ спутниковъ — воровъ и мошенниковъ — на оффиціальномъ языкѣ называли «не въ родѣ арестантовъ». Л. С.

заниматься въ канцеляріи. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, меня сдѣлали снова пѣвчимъ. Такимъ образомъ я долженъ былъ заниматься въ канцеляріи, ходить на спѣвки, являться на ротныя ученья и вмѣстѣ съ тѣмъ въ классы.

Жизнь въ полубаталіонѣ военныхъ кантонистовъ проходила слѣдующимъ образомъ.

Утромъ мы должны были вставать въ пять часовъ, но вставали собственно въ три и вотъ по какой причинѣ. Полы у насъ были не крашеные, чистота требовалась необыкновенная, такъ что, бывало, если пылинку замѣтитъ начальникъ на полу, то сейчасъ же потребуетъ на лицо дежурныхъ — офицера, унтеръ-офицера, капральнаго, ефрейтора, словомъ, всѣхъ, до кого только дѣло касается, и ужъ каждому достанется за то, что оказалась на полу пылинка. Въ то время царилъ еще духъ аракчеевскихъ временъ и самъ начальникъ нашъ, бригадный командиръ Анджиковъ, былъ питомецъ аракчеевской школы. Полъ въ каждой камерѣ долженъ былъ содержаться поразительно чисто. Для этого въ четвертомъ часу утра приносили въ камеру нѣсколько ведеръ воды и куля два или три опилокъ. Всѣ кантонисты, проживающіе въ камерѣ, человѣкъ 50—60, вставши въ 3 часа, принимались чистить полъ такимъ манеромъ: засучивъ брюки, они становились на колѣни въ рядъ и, прижимая руками разсыпанныя по полу опилки, начинали тереть полъ. Камера была, приблизительно, сажень въ 30, и приходилось проползти ее раза четыре или пять. Работа эта трудна и вредна была особенно зимой, когда приносилась въ камеру для мытья вода холодная, со льдомъ.

Вымывши полъ, кантонисты шли умываться и одѣваться; въ 5 часовъ били подъемъ для означенія, что кантонисты встали. Послѣ подъема мы получали, въ палецъ толщиною, кусочикъ чернаго хлѣба, затѣмъ отправлялись на ученье, которое продолжалось съ 6 до 8 часовъ; потомъ до 11 ч. были классы; 12-й часъ проходилъ во фронтовомъ ученьи, затѣмъ обѣдали. Послѣ обѣда, по барабану, опять шли въ классы до 6 час. вечера; съ 6 до 8-ми фронтовое ученье; въ 8-мъ — ужинъ; 9-й часъ назначался для приготовленія уроковъ къ слѣдующему дню, наконецъ, въ 9 часовъ, послѣ зари, ложились спать.

Фронтовое ученье у насъ было вполнѣ во вкусѣ того времени: шагистика практиковалась въ три пріема, такъ что на одной

ногѣ приходилось иногда стоять очень долго, до тѣхъ поръ, пока командиръ проходилъ съ праваго фланга до лѣваго, поправляя ноги; стойка была такая, чтобы грудь выходила изъ носковой линіи. А чуть замѣчали отклоненіе отъ этой линіи назадъ, такъ сей часъ же колотили кулаками въ спину, или «наставникъ» напиралъ въ спину колѣномъ, чтобы грудь выдалась впередъ. Если это не помогало, то прибѣгали къ слѣдующимъ средствамъ: тѣхъ, у кого была мало развита грудь, на ночь клали на доску и къ ней туго на туго привязывали. До того доходило, что натопятъ, бывало, жарко баню, положатъ опять таки къ доскѣ привязаннаго, чуть ни привинченнаго кантониста и въ такомъ видѣ заставятъ его прѣть въ банѣ и выпрямляться.

Кантонистовъ приготовляли главнымъ образомъ въ писаря и въ учебные карабинерные полки, откуда разсылали ихъ, какъ образцы, во всѣ арміи унтеръ-офицерами. Четыре карабинерные полка составлены были преимущественно изъ кантонистовъ, т. е. изъ такихъ лицъ, которые прошли огонь и воду, потому что при обученіи ихъ почти въ буквальномъ смыслѣ допускалось возможнымъ замучить 9 изъ 10-ти, но лишь бы этотъ одинъ, десятый, остался образцовымъ.

Такъ прожилъ я два года. Въ апрѣлѣ 1840 г. состоялся приказъ о зачисленіи меня, въ рангѣ рядоваго солдата, учителемъ въ баталіонъ кантонистовъ, значитъ, на дѣйствительную службу. Учителя эти черезъ 19 лѣтъ получали офицерскій чинъ; они обязаны были прослужить въ званіи учителя 3 года рядовымъ и 16 лѣтъ унтеръ-офицеромъ съ содержаніемъ 12 руб. асс. въ годъ. Учитель-офицеръ получалъ 300 руб. асс. въ годъ.

Въ учителя произвели меня 18-ти лѣтъ и произвели, быть можетъ, потому, что я довольно основательно изучилъ въ полубаталіонѣ алгебру съ геометріей и весьма недурно рисовалъ. Портретъ императора Николая, нарисованный мною французскимъ карандашомъ, висѣлъ въ классѣ долго послѣ того, какъ меня перевели въ Петербургъ. Насколько помню, портретъ этотъ нарисованъ былъ очень хорошо. Надобно замѣтить, что въ полубаталіонѣ, когда я учился, нѣкоторые изъ учителей были окончившіе курсъ въ гимназіи. По приказанію Аракчеева, нѣкоторыхъ кантонистовъ отсылали въ гимназіи, а по окончаніи курса ихъ опредѣляли въ учителя. Изъ этихъ учителей для меня достоинъ

примѣчанія нѣкто Кузьминъ, учитель рисованія. Кромѣ казенныхъ рисунковъ, изображавшихъ барабаны, штыки, разныя трубы и т. под., онъ давалъ мнѣ свои литографированные рисунки—пейзажи, головки и проч.

Я былъ въ полубаталіонѣ учителемъ рисованія и ариѳметики, вмѣстѣ съ тѣмъ исправлялъ должность фельдфебеля во 2-й ротѣ и состоялъ пѣвчимъ. Дежурнымъ по полубаталіону приходилось быть черезъ день. Совмѣщеніе столькихъ обязанностей въ одномъ лицѣ дѣлало жизнь просто невыносимою. Въ самомъ дѣлѣ, на моей отвѣтственности состояло 250 мальчиковъ, начиная съ семи лѣтъ и кончая 15-ти лѣтнимъ возрастомъ. Уснулъ ли кантонистъ въ классѣ, не вычищены ли у кого пуговицы, разорвалось ли по шву, словомъ сказать, за все, про все отвѣчалъ я. Напримѣръ, происходили такіе случаи: на ученьи у одного кантониста лопнулъ сапогъ и сталъ видѣнъ палецъ. Баталіонный командиръ Якубовскій, который, впрочемъ, ко мнѣ былъ очень расположенъ, сейчасъ же призвалъ меня для представленія объясненій.

— Это что такое? кричитъ командиръ, указывая на виднѣвшійся изъ сапога палецъ. Чего ты смотришь?

Я молчу. Приказано было снять сапогъ и оказалось, что кантонистъ позабылъ навернуть на ноги портянки. Хотя, какъ я уже говорилъ, командиръ и любилъ меня, но, для примѣра другимъ, приказалъ принести розогъ. Это для учителя-то, исправляющаго должность фельдфебеля и проч. Принесли розги; окончилось однако тѣмъ, что меня на двѣ недѣли посадили въ карцеръ на хлѣбъ и воду. На моей же отвѣтственности было до 10 тысячъ штукъ бѣлья, хранившагося въ ротномъ цейхгаузѣ; каждую недѣлю приходилось отдавать бѣлье прачкѣ и получать обратно, повѣряя все-ли въ цѣлости. Бѣда, если какъ-нибудь затеривалась казенная вещь: такъ доставалось, что вспоминать даже больно. Повторяю: я долженъ былъ расплачиваться за все.

Таже власть, которая угнетала меня, вынуждала въ свою очередь являться лютымъ начальникомъ предъ подчиненными, изъ которыхъ были нѣкоторые унтеръ-офицеры, бывали георгіевскіе кавалеры, словомъ, такія лица, которые пробыли на службѣ лѣтъ по 15, и по возрасту могли быть мнѣ отцами. Въ ротѣ было четыре капральства и капральными этими были заслуженные

унтеръ-офицера. Напримѣръ, я зналъ, что баталіонный командиръ имѣлъ обыкновеніе проходить по камерамъ ночью, являясь въ неопредѣленные часы. Понятное дѣло, я старался въ этихъ случаяхъ предупредить командира; обходя камеры, замѣчаю, напримѣръ, безпорядокъ: кантонисты не спятъ, а при свѣтѣ лампы играютъ въ карты и пьютъ водку. Капральный спитъ; ну, что дѣлать? подойдешь къ нему, и,—отвратительно и больно вспомнить,—ударишь его въ зубы, да такъ, что иногда щеку въ кровь разобьешь. Повторяю, отвратительно вспомнить, но въ окружающей меня пошлости я не сознавалъ тогда мерзости подобныхъ поступковъ; при томъ своя-то шкура ближе; не хотѣлось мнѣ получать за нихъ наказаніе: вѣдь 200—300 розогъ вкатятъ самому фельдфебелю ни за что, ни про что.

Да, тяжелое было время....

Курсъ класснаго ученія равнялся, я думаю, нынѣшнему уѣздному училищу; только у насъ прибавлялись: фортификація, низшая геодезія, топографія, съемка, рекрутская служба, весь строевой уставъ, всѣ построенія и т. д. Школа раздѣлялась на 4 класса, изъ коихъ первымъ былъ классъ взаимнаго обученія. Съ него начинался курсъ, потому что много было кантонистовъ изъ деревень, много жидовъ изъ западныхъ губерній, бо̀льшею частію безграмотныхъ. Практиковалась у насъ, такъ называемая, ланкастерская система обученія. Ученики становились въ кругъ, и одинъ изъ знающихъ писалъ буквы на доскѣ, а всѣ другіе писали тѣже буквы на бѣломъ пескѣ, и если въ послѣднемъ случаѣ выходило не удачно, то брали дощечку съ ручкой, сравнивали песокъ и писали снова. Обученіе шло быстро, такъ что недѣли въ двѣ—три выучивались писать.

Меня очень стѣсняло запрещеніе отлучаться хотя бы на ночь изъ роты; послѣ вечерняго рапорта, что все обстоитъ благополучно, я непремѣнно долженъ былъ всю ночь находиться при ротѣ. Между тѣмъ, мнѣ хотѣлось видѣться съ матушкой, хотя бы послѣ зари, и хоть часика три отдохнуть отъ ежедневной каторги.

Однажды, когда мнѣ было какъ-то особенно грустно, я рѣшился на ночь отправиться къ матушкѣ, которая жила въ Петровскомъ посадѣ, у самаго Дмитріевскаго кладбища, во Псковѣ. И такъ, послѣ зари и рапорта, я ушелъ къ матушкѣ.

Какъ на бѣду, въ эту самую ночь изъ моей роты бѣжали два правофланговые кантониста; одинъ былъ изъ бродягъ, не помнящихъ родства, а другой—какой-то латышъ. Оба уже были назначены на службу въ карабинерный полкъ. Надобно замѣтить, что каждый годъ изъ департамента военныхъ поселеній присылалось въ баталіонъ росписаніе сколько кантонистовъ должно было поступить въ писаря, сигналисты и фельдшера; въ послѣднюю должность назначались по преимуществу жиды. Вотъ двое изъ такихъ-то предназначенныхъ уже на дѣйствительную службу кантонистовъ и бѣжали въ мое отсутствіе.

Утромъ явился я въ роту; дежурный капральный уже распорядился мытьемъ половъ. Мнѣ сейчасъ же сообщили, что двое кантонистовъ бѣжали. Я—къ дежурному офицеру, объяснилъ, какъ могъ, дѣло.

— Чего же ты смотрѣлъ? Гдѣ шатался? закричалъ офицеръ.

— Виноватъ,—отвѣчалъ я,—я не ночевалъ въ ротѣ; но я, во что бы то ни стало, отыщу бѣглыхъ.

Это было часовъ въ пять пополуночи. Я выбѣжалъ на дворъ; морозъ стоялъ изрядный, шелъ небольшой снѣгъ. Я обѣжалъ кругомъ каменной стѣны и въ одномъ мѣстѣ нашелъ слѣдъ, оканчивающійся у самой стѣны, черезъ которую бѣглецы, очевидно, и перелѣзли. Когда я перелѣзъ въ томъ же мѣстѣ стѣну, то на тротуарѣ увидѣлъ такой же слѣдъ, ведущій къ дорогѣ. Здѣсь слѣдъ потерялся.

Съ перваго раза я не зналъ, на что рѣшиться. Но скоро, однако же, сообразилъ, что такъ какъ одинъ изъ бѣглецовъ латышъ, а другой бродяга, то вѣроятно они отправились куда-нибудь по направленію къ Дерпту. Я побѣжалъ на Завеличье (часть города Пскова), поворотилъ къ Красному кресту и очутился въ полѣ. Морозъ былъ градусовъ 10, вѣтеръ дулъ рѣзкій, снѣгъ залѣплялъ глаза. Я снялъ шинель, подъ которою носить ничего не позволялось, и съ открытою грудью пустился въ путь. Мнѣ не только не было холодно, но потъ градомъ катился съ лица и мучила меня жажда, которую я удовлетворялъ на бѣгу снѣгомъ. Къ закату солнца я былъ уже въ 40 верстахъ отъ Пскова. Попадавшихся на встрѣчу крестьянъ спрашивалъ, не встрѣчались-ли имъ двое—одинъ изъ себя черноватъ, а другой бѣлокуръ? Отвѣты были утвердительные. Точно также опрашивалъ я и по деревнямъ.

Иная деревушка верстахъ въ двухъ отъ дороги, я забѣгалъ и въ нее, прямо по сугробамъ: некогда было колесить по проселочнымъ дорогамъ.

Снѣгъ пересталъ; начинало темнѣть. Подошелъ я еще къ одной деревушкѣ и у катающихся на льду ребятишекъ спросилъ, не видали-ли они двоихъ людей, въ такихъ-то шинеляхъ?

— Нѣтъ, отвѣчали мнѣ; а вотъ тутъ проходили два швеца (портные), вонъ въ ту избу прошли.

Я тотчасъ же догадался, что это они, бѣглецы. Вошелъ въ избу и увидалъ ихъ. Одинъ занимался починкою сапога, а другой спалъ на печи. Лишь только бѣглецъ замѣтилъ меня, какъ схватилъ ножъ и всталъ въ оборонительное положеніе. Въ избѣ въ это время, кромѣ насъ, никого не было. Но я не испугался и крикнулъ на него по русски. Другой, заслыша знакомый голосъ, тотчасъ же проснулся. Въ это время я крикнулъ кого-нибудь изъ волоковаго окна; вошли двѣ женщины, изъ коихъ одну я послалъ за сотскимъ. Скоро изба наполнилась любопытными; явился сотскій. Бѣглецамъ скрутили руки назадъ, снарядили двѣ подводы и мы немедленно отправились во Псковъ.

Когда мы въѣхали въ городъ, благовѣстили къ заутрени.

Баталіонный командиръ зналъ, что я пропалъ вмѣстѣ съ сбѣжавшими кантонистами; поэтому нѣсколько человѣкъ было послано уже для отысканія меня самого; опасались, чтобы съ отчаянія я какъ нибудь не покончилъ съ жизнію.

Командиръ очень обрадовался, когда я возвратился съ поймаными и благодарилъ меня. Непріятно было бы ему, если бы бѣжавшіе не отыскались, такъ какъ о бѣглыхъ доносилось государю. Ну, а меня-то, какъ не ночевавшаго при ротѣ, конечно, отдали бы подъ военный судъ.

Теперь же подъ этотъ судъ отдали бѣглецовъ: дали имъ предъ всѣми кантонистами по пяти сотъ каждому розогъ, унесли на рогожкахъ въ лазаретъ, а когда несчастные выздоровѣли, ихъ сослали въ арестантскія роты.

Не могу не сказать еще нѣсколько словъ о нашемъ бригадномъ командирѣ генералѣ Анджиковѣ. Это былъ лютый звѣрь въ полномъ смыслѣ этого слова. Идетъ, бывало по камерѣ, смотритъ пристально на полъ и вдругъ зарычитъ: «баталіонный командиръ, ротный командиръ! Это что такое? я пройти не могу!»

Оказывается, что на полу лежитъ какой-нибудь камешекъ, чуть ни съ булавочную головку. Вотъ чрезъ такое-то препятствіе Анджиковъ и не могъ бывало пройти; изъ-за этого поднималъ шумъ и крикъ. Затѣмъ бригадный командиръ смотрѣлъ, какъ мы равняемся, стоя линіею у постелей. Если кантонистъ не такъ равнялся, то у генерала была привычка тотчасъ всѣми пальцами пройти по зубамъ виноватаго, и, бывало, какъ ударитъ крайняго кантониста праваго фланга, такъ десятокъ—другой летитъ на земь.

Все это, въ концѣ концовъ, меня ужасно возмущало, и я задумалъ, какъ бы мнѣ избавиться отъ такой каторжной жизни. Былъ у меня въ Петербургѣ, въ департаментѣ военныхъ поселеній, знакомый писарь, нѣкто Дорогихъ. Я написалъ ему, чтобы онъ показалъ тамъ мой почеркъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не было никакихъ извѣстій. На третій мѣсяцъ получено было предписаніе Клейнмихеля объ отправленіи меня въ Петербургъ, въ департаментъ военныхъ поселеній, въ писаря.

Это было въ 1843 году.

Я оттянулъ, такимъ образомъ, лямку въ званіи учителя почти три года; какой-нибудь мѣсяцъ мнѣ оставался до полученія унтеръ-офицерскихъ галуновъ. Якубовскій призвалъ меня, объявилъ предписаніе Клейнмихеля и пожелалъ счастія на новой службѣ.

Съ арестантами, по этапу, отправился я въ Петербургъ, проходя ежедневно отъ 20-ти до 25-ти верстъ; на продовольствіе полагалось по 6 коп. въ сутки. Но этихъ денегъ я не могъ употребить въ свою пользу. При мнѣ былъ ранецъ, въ которомъ находились всѣ казенныя вещи, выданныя на 1843 г., т. е. пара сапогъ и т. д.; да кромѣ того, своихъ вещей койчего было, такъ что всего набралось пуда два. Такую ношу на плечахъ нести тяжело, такъ я и отдавалъ копѣйки 2 или 3 этапному унтеръ-офицеру, для того, чтобы онъ позволилъ положить ранецъ на подводу для больныхъ арестантовъ. На остальныя копѣйки покупалъ себѣ чернаго хлѣба съ солью, на привалѣ обмакивалъ его въ ручейкѣ и такъ завтракалъ, обѣдалъ и ужиналъ.

Идешь, бывало, цѣлый день по грязи, а въ избѣ на этапѣ—холодно, просушиться негдѣ, повѣсишь только портянки на ночь у печки, чтобы онѣ немного попрѣли. На 21-й день та-

кого похода я вошелъ въ Петербургъ, двадцатилѣтнимъ парнемъ, крѣпкимъ физически, бодрымъ духомъ. Много горя оставалось назади, и какъ ни неприглядна казалась будущность, тѣмъ не менѣе, что-то шептало мнѣ, что Господь поддержитъ мои силы и трудомъ, терпѣніемъ и энергіей я рано или поздно, но добьюсь лучшей доли.....

Л. А. Сѣряковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

Основаніе Харьковскаго университета.

1802—1804.

III[1]).

Муравьевъ передалъ всѣ представленныя Каразинымъ бумаги министру народнаго просвѣщенія графу П. В. Завадовскому, а этотъ министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею. Начались справки: губернатора харьковскаго запросили, во 1-хъ, изъ какихъ средствъ дворяне думаютъ дѣлать пожертвованія на университетъ? не на счетъ-ли крестьянъ? хотя въ представленіи Каразина ясно было сказано, что „дворянство приноситъ въ даръ не избытки, излишними налогами на крестьянъ собранные, но свято-принадлежащую ему собственность: произведенія своихъ имѣній"; во 2-хъ, на какой домъ, назначенный, будто бы, для присутственныхъ мѣстъ, указываютъ дворяне въ своемъ протоколѣ; въ 3-хъ, какъ предполагаютъ жертвователи распредѣлить сроки взноса пожертвованныхъ ими суммъ? и тому подобные вопросы, которые разрѣшились бы сами собою въ послѣдствіи. Министерство финансовъ запросили о 66-ти т. руб., незаплаченныхъ казною дворянамъ за поставку фуръ и лошадей въ 1789 году, несмотря на то, что дворяне представили подробныя объ этомъ свѣдѣнія; словомъ, какъ-будто искали только предлоговъ медлить дѣломъ. И дѣйствительно, прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой, а разрѣшенія никакого не было. Напрасно Каразинъ, — и какъ депутатъ отъ жертвователей, и какъ правитель дѣлъ „коммисіи училищъ", заинтересованной въ ско-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 329—338; томъ XIII, стр. 61—80.

рѣйшемъ осуществленіи новаго высшаго учебнаго заведенія въ Россіи,—надоѣдалъ всѣмъ властямъ словесными просьбами объ ускореніи отвѣта харьковцамъ, которые безпрестанно ему напоминали въ письмахъ своихъ о нетерпѣливомъ ихъ ожиданіи результата своихъ приношеній. Кочубей откладывалъ со дня на день докладъ свой государю. Наконецъ, пылкій Каразинъ потерялъ терпѣніе и написалъ слѣдующее письмо:

„Сіятельнѣйшій графъ! Простите смѣлость, съ которою я, наканунѣ нынѣшняго доклада вашего его величеству, напомню благосклонное ваше обѣщаніе представить и о харьковскомъ дѣлѣ. Несчастное сіе дѣло столько лежитъ у меня на сердцѣ, что я предался бы совершенному отчаянію, еслибъ не подкрѣпляла меня надежда, что в. с. дадите ему истинный видъ. Губернія, ввѣрившая мнѣ представленіе о приношеніи ея государству, два мѣсяца слишкомъ ждетъ моего отзыва и обвиняетъ меня. Каждая почта приноситъ мнѣ новыя укоризны или страхи; ибо отдаленность и мое глубокое, налагаемое обстоятельствами молчаніе, представляютъ тамъ всѣ вещи въ иномъ видѣ, а здѣсь встрѣчаю я день ото дня болѣе препятствій съ той самой стороны, откуда важнѣйшихъ пособій и съ наибольшимъ, кажется, правомъ ожидалъ. Удостойте обратить мгновенное ваше, с. г., вниманіе на мое положеніе.

„Съ увѣренностію, что заведеніе сего рода можетъ быть величайшимъ подаркомъ для Украины и всей полуденной Россіи, что оно необходимо тамъ даже въ физическомъ, или коммерческомъ отношеніи, я питалъ мысль о немъ гораздо прежде, нежели заботливое око правительства, развлеченное въ началѣ тысячами другихъ предметовъ, могло остановиться на училищахъ. Мнѣ удалось воспользоваться самыми благопріятными случаями для сего предпріятія: съ одной стороны высочайшимъ вниманіемъ, обращеннымъ на университетъ Московскій и жалкое его положеніе[1]), съ другой—учрежденіемъ губернскихъ военныхъ корпусовъ и готовностію, какую по сему поводу встрѣтилъ я въ моихъ единоземцахъ. Слишкомъ годъ неусыпно занимался я сею мечтою, двѣ тягостныя поѣздки предпринималъ я для нее. Наконецъ, она перешла въ событіе, она принята благосклонно августѣйшимъ монархомъ: прежде учрежденія нынѣшней „коммисіи объ училищахъ“, два раза удостоилъ онъ показать свое благоволеніе.

[1]) Новый уставъ Московскаго университета составленъ В. Н. Каразинымъ въ качествѣ производителя дѣлъ комитета, занимавшагося составленіемъ ученымъ въ Россійской имперіи заведеніямъ новыхъ уставовъ; у меня есть всѣ черновыя, писанныя его рукою; также уставы академіи наукъ и художествъ. Авт.

Всѣ члены прежняго комитета, вмѣстѣ съ идеею объ учрежденіи университетовъ, единогласно полагали одинъ изъ нихъ въ Харьковѣ, руководствуясь къ сему мѣстнымъ лишь его положеніемъ. Дворянство и граждане сей губерніи не только предварили сіе мнѣніе особъ, чрезъ которыхъ, казалось, въ семъ случаѣ само правительство дѣйствовало, но они обнаружили неожидаемый и понынѣ въ своемъ родѣ единственный порывъ патріотизма. Не взирая на всѣ противодѣйствія, крамолы и недоразумѣнія, 70 тысячъ рублей ежегоднаго дохода представляются въ пособіе къ той суммѣ, какая на прочіе университеты изъ казны назначена быть можетъ. Цѣлая губернія, въ лицѣ депутата своего, повергается къ престолу и приноситъ свой обѣтъ. Въ самое сіе время учреждается министръ и коммисія просвѣщенія; шесть университетовъ назначаются въ Россіи. Суммы, какія государство на сіи издержки, прежде не бывшія въ виду, отдѣлить въ состояніи, будутъ не достаточны. Одобреніе и ласки, оказанныя одной губерніи, подающей собою примѣръ, конечно, воспламенили бы прочія къ подражанію и патріотическіе дары полились бы со всѣхъ сторонъ: стоило бы только взять мѣры, чтобъ они не пали на счетъ низшихъ состояній народа, чтобъ они были дѣйствительное пожертвованіе, а не пустой блескъ, какимъ часто государей обманывали,— и такія мѣры взять не трудно. Въ сихъ-то, до того счастливыхъ обстоятельствахъ, что ихъ можно почесть находкою,—если позволено такъ выразиться,— въ сихъ счастливѣйшихъ стеченіяхъ случаевъ, кто сталъ бы воображать, что предпріятіе наше будетъ осуждено къ такимъ послѣдствіямъ, какія мы нынѣ претерпѣваемъ!.. Я ѣхалъ сюда съ восхищеннымъ сердцемъ, поспѣшивши предварительно послать извѣстіе [1]). Дворяне и малочисленное наше купечество остались въ полной надеждѣ, что они будутъ замѣчены своимъ монархомъ съ хорошей стороны. Радость и любопытство, что̀ скажетъ имъ добрый, воз-

---

[1]) Извѣстіе это было послано двоякимъ образомъ: офиціально, чрезъ губернатора, и частно, чрезъ Д. П. Трощинскаго, при которомъ В. Н. Каразинъ числился тогда на службѣ. Въ отвѣтъ на офиціальное послѣдовало изъявленіе харьковскому дворянству высочайшаго благоволенія, объявленное чрезъ губернатора, но съ тѣмъ, что если жертвуютъ на счетъ крестьянъ, то его величество не принимаетъ этой жертвы. Трощинскій же оставилъ письма Каразина безъ всякаго отвѣта. Когда же въ послѣдствіи былъ спрошенъ о нихъ, то прислалъ Кочубею слѣдующій отзывъ: «отыскавъ два письма, полученныя мною изъ Харькова отъ г. Каразина, препровождаю ихъ къ вашему сіятельству. Изъ нихъ вы изволите увидѣть, что онъ адресовался ко мнѣ не офиціально, къ чему не было и слѣда, когда я даже не извѣщенъ былъ о предметѣ отправленія его, такъ какъ я, по возвращеніи его, не имѣлъ чести съ нимъ и видѣться, не считая сіе и нужнымъ для себя, а еще меньше мѣшался въ дѣло, совсѣмъ до меня не принадлежащее».

Авт.

любленный государь, другъ просвѣщенія, наполняли душу каждаго, и молва, проникнувшая въ другія губерніи, умножала сіи чувствованія. Теперь!.. Ваше сіятельство! Я пишу какъ отчаянный человѣкъ; простите меня ради Бога! Посрамленіе на вѣки предъ обществомъ здѣшнимъ, месть сильныхъ, возненавидѣвшихъ меня еще больше прежняго, укоризны и клятвы оскорбленной чести многихъ сотень дворянъ, которые увидятъ, что пожертвовали только для того, чтобъ быть предметомъ всеобщаго посмѣянія, — все это ожидаетъ меня! Унылое мое состояніе умножается еще мыслію, что на долго будетъ упущенъ случай оживить дѣятельность въ странѣ плодородной и способнѣйшей къ заведеніямъ всякаго рода, но понынѣ, со всѣмъ изобиліемъ своимъ, мало полезной для Россіи. Скажу болѣе: на вѣки, можетъ быть, потерянъ будетъ случай, самый рѣдкій, произвести въ россійскихъ дворянахъ энтузіазмъ къ общему добру и къ успѣхамъ воспитанія; и — увы! самымъ убѣдительнымъ образомъ будетъ доказано, что покушенія частныхъ людей, къ сему клонящіяся, суть ни что иное, какъ безразсудство, ведущее къ тому, чтобъ быть осмѣяннымъ и угнетеннымъ!..

„Графъ! представьте всемилостивѣйшему государю всю мою дерзость съ вами, но вмѣстѣ и истину, которая ей служитъ основаніемъ. Вручивъ вамъ все, что можетъ послужить къ оправданію моему и моей губерніи, я ввѣрилъ вамъ **дѣйствительно** участь нашу. Разрѣшите неизвѣстность и успокойте всеобщую молву! Вашего сіятельства всегдашній почитатель и всепокорнѣйшій слуга Василій Каразинъ“.

Декабря 4-го 1802 г.

Послѣдствіемъ письма этого было приказаніе графа: „немедленно составить докладъ“. Но это немедленно продолжилось еще около двухъ мѣсяцевъ. Сочли необходимымъ докончить всѣ справки, чтобъ внести ихъ въ докладъ; между тѣмъ время не останавливалось и украинцы не переставали допрашивать своего депутата о ходѣ ихъ дѣла. Положеніе его становилось невыносимо тяжелымъ!... Странная, въ самомъ дѣлѣ, была судьба этого человѣка: сама верховная власть вызвала его изъ толпы, приблизила къ себѣ, и не только дозволила, но и положительно **приказала** ему всегда откровенно говорить ей правду; посылала его въ разныя мѣста Россіи прислушиваться къ общественному мнѣнію и безбоязненно сообщать ей услышанное; удостоивала его такихъ, напримѣръ, собственноручныхъ призывовъ: „mon cher Karasine, venez, j'ai quelque chose à vous parler“; поручала сенаторамъ производить слѣдствія по его указаніямъ (дѣло Лопухина); писала къ нему письма на нѣсколькихъ страницахъ (одно, между прочимъ, 1801 г., въ **день своего рожденія**, 12-го декабря, въ кото-

ромъ была слѣдующая фраза: „продолжайте всегда говорить такъ откровенно, еслибъ даже вы и замѣтили, что это мнѣ не нравится; вѣрьте, что, рано или поздно, я буду умѣть оцѣнить подвигъ, влекущій васъ“); давала ему обработывать проекты такихъ важныхъ государственныхъ реформъ, какъ народное образованіе; нерѣдко одобряла откровенныя замѣчанія на свои дѣйствія; вела его очевидно къ занятію какого-нибудь важнаго въ государственномъ управленіи поста (два чина, цѣнный подарокъ, нѣсколько благоволеній и орденъ св. Владиміра даны ему были въ теченіе полутора года); довѣряла ему производство дѣлъ въ комитетахъ и коммисіяхъ, занимавшихся составленіемъ новыхъ уставовъ ученымъ и учебнымъ заведеніямъ; и вдругъ эта самая власть въ то время, когда онъ совершилъ подвигъ сверхъ силъ частнаго человѣка, когда нѣсколько губерній по его внушенію несли небывалые дары казнѣ на пользу просвѣщенія,—не допускаетъ его къ себѣ и велитъ дѣлать докладъ по начальству чрезъ людей, которые не могли имѣть никакого понятія о подробностяхъ дѣла[1])!...

---

[1]) Одному изъ писавшихъ о В. Н. Каразинѣ вздумалось сдѣлать предположеніе, что, вѣроятно, императоръ Александръ I-й вскорѣ разочаровался въ интеллигентныхъ силахъ минутнаго своего любимца и, очень естественно, поспѣшилъ отдалить его отъ себя. Въ опроверженіе такого предположенія я могъ бы привести множество находящихся у меня отзывовъ о В. Н. Каразинѣ, разнаго времени, людей замѣчательныхъ; но считаю это неумѣстнымъ здѣсь, особенно въ виду имѣющаго выйти въ свѣтъ въ скоромъ времени полнаго собранія дневныхъ записокъ и корреспонденціи Василія Назаровича. Любопытствующихъ имѣть пока хотя какое-нибудь понятіе объ этихъ отзывахъ, отсылаю къ газетѣ «Сѣверная Пчела» 1860 г., апр. 23, № 92, гдѣ было помѣщено нѣсколько писемъ къ Каразину въ періодъ времени отъ 1801 до 1842 годовъ разныхъ лицъ, начиная отъ государственнаго канцлера и до крестьянина. Газету эту можно найти въ Имп. публич. библіотекѣ. Здѣсь же не могу не привести хотя одной изъ нѣсколькихъ лежащихъ передо мною записочекъ къ нему М. М. Сперанскаго. Вотъ она съ стереотипною точностію:

«Весьма весьма вамъ благодаренъ: я сижу точно какъ въ туманѣ окруженъ мыслями о законахъ, о установленіяхъ, о порядкѣ, коего тщетно въ мірѣ и въ головѣ моей ищу и который нахожу въ вашихъ бумагахъ. Теперь начинаю писать наказъ. Завтра ожидаю васъ по утру: естьли не застанете меня дома прошу немного подождать я въ 7½ возвращусь».

На другомъ листочкѣ, вложенномъ въ этотъ:

«1) о крестьянахъ { 1) обѣщаніе
2) источники коммерціи
3) лѣсное управленіе.

«2) о государственныхъ дѣлахъ какія суть государственныя дѣла, или какіе должны быть предмѣты управленія совѣта».

То есть, пришлите-ка мнѣ обѣщанное, да сверхъ того мысли ваши о томъ-то и томъ-то. А Сперанскій былъ вѣдь не изъ дюжинныхъ мыслителей своего времени. **Авт.**

Въ январѣ 1803 г. получилъ Василій Назаровичъ письмо отъ новороссійскаго губернатора, Миклашевскаго, человѣка едва ему знакомаго, письмо, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ, что дворяне ввѣренной ему губерніи, узнавъ, что харьковцы учреждаютъ у себя университетъ, рѣшили съ своей стороны пожертвовать на это высшее училище 108 тысячъ рублей. Каразинъ немедля садится и пишетъ опять къ Кочубею:

„Простите великодушно смѣлость, которую я беру отвлечь васъ на нѣсколько мгновеній отъ занятій вашихъ: сердце мое говоритъ, что вы теперь заняты дѣломъ, къ которому относится приложенное здѣсь, сію минуту полученное мною, письмо новороссійскаго губернатора, весьма мало меня знающаго, какъ это вы изволите усмотрѣть изъ ошибки въ моемъ имени [1]). Бумага эта послужитъ вамъ доказательствомъ, что примѣръ харьковскаго дворянства понынѣ даже, не взирая на то, что онъ не отличенъ правительствомъ, не взирая, что разнеслась молва, будто бы оный возбудилъ даже его неблаговоленіе и сдѣлалъ меня только несчастнымъ, а дворянъ нашихъ только смѣшными, сей примѣръ производитъ уже свои плоды. Что-жъ ожидать должно, если вы докажете противное, если вы подкрѣпите доброе намѣреніе! Мужи, умѣющіе цѣнить его! Я ожидаю безмолвно вашего приговора. Вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга В. К.“

Наконецъ, 28-го января 1803 г., состоялся докладъ государю. Его величество изволилъ приказать: благодарить дворянъ и купцовъ; губернскому предводителю дать орденъ Владиміра 3-й ст., городскому головѣ чинъ коллежскаго ассесора, протоіерею Фотіеву (который содѣйствовалъ и словомъ и дѣломъ успѣху предпріятія) золотой наперсный крестъ.

Не такого рѣшенія ожидалъ Каразинъ: хотя бытіе университета въ Харьковѣ и утверждалось окончательно такою на этотъ разъ уже безусловною (не такъ какъ въ сентябрѣ 1802 года) высочайшею благодарностію, но гуртовое, обыкновеннымъ порядкомъ, чрезъ посред-

---

[1]) Вмѣсто Василія Назаровича Миклашевскій назвалъ его Николаемъ Назаровичемъ. Здѣсь кстати упомянуть и о томъ, что почти въ тоже время дворяне Херсонской губерніи изъявили готовность пожертвовать на Харьковскій университетъ сорокъ тысячъ рублей. Вообще, можно сказать, что если бы предоставлена была Каразину свобода дѣйствій по университетскому дѣлу, то не сотни тысячъ, а милліоны поступили бы на пользу этого училища отъ частныхъ людей. Между тѣмъ какъ по отставкѣ его не только никакихъ новыхъ пожертвованій не сдѣлано, но и прежнія перестали поступать въ надлежащіе сроки, такъ что вмѣсто шести лѣтъ, на которыя они были въ началѣ распредѣлены, были еще недоимки тридцать шесть лѣтъ спустя и послѣдняя сложена потому, что многихъ изъ жертвователей не было уже на свѣтѣ. Авт.

ство губернатора объявленіе оной дворянамъ и отличіе, оказанное только одному изъ нихъ и притомъ именно тому, который менѣе другихъ сочувствовалъ идеи учрежденія университета и совѣтовалъ построить лучше богадѣльню въ изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ за подтвержденіе правъ Малороссіи (о чемъ онъ уже и оповѣщалъ дворянъ до прибытія въ Харьковъ Василія Назаровича), казалось виновнику пожертвованій на пользу просвѣщенія недостаточнымъ признаніемъ со стороны правительства подвига жертвователей; онъ желалъ бы, чтобъ монаршая милость выражена была въ особыхъ, прямо на имя дворянъ и на имя гражданъ Украины, высочайшихъ рескриптахъ, которые они могли бы хранить у себя на вѣчныя времена, какъ памятникъ заслугъ ихъ на пользу просвѣщенія. Проникнутый такими мыслями, Каразинъ составляетъ докладную отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ записку, къ которой прилагаетъ списокъ лицъ, оказавшихъ наиболѣе усердія въ дѣлѣ пожертвованій, и идетъ къ графу Кочубею. Этотъ находитъ мнѣніе его заслуживающимъ уваженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ неловкость своего положенія передокладывать вновь дѣло уже рѣшенное. Каразинъ проситъ дозволенія написать докладную записку отъ своего имени[1]) и представить ее чрезъ посредство его сіятельства. Графъ соглашается. На слѣдующій же день Каразинъ послалъ графу при особомъ письмѣ слѣдующую бумагу:

„Имѣвъ честь слышать отъ е. с. господина министра внутреннихъ дѣлъ о всемилостивѣйшемъ назначеніи нѣкоторыхъ отличій Слободско-Украинской губерніи, беру смѣлость просить его вмѣстѣ съ изъявленіемъ моей всеподданнѣйшей, глубочайшей благодарности), довести до свѣдѣнія августѣйшаго монарха слѣдующія обстоятельства, умолчать о которыхъ было бы противно моей совѣсти.

„Безъ сомнѣнія, намѣреніе Е. И. В., при изліяніи своихъ милостей на упомянутую губернію, есть показать вниманіе къ ея просвѣщенному патріотизму и вѣрноподданническому усердію. Отличая сіи гражданскія добродѣтели, онъ желаетъ повсемѣстно возбудить ихъ въ сердцахъ своихъ подданныхъ. Онъ жалуетъ орденъ дворянскому предводителю губерніи, поелику невозможно отличить подобнымъ знакомъ

---

[1]) Къ такой самонадѣянности дало ему поводъ то обстоятельство, что за нѣсколько дней до этого, именно 24-го января 1803 г., были высочайше утверждены, — хотя, къ сожалѣнію, не безъ нѣкоторыхъ измѣненій,—составленныя имъ «предварительныя правила народнаго образованія», и его назначили правителемъ дѣлъ полагавшагося по этимъ правиламъ главнаго правленія училищъ, что и показалось ему какъ бы возвращеніемъ монаршей къ нему довѣренности. **Авт.**

благоволенія всѣхъ дворянъ, предполагая, что они всѣ равно участвовали. Если мнѣ, какъ первому производителю сего дѣла, должно оно быть извѣстно во всѣхъ его подробностяхъ; если я, какъ полный повѣренный всѣхъ участвовавшихъ въ немъ особъ, заслуживаю и предъ лицомъ монарха какую-либо довѣренность; если, напослѣдокъ, совершенное и рѣшительное передъ нимъ отрицаніе отъ всего, что наградою назваться можетъ [1]), даетъ мнѣ малѣйшее право говорить о наградахъ другихъ, то я долженъ донести, пока есть еще время, что исключительное изъявленіе милости одному предводителю не можетъ быть милостію для цѣлой губерніи, поелику ей извѣстно сколь слабо, сколь косвенно онъ дѣйствовалъ во все время протекшаго полутора года, когда возникло сіе намѣреніе. Тѣмъ менѣе дворянское общество можетъ быть равнодушно къ удаленію отъ всякаго знака милости тѣхъ именно особъ, которыя въ глазахъ его, такъ сказать, распинались за успѣхъ сего намѣренія, которые не щадили ни трудовъ, ни собственности. Жалѣть будутъ объ участи сихъ почтенныхъ людей, давно уже пріобрѣвшихъ общее уваженіе и признательность; не поймутъ причины, для чего правительство не удостоило раздѣлить сихъ чувствованій въ то самое время именно, когда оно своимъ вниманіемъ можетъ навсегда опредѣлить имъ цѣну. Нынѣшній случай есть самый рѣдкій: едва-ли не въ первый разъ еще цѣлое общество, безъ внушенія и побужденія начальства, пожелало добра и произвело его, весьма счастливо встрѣтясь съ намѣреніями единственнаго изъ монарховъ, то есть: едва-ли не въ первый разъ еще обнаружилась искра общественнаго духа, столь необходимаго для поддержанія исполинскаго состава Россіи, и—увы! столь мало въ ней примѣтнаго. Цѣлыя общества нигдѣ и никогда не дѣйствуютъ массою: всегда должны быть первые виновники, которые, приступя къ дѣлу, начальное потрясеніе произведутъ въ умахъ. Предпріятіе ихъ не легко: должно бороться съ недоразумѣніемъ, предразсудками и завистію, должно приготовиться къ озлобленію и посмѣянію въ случаѣ неудачи. И если правительство не уважитъ таковыхъ людей, если не станетъ ихъ отличать отъ толпы, которую они двинули своими усиліями, если оно не захочетъ даже примѣтить ихъ пожертвованій, то въ другомъ мѣстѣ и при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ общая готовность къ добру надолго можетъ остаться мертвою. Государи награждаютъ исполненіе повелѣній ихъ; но самопроизвольныя стремленія къ общему

---

[1]) За нѣсколько времени до того его спросили отъ лица государя, какую награду онъ желалъ бы получить за возбужденіе украинцевъ къ такимъ пожертвованіямъ. Онъ отвѣчалъ, что всеподданнѣйше проситъ не давать ему никакой, чтобъ не сказали, что онъ дѣйствовалъ изъ личныхъ видовъ. **Авт.**

добру, предупрежденіе, такъ сказать, таковыхъ повелѣній, сообразное съ законами, но ими не предписываемое, едва-ли не болѣе должно быть отличено.

„Искавши вмѣстить мысли мои въ наименьшемъ пространствѣ, я здѣсь останавливаюсь, и въ заключеніе донесу, что я умышленно сократилъ списокъ достойнѣйшихъ дворянъ, отличившихся усердіемъ, умолчавъ даже о такихъ, каковы, напримѣръ, предводитель купянскаго округа, сумской помѣщикъ, маіоръ Палицынъ, и нѣкоторые другіе. Такимъ образомъ, наименовавши нынѣ только пять человѣкъ изъ дворянъ, которые наиболѣе видны были, которые по всѣмъ другимъ отношеніямъ заслуживаютъ наградъ, я привелъ себя въ самые тѣсные предѣлы. Всепокорнѣйше прошу его сія-во министра внутреннихъ дѣлъ еще разъ представить всемилостивѣйшему государю объ отличеніи двухъ дворянскихъ предводителей: Щербинина и Алферова чинами и двухъ изъ упомянутыхъ въ запискѣ моей дворянъ: Ковалевскаго и Кондратьева орденами, хотя св. Анны. Впрочемъ, да удостоитъ благонамѣреннѣйшій, непоколебимый въ своихъ началахъ государь вспомнить, что онъ орденъ св. Владиміра назначилъ въ награду „мирныхъ гражданскихъ добродѣтелей“. Намѣреніе его при возобновленіи сего ордена было божественно: намѣреніе умножить число добрыхъ гражданъ и прямыхъ сыновъ отечества во всѣхъ состояніяхъ, не исключая изъ нихъ ни единаго[1]). На семъ было основано мое представленіе“.

Ходатайство Каразина было уважено. А именно: награды даны были всѣмъ тѣмъ лицамъ, о которыхъ онъ просилъ, и всѣ уѣздные предводители поименованы въ особомъ высочайшемъ рескриптѣ, послѣдовавшемъ на имя губернскаго предводителя.

Такое милостивое рѣшеніе государя заставило Каразина питать себя вновь сладкими мечтами и твердо рѣшиться продолжать идти по трудному пути, за два года передъ тѣмъ ему указанному державною волею, по пути правдоговоренія.

Случай заявить себя на этомъ пути не замедлилъ ему представиться. За нѣсколько времени до рѣшенія дѣла харьковцевъ, именно въ декабрѣ 1802 года, поступилъ въ правительствующій сенатъ высочайше конфирмованный докладъ государственной военной коллегіи о правахъ дворянъ относительно военной службы. Докладъ этотъ во многихъ статьяхъ явно противорѣчилъ прежнимъ по этому пред-

[1]) Пересмотръ статута этого ордена порученъ былъ также Каразину, какъ я вижу изъ его замѣтки на имѣющемся у меня экземплярѣ этого статута.

Авт.

мету постановленіямъ Екатерины II и Петра III. Между тѣмъ, за три мѣсяца до того государю императору угодно было повелѣть сенату, въ случаѣ если бы сей послѣдній встрѣтилъ въ новомъ какомъ-нибудь узаконеніи затрудненіе къ приведенію его въ исполненіе по причинѣ несогласія съ прежними законами или другимъ какимъ неудобствамъ, то чтобъ доносилъ о томъ его величеству. Никто, однако-жъ, изъ сенаторовъ, кромѣ графа Потоцкаго, не рѣшался на такое донесеніе; высочайшая подпись останавливала ихъ: они привыкли считать ее ненарушимою. Потоцкій остался при особомъ мнѣніи. Но, не владѣя свободно русскимъ языкомъ, онъ отправился къ Каразину, котораго зналъ по коммисіи училищъ, просить его помощи въ этомъ случаѣ. Каразинъ охотно согласился и редактировалъ по-русски французскій набросокъ мыслей графа. И редакція эта, и самый набросокъ лежатъ теперь передо мною; на послѣднемъ, сверху, надпись рукой Василія Назаровича, позднѣйшаго уже времени, судя по почерку: „1803. Brouillon autographe du C-te Potozky, d'après lequel j'ai rédigé son fameux мнѣніе, qui a commencé par nous culbuter tous les deux". Это то самое мнѣніе, про которое упоминаетъ Державинъ въ своихъ запискахъ и которое надѣлало тогда столько шуму въ Петербургѣ. Четыре раза сенатъ назначалъ время для его слушанія и всякій разъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ откладывалъ. Каразинъ зналъ это и не утерпѣлъ, написалъ къ императору:

„Государь! Кто чтитъ, кто любитъ васъ искреннѣе, тотъ долженъ быть и дерзновеннѣе другихъ: ничто меня не остановитъ, когда дѣло идетъ о славѣ вашей. Въ сенатѣ не смѣли читать извѣстнаго вамъ уже мнѣнія графа Потоцкаго не доложась. Пріобыкли, бѣдные, и шагу для общаго добра не сдѣлать безъ имяннаго повелѣнія. Сегодня, думаю, министръ юстиціи, къ стыду россіянъ, представитъ вамъ на разрѣшеніе, позволите-ли сенаторамъ выслушать только сію бумагу, не взирая, что всякъ изъ нихъ ясно видитъ, что она писана на основаніи вашего точнаго дозволенія. Я не говорю о самомъ мнѣніи, предугадывая какъ Александръ поступитъ, если сенатъ, уваживъ оное, взойдетъ съ формальнымъ докладомъ. Но осмѣливаюсь и спѣшу донести, что люди, преданные вамъ и общему добру, ожидаютъ на нынѣшнее представленіе министра отвѣта отъ васъ гласнаго, назначеннаго сдѣлаться извѣстнымъ публикѣ, отъ которой, конечно, не укроется, что васъ о семъ спрашивали. Первый еще случай вы имѣете, государь, обожающему васъ народу и Европѣ вмѣстѣ съ нимъ, доказать рѣшительно образъ вашихъ мыслей и возродить сѣмена любви къ отечеству и общественнаго духа. Важный случай сей есть, можетъ быть, и единственный, ибо эгоизмъ и низость ждутъ только малѣй-

шаго движенія вашего въ ихъ пользу, чтобъ, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ лѣтъ впередъ обезпечить свое владычество".

„В. И. В. извѣстный вѣрноподданный, ежедневно болѣе лишаемый милости".

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а мнѣніе Потоцкаго все еще лежало подъ сукномъ. Самъ онъ назначенъ былъ, между тѣмъ, попечителемъ учреждаемаго въ Харьковѣ (такъ сказано въ указѣ отъ 24-го января 1803 г.) университета. Пріисканы уже были Каразинымъ для этого университета и 4 профессора: Рижскій изъ горнаго корпуса для русской словесности; Осиповскій изъ с.-петербургской учительской семинаріи для физики; Делавинъ[1]) для естественной исторіи и ботаники, и Тимковскій для юридико-политическихъ наукъ. Велась переписка съ Харьковомъ о временномъ помѣщеніи университета въ домѣ, построенномъ при Екатеринѣ для генералъ-губернаторовъ, должность которыхъ въ Слободско-Украинской губерніи была при Павлѣ упразднена, а также о другомъ, противоположномъ этому, домѣ, при Екатеринѣ же выстроенномъ для торжества открытія намѣстничества (домъ, о которомъ въ протоколѣ дворянъ 1-го сентября 1802 г. упоминалось, оказался не удобнымъ къ уступкѣ для университета). Пора было думать о дѣйствіяхъ на мѣстѣ, въ самомъ Харьковѣ. Но Потоцкій сталъ замѣчать неблаговоленіе къ себѣ не только со стороны министра, графа Завадовскаго, который съ самаго начала оказывалъ явную холодность къ дѣлу харьковцевъ, но и со стороны даже самаго государя. Семейныя дѣла Потоцкаго требовали между тѣмъ поѣздки за границу (отецъ его, жившій въ Вѣнѣ, умеръ). Онъ отпросился въ отпускъ, поручивъ Каразину, ѣхавшему въ тоже время съ высочайшаго разрѣшенія на 3 мѣсяца въ Харьковъ, дѣлать тамъ все, что сочтетъ нужнымъ для устройства университета. Никакой письменной инструкціи не далъ ему, кромѣ слѣдующаго письма, которое хранится у меня въ оригиналѣ:

„Милостивый государь мой Василій Назарьевичъ! По случаю отправленія вашего въ Харьковъ, прошу васъ немедленно по прибытіи туда принять всевозможныя мѣры касательно первоначальнаго устроенія университета, дабы пріуготовить все къ открытію его, какъ только обстоятельства позволятъ; въ распоряженіяхъ вашихъ будутъ вамъ вспомоществовать, съ одной стороны, г. профессоръ Тимковскій, котораго я неумедлю отправить отсюда въ качествѣ визататора по учи-

[1]) Французскій докторъ медицины, «членъ разныхъ ученыхъ обществъ, извѣстный уже по нѣкоторымъ своимъ сочиненіямъ, изданнымъ и съ похвалою принятымъ въ Германіи», сказано въ рапортѣ Потоцкаго министру. **Авт.**

лищной части всего высочайше мнѣ ввѣреннаго округа, съ другой— коммисія тамошняго благороднаго дворянства и купечества, какъ скоро оная по избранію составлена будетъ. Ежели время допуститъ вамъ отлучиться изъ Слободской Украинской губерніи въ другія, находящіяся въ округѣ Харьковскаго университета, то прошу васъ не упустить случаевъ ходатайствомъ вашимъ располагать мѣстныя начальства какъ гражданскія, такъ и духовныя, къ благотворительному содѣйствію въ пользу ввѣренной мнѣ части, наипаче въ томъ, что принадлежитъ собственно до университета. Зная усердіе ваше, я добрыхъ успѣховъ ожидаю отъ таковыхъ вамъ порученій; но въ каждомъ случаѣ, требующемъ особеннаго разрѣшенія отъ меня по причинѣ отъѣзда моего въ Вѣну, имѣете относиться къ его превосходительству Николаю Николаевичу Новосильцову, которому безпредѣльно ввѣрилъ я все принадлежащее до званія попечителя. Его имѣете вы увѣдомлять о всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ и получать отъ него наставленія и начальственныя распоряженія. Къ нему же изволите вы адресовать изъ тамошней кассы патріотическаго приношенія то, что нужно на отправленіе изъ С.-Петербурга профессоровъ и на другія потребности, до времени пока высочайше ассигнуемыя на университетъ суммы могутъ быть въ полученіи. Пребываю съ почтеніемъ и преданностію (подписалъ) графъ Северинъ Потоцкій.

С.-Петербургъ, февраля 17-го 1803 года.

Въ подкрѣпленіе этого письма графъ, по просьбѣ Каразина, увѣдомилъ о своемъ распоряженіи харьковскихъ: губернскаго предводителя и градскаго главу, прося ихъ озаботиться о составленіи коммисіи, и далъ въ руки Каразину рекомендательныя письма къ начальникамъ губерній, сопредѣльныхъ Харьковской.

18-го февраля 1803 г. Каразинъ отправился въ Харьковъ. Мысли о сенатской исторіи не покидали его и въ пути: онъ придавалъ ей особенную важность въ дѣлѣ развитія въ Россіи общественнаго духа. Проѣздомъ черезъ Москву, онъ нарочно остановился тамъ на нѣсколько дней, чтобы прислушаться къ говору древней столицы объ этой исторіи и вездѣ услышалъ одобренія поступка Потоцкаго и порицанія несмѣлости другихъ сенаторовъ. Тогда онъ написалъ, изъ Орла уже, новое письмо къ государю, которое позволяю себѣ также привести здѣсь съ имѣющагося у меня черноваго наброска. Вотъ оно:

„Всемилостивѣйшій государь! Если я еще долженъ себя оправдывать въ нынѣшнемъ вѣрноподданническомъ моемъ отношеніи, если должно мнѣ еще доказывать, что не личные какіе-либо виды заставляютъ меня говорить, то я слишкомъ несчастливъ и лучше бы мнѣ было мол

чать цѣлый мой вѣкъ. По крайней мѣрѣ удостойте, государь, судить о сильномъ влеченіи писать къ вамъ теперь и вмѣстѣ о безкорыстности моихъ побужденій по тому, что я чрезъ сіе письмо нагло рискую вашимъ благоволеніемъ, для меня высшимъ всякаго счастія. Я знаю это, чувствую всю опасность, которой подвергаюсь, и совсѣмъ тѣмъ пишу къ вамъ! Я пишу изъ пути въ Украину, куда спѣшить имѣлъ я всѣ причины на свѣтѣ, но я пробылъ въ Москвѣ нѣсколько дней съ намѣреніемъ узнать и донести вашему величеству какъ заключаетъ тамошняя публика, составляющая, можно сказать, половину мыслящей политической Россіи, о извѣстномъ сенатскомъ дѣлѣ относительно конфирмованнаго доклада военной коллегіи.

„Я успѣлъ говорить съ первостатейными знатными, средними дворянами и людьми другихъ состояній. Всѣ въ мнѣніи графа Потоцкаго находятъ только ту вину, что оно писано не природнымъ россіяниномъ. Всѣ охуждаютъ возраженіе министра юстиціи; всѣ увѣрены, что высочайшая ваша воля уважитъ докладъ сената, коль скоро оный взнесенъ будетъ. Двѣ сильныя причины, — говорятъ они, — убѣдятъ ваше величество въ его пользу; первая—вы въ семъ рѣшительномъ случаѣ не упустите доказать свѣту, что слова ваши, въ манифестахъ сказанныя, суть и въ вѣкъ пребудутъ словами самой истины; не станете, слѣдовательно, ни подъ какимъ видомъ ограничивать того, что единожды нарекли кореннымъ, непрелагаемымъ закономъ; вы поддержите духъ разлитой во всѣхъ дѣяніяхъ вашего царствованія, духъ совершенной политической свободы; вы не захотите однимъ ударомъ уничтожить на полвѣка по крайней мѣрѣ всякую смѣлую дѣятельность въ томъ сословіи, которое сами желали ободрить и возвысить (увы, сіе, безъ сомнѣнія, случится, если не будетъ уважено первое сего сословія по обязанности предъ государствомъ представленіе, если виновники его понесутъ хотя малѣйшій знакъ вашего неблаговоленія); вторая причина, по словамъ ихъ, не менѣе убѣдительна: вы не захотите показать недостатокъ вниманія вашего къ дворянству въ то самое время, когда прочія состоянія осыпаете милостями и даете имъ новыя права [1]).

„Такова молва древней столицы, государь! Я оставилъ вещи въ иномъ видѣ при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, и потому, менѣе имѣя надеждъ, дерзновенно прибавлю слѣдующее: вельможи, закоснѣвшіе въ безчувственномъ своемъ эгоизмѣ, не любятъ, не могутъ лю-

---

[1]) Въ докладѣ военной коллегіи былъ, между прочимъ, одинъ пунктъ, которымъ уничтожалась свобода дворянина выходить въ отставку прежде 12-тилѣтняго срока службы. **Авт.**

бить тебя; среднее и низшее дворянство совершенно тебѣ преданы. Утверди преданность сію нынѣ снисхожденіемъ къ его слабости, слабости обнаруживаемой въ гласномъ его ропотѣ! Ласками, дворянству оказанными,— ты болѣе дашь себѣ правъ благотворить прочимъ состояніямъ. Тебѣ, мой благотворитель, извѣстно пристрастенъ-ли я къ привиллегіямъ аристократіи? Говоривъ противъ нихъ въ каждой изъ моихъ бумагъ, безуміемъ было бы защищать ихъ въ одномъ семъ случаѣ съ коликимъ упорствомъ, съ толикою же и наглостію. Но я желаю лишь утвердить всеобщую любовь къ тебѣ, всеобщую довѣренность къ твоимъ священнымъ словамъ, къ постоянству твоихъ началъ. И какъ мнѣ не дорожить сею довѣренностію, поелику отъ нея зависитъ для славы твоей, для нашего благоденствія такъ много! Вотъ цѣль моя. Я не прошу прощенія въ моемъ дерзновеніи: если ты тотъ Александръ, любимецъ и надежда Россіи, которымъ заняты были всѣ мечтанія моей юности, къ которому усердія жаръ и нынѣ еще, въ возрастѣ зрѣлаго ума, увлекаетъ меня въ легкомысленные, по стремительности своей, поступки; если ты тотъ подлинно,—то на что мнѣ извиняться? Мнѣ должно быть увѣрену въ моемъ прощеніи. Если же ты только самодержецъ, то никакія оправданія не помогутъ уменьшить вины моей, и я готовъ понести за нее наказаніе, готовъ теперь, въ самомъ цвѣтущемъ періодѣ моей жизни, среди радостей и надеждъ, ожидающихъ меня въ преддверіи, можетъ быть, моего брака, всѣмъ симъ пожертвовать, и громко сіе произношу предъ лицемъ всевѣдущаго!"

Оба письма остались безъ всякихъ непріятныхъ для писавшаго послѣдствій; напротивъ, докладъ военной коллегіи былъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ измѣненъ, хотя и безъ той отласки, которую желалъ преждевременный мечтатель объ общественномъ духѣ въ Россіи.

Кстати, приведу еще одно изъ многихъ, у меня имѣющихся, письменныхъ свидѣтельствъ пламеннаго желанія Каразина возможной въ то время, по его понятіямъ, общественной гласности на пользу правительственной власти. Говорю кстати потому, что случай относится къ тому же времени. Проѣздомъ черезъ Москву услышалъ онъ тамъ разсказы о вновь заводимой, въ одномъ недалекомъ отъ столицы селеніи (Павловскомъ), суконной фабрики. Слухи были не въ пользу правительственнаго предпріятія; говорили даже о бунтѣ крестьянъ. Онъ тотчасъ ѣдетъ на мѣсто, разузнаетъ всѣ обстоятельства дѣла и пишетъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

„С. гр. м. г.! Оставя суетность, которая могла бы заимствовать отъ патріотизма причины къ нынѣшнему донесенію, скажу я просто, что личная, безпредѣльная моя приверженность къ единственному въ числѣ властей земныхъ (я говорю сіе по опытамъ и глубокому убѣж-

денію сердца) нашему государю запрещаетъ мнѣ молчать и заставляетъ донести вамъ, какъ министру, въ высочайшей степени одобренному мнѣніемъ народнымъ и всею душою принадлежащему своей части, слѣдующее обстоятельство:

„Въ проѣздъ мой черезъ Москву разговоръ въ двухъ значущихъ домахъ обратилъ вниманіе мое на неповиновеніе крестьянъ, пріобрѣтенныхъ въ казну отъ графа Ягужинскаго. Заводимыя тамъ, будто противъ воли и въ отягощеніе крестьянъ, фабрики; отправленіе туда войскъ, силою которыхъ правительство расположено заставить ихъ работать и которыя держатъ явно ихъ сторону; сосѣдство съ ними многихъ тысячъ подобной же вольницы, пріобыкшей самымъ свободнымъ образомъ говорить и дѣйствовать среди изобилія, которымъ они почти безъ всякаго труда наслаждаются; близость многолюднаго и въ нравственныхъ началахъ до крайности развращеннаго города,—города, почитающаго себя главою и образцомъ градовъ россійскихъ, все это вмѣстѣ возмутило мое воображеніе: мнѣ показалось, что я долженъ немедленно узнать въ чемъ точно состоитъ дѣло и въ простотѣ сердца и дѣйствій, составляющей мою систему, довести самую чистую истину къ свѣдѣнію государя. Слѣдующаго утра, я, подъ видомъ посѣщенія офицера, кантонировавшаго въ тѣхъ селеніяхъ и дѣйствительно, къ счастію, мнѣ знакомаго (капитана Юни [1]), отправился туда. Случилось совсѣмъ нечаянно, что и извощикъ, котораго я, въ отвращеніе всякаго слуха, взялъ съ биржи на дрожкахъ, былъ изъ числа крестьянъ сосѣдственныхъ селу Павловскому, въ которомъ учреждается фабрика. Въ продолженіе дороги онъ предварилъ меня о точномъ образѣ мыслей черни о сей фабрикѣ. Слова его я признаю и долженъ признать общимъ образомъ мыслей, потому что во всей окружности я слышалъ ихъ повтореніе. Чернь думаетъ, что сіе скоропостижное преобращеніе оброчныхъ крестьянъ въ фабриканты, сопровождаемое въ самомъ началѣ жестокостію и насиліемъ, есть дѣло небывалое въ государевыхъ волостяхъ, и что совсѣмъ невозможно, чтобъ такова была истинная воля царева. Но что, впрочемъ, такъ какъ они отчаялись въ возможности объяснить нужду свою и получить облегченіе, ибо видятъ-де они, что большіе баре всѣ на сторонѣ Сребрякова (начальника фабрики и члена коммиса-

[1]) Родной братъ этого Юни, Францъ, былъ, по ходатайству Каразина, опредѣленъ на службу въ главное правленіе училищъ вмѣстѣ съ Д. Блудовымъ (въ послѣдствіи графомъ), Д. Кавелинымъ, В. Молчановымъ, С. Бестужевымъ, Н. Брусиловымъ, В. Анастасевичемъ и другими, сдѣлавшимися, въ послѣдствіи, болѣе или менѣе извѣстными по своей служебной карьерѣ.

Авт.

ріатскаго), то и не находятъ другаго пути довести правду до ушей государя, какъ явное неповиновеніе. „Мы-де знаемъ, что быть худу; но коли иначе нельзя!... пусть насъ Богъ судитъ: вина не наша". Вотъ точныя слова, слышанныя мною не отъ одного человѣка въ селѣ Павловскомъ и деревнѣ Покровской, отстоящей далѣе пятью верстами отъ Москвы. Въ сей послѣдней деревнѣ (откуда я, для лучшаго прикрытія своего намѣренія, съ женою упомянутаго офицера ѣздилъ въ сосѣдственный монастырь и, слѣдовательно, имѣлъ случай быть два раза) примѣтилъ я очень явственно пріязнь солдатъ съ крестьянами, которая не обѣщаетъ важнаго пособія со стороны первыхъ для усмиренія безпокойствъ, если оныя нагло обнаружатся. Многіе изъ нихъ открыто сожалѣютъ объ участи крестьянъ и ропщутъ вмѣстѣ на притѣсненія. Многія другія обстоятельства, которыя лучше всего изустно объяснить я могу предъ вами, с. гр., или и предъ монархомъ, если ему угодно будетъ призвать меня, заставили меня мыслить, что сіе дѣло требуетъ розысканія со стороны самаго безпристрастнаго человѣка, который бы въ Москвѣ особливо извѣстенъ былъ кротостію къ крестьянамъ, значеніемъ и общею довѣренностію въ городѣ. Весьма полезно будетъ, если таковая особа соединяетъ въ себѣ и познанія по коммисаріатской части, чтобы справедливѣе судить о степени выгоды, которую казна пріобрѣсти можетъ отъ заведенія сей фабрики, соразмѣрно съ употребляемыми издержками и неудобствами, въ самомъ ея основаніи открывшимися. Можетъ быть, окажется, что и заведеніе несравненно облегчить можно и виду притѣсненія избѣгнуть, который не безъ причины обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ благомыслящихъ людей въ столицѣ... Какъ бы то ни представилось дальнѣйшему прозрѣнію вашему, м. г., и мудрости его императорскаго величества, тѣмъ не менѣе успокоено мое сердце послѣ сего донесенія. Имѣю честь быть и пр., іюня 14-го дня 1803 года". На верху письма надпись: „по секрету".

Послѣдствіемъ этого письма было тщательное розысканіе дѣла, порученное генералъ-губернатору, и успокоеніе крестьянъ. Но фабрика таки состоялась и была уничтожена уже въ царствованіе императора Николая I по невыгодности для казны.

Воспитанникъ Харьковскаго университета 1820-хъ годовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Распоряженіе Александра I о полковникѣ Виттѣ.

1808 г.

Секретно.

Господину дѣйствительному статскому совѣтнику, Подольскому гражданскому губернатору Чевкину.

Разнесся тутъ слухъ, что полковникъ Виттъ намѣревается вызвать на поединокъ генералъ-маіора графа Виттенштейна, и что можетъ статься и былъ уже между ними сей поединокъ.

Причина вражды полковника Витта противъ генералъ-маіора графа Виттенштейна, по сказаніямъ, есть неудовольствіе по службѣ. Къ сему слуху присоединяется здѣсь молва, что полковникъ Виттъ рѣшился, по сей самой причинѣ, вызвать также на поединокъ и генералъ-лейтенанта князя Багратіона.

Въ томъ уваженіи, что никакіе, а тѣмъ еще болѣе таковые между подчиненныхъ и начальниковъ поединки, весь порядокъ службы и дисциплину ея разрушающіе, отнюдь не должны быть терпимы, по свѣдѣніямъ о пребываніи полковника Витта въ Подольской или Волынской губерніи, я повелѣваю вамъ:

1) Есть-ли слухи сіи въ Подольской губерніи неизвѣстны, то, не оглашая ихъ, ограничиться ближайшимъ и точнѣйшимъ надзоромъ за поведеніемъ полковника Витта, какъ въ томъ случаѣ, буде онъ въ губерніи сей нынѣ находится, такъ и въ томъ, когда въ оную возвратится.

2) Есть-ли слухи сіи справедливы и достовѣрно, что полковникъ Виттъ похваляется или ищетъ случая имѣть поединокъ съ генералъ-маіоромъ графомъ Виттенштейномъ, то въ такомъ случаѣ немедленно оградить его самымъ надежнымъ присмотромъ, посредствомъ коего

все то, что онъ ни дѣлаетъ, было бы вамъ извѣстно, и который бы, конечно, отнюдь не допустилъ полковника Витта имѣть сей поединокъ.

3) Есть-ли сей поединокъ, сверхъ чаянія, былъ уже на самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ полковника Витта, буде онъ находится въ Подольской губерніи, или коль скоро въ оной покажется, взять подъ стражу и мнѣ о семъ донести.

4) Между тѣмъ, въ семъ послѣднемъ случаѣ, представить мнѣ, какимъ образомъ и гдѣ было сіе происшествіе, какія оно имѣло послѣдствія и кто были съ той и другой стороны секунданты, равно какъ и о томъ, какъ, гдѣ и кѣмъ полковникъ Виттъ безъ предписаннаго паспорта пропущенъ за границу, есть-ли дошедшій сюда слухъ основателенъ, якобы онъ имѣлъ уже поединокъ и послѣ его уѣхалъ за границу. Александръ.

Въ Санктпетербургѣ. Генваря 26 дня 1808 года.

Контрасигнировалъ: К. Алексѣй Куракинъ.

Помѣта В. Чевкина: «Получено 1 февраля въ ночи, въ часъ, 1808 года.»

Примѣчаніе: Владиміръ Ивановичъ Чевкинъ, (род. 1754, † 1831), отецъ ген.-адъют. К. В. Чевкина воспитанный въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, произведенъ въ поручики въ 1771 году, былъ въ походѣ: въ Крыму, на Дунаѣ и въ Польшѣ; а съ 1797 года, въ чинѣ генералъ-маіора, былъ шефомъ Ямбургскаго кирасирскаго имени его полка; въ 1801 году, при назначеніи подольскимъ губернаторомъ, переименованъ въ д. ст. совѣтники.

Черта изъ жизни изъ С.-Петербургскаго митрополита Гавріила, въ царствованіе Екатерины II [1]).

Родовое имѣніе покойныхъ господъ Кузминскихъ, д. ст. сов. Александра и отца моего ст. сов. Ивана Гавриловичей, было С.-Петербургской губерніи, Новоладожскаго уѣзда, село Оломна, съ деревнями. Лѣтомъ они живали въ своемъ нераздѣльномъ помѣстьѣ, а зимою въ Петербургѣ.

Тутъ, гдѣ теперь, за оградою Невской лавры, красуется зданіе духовной академіи, стоялъ, до ея постройки, обширный, одно-этажный, нѣкогда архіерейскій, деревянный домъ, съ сухимъ, по Шлюссельбургской дорогѣ, рвомъ и цвѣтущимъ палисадникомъ, который сообщался съ пространнымъ архіерейскимъ садомъ. Родной дядя мой, Александръ Гавриловичъ, старый артиллеристъ временъ Мелисино, находясь уже въ отставкѣ, нанималъ тотъ домъ отъ лавры, и какъ семейный чело-

[1]) Изящный, карарскаго мрамора, въ великолѣпной бронзовой рамѣ, поясной портретъ Гавріила находится въ Невскомъ соборѣ, на стѣнѣ, противъ раки св. Александра Невскаго. Г. К.

вѣкъ, по русской широкой натурѣ своей, держалъ дворню до 40 человѣкъ обоего пола.

Видно, что такое неумѣренное число прислуги, въ концѣ золотаго вѣка царствованія Екатерины II, оправдывалось гостепріимствомъ роднаго мнѣ хлѣбосола.

Бывши, по сосѣдству, знакомъ съ тогдашнимъ с.-петербургскимъ митрополитомъ Гавріиломъ, дядя мой нерѣдко отправлялся къ нему побесѣдовать за вечернимъ чаемъ, и не могъ довольно нахвалиться радушнымъ всегда пріемомъ этого архипастыря.

Однажды въ селѣ Оломнѣ произошелъ соблазнъ: тамошній діаконъ, во хмѣлю, на посидѣлкахъ пошелъ, подъ дѣвичью пѣсню, плясать. Добрые люди посмѣялись тому, да и только; а недоброжелатели довели о томъ до свѣдѣнія благочиннаго, вслѣдствіе чего плясунъ потребованъ былъ къ отвѣту въ консисторію.

Тотъ, семейный бѣднякъ, не имѣя средствъ ни оправдаться, ни откупиться, угрожаемый разстриженіемъ, въ отчаянномъ положеніи нашелъ случай, черезъ одну изъ барскихъ барынь, просить супругу дяди моего, о томъ, чтобы онъ, какъ *милостивый помѣщикъ*, защитилъ *своего* дьякона[1]).

Александръ Гавриловичъ, по добротѣ своей, охотно согласился быть ходатаемъ за недурнаго, впрочемъ, человѣка; и потому вечеркомъ пошелъ къ высокопреосвященному, а между тѣмъ приказалъ, чтобы дьяконъ дожидался на всякій случай у подъѣзда митрополичьяго.

За чаемъ дядя, воспользовавшись благопріятнымъ расположеніемъ духа Гавріила, просилъ его помиловать дьякона. И хотя въ тѣ простыя времена Оломенской соблазнъ могъ возмущать совѣсть многихъ людей, но мудрый святитель, снисходя къ невѣжеству провинившагося и милуя въ немъ семьянина, отвѣчалъ дядѣ:

— Хорошо, Александръ Гавриловичъ,—я, по желанію вашему, составлю его на прежнемъ мѣстѣ; однако-жъ велю сюда вытребовать и самъ его вразумлю.

— Онъ здѣсь, ваше высокопреосвященство, отвѣчалъ дядя.

— Тѣмъ лучше, прервалъ митрополитъ, и приказалъ келейнику ввести виновнаго.

---

[1]) Подчеркнутыя дьяконскія слова съ точностію показываютъ отношенія въ то время сельскихъ духовныхъ лицъ къ помѣщикамъ; и мудрено-ли, когда, не болѣе десяти лѣтъ предъ симъ, я самъ видѣлъ, какъ въ одной Новоладожскаго уѣзда церкви, старикъ дьяконъ, по окончаніи обѣдни, здороваясь съ помѣщикомъ, при всемъ народѣ цѣловалъ у него руку, въ знакъ признательности.

Г. К.

Этотъ—огромнаго роста, неуклюжій, неловкій дьяконъ, съ трепетомъ переступивъ порогъ гостиной кельи и очутясь передъ митрополитомъ лицомъ къ лицу, кинулся ему въ ноги.

Митрополитъ просто сказалъ:

— Встань, окаянный, разскажи какъ было дѣло!

— Виноватъ, владыко! (отвѣчалъ плаксиво дьяконъ) я на посидѣлкахъ плясалъ въ присядку.

— По какой пѣсни?

— По „воробышку", ваше высокопреосвященство.

Тутъ добродушный старецъ обмѣнялся съ моимъ дядей невольной улыбкой и, сдѣлавъ сокрушенному дьякону краткое архипастырское нравоученіе, благословилъ его возвратиться на прежнее мѣсто въ село Оломну.

Г. И. Кузминскій.

Петръ Лямсъ.

11-го августа 1839 г. въ домѣ с.-петербургскаго митрополита Серафима, въ пріемной залѣ, между другими просителями и ждавшими благословенія преосвященнаго, стоялъ крестьянинъ, не обращавшій на себя ничьего вниманія.

Преосвященный, собравшійся ѣхать въ синодъ, вышелъ въ свою залу, выслушивалъ, по обыкновенію, просьбы, раздавалъ милостыню и благословеніе.... Вдругъ крестьянинъ, о которомъ мы сказали и къ которому подошелъ митрополитъ, взмахнулъ рукой и закричавъ „Еретикъ, сынъ антихриста!" ударилъ его. Преосвященный въ тоже время нагнулъ голову и ударъ пришелся болѣе по клобуку, однако-жъ старикъ зашатался и былъ поддержанъ подбѣжавшими къ нему служителями. Митрополитъ сохранилъ все приличное сану его спокойствіе. Отступивъ, сначала спросилъ онъ: „За что ты меня ударилъ?" но потомъ, какъ бы жалѣя, что сдѣлалъ и этотъ вопросъ, сказалъ: „Я прощаю тебя!" вышелъ изъ комнаты и поѣхалъ въ синодъ, не давъ никакого приказанія на счетъ крестьянина. Уже безъ него взяли этого крестьянина и отправили въ полицію. Сначала крестьянинъ называлъ себя то странникомъ, то богомольцемъ, не открывая настоящаго своего имени; но на другой день, при полицейскомъ слѣдствіи, сказалъ, что онъ крестьянинъ Улеоборгской губерніи, Петръ Лямсъ.

Императоръ Николай Павловичъ, чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора графа Протасова, изъявилъ сожалѣніе митрополиту о случившемся съ нимъ, и повелѣлъ тому же графу Протасову и генералу Дубельту произвести строжайшее слѣдствіе.

Въ воскресенье (13-го августа 1839 г.) меня вызвали изъ-за обѣда и

потребовали въ домъ графа Протасова. Тутъ я узналъ подробности жизни и характера Петра Лямса.

Онъ—незаконнорожденный сынъ чухонки—сначала крещенъ былъ по обрядамъ лютеранскаго исповѣданія и названъ Іоганномъ, а потомъ, въ Комѣ или Кеми, перекрестили его и дали ему имя Петра. Молодость свою провелъ онъ въ Архангельскѣ, бывалъ въ раскольничьихъ скитахъ и вступилъ въ секту безпоповщины, Даниловскаго или Филипповскаго согласія. Хотя Лямсъ не сознавался, но по всему видно, что онъ былъ убравщикомъ (проповѣдникомъ) своей секты. Онъ зналъ, можно сказать, наизусть, тропари, кормчую книгу и слова Іоанна Златоуста, наслышался или начитался русской исторіи и, коверкая мысли и происшествія, такъ и рѣзалъ по начитанному. Въ Петербургѣ жилъ онъ четыре года, служилъ въ работникахъ у извощиковъ.

Лямсъ не имѣлъ намѣренія ни убить, ни нанести сильнаго удара митрополиту: онъ хотѣлъ только ударить его—и больше ничего. Объ немъ нельзя сказать, что онъ сознался въ преступленіи: онъ откровенно и съ удовольствіемъ описывалъ свой подвигъ, какъ дѣло совѣсти и угодное Богу. Посмотрѣли бы вы на этого маленькаго мужичонка, лѣтъ 45-ти отъ роду, исхудалаго, со впалыми щеками, съ рѣдкой щетинистой бороденкой, въ минуту, когда онъ говорилъ объ исполненіи своего намѣренія; вы бы удивились огню его глазъ, силѣ выраженій его, такъ сказать чорту, который тогда сидѣлъ въ немъ! Это былъ пророкъ своего бога!

По мнѣнію Лямса, всѣ православные — еретики и противозаконники, а больше всѣхъ—митрополитъ. „Каждый изъ васъ",—говорилъ онъ, — „только одного себя губитъ; а митрополитъ тащитъ всѣхъ въ адъ". Въ добавокъ къ этому, въ него вкоренилась другая мысль, еще сильнѣйшая: ему представилось, будто Богъ повелѣлъ ему ударить митрополита. Съ 1-го августа 1839 г. онъ началъ поститься и по 11-е число совершенно ничего не ѣлъ и не пилъ. Даже по взятіи его, во время заключенія въ тюремномъ замкѣ, онъ продолжалъ этотъ строгой постъ, и, несмотря ни на какія убѣжденія, рѣшительно не принималъ никакой пищи. Онъ говорилъ, что, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, онъ и послѣ почти ничего не будетъ ѣсть. „Вы слѣпые"—говорилъ онъ— „ничего не видите! Но пришли послѣднія времена: черезъ день, черезъ два, настанетъ конецъ міру!"

Въ Петербургѣ въ 1839 году было довольно много раскольниковъ изъ секты безпоповщины: была даже моленная ихъ, называвшаяся Касцовой, и при ней больница собственно для этихъ сектаторовъ. Какъ было въ то время велико число безпоповщинцевъ въ Петербургѣ,

видно изъ того, что въ мартѣ и апрѣлѣ 1838 г. лежало въ ихъ больницѣ 25 человѣкъ.

Слѣдствіемъ, впрочемъ, не открыто, чтобы кто подучалъ Лямса или участвовалъ въ его поступкѣ. Этотъ фанатикъ отъ всѣхъ таилъ мысль свою. Старшина секты безпоповщины былъ призываемъ генераломъ Дубельтомъ. Религіозныя понятія онъ совершенно раздѣлялъ съ Лямсомъ, но сказалъ, что правила ихъ не требуютъ бить другихъ. „Мы только молимся", — говорилъ старшина Дубельту—„чтобъ Богъ обратилъ васъ на путь истинный; вы также можете молиться о насъ, если считаете свои правила лучше нашихъ; и какъ мы вамъ ни въ чемъ не мѣшаемъ, такъ и вы не мѣшайте намъ думать по своему: это дѣло не принужденія, а совѣсти".

Хозяйка квартиры, въ которой жилъ Лямсъ, дѣвка-старообрядка, показала, что онъ всегда постился и былъ набоженъ, дичился другихъ, часто бродилъ задумавшись, для молитвы уединялся на чердакъ; пищи она давала ему только по ломтю хлѣба въ день, пилъ онъ одну воду. Она подтвердила, что съ 1-го августа не видѣла, ѣлъ-ли и пилъ-ли онъ что-нибудь. 7-го августа случился съ нимъ припадокъ. Взойдя на чердакъ, для молитвы, онъ сталъ сначала плакать, потомъ стонать и, ударившись о земь, бился... Спавшіе на чердакѣ работники, пробудившись, должны были связать ему руки и ноги, снести внизъ и положить на кровать. Съ марта по 16-е іюня мѣсяца 1839 г. онъ былъ боленъ и лежалъ въ больницѣ при Касцовой моленной. Ни тогда, ни при освидѣтельствованіи его послѣ преступленія, медики не замѣтили въ немъ слѣдовъ сумасшествія. Петербургскій физикатъ отозвался, что случавшіяся съ Лямсомъ болѣзни и припадки суть слѣдствіе изнуренія и сильнаго фанатизма.

Все доказывало, что Лямсъ былъ фанатикъ въ высшей степени, доходившій иногда до болѣзненнаго и изступленнаго состоянія. Въ разговорахъ онъ былъ смѣлъ и дерзокъ: фанатизмъ внушалъ ему мысли и выраженія сильныя и оригинальныя. На вопросъ, какъ онъ смѣлъ ударить митрополита, и почему онъ рѣшился на это, тогда какъ другіе безпоповщинцы уважаютъ нашихъ священныхъ особъ,— онъ отвѣчалъ: „Слабый покорнется, а сильный борится; я сильнѣй богатыря; я истинный Христовъ воинъ!"

—„Но отчего же, говорили ему графъ Протасовъ и Дубельтъ, ты считаешь себя въ правѣ быть самоуправнымъ и дерзкимъ, когда, видишь, даже и мы съ тобою обходимся кротко?"

—„Вы дѣти антихриста, вы къ попу ходите, слѣдовательно, не угождаете Господу. Теперь, какъ вы допрашиваете меня, такъ и

дурнаго слова не услышишь отъ васъ, а какъ кончите, то и тираните, какъ тиранили Іисуса Христа!"

— „А что, спросилъ его графъ Протасовъ, вѣдь ты и насъ побилъ бы, если-бъ былъ сильнѣе насъ".

— „Побилъ бы!" отвѣчалъ онъ рѣшительно.

Наравнѣ съ этимъ шли у Лямса мысли о правительствѣ. Онъ не признавалъ высшей власти надъ собой. „Были благочестивые цари"—говорилъ онъ—„но они кончились съ Алексѣемъ Михайловичемъ; съ табачника—Петра начались еретики и беззаконники".—„Вы теперь въ гору пойдете, всю вселенную попрете, но это все только до того свѣта. Арій — продолжалъ онъ — былъ одинъ виноватъ; но за него всѣ пошли въ адъ: такъ и вы, хоть бы были негрѣшны, да глава вашъ беззаконникъ, и всѣ за него погибните. Главу должно слушаться, если не трогаетъ закона, если же тронулъ — то не слушаться!"

Физикатъ не призналъ въ Лямсѣ явнаго сумасшествія, но слѣдователи нашли, что самый поступокъ его съ митрополитомъ есть послѣдствіе разгоряченнаго духомъ секты воображенія или изступленія, которому онъ по временамъ подверженъ. Хотя не открыто, чтобы другіе его подучали, но обнаруженный имъ образъ мыслей секты обязывалъ обратить на нее особенное вниманіе.

Митрополитъ Серафимъ, принявъ съ благодарностію изъявленное ему сожалѣніе государя, поручилъ графу Протасову доложить его величеству, что онъ не чувствуетъ никакихъ вредныхъ послѣдствій для своего здоровья, и считаетъ случившуюся съ нимъ непріятность не больше, какъ бы ушибъ отъ разбитія лошадей или отъ другой случайной причины.

Обо всемъ этомъ, 14-го августа 1839 г., посланъ былъ, въ Петергофъ, докладъ государю. Графъ Бенкендорфъ и графъ Орловъ, разговаривая въ промежуткѣ этого времени, боялись, чтобы государь, по пылкости своей, не присудилъ Лямса къ народной казни. Она въ настоящемъ случаѣ была бы неприлична: дѣло это, какъ полагали они, такого рода, что лучше вести и кончить его въ тайнѣ.

Государь написалъ на докладѣ: „Лямса заключить въ Алексѣевскій равелинъ, а за сектой имѣть строгое наблюденіе". Это рѣшеніе, кажется, было самое ближайшее въ истинѣ. Изступленнаго фанатика не за что казнить, но и нельзя было оставить въ обществѣ, хотя бы въ отдаленномъ краю, человѣка, котораго рука оскорбила нашего митрополита. Лямсъ въ 1840-хъ гг. умеръ въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Разсказанное происшествіе было послѣднимъ выходящимъ изъ ряду событіемъ въ 75-ти лѣтней жизни митроп. Серафима. Молодость его тоже ознаменовалась особымъ случаемъ.

Когда Серафимъ былъ учителемъ Троицкой семинаріи, подъ именемъ Степана Глаголевскаго, онъ, красивой наружностью, умомъ своимъ и познаніями, пріобрѣлъ любовь къ себѣ знаменитаго митрополита Платона.

Платонъ всячески старался и никакъ не могъ склонить его къ монашеству. Скоро молодой красавецъ попалъ самъ подъ клобукъ. Онъ давалъ уроки дочери секретаря Сергіевскаго посада и скоро влюбился въ маменьку ученицы. Секретарь узналъ объ этомъ и велѣлъ подстеречь молодаго учителя. Разъ, въ то время, когда онъ возвращался отъ секретарши, его схватили, отколотили и, завязавъ въ мѣшокъ, потащили къ рѣкѣ, чтобы утопить. Но имъ встрѣтились лаврскіе студенты, и мстители, бросивъ мѣшокъ, бѣжали. Студенты развязали мѣшокъ и, къ удивленію своему, извлекли оттуда Степана Глаголевскаго. Они скрыли происшествіе, но секретарь, боясь, чтобы оно не обнаружилось другими путями, донесъ обо всемъ московскому губернатору, а тотъ написалъ митрополиту Платону, требуя Степана въ Москву, для производства слѣдствія. Тутъ-то митрополитъ, призвавъ Степана, предложилъ ему на выборъ: красную шапку или клобукъ. Разумѣется, клобукъ все-же не красная шапка, и Степанъ былъ постриженъ, подъ именемъ Серафима (въ 1787 г.).

Въ то время Платонъ написалъ превосходное письмо къ московскому губернатору. Извѣщая, что Глаголевскій постригся, онъ говорилъ, что это разлучило виновнаго съ міромъ, въ которомъ онъ оставилъ и проступокъ свой, и что самые законы не должны простирать преслѣдованія своего за черту, гдѣ начинается уже ангельскій чинъ. Губернаторъ приказалъ прекратить дѣло о Степанѣ Глаголевскомъ и о секретарѣ.

Любимецъ митрополита быстро возвышался по монашескимъ степенямъ. За красоту свою и проповѣди, онъ сдѣлался любимцемъ публики. По Москвѣ тотчасъ разносились слухи если хорошенькій— Серафимчикъ, какъ называли его барыни, готовился сказывать проповѣдь. Лучшее общество Москвы, особенно дамы, съѣзжались въ церковь слушать его; Платонъ подвигалъ кресла свои ближе къ молодому проповѣднику, и, по окончаніи проповѣди, всегда давалъ ему подарокъ или деньги.

Въ 1799 году Серафимъ хиротонисованъ въ епископа Дмитровскаго, викарія московской митрополіи. Тогда былъ обычай, что каж-

дый новый архіерей долженъ былъ ѣхать въ Вифанію и сказать рѣчь митрополиту. Исполняя этотъ обычай, Серафимъ на другой же день, утромъ, отправился въ Вифанію. По тому же обычаю, тамъ ждали его, и у митрополита собрались другіе духовные чины, между которыми находился одинъ монахъ-балагуръ, постоянно служившій при Платонѣ. Докладываютъ, что пріѣхалъ новопоставленный епископъ. Всѣ ждутъ, тѣмъ съ большимъ любопытствомъ, что Серафимъ уже пріобрѣлъ славу краснорѣчиваго проповѣдника. Онъ входитъ и, ставъ передъ Платономъ, начинаетъ:

„Се зрю чертогъ патріаршій!..“

Вдругъ монахъ-балагуръ продолжаетъ:

„Пропалъ Степанъ отъ секретарши!“ И, несмотря на строгость правилъ митрополита и свиты его, всѣ начали смѣяться, такъ что ни они не могли остановить своего смѣха, ни Серафимъ продолжать своей рѣчи.

Покойная императрица Марія Ѳеодоровна благоволила къ Серафиму и, говорятъ, въ завѣщаніи своемъ сыну—императору просила не трогать его съ мѣста. Впрочемъ, при послѣднемъ происшествіи, съ Лямсомъ, Серафимъ столько показалъ монашескаго смиренія и власти надъ самимъ собой, что полученное имъ оскорбленіе приняло совершенно другой видъ и обида пропала въ его незлобіи и спокойствіи митрополита. Можно сказать, что эта обида принесла ему честь.

Серафимъ умеръ 17-го января 1843 г. М. М.

Встрѣчи съ Фотіемъ.

Я поздно познакомился съ архимандритомъ Фотіемъ, и то по личному его желанію, только за годъ до его кончины, ибо, зная его образъ мыслей о людяхъ неправославнаго исповѣданія, считалъ излишнимъ ѣздить въ Юрьевъ монастырь, тѣмъ болѣе, что я въ это время еще не былъ домашнимъ врачемъ графини Орловой, скончавшейся внезапно 5-го октября 1848 г., на моей лѣвой рукѣ, въ то время, когда я у ней щупалъ пульсъ правою рукою.

Архимандритъ Фотій, увидавъ меня на Хутынскомъ праздникѣ (9-я пятница послѣ Пасхи), спросилъ у архимандрита Ѳеодосія:

— Не этотъ-ли вашъ жилецъ, г. Европеусъ?

Я подошелъ подъ благословеніе и онъ укорилъ меня въ томъ, что меня никогда не видитъ у себя въ Юрьевѣ. Я извинился службою.

— Прошу быть знакомымъ.

Онъ всталъ и скоро уѣхалъ.

Воздвиженіе Креста Господня, т. е. 14-е сентября, празднова-

лось въ Юрьевѣ съ особеннымъ торжествомъ. Туда спѣшила въ этотъ день не только вся знать новгородская, но и десятки тысячъ народа, въ надеждѣ получить по крестику, смотря по рангамъ, отъ золотаго до простаго мѣднаго съ ржавчиной. Окончивъ свои обязанности по госпиталю, спѣшилъ и я въ Юрьевъ, гдѣ засталъ уже всю знать, начиная съ корпуснаго командира и губернатора до секретаря консисторіи, въ гостиной у архимандрита. Я подошелъ подъ благословеніе и сѣлъ недалеко отъ Фотія. Скоро вошла хозяйка, графиня Анна Алексѣевна Орлова, одѣтая въ широкомъ бѣломъ балахонѣ или, скорѣе, рубахѣ, опоясанной широкимъ голубымъ кушакомъ. Я всталъ и поклонился низко, какъ грѣшнику подобаетъ.

— Чадо Анна, что-жъ ты не угостишь нашего новаго гостя, доктора! воскликнулъ архимандритъ Фотій.

Графиня вышла въ боковую комнату, принесла мнѣ кусочекъ пирога, а за ней какой-то щеголь поднесъ мнѣ водку. Съ этимъ визитомъ кончилось мое знакомство съ от. архимандритомъ Фотіемъ.

Онъ умеръ 6-го февраля 1838 г. Пользовавшій его докторъ Соколовскій увѣрялъ насъ, своихъ сотоварищей, что Фотій умеръ отъ истощенія, вслѣдствіе атрофы кишокъ, такъ какъ онъ, кромѣ просфоры и краснаго вина съ горячею водою, ничего не употреблялъ; даже, имѣвши у себя значительный запасъ чая, приказалъ бросить его въ Волховъ.

И. И. Европеусъ.

Г. Красный Холмъ.

Примѣчаніе. Покойная Прасковья Николаевна Бороздина (рожд. Львова), жена бывшаго въ концѣ 1820-хъ годовъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, женщина весьма образованная, разсказывала, что она нѣсколько разъ встрѣчала у своей родственницы, вдовы Дарьи Державиной, архимандрита Фотія, тутъ же видѣла она и графиню Орлову.

— „Поражала меня вся фигура Фотія и возмущала грубость обращенія съ Державиной и гр. Орловой, его духовными дочерьми. Представьте себѣ грязнаго, циническаго въ манерахъ и выраженіяхъ, самаго дюжиннаго монаха... Мнѣ казалось даже, что отъ него несло даже, пахло какъ-то дурно...“

— „Ну, что ты, дщерь Анна, тамъ засунулась, поди поцѣлуй мою руку; а ты, Дарья, чего зѣваешь, подойди, разскажи какъ плоть свою спасаешь“. Вотъ какимъ языкомъ говорилъ обыкновенно Фотій съ благоговѣвшими предъ нимъ духовными его овцами.

Г. И. К—й разсказывалъ со словъ покойнаго А. А. Жандра, что въ 20-хъ годахъ одна его весьма хорошая знакомая, г-жа М—чъ,

пожелала посмотрѣть на Фотія. Онъ еще не былъ въ новгородской епархіи и какъ-то проживалъ въ Александро-Невской лаврѣ, но извѣстность его уже была довольно велика въ Петербургѣ.

М—чъ отправилась въ лавру съ своей воспитанницей, дѣвочкой лѣтъ 12-ти, весьма хорошенькой. Долго имъ не удавалось встрѣтиться съ Фотіемъ; наконецъ, увидѣли худаго, изможденнаго, съ жиденькой бородкой монаха. Смотрѣлъ онъ болѣе въ землю или исподлобія, изъ-подъ надвинутаго клобука. Подошли къ нему подъ благословеніе. Вдругъ Фотій отпрянулъ отъ нихъ какъ ужаленный.

— Что ты меня преслѣдуешь? или ты хочешь соблазнять меня этою дѣвчонкой? Такъ знай, что я плюю на женскую прелесть.....

Насилу удалось успокоить расходившагося монаха.

Вотъ письмо Фотія, къ монаху Кіиѳѣ, сообщ. А. Н. Яхонтовымъ:

+

„Радуйся! съ праздникомъ тебя поздравляю. Радуйся! есть нѣчто пріятное тебѣ сказать. Слышу-бо пріятное и все доброе едино. Ожидаю тебя днесь къ 9 или 10 часу. Можетъ быть у тебя и праздновать не чѣмъ. Радуйся! + В. Т. о. Фотій.

1832 года. Дек. 29 дня.

P. S. Ежели можно, то и ранѣе обѣдни желаю видѣть днесь."

Кончина гр. Анны Орловой.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! Съ невыразимымъ чувствомъ душевнаго прискорбія суждено мнѣ, недостойному, передать вашему высокопреосвященству истинно горестное извѣстіе, что великая благотворительница св. обителей и Божіихъ храмовъ, истинная матерь всѣхъ сирыхъ и бѣдствующихъ, сокровенная о Господѣ подвижница, ея сіятельство графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, тихо, съ вѣрою во Христа Спасителя и съ упованіемъ на Пречистую Божію Матерь, скончалась 5-го сего октября (1848 г.) въ 3/4 6 часа пополудни. Въ сей день, по случаю тезоименитства своего родителя и отъѣзда въ С.-Петербургъ, она исповѣдывалась и сподобилась пріобщиться св. тайнамъ за раннею литургіею. Въ 4 часа пополудни прибыла она въ обитель нашу, прямо въ церковь для слушанія панихиды по покойномъ отцѣ архимандритѣ Фотіѣ; послѣ оной заходила на гробъ своего родителя, что въ паперти Георгіевскаго собора, затѣмъ въ келію духовнаго отца своего для принятія въ путь благословенія, наконецъ, пришла и въ мои покои. И, о Боже праведный и непостижимый въ судьбахъ своихъ! здѣсь, сидя на диванѣ, предъ образомъ иверскія Божія Матери, въ той комнатѣ,

что подлѣ теплой церкви, тихо уснула сладкимъ сномъ вѣчности, почувствовавъ за нѣсколько минутъ предъ симъ, при входѣ еще въ комнаты, крайнее вдругъ стѣсненіе въ груди и оставивъ намъ горькія по себѣ слезы. Вся обитель наша глубоко чувствуетъ сей крестъ Божій, и всѣ мы, по истинѣ, не можемъ даже вообразить всей великости потери незабвенной благотворительницы и истинной Христолюбивой матери. Вѣруемъ, что вы, владыко святый, вознесете вашу святую молитву о блаженномъ успокоеніи души новопреставившейся рабы Божіей и не лишите насъ недостойныхъ сего духовнаго утѣшенія. Вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца, имѣю честь и истинный долгъ пребыть навсегда покорнѣйшимъ послушникомъ, Юрьева монастыря архимандритъ Мануилъ.

1848 года, октября 9 дня. Сообщ. **Н. А. Виноградовъ.**

Убійство фельдмаршала гр. М. Ѳ. Каменскаго.

Письмо гр. Августа Делагарди къ Юлію Грифиту.

Бердичевъ. Іюль 1811 г.

Въ 30-ти верстахъ отсюда, въ деревнѣ, называемой Иванково, совершилось ужасное преступленіе, которое должно возбудить глубокія размышленія, относительно настоящаго положенія рабства въ Россіи. Графъ Каменскій, отецъ того же имени главнокомандующаго въ Валахіи, отправилъ въ Лейпцигъ двухъ своихъ крѣпостныхъ учиться музыкѣ. Эти молодые люди пріобрѣли тамъ, кромѣ превосходныхъ познаній въ своемъ искусствѣ, идеи о свободѣ и независимости, совершенно противныя той участи, на которую судьба обрекла ихъ съ дня рожденія. По возвращеніи ихъ къ помѣщику, онъ обращался съ ними сначала съ нѣкоторымъ уваженіемъ, которое они заслуживали своимъ искусствомъ, но нѣсколько дней тому назадъ, за одинъ маловажный проступокъ, помѣщикъ приказалъ ихъ высѣчь, и они были подвергнуты этому наказанію въ присутствіи своихъ товарищей. Тогда эти несчастные, внимая только жаждѣ мести, ожидали наступленія ночи для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній. Съ топорами въ рукахъ они проникли въ спальню графа, упрекали его за то, что вздумалъ извлечь ихъ изъ той сферы, въ которой природа произвела ихъ на свѣтъ и далъ имъ возможность оцѣнить чрезъ пагубное для нихъ просвѣщеніе настоящее достоинство человѣка, для того чтобъ ввергнуть ихъ опять въ самое унизительное рабство.

Сказавъ это, они убили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ безоружнаго старика. Потомъ сами явились въ Житоміръ, городъ Волынской губерніи и объявили суду о совершенномъ ими преступленіи, и ожидаютъ тамъ заслуженнаго ими наказанія.

Убійцамъ дадутъ каждому по 300 ударовъ кнутомъ, и если они послѣ этого останутся живы, то будутъ сосланы въ Сибирскіе рудники, такъ какъ смертная казнь уничтожена въ имперіи, съ царствованія императрицы Елисаветы.

Это происшествіе произвело здѣсь сильное и печальное впечатлѣніе, ибо гр. Каменскій былъ вообще всѣми уважаемъ. И сосѣдніе помѣщики начали толковать о томъ, какъ опасно для нихъ просвѣщать своихъ рабовъ, не сдѣлавъ ихъ свободными, или освобождать, не просвѣтивъ ихъ сперва. Рабство, безъ сомнѣнія, чудовищное злоупотребленіе, которое описываетъ философъ, но которое только одно время и человѣколюбивый законодатель могутъ переобразовать въ этихъ странахъ.

Примѣчаніе. Письмо это переведено изъ книги: «Voyage de Moscou à Wienne par le comte Delagard en 1811». Подробности убійства старика гр. Каменскаго, передаваемыя въ этомъ письмѣ, весьма рознятся съ тѣми, которыя заключаются въ біографіяхъ этого фельдмаршала. Ред.

Крестьянская газета изъ ада.

Эта вѣдомость изъ ада—тетрадка въ 13 листиковъ желтоватой бумаги, въ осьмушку, написанная прекраснымъ славянскимъ полууставомъ, съ киноварными заглавными буквами, получена В. И. Лѣствицынымъ изъ дер. Артакова, Дашковскаго уѣзда, Ярославской губ. Эта народная сатира давно извѣстна во многихъ спискахъ, изъ коихъ нѣкоторые были напечатаны (см. въ I-мъ томѣ Библіографическихъ Записокъ, стр. 77—87, статью А. Н. Афанасьева). Сообщаемый списокъ имѣетъ нѣкоторыя разности противу напечатанныхъ. Ред.

Съ того свѣта пришла грѣшнымъ новая газета. Принесли отъ сатаны бѣсы съ совѣта, отъ его чести принесли такія новыя вѣсти, гдѣ будетъ грѣшнымъ тамо во адѣ сѣсти. Отъ Божія сотворенія десницы давно приготовлены адовы темницы. Тамо грѣшные вси человѣки будутъ мучится въ безконечные вѣки. Понеже не имѣли на Бога надежды, за то совлеклися первыя одежды, которыя при святомъ крещеніи намъ была дана и ту скинулъ съ насъ сатана. Въ нынѣшній вѣкъ зри всякъ земнородный человѣкъ. Нынѣ царствуетъ въ мірѣ грѣхъ надо всѣхъ: правда сгорѣла, а истина охрамѣла; ложь нынѣ присутствуетъ, честь и вѣрность возлюбили всяку скверность, православная вѣра въ пустыню залетѣла, добрую совѣсть попрали ногами, самочиніе въ монастыряхъ проживаетъ, гордость со мнихамъ познакомилась, братоненавидѣніе икономомъ поставлено, добронравіе прочь отставлено, тщеславіе игуменствуетъ, невѣжество старѣйшенствуетъ, строители стали гонители, сластолюбіе и лакомство поставлено въ діаконство, духовныя и мірскія власти пожелали временныя сласти, всѣ добрыя дѣла—какъ погода помела.

Сатана, предвидя кончину сихъ дней, приказалъ аду наполнить огней, послалъ бѣсовъ размѣрить адскую глубину, гдѣ бы можно грѣшныхъ посадить за вину. Потомъ сатана сѣлъ на сѣдало и завопилъ весьма яро: „что грѣшныхъ прибываетъ весьма мало?“ Бѣсъ къ нему подскочилъ, горбатой и мохнатой, и рекъ: „Еще не скончался вѣкъ, а когда пріидетъ міру конецъ, тогда ты будешь имъ какъ родной отецъ“. Во первыхъ представились предъ него монахи-чернецы, которые были піаницы и подлецы. Онъ, видя ихъ, разсмѣхнулся, едва съ престола не свернулся. Онъ говорилъ имъ велегласно: „Что будетъ вамъ здѣсь свѣтло и ясно. Зачѣмъ вы, святіи отцы суды зашли? или въ царство небесное пути не нашли? Знать вы путь во царство небесное потеряли. Вы проживали жизнь свою въ скитахъ, во всѣхъ суетахъ, не было вамъ въ монастыряхъ ладу, за то будетъ вамъ сидѣть со мною въ преисподнемъ аду“.

Бѣсъ подскочилъ, безъ хвоста, и сказалъ, что они не наблюдали поста, лѣнивы были Богу молиться, и жить имъ въ раю не годится, и предать они должны вашему разсужденію, чтобы ихъ доставить разному мученію.

Что видитъ сатана, ихъ отецъ, что приходитъ къ нимъ самой послѣдней конецъ, приказалъ съ нихъ мантіи скинуть и во тьму кромѣшную на вѣки вринуть.

Они устрашились грозныхъ тѣхъ словъ, не дождались лютыхъ по нихъ пословъ, потащились во адъ, только никто имъ былъ не радъ.

И еще притащили бѣси изъ нѣкоей веси опойцу во адъ и ему сатана былъ весьма радъ и рекъ ему: „Экъ, ты любезный мой другъ, пріятель, куды ты ко мнѣ близко припятилъ? До чего ты и дожилъ, что и ноги свои съежилъ? Припасите про него адскую темницу и вверзите его туда до страшнаго суда, и егда въ трубы затрубятъ, тогда и его погрузятъ“.

И въ то время явились тати и воры, тогда сатана имъ отвѣчалъ: „О милые, мои любезные други! какъ вы обирали всѣхъ въ круги!“ И по окончаніи тоя рѣчи, приказалъ ихъ посадить въ огнены печи, „что вамъ было никого не жалко, и здѣсь будетъ вамъ не жарко“.

И еще пришли къ сатанѣ во адъ гордые купцы и боляре господа. Тогда проклятой бѣсъ самъ съ престола къ нимъ слѣзъ и кланяется весьма низко, потому что они пришли къ нему близко. Привѣтствуетъ ихъ ласковыми словами, что называетъ ихъ господами. „Честнѣйшіе господа, пожалуйте и вы къ намъ сюда! Я буду васъ самъ угощать, огнь горящъ и жупелъ возгнещать, и никто мнѣ не будетъ воспрещать. А какъ вы не будете тужить, я самъ буду со усердіемъ про вашу честность служить. Милостивые мои государи! И здѣсь велю

про васъ ставить самовары. Еще прикажу я слугамъ своимъ одно слово, станутъ они варить про васъ олово и смолу. Еще велю про васъ варить сладкой квасъ, котораго бы было надолго про васъ. Еще прикажу подносити вамъ, честнымъ господамъ, сладкія водки, чтобы наполнить несытыя ваши глотки".

И сказалъ сатана бѣсу косому: „Чтобы завсегда тебѣ ходить босому, что ты не ускоряешь, адскихъ вратъ не отворяешь!" Сатана крикнулъ, аки сильной громъ, косой бѣсъ, только съ печи недавно слѣзъ, потащилъ ихъ, багромъ облапилъ тѣхъ господъ, потащилъ ихъ всѣхъ головамъ высподъ. Тѣ господа весьма на него заскучали, что у нихъ ноги застучали и на тотъ разъ сталъ великой, сильной мразъ, только зубы застучали.

И послѣ того взялъ онъ рогатину и негдѣ взялъ купца богатину, которой процентами много себѣ богатства накопилъ и во адѣ себѣ мѣсто откупилъ.

Сатана его спросилъ и громко завопилъ: „Ой, еси ты мой милой, любезной, дорогой! Много-ли процентами ты богатства накопилъ?"

И онъ самъ горько возопилъ: „Что я столько накопилъ, чтобы весь твой несытой адъ откупилъ".

И на то бѣсъ ему сказалъ: „Что тебѣ, видно, и здѣсь необидно: не тужи, мой благопріятель, есть-бо у меня такой же другъ любезный пріятель, іюда христопродатель. Не знаю я, куда дѣватца, не могу на него налюбоватца. И не будетъ вамъ съ нимъ никакія тоски и скуки, что попали вы съ нимъ въ мои руки. Что приготовлены у меня про васъ разныя муки. Видно ты и здѣсь хощешь раскочно проживать, время тебѣ въ преисподнюю побывать, и тамъ будешь у бѣдныхъ въ самыхъ послѣднихъ".

Еще привели предъ него нѣкоего священника, озорника и мошенника, да діакона болтушку, плута и мотушку. Тогда сатана столько имъ обрадѣлъ, что и на своемъ престолѣ не усидѣлъ, и своей головой потрясъ и испустилъ свой громкій гласъ: „Ой еси вы, мои благодѣтели, сколько вы мнѣ сдѣлали добродѣтели! Вы при церквахъ своихъ проживали, а завсегда волю мою совершали, и въ дѣйствіяхъ гога и магога прогнѣвали превышняго Бога, законы его порушили, а души свои погубили, что сладкую пищу любили, табакомъ носъ набили, а вино и пиво пили—ровно воду въ ротъ свой лили и безъ памяти напивались и, какъ свиньи, валялись, о себѣ же и о стадѣ своемъ не пеклися, души ихъ дабы спаслися, только приносы ихъ обирали и кутію сладкую хлебали, а должныи къ Богу молитвы не возсылали, назывались богомольцы и учители, а равно были какъ злые мучители, и за то мнѣ весьма удружили, а сіе мѣсто себѣ заслужили, разсудки

ваши были гнилы и въ томъ сдѣлались мнѣ весьма милы, поступки ваши были равны со мною, того ради дамъ я мѣсто подо мною". И повелѣлъ съ нихъ священническую снять ризу и послать ихъ къ низу.

И еще привели къ нему прекрасныхъ дѣвицъ, пѣсенныхъ самыхъ мастерицъ, которыя понимали отъ него сіе дѣло. Идутъ къ нему смѣло: понеже у нихъ хорошее было ремесло, что во адъ ихъ занесло. Тогда сатана засмѣялся и ихъ такой смѣлости удивлялся, потрясъ головой и потопалъ ногой, свой страхъ оказалъ, а имъ одно слово сказалъ: „Ахъ вы мои милыи ученицы, пѣсельныи мастерицы! Уже я давно васъ дожидался и охотно про васъ припасался. Варю про васъ сладкой квасъ, смолу и сѣру, довольно будетъ въ вашу мѣру. Живите вы тутъ безъ скуки, потому что хорошо вы понимали мои разныя науки, завсегда были въ весельѣ, что пѣли пѣсни въ воскресенье, скакали, плясали и моихъ бѣсовъ переиграли, носили рубашки большо-воротки и, пѣвши пѣсни, надсажали свои глотки, и тамъ вы были оченно веселы, а здѣсь и головы свои повѣсили". И потомъ сатана, ихъ отецъ, сказалъ имъ послѣдній конецъ и повелѣлъ ихъ въ свою одежду нарядить и во тьму кромѣшнюю посадить.

И еще потомъ пришли нищіи и смиреніи духомъ, съ голоднымъ своимъ брюхомъ. Сказалъ сатана: „Вы зачѣмъ пришли сюда до страшнаго суда? Куда вы, убогіе, зашли? Али вы въ царство небесное пути не нашли? И вы о грѣхахъ своихъ болѣли день и нощь и во адѣ себѣ мѣста готовить не велѣли. Здѣсь всѣ мѣста заняли люди непростые, богатые и толстые: боляри и вельможи, что завсегда мнѣ были угожи.

И тѣ убогіе бѣдницы полѣзли вверхъ по лѣстницѣ, ухватили свои ко́томы, покамѣсть имъ бока не отботаны.

Сія исторія писана на глумъ, а вы берите, братія и сестры, на умъ. Аще кая въ сей исторіи прегрѣшенія, прошу о всемъ прощенія.

Заявленіе г. Яковлева.

Я, нижеподписавшійся, прочитавъ въ декабрьской книжкѣ 1874 года «Русской Старины», на страницѣ 778-й: «При началѣ восточной войны, растрата Политковскаго была покрыта камергеромъ Яковлевымъ, пожертвовавшимъ, въ два раза, милліонъ рублей серебромъ», симъ свидѣтельствую, что никогда не покрывалъ растраты Политковскаго никакимъ пожертвованіемъ.

Августа 13-го дня 1875 года. Камергеръ Яковлевъ.

Примѣчаніе. Помѣстивъ это заявленіе, мы считаемъ необходимымъ замѣмѣтить, что сколько намъ извѣстно, въ статьѣ о Политковскомъ дѣло идетъ о другомъ Яковлевѣ. Ред.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ XIII ТОМѢ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

1875 г.

[МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.]

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

У.

Ф.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

о томъ казацкій сотникъ, который немедленно сообщилъ о случаѣ находившемуся по близости генералу Румянцеву. Лжецаревича и его немногочисленныхъ приверженцевъ безъ труда арестовали и увезли въ Петербургъ, гдѣ они судились въ Тайной Канцеляріи. Потомъ ихъ обратно отправили въ Украйну; генералъ-маіору Шипову дано приказаніе казнить ихъ. Мнимый царевичъ живой посаженъ на колъ, священникъ и три солдата казнены различною смертію. Поселянамъ императрица объявила прощеніе, однако село ихъ было срыто, а крестьяне переведены въ другія мѣста

XII.

Начало кампаніи.— Переправа черезъ Бугъ.— Минихъ переходитъ черезъ Днѣстръ.— Битва на Днѣстрѣ.— Случай съ княземъ Кантеміромъ.— Армія вступаетъ въ прекопскія, или чернатскія ущелья.— Битва при Ставутчане.— Взятіе Хотина.— Гвардію и военноплѣнныхъ отправляютъ въ Украйну.— Минихъ вступаетъ далѣе въ Молдавію.— Императоръ заключаетъ съ своей стороны миръ съ Портою.— Экспедиція донскихъ казаковъ подъ командою бригадира Фролова.—Русская армія возвращается на свои квартиры.—Старанія русскаго двора о заключеніи мира.—Русская армія удаляется изъ Молдавіи и возвращается въ Украйну.— Способъ, употребленный генераломъ Левенвольдомъ для перевозки артиллеріи черезъ Днѣстръ.—Размышленіе по поводу похода 1739 г.

1739 г.

По возвращеніи отъ двора, въ концѣ марта мѣсяца, фельдмаршалъ Минихъ объявилъ по полкамъ, чтобы они были готовы выступить въ походъ черезъ сутки по объявленіи о томъ приказа.

Сборнымъ мѣстомъ арміи назначена окрестность Кіева. Поэтому бо̀льшей части войска приходилось пройти вдвое больше разстоянія противъ прежнихъ лѣтъ, когда сборное мѣсто назначалось въ центрѣ зимнихъ квартиръ. Полки, расположенные на Дону, Донцѣ и около украинскихъ линій, должны были пройти 200 лье до Кіева. 26-е апрѣля назначено было для общаго сбора, но, по сказаннымъ причинамъ, отдаленные полки не явились.

Днѣпръ вышелъ изъ береговъ и наводнилъ окрестность на два лье кругомъ. Несмотря на это препятствіе, стали устроивать понтонный мостъ, который окончили 8-го мая. Сперва прошли ближайшіе полки, остальные—по мѣрѣ ихъ прибытія; но, несмотря на употребленную поспѣшность, войска съ артиллеріею и провіантскимъ обозомъ собрались не ранѣе 4-го іюня, когда вся армія находилась уже на другомъ берегу.

Въ настоящій годъ армія графа Миниха состояла изъ 49-ти

баталіоновъ, включая сюда три баталіона пѣшей гвардіи; кавалерію составляли: три эскадрона конной гвардіи, 100 драгунскихъ эскадроновъ, 6 гусарскихъ, 6 валахскихъ и 4 грузинскихъ. Кромѣ того, набрано было 13 т. казаковъ всѣхъ категорій. Артиллерію составляли 62 осадныя пушки, 11 мортиръ, 16 гаубицъ и 176 полевыхъ орудій. Къ ней прислуги приставлено 3,000 человѣкъ. Словомъ, въ арміи насчитывали отъ 60 до 65-ти т. чел.

Служившіе подъ начальствомъ Миниха генералы были: генералъ-аншефъ Румянцевъ, генералъ-поручики: Карлъ Биронъ, Левендаль, Густавъ Биронъ, генералъ-маіоры: принцъ Голштейнскій, Хрущовъ, князь Репнинъ, Философовъ, Бахметевъ, Кейзерлингъ, Ферморъ, Шиповъ, Штокманъ и Апраксинъ.

Несмотря на постоянныя жалобы поляковъ, дворъ рѣшился въ этотъ разъ провести свою армію черезъ ихъ королевство, что значительно сокращало путь до Днѣстра, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ для войскъ такія удобства, которыхъ они были лишены въ предъидущіе походы. Оттого въ этомъ году армія и страдала меньше, и больныхъ было немного, въ сравненіи со всѣми прежними годами.

7-го іюня армія вступила въ Польшу близь Василькова, небольшой пограничной крѣпостцы. Польскій великій гетманъ приказалъ шляхтѣ сѣсть на коня, и это дворянское ополченіе расположилось во многихъ мѣстахъ для предотвращенія безпорядковъ отъ легкаго войска; но, несмотря на всѣ старанія поляковъ, которые постояно шли бокъ о бокъ съ русскими при ихъ переходахъ, они многаго не могли отвратить.

Для большаго удобства русская армія шла нѣсколькими колоннами, и 10-го іюля пришла къ Бугу, черезъ который переправилась въ трехъ мѣстахъ: первая дивизія у Константинова, вторая у Летичева, а третья у Мендзибожа. Пришло извѣстіе, что турецкій корпусъ въ 60 т. человѣкъ перешелъ черезъ Днѣстръ и вступилъ въ Польшу съ намѣреніемъ недопустить русскихъ переправиться черезъ Бугъ; но какъ ихъ предупредили, то они вернулись, опустошивъ напередъ нѣсколько деревень.

Съ цѣлію обмануть непріятеля и заставить его совершать безполезные переходы, или же удерживать бóльшую часть арміи по близости Бендеръ, велѣно было большому отряду казаковъ идти

по направленію къ Сорокѣ, и распускать на пути слухъ, будто за ними черезъ нѣсколько дней послѣдуетъ часть арміи. Этотъ ложный слухъ заставилъ сераскира Вели-пашу двѣ недѣли простоять съ главными силами своими у Бендеръ.

Казацкій отрядъ благополучно переправился вплавь черезъ Днѣстръ, не будучи замѣченъ непріятельскими отрядами; углубился въ край на 15 лье, сжегъ нѣсколько деревень и оба города—Сороку и Могилевъ. При возвращеніи въ лагерь, привели 18 плѣнныхъ и болѣе 400 лошадей, взятыхъ по большей части на польской землѣ.

До 27-го іюля армія продолжала походъ къ Днѣстру, обходя такъ называемыя Недоборческія горы и повернувъ потомъ вдоль по рѣкѣ Збручь, къ Хотину, какъ бы съ намѣреніемъ переправиться черезъ Днѣстръ въ окрестностяхъ этого города.

Значительный непріятельскій отрядъ двинулся къ Збручу съ цѣлью помѣшать переправѣ, во всякомъ случаѣ затруднительной по крутости береговъ этой рѣки. Но у фельдмаршала и не было намѣренія переправляться тутъ; онъ хотѣлъ пройти къ Днѣстру и прибыть туда, незамѣченный непріятелемъ. 28-го іюля, онъ выступилъ съ корпусомъ отборнаго войска въ 20 т. человѣкъ, взявъ съ собою только полевую артиллерію; обоза не брали тоже: каждый солдатъ несъ съ собою запасъ хлѣба на 6 дней; осадная артиллерія и обозъ оставлены въ лагерѣ, подъ охраненіемъ генерала Румянцева.

Въ этотъ день и 29-го числа корпусъ фельдмаршала совершилъ переходъ въ 20 французскихъ лье, и къ вечеру подошелъ къ Днѣстру, по близости польской деревни Синковцы. Первое дѣло, начали устроивать мосты, и успѣли кончить ихъ 30-го числа, въ семь часовъ утра; во всей окрестности не было ни одного непріятельскаго солдата. До вечера еще переправились на ту сторону вся пѣхота и полевая артиллерія. Казаки же и драгуны еще наканунѣ переправились, отыскавъ бродъ.

Поджидая русскихъ у Збруча, непріятель только 1-го августа узналъ объ этомъ движеніи русскихъ, по переходѣ ихъ черезъ Днѣстръ. Онъ отступилъ сначала къ Хотину и перешелъ черезъ Днѣстръ ниже города. Синковца отстоитъ отъ Хотина не болѣе, какъ на 6 или на 7 лье, но это разстояніе заставлено непроходимыми горами, идущими отъ Днѣстра до Прута; онѣ-то

и задержали непріятеля, такъ что не прежде, какъ пробывъ три или четыре дня въ дорогѣ, могъ онъ встрѣтиться съ русскими; только черезъ извѣстные Прекопскіе дефилеи можетъ свободно пройти армія.

Русскіе воспользовались своимъ преимуществомъ; отряды войскъ отправлены во всѣ стороны; они ушли за Прутъ и привели около ста плѣнныхъ, изъ попавшихся имъ на встрѣчу турокъ и валаховъ; принесли нѣсколько отнятыхъ у непріятеля значковъ, побивъ и разсѣявъ отряды; а добыча лошадей и скота была необыкновенно велика.

Послѣ переправы черезъ Днѣстръ, нѣсколько дней сряду шли дожди, отъ которыхъ рѣка такъ переполнилась, что снесла мосты и едва не увлекла съ теченіемъ до Хотина; однако успѣли ихъ задержать, но съ большимъ трудомъ привели на мѣсто къ мостовымъ укрѣпленіямъ, построеннымъ по ту и другую сторону рѣки. Эти же дожди задержали походъ остальной арміи, слѣдовавшей съ тяжелою артиллеріею, обозомъ и провіантомъ; она пришла къ Днѣстру не ранѣе 7-го августа. Но какъ мосты къ этому времени еще не могли быть исправлены, то нѣсколько дней не было сообщенія между обоими корпусами, что́ заставило графа Миниха возвести нѣсколько редутъ передъ фронтомъ лагеря.

3-го числа въ виду лагеря показались султанъ Исламъ-Гирей съ 12 т. татаръ и Илія-Калчакъ-баша, хотинскій комендантъ, съ 6 т. серденгести или конными янычарами, называемыми безпощадными; они атаковали фуражировъ Тобольскаго драгунскаго полка, командуемаго полковникомъ Роденомъ; но какъ полковникъ со всѣмъ своимъ полкомъ составлялъ ихъ прикрытіе, то онъ образовалъ изъ него каре, и храбро защищался болѣе часа, пока не пришли на помощь армейскіе пикеты. Дѣло было жаркое; непріятель былъ отбитъ, потерявъ 600 человѣкъ, павшихъ на мѣстѣ. Татарскій сановникъ Али-мурза былъ взятъ въ плѣнъ; судя по его рѣчамъ, онъ былъ человѣкъ умный. Онъ былъ раненъ въ ногу, и черезъ нѣсколько дней лекаря объявили, что́ для излеченія необходимо отнять ее. Онъ выдержалъ операцію съ большимъ мужествомъ и рѣдкимъ спокойствіемъ. Фельдмаршалъ приказалъ заботиться о немъ, однако татаринъ вскорѣ умеръ. Въ этомъ дѣлѣ русскіе потеряли 54 чел. убитыми и 115 ранеными; въ числѣ первыхъ находился саксон-

скій подполковникъ Кизлингъ, котораго польскій король послалъ участвовать въ русскомъ походѣ.

10-го числа изъ Хотина слышна была пушечная пальба, въ честь прибытія туда изъ Бендеръ сераскира Вели-паши съ турецкою арміей, которой онъ былъ главнокомандующій.

11-го числа татары сдѣлали новую попытку къ нападенію; 1,500 человѣкъ отборной кавалеріи подкрались къ лагерю; но скрывшіеся въ углубленіи казаки и отрядъ гусаровъ такъ ловко ихъ приняли, что не только рѣшительно отбили ихъ до самаго Прута, въ которомъ много татаръ потонуло, но и убили большое число, и въ плѣнъ взяли 16 человѣкъ.

15-го августа пришла остальная артиллерія и обозъ, и переправились черезъ Днѣстръ; затѣмъ мосты были разобраны. Со времени переправы перваго корпуса черезъ Днѣстръ не проходило дня, чтобы въ лагерь не являлись валахскіе и молдавскіе офицеры съ солдатами, объявляя желаніе свое покориться и вступить на службу къ ея императорскому величеству. Съ дозволенія двора, фельдмаршалъ, до выступленія въ походъ, образовалъ цѣлый полкъ изъ валаховъ. Начальство надъ ними поручено князю Кантеміру[1]), вышедшему изъ Молдавіи въ 1736 г. Всѣ прибывшіе молдаване были зачислены въ этотъ полкъ.

Отправляясь въ Россію, князь Кантеміръ проѣзжалъ черезъ Броды, резиденцію великаго гетмана польскаго графа Потоцкаго, его близкаго родственника, и сообщилъ ему о своемъ намѣреніи ѣхать въ Кіевъ. Будучи недругомъ Россіи, Потоцкій приказалъ арестовать Кантеміра и посадить въ тюрьму. Въ тоже время онъ писалъ въ Константинополь, что Кантеміръ находится въ его власти и что онъ выдастъ его туркамъ. Если бы Кантеміръ былъ выданъ туркамъ, то съ него живаго содрали бы кожу. Въ виду такой опасности, Кантеміръ нашелъ человѣка, взявшагося доставить письмо отъ него въ Кіевъ къ тамошнему коменданту, которому онъ описалъ свое положеніе. Находившійся въ крѣпости генералъ Кейтъ немедленно отправилъ къ графу Потоцкому офицера, съ требованіемъ выпустить князя. Сначала Потоцкій отпирался, будто Кантеміра нѣтъ у него; но послѣ повторенныхъ

---

[1]) Онъ былъ близкій родственникъ молдавскаго господаря князя Кантеміра, послѣдовавшаго за Петромъ I въ Россію послѣ несчастнаго прутскаго похода и мира. Прим. авт.

требованій и угрозъ петербургскаго двора, онъ далъ ему свободу и приказалъ проводить подъ конвоемъ до украинскихъ предѣловъ.

За невозможностью отмстить великому гетману лично, онъ вымѣстилъ свою ненависть на его подданныхъ. Когда князя Кантеміра отрядили съ полкомъ въ Молдавію, онъ этого не сдѣлалъ, а возвратился назадъ, переправился черезъ Днѣстръ и вступилъ въ Польшу, гдѣ онъ началъ опустошать владѣнія графа Потоцкаго; жегъ и рѣзалъ, не щадя ничего и никого; словомъ, учинилъ страшныя жестокости, и еслибъ ему попался въ руки самъ графъ Потоцкій, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ подвергъ бы его той же казни, на которую тотъ его обрекалъ.

Этотъ случай произвелъ большой шумъ; великій гетманъ жаловался; но Кантеміръ отпирался, не взирая на всѣ улики; а такъ какъ въ турецкой арміи много солдатъ изъ валаховъ, то имъ и приписали всѣ неистовства. Тѣмъ не менѣе, послѣ заключенія мира, императрица принуждена была выплатить полякамъ большія суммы денегъ, въ вознагражденіе совершенныхъ войскомъ ея безпорядковъ.

16-го августа армія выступила въ походъ и, сдѣлавъ переходъ въ 4 французскихъ лье, расположилась лагеремъ, правымъ крыломъ упираясь въ Прутъ, лѣвымъ въ рѣчку Валецку.

17-го числа армія переправилась черезъ эту рѣчку; тутъ она вступила въ горы и знаменитыя Прекопскія ущелья, гдѣ нѣкогда польскій король Янъ Собіескій нѣсколько разъ сражался съ татарами и мѣстными жителями. Валахскій перебѣжчикъ извѣстилъ, что непріятель очистилъ самое важное ущелье, въ которомъ 10 т. человѣкъ легко могутъ задержать стотысячное войско. Фельдмаршалъ отправилъ большой отрядъ для занятія этой мѣстности.

18-го числа армія пришла къ высотамъ и къ равнинѣ, покрытой рѣдкимъ лѣсомъ; тутъ расположились лагеремъ, правымъ крыломъ упираясь въ Прутъ, лѣвымъ въ горы. Вся армія благополучно прошла черезъ ущелья, только одинъ отрядъ, достаточный для прикрытія артиллеріи и обозовъ, не могъ такъ легко проникнуть съ ними въ ущелье; послѣдніе вышли изъ него только 26-го числа. Нельзя было не удивляться оплошности турокъ, оставившихъ безъ защиты этотъ проходъ, въ которомъ они могли,

почти не сражаясь, уничтожить русскую армію. Съ другой стороны, не менѣе удивительно было счастіе фельдмаршала Миниха, которому удавались самыя трудныя предпріятія, скорѣе обѣщавшія неуспѣхъ.

Въ теченіе дня непріятель показывался только малыми партіями, которыя перестрѣливались изъ пистолетовъ съ казаками; по уходѣ его ввечеру, замѣтили, что у него въ долинѣ сокрытъ большой отрядъ, имѣвшій въ виду завлечь легкія войска въ засаду; однако это ему не удалось.

19-го числа Калчакъ-баша и султанъ бѣлгородскихъ татаръ, въ главѣ 20 т. войска, подошли къ лагерю, подсылая партіи для схватки съ казаками; но потерявъ нѣсколько людей отъ огня артиллеріи, они удалились въ свой лагерь, отдѣленный отъ русскаго рѣчкою Гукою и дефилеями. Ночью фельдмаршалъ распорядился атаковать непріятеля.

20-го числа, раннимъ утромъ, армія выступила изъ лагеря, оставивъ тамъ пришедшій съ нею небольшой обозъ. Главный обозъ еще проходилъ Прекопскія ущелья. Армія дефилировала лѣвымъ флангомъ и баталіоннымъ фронтомъ и безпрепятственно вышла на равнину. Непріятель сжегъ нѣсколько деревень, находившихся вперед и его, и удалился, предоставляя русскимъ переправиться черезъ Гуку, при чемъ и виду не подавалъ, что намѣренъ имъ противиться. Русскіе расположились въ лагерѣ, гдѣ наканунѣ стоялъ непріятель. Послѣдняго же лагерь былъ разбросанъ въ разныхъ мѣстахъ, за три или четыре лье отъ русскихъ.

21-го числа непріятель продолжалъ стычки свои съ легкими войсками, но 22-го онъ уже сильнѣе ударилъ на гусаръ и валаховъ; ихъ во-время поддержали и непріятель принужденъ былъ удалиться, потерявъ нѣкоторое число людей.

23-го и 24-го числа армія ограничилась перемѣщеніемъ изъ лагеря въ лагерь, въ ожиданіи прихода артиллеріи и обозовъ. Непріятель разставилъ караулы кругомъ всей русской арміи; въ 500 шагахъ отъ фронта и отъ тыла вовсе не было безопасности; нуженъ былъ сильный конвой для перехода изъ лагеря въ обозъ. Генералъ-маіоръ Штокманъ, имѣя надобность донести фельдмаршалу о чемъ-то касательно багажа и вообразивъ, что опасность вовсе не такъ велика, какъ сказывали, выѣхалъ на дорогу

въ сопровожденіи только двухъ запорожскихъ казаковъ. Едва въѣхалъ онъ въ рощу, бывшую на пути, какъ его окружилъ непріятель. Онъ сталъ отбиваться, но, получивъ рану, принужденъ былъ сдаться. Его увели въ Хотинъ, откуда его освободили по взятіи этого города русскими. Непріятель былъ въ восторгѣ, когда генерала привели къ нему въ лагерь; это было единственное значительное лицо, взятое турками въ плѣнъ въ продолженіе всей войны.

Фельдмаршалу дали знать, что непріятельская армія заняла лагеремъ весьма выгодную позицію на высотѣ, въ трехъ лье отъ него; что она окапывается и поджидаетъ русскихъ на сраженіе.

Наконецъ, 26-го числа прибыли въ лагерь главные обозы, артиллерія и провіантъ; около 20-ти т. человѣкъ было оставлено для прикрытія этого огромнаго числа повозокъ; нужно было ихъ дождаться, и по необходимости дать непріятелю время укрѣпиться въ своемъ лагерѣ.

27-го числа, съ разсвѣтомъ, армія выступила въ походъ, прошла черезъ нѣсколько мелкихъ рѣчекъ и дефилей и подошла къ турецкому лагерю на пушечный выстрѣлъ. Здѣсь-то русскіе увидали себя окруженными со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Сераскиръ Вели-паша, главнокомандующій турецкою арміею, стоялъ на возвышеніи въ лагерѣ, окопанномъ и защищенномъ нѣсколькими батареями. Калчакъ-баша съ серденгестами расположился слѣва отъ русскихъ, имѣя въ тылу лѣса и непроходимыя горы. Іенчъ Али-баша, командующій турецкою кавалеріею, или спагами, стоялъ вправо отъ нихъ, опираясь на горы, тянущіяся до самаго Прута, а бѣлгородскій султанъ Исламъ-гирей со всѣми татарскими ордами тревожилъ русскихъ съ тылу. Непріятель нападалъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, безостановочно во весь день; ночью даже поднялъ тревогу, но такъ какъ русскій лагерь состоялъ изъ трехъ каре, кругомъ обставленныхъ рогатками и артиллеріею, то непріятеля не трудно было отбить. Между тѣмъ, не было возможности ни выдти на фуражировку, ни вести скотъ на пастбище. Во что бы то ни стало, надобно было выдти изъ этого затруднительнаго положенія.

Начальники оттоманской арміи, видя русскихъ окруженными отвсюду, радовались тому, что не препятствовали имъ пройти чрезъ Прекопскія ущелья: они надѣялись, что русскіе никакъ

не выдутъ изъ этой петли иначе, какъ сдавшись военно-плѣнными, или рѣшась на капитуляцію.

28-го числа, на разсвѣтѣ, вся армія стала подъ ружье. Фельдмаршалъ приказалъ тремъ гвардейскимъ баталіонамъ, тремъ пѣхотнымъ полкамъ, двумъ драгунскимъ, 400 человѣкъ пикетовъ и части легкаго войска, подъ командою генералъ-поручиковъ Левендаля и Густава Бирона, съ 30 тяжелыми орудіями и 4 мортирами, выдвинуться на полпушечный выстрѣлъ противъ праваго крыла окопаннаго непріятельскаго лагеря, подавая видъ, что русскіе намѣрены были атаковать его съ этой стороны. Началась пальба съ обѣихъ сторонъ изъ пушекъ и мортиръ и продолжалась безъ устали, но не производя особеннаго дѣйствія, особенно со стороны турокъ, которые послѣ ста выстрѣловъ, сдѣланныхъ до полудня, убили у русскихъ только одну лошадь. Этимъ движеніемъ имѣли въ виду только привлечь вниманіе непріятеля въ эту сторону и помѣшать ему достроить окопы, которые только что были начаты слѣва отъ него. Это удалось вполнѣ, потому что непріятель тотчасъ же выстроилъ вправо отъ себя двѣ новыя батареи и началъ проводить новую траншею.

Въ это время фельдмаршалъ, который уже наканунѣ обозрѣвалъ непріятельскій лагерь, снова пошелъ осматривать его, и нашелъ, что протекавшая слѣва отъ непріятеля рѣчка Шуланецъ вовсе не была непроходима, какъ полагали, имѣя въ виду по обоимъ берегамъ ея болота. Можно было привезенными съ собою на повозкахъ фашинами засыпать болота и такимъ образомъ пройти по нимъ, также какъ черезъ рѣчку, которая не глубока, а тамъ можно было обойти лагерь непріятеля, который не подозрѣвалъ атаки съ этой стороны и потому не принялъ на себя трудъ укрѣпить ее.

Въ полдень фельдмаршалъ приказалъ арміи выступить, взявъ дирекцію на право, а гвардіи съ упомянутыми отрядами стать въ срединѣ боеваго строя. Черезъ рѣчку Шуланецъ перебросили нѣсколько мостовъ; болота засыпали фашинами, прикрывъ ихъ досками, и армія прошла подъ защитою сильнаго артиллерійскаго огня; непріятель вовсе не препятствовалъ этому движенію. Въ два часа пополудни русскіе подошли къ подошвѣ горы, на которой расположенъ былъ турецкій лагерь. Въ это самое время турецкая конница ударила на нихъ со всѣхъ сторонъ, но она была

отбита, не имѣвъ ни малѣйшаго успѣха. Русскіе все болѣе подвигались и ближе подходили къ непріятельскому лагерю. Около 5-ти часовъ, непріятель повторилъ нападеніе еще съ бо̀льшею яростью. Янычары съ саблями на̀-голо двинулись впередъ и ударили на гвардію и на пѣхоту. Ихъ встрѣтили такимъ сильнымъ пушечнымъ и мушкетнымъ огнемъ, что подойдя даже къ рогаткамъ они ничего не могли сдѣлать. Тщетно употребляли они всѣ усилія, чтобы ихъ разрушить, они принуждены были отступить, и совершили это въ большомъ безпорядкѣ. Они хотѣли еще защищаться изъ своего лагеря, и переставили для этого пушки на свое лѣвое крыло, но русскіе шли впередъ не останавливаясь, подъ прикрытіемъ сильнаго огня своей артиллеріи. Вскорѣ потомъ турки зажгли свой лагерь, и обратились въ бѣгство съ такою поспѣшностью, что потомъ, въ семь часовъ вечера, когда русскіе, взобравшись на гору, вошли въ лагерь, то уже не нашли тамъ никого. Преслѣдовавшія ихъ легкія войска едва нагнали нѣсколькихъ бѣглецовъ, которыхъ и изрубили.

Турки оставили отчасти въ лагерѣ, отчасти на дорогѣ, 42 чугунныхъ орудія и 6 мортиръ; въ лагерѣ до тысячи палатокъ не были еще разобраны; найдено огромное количество всякаго рода инструментовъ, багажа, военныхъ и жизненныхъ припасовъ. Потеря турокъ очевидно была значительна; до тысячи труповъ валялось на полѣ битвы. У русскихъ ранено и убито всего 70 человѣкъ. Никогда еще совершенная побѣда не была одержана съ такою малою потерею. Надобно еще замѣтить, что русскіе, давая сраженіе, были крайне стѣснены въ своихъ движеніяхъ, потому что, пока они были въ огнѣ, весь обозъ находился у нихъ въ каре, въ самой серединѣ арміи. Всѣ дѣйствія ихъ по необходимости были медленны. Битва происходила подлѣ деревни Ставучане, лежавшей справа отъ арміи.

Пользуясь побѣдой, фельдмаршалъ на другой же день направился къ Хотину въ главѣ 30-ти т. корпуса и съ осадною артиллеріею. Генералъ Румянцевъ съ остальною арміею остался позади для прикрытія обоза, который медленно слѣдовалъ за корпусомъ. По мѣрѣ того, что русскіе приближались къ Хотину, они находили брошенныя на дорогѣ пушки, мортиры, бомбы, ядра, пороховые боченки и обозныя повозки, и по этому общему безпорядку можно было судить о паническомъ страхѣ турокъ.

Въ этотъ день армія приблизилась къ Хотину на два лье отъ города.

30-го числа, раннимъ утромъ, большой отрядъ легкаго войска былъ отправленъ къ городу для наблюденія за непріятелемъ; онъ нашелъ предмѣстье окопаннымъ и окруженнымъ широкимъ заброшеннымъ рвомъ. Извѣстили о томъ фельдмаршала, который уже шелъ съ арміею, и въ 10 часовъ утра прибылъ къ крѣпости. Первое дѣло, онъ потребовалъ отъ коменданта сдачи.

Нѣсколько захваченныхъ въ предмѣстьѣ плѣнныхъ объяснили, что хотинскій комендантъ Калчакъ-баша пришелъ въ крѣпость только наканунѣ вечеромъ, но что онъ не могъ заставить свой гарнизонъ слѣдовать за нимъ. Этотъ гарнизонъ, состоявшій въ началѣ похода изъ 10-ти т. человѣкъ, почти весь бѣжалъ съ арміею Вели-паши, такъ что у коменданта оставалось очень мало людей.

Баша просилъ честной капитуляціи и конвоя до Дуная, но русскіе настаивали, чтобы онъ сдался военно-плѣннымъ. Между тѣмъ фельдмаршалъ велѣлъ шести гренадерскимъ ротамъ, тремъ гвардейскимъ баталіонамъ и тремъ другимъ пѣхотнымъ баталіонамъ пройти черезъ предмѣстье до гласиса. Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ согласились на томъ, чтобы обозъ не подвергался осмотру, и чтобы гарнизонъ отправилъ своихъ женъ въ Турцію. Однако только баша воспользовался этимъ позволеніемъ; а гарнизонъ оставилъ женъ при себѣ и взялъ съ собою въ Россію.

Въ два часа пополудни баша съ гарнизономъ сдались. Комендантъ и ага янычаръ поднесли фельдмаршалу городскіе ключи. Гвардейцы заняли ворота; потомъ баша съ многочисленною свитою посѣтилъ фельдмаршала и вручилъ ему свою саблю. 31-го числа турецкій гарнизонъ, состоявшій изъ 763 человѣкъ, вышелъ изъ крѣпости и сдалъ оружіе и знамена. Въ тоже время русскій гарнизонъ вступилъ въ городъ. Главноначальствующимъ назначенъ генералъ-маіоръ Хрущевъ, а помощникомъ его князь Дадіанъ, полковникъ артиллеріи.

Хотинъ одна изъ важнѣйшихъ крѣпостей Порты: всѣ укрѣпленія прочно выложены и отчасти вырублены въ скалѣ; изъ нихъ обращенныя къ Молдавіи лучше содержатся, нежели тѣ, которыя обращены къ Польшѣ, потому что тутъ рѣка Днѣстръ такъ близко протекаетъ, что съ этой стороны атака немыслима. Боль-

шая часть верковъ и прикрытый путь снабжены контръ-минами. Орудій было на валу 157 и 22 мортиры, всѣ чугунныя, безчисленное количество боевыхъ запасовъ, а магазины полны провіанта.

Калчакъ-баша говорилъ, что причиною всѣхъ бѣдъ настоящаго похода были принятыя сераскиромъ Вели-пашею неразумныя мѣры: онъ слишкомъ долгое время оставался подъ Бендерами съ бо́льшею частью арміи, вмѣсто того, чтобы послѣдовать его совѣту и загородить русскимъ входъ въ Прекопскія ущелья. Вели-паша, напротивъ, хотѣлъ пропустить русскихъ, въ надеждѣ разстроить ихъ безъ сраженія, отнявъ у нихъ возможность идти на фуражировку и безпрестанно тревожа ихъ. Этотъ планъ былъ бы недуренъ, если бы Вели-паша командовалъ не турками и не татарами, и противникомъ его былъ бы не такой полководецъ, какъ графъ Минихъ. Баша, кромѣ того, удивлялся живости огня русскихъ, особенно артиллерійскаго, который болѣе всего губилъ турецкое войско во всѣхъ встрѣчахъ съ ними.

1-го сентября черезъ Днѣстръ перекинуты два моста, для свободнаго сообщенія съ Польшею. По приказанію фельдмаршала, генералъ-поручикъ Густавъ Биронъ долженъ былъ отвести въ Украйну три гвардейскіе баталіона и нѣсколько драгунскихъ полковъ; подъ этимъ же конвоемъ одновременно отправлены въ Россію двѣ тысячи сто двадцать одинъ плѣнный обоего пола.

Отправивъ отрядъ и распорядившись относительно хотинскаго гарнизона, фельдмаршалъ выступилъ съ арміею далѣе въ Молдавію.

8-го числа армія пришла къ Пруту; стали работать въ одно время надъ тремя мостами, и кончили ихъ къ вечеру. Отряженный съ валахами князь Кантеміръ извѣстилъ, что онъ довольно далеко заѣзжалъ въ край, не встрѣтилъ никакого препятствія, и не видалъ даже непріятеля.

9-го и 10-го числа армія переправлялась черезъ Прутъ. Вода въ рѣкѣ до того была мелка, что вся кавалерія перешла въ бродъ. Обыкновенно, Прутъ очень глубокъ и быстръ; въ томъ мѣстѣ, гдѣ русскіе переправлялись, рѣка имѣетъ въ ширину 50 туазовъ. На берегу устроили тетъ-де-понъ и укрѣпленіе, назвавъ

его во имя св. Іоанна. Мѣстами устроили и редуты, для легчайшаго сообщенія съ Хотиномъ.

11-го числа армія направилась къ Яссамъ, столицѣ Молдавіи и мѣстопребыванію тамошняго господаря; издали показалась непріятельская партія; казаки пустились ее преслѣдовать, но не нагнали. Собравшійся въ Яссахъ молдавскій диванъ послалъ къ фельдмаршалу депутатовъ съ письмомъ, изъявляющимъ покорность. Самъ же господарь Григорій Гика наканунѣ бѣжалъ по направленію къ Дунаю.

12-го числа депутаты отпущены съ отвѣтомъ, которымъ удостовѣряли въ защитѣ дивана императрицею; армія же продолжала свой походъ къ Яссамъ, куда князь Кантеміръ уже вступилъ съ 3,000 драгунъ, гусаръ и валаховъ.

Пришло извѣстіе, что сераскиръ Вели-паша два дня скрывался въ деревнѣ Богданѣ, на берегу Прута, имѣя при себѣ только 14 человѣкъ прислуги, такъ какъ янычары покушались убить его, и что, кромѣ 3 тыс. человѣкъ, скрывшихся въ Бендерахъ, остальное войско перешло черезъ Дунай.

14-го числа фельдмаршалъ отправился съ конвоемъ въ 300 конныхъ гренадеръ и 300 донскихъ казаковъ въ Яссы, съ цѣлью уговориться съ мѣстнымъ диваномъ о снабженіи арміи продовольствіемъ. Уговоръ былъ такой, что диванъ обязывался содержать на свой счетъ 20 тыс. человѣкъ изъ русской арміи, отводить имъ квартиры, снабжать ихъ провіантомъ, фуражемъ, доставлять имъ на свой счетъ необходимыя подводы для привоза жизненныхъ припасовъ въ предѣлахъ княжества, и содержать тысячи двѣ или три піонеровъ, которые будутъ работать надъ укрѣпленіемъ Яссъ. Когда все это было слажено, фельдмаршалъ ѣздилъ осматривать мѣстность, а инженеры начертили планъ верковъ, которыми слѣдовало окружить крѣпость. Въ гарнизонъ назначили три пѣхотныхъ полка, гусарскій полкъ и валахскій корпусъ, подъ командою генералъ-маіора Шипова и полковника Каркетеля.

21-го числа фельдмаршалъ возвратился въ армію, перешедшую черезъ Прутъ. У графа Миниха былъ такой планъ: до окончанія похода идти еще къ буджакскимъ татарамъ, и даже взять Бендеры, дѣло удобоисполнимое, при томъ ужасѣ, который обуялъ турокъ послѣ нанесеннаго имъ пораженія. Графъ надѣялся,

что, въ случаѣ продолженія войны еще на одинъ годъ, онъ перейдетъ черезъ Дунай и двинется далеко во владѣнія султана. Но весь этотъ великолѣпный планъ былъ разстроенъ миромъ.

Имперцы заключили свой миръ подъ Бѣлградомъ въ турецкомъ лагерѣ. Узнавъ о томъ 24-го сентября, Минихъ былъ внѣ себя отъ гнѣва на имперскихъ генераловъ. По этому поводу онъ обратился съ письмомъ къ князю Лобковичу, командовавшему въ Трансильваніи и сообщившему графу извѣстіе о мирѣ. Такъ какъ это письмо содержитъ въ себѣ нѣкоторые отзывы о поведеніи имперцевъ и много другихъ подробностей, и къ тому же довольно оригинально, то я прилагаю его здѣсь въ переводѣ съ нѣмецкаго.

Письмо фельдмаршала графа Миниха къ князю Лобковичу, отъ 16-го (27-го) сентября 1739 г.:

«Ваша свѣтлость! Ваше письмо и приложенный къ нему журналъ, доведенный до 1-го сентября, я имѣлъ честь получить въ то самое время, когда мы торжественно воздавали хвалу царю небесному за счастливое завоеваніе Молдавіи, которой какъ духовные, такъ и свѣтскіе представители, 5-го (16-го) сентября покорились императрицѣ, моей всемилостивѣйшей государынѣ. Прилагаю при семъ продолженіе моего журнала, изъ котораго ваша свѣтлость въ бо́льшей подробности усмотрите, что послѣ взятія Хотина, и оттѣсненія непріятеля, котораго лагеремъ мы завладѣли вмѣстѣ съ полевою артиллеріею, заключавшеюся въ 42-хъ пушкахъ и 6-ти мортирахъ, я съ арміею, которою имѣю честь командовать, двинулся далѣе въ Молдавію. 28-го и 29-го числа этого мѣсяца, переправясь черезъ Прутъ, я выстроилъ на берегу редутъ во имя св. Іоанна, и снабдилъ его гарнизономъ и достаточною артиллеріею. Мы прогнали господаря съ его милиціею и нѣсколькими сотнями турокъ, находившихся въ его столицѣ Яссы, и 3-го (14-го) числа этого мѣсяца овладѣли этимъ городомъ. Я приказалъ исправить укрѣпленія и оставилъ тамъ сильный гарнизонъ съ надлежащимъ количествомъ артиллеріи. Отступленіе господаря произошло такъ поспѣшно, что онъ оставилъ намъ всѣ свои бунчуки, свои два главныя знамена, бунчукъ турецкаго баши, находившагося при его особѣ, болѣе 30 другихъ знаменъ, какъ турецкихъ, такъ и молдавскихъ, свои литавры, полевые музы-

кальные инструменты, также какъ три пушки, двѣнадцать боченковъ съ порохомъ, магазинъ съ 1,500 бочками пшеницы и большое количество рису».

«Послѣ столь важнаго успѣха, содержаніе какъ письма вашей свѣтлости, такъ и журнала, не могу скрыть отъ васъ, крайне меня удивило и даже огорчило. Я увидѣлъ изъ него, что предположенное вторженіе корпуса в. с. въ непріятельскія земли не могло состояться, что поэтому со стороны Валахіи ничего не будетъ сдѣлано въ пользу нашей арміи, не взирая на данныя императоромъ торжественныя обѣщанія и на составленный, по соглашенію императора съ моею государынею, операціонный планъ».

«Я вижу изъ письма в. с., что эти обстоятельства, которыхъ вы не ожидали, для васъ столь же прискорбны, какъ и для меня. Изъ журнала вашего ясно усматривается, что въ императорской арміи все было въ хорошемъ состояніи до 13-го августа, также какъ и въ Бѣлградѣ, въ которомъ, по дошедшимъ до меня извѣстіямъ, находился довольно значительный гарнизонъ, способный еще долго противиться туркамъ и даже заставить ихъ снять осаду съ большою потерею, если бы рѣшились на сильную вылазку, которую поддержала бы имперская армія, славившаяся своею храбростью. У насъ здѣсь дѣйствительно надѣялись на такой конецъ, такъ какъ мы разбили непріятеля, заняли Хотинъ и взяли въ плѣнъ гарнизонъ съ командовавшимъ тамъ 3-хъ бунчужнымъ башею; сверхъ того, мы были уже готовы, не мѣшкая, идти къ Дунаю: всѣ эти извѣстія должны были умалить спесь стоявшихъ подъ Бѣлградомъ турокъ».

«Генералы имперской арміи очень хорошо знали, что русская армія благополучно переправилась черезъ Днѣстръ, и, отбивъ непріятеля въ дѣлѣ 22-го іюля, имѣла намѣреніе идти на него въ Хотинъ; имперской арміи слѣдовало, не торопясь, выждать исходъ предпріятія. Вмѣсто того, изъ заключенія журнала видно, что отъ г. фельдцейхмейстера Нейперга (побывавшаго уже въ турецкомъ лагерѣ) пришло извѣстіе, что прелиминарныя статьи мира уже 1-го числа сентября подписаны Портою. Между тѣмъ, какъ въ письмѣ в. с., такъ и въ приложенномъ къ нему журналѣ, совершенно умолчено объ условіяхъ, которыя постановлены этими статьями; что тѣмъ болѣе меня удивляетъ, что я не могу себѣ

вообразить, какъ можно было оказывать императрицѣ, моей государынѣ, такъ мало уваженія, что даже мнѣ не сообщены касающіяся ея пункты, тогда какъ я именно на нихъ долженъ основывать военныя операціи остальнаго времени похода. Другими путями извѣстился я, что помянутыя прелиминарныя статьи крайне невыгодны и противны какъ чести, такъ и пользамъ обоихъ императорскихъ дворовъ».

«Во 1-хъ, если Бѣлградская крѣпость должна быть срыта на счетъ и даже трудами имперской арміи, не есть-ли это самое противное чести этой арміи условіе?»

«Во 2-хъ, если вмѣсто того, чтобы удержать за собою эту крѣпость, а срыть Орсову, какъ это было условлено, первую уступаютъ туркамъ, а вторую оставляютъ въ ихъ рукахъ въ удовлетворительномъ состояніи, то не открываютъ-ли имъ этимъ, каждый разъ какъ Порта захотѣла бы нарушить миръ, путь для вторженія въ Банатъ, Трансильванію и другія наслѣдственныя области императора, откуда имъ весьма легко будетъ проникнуть и до Вѣны. Такое условіе можетъ только крайне повредить императору и цѣлой имперіи».

«Въ 3-хъ, если правда, что непріятелю уступаютъ сербское королевство въ то самое время, когда вѣрные союзники одерживаютъ вездѣ побѣды, то, по мнѣ, нѣтъ ничего противнѣе этого интересамъ обоихъ императорскихъ домовъ. Словомъ, не возможно заключать мира болѣе невыгоднаго, даже и въ томъ случаѣ, если бы непріятель взялъ Бѣлградъ и побилъ имперскую армію».

«Что же стало съ этимъ священнымъ союзомъ, долженствовавшимъ существовать между обоими дворами? Со стороны русскихъ берутъ крѣпости, со стороны имперцевъ срываютъ ихъ и уступаютъ непріятелю. Русскіе завоевываютъ княжества и провинціи, а имперцы отдаютъ непріятелю цѣлыя королевства. Русскіе доводятъ непріятеля до крайности, а имперцы уступаютъ ему все, чего онъ захочетъ и все, что можетъ льстить ему и умножить его спѣсь. Русскіе продолжаютъ войну, а имперцы заключаютъ перемиріе, а потомъ и миръ. Гдѣ же, спрашиваю я, этотъ неразрывный союзъ? Могу васъ увѣрить, в. с., что если бы армія императора дѣйствительно доведена была бы до крайности, то вѣнскій дворъ, при помощи императрицы, моей госу-

дарыни, могъ бы заключить миръ болѣе честный, чѣмъ тотъ, который состоялся теперь. Если оглянуться на прошедшее, то дѣломъ императрицы окажется слѣдующее:

«1) Она безъ чужой помощи окончила польскую войну противъ короля Станислава и польскихъ конфедератовъ; вопреки Швеціи и Франціи, которыя не скупились ни на деньги, ни на интриги, лишь бы водворить на престолъ Станислава, котораго мы, однако, свергли, посадивъ на его мѣсто курфирста саксонскаго Августа».

«2) Она отправила на Рейнъ, для присоединенія къ имперской арміи, вспомогательный пѣхотный корпусъ въ 10 тыс. человѣкъ; и, на случай надобности, готовъ былъ выступить туда еще другой корпусъ: движенія, не мало содѣйствовавшія послѣднему заключенному съ Франціею миру».

«3) Сначала она одна предприняла настоящій неизбѣжный походъ противъ турокъ, предоставляя императору на выборъ: или послать выговоренную помощь, или же принять участіе въ войнѣ».

«4) Ея армія взяла крѣпости Азовъ и Лютицъ; опустошила Кубань и покорила татаръ этой области».

«5) Завладѣла Перекопомъ, считавшимся до сихъ поръ неприступною крѣпостью, и дважды взяла въ плѣнъ турецкій гарнизонъ; захватила у турокъ многочисленную артиллерію; проникла до Козлова, Карасубазара, Бахчисарая и въ самое сердце Крыма; разорила и опустошила весь край, наконецъ, совершенно выжила ногайскихъ татаръ изъ обитаемой ими мѣстности между Крымомъ и Днѣпромъ, захвативъ у нихъ безчисленное количество скота и лошадей».

«6) Войсками императрицы взяты крѣпости Очаковъ и Кинбурнъ; а первая потомъ была защищена отъ турокъ, хотѣвшихъ отнять ее обратно. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ погибло отъ 40 до 50 тыс. человѣкъ непріятеля, и многочисленная артиллерія досталась намъ въ руки».

«7) Русскій флотъ въ продолженіе четырехъ походовъ продержалъ въ бездѣйствіи турецкій флотъ, командуемый капитаномъ-башею, который владѣлъ морями Азовскимъ и Чернымъ».

«8) Петербургскій дворъ цѣною огромныхъ суммъ уничтожилъ интриги Швеціи и Польши, которыя едва не разразились

опаснымъ заговоромъ. Наконецъ, войска императрицы разбили непріятеля, взяли городъ Хотинъ и совершенно покорили Молдавію».

«Для краткости, я не стану распространяться приведеніемъ всѣхъ другихъ дѣйствій, совершенныхъ въ пользу вѣнскаго двора; скажу только, что можно было смѣло довѣриться такой вѣрной, великой и счастливой союзницѣ, какова моя всемилостивѣйшая государыня, не прибѣгая, противъ всякаго ожиданія и безъ какой-либо грозящей опасности, къ постыдному и весьма вредному для обоихъ дворовъ миру. Впрочемъ, весь свѣтъ это знаетъ и сколько тому примѣровъ, что турки легко подвергаются паническому страху, и часто строптивость янычаръ заставляетъ ихъ бѣжать въ ту самую минуту, когда полагали ихъ во всей силѣ; того же самаго можно было надѣяться и въ Бѣлградѣ, еслибъ захотѣли энергически защищаться. У гарнизона было обезпечено отступленіе, а въ тылу находился сильно укрѣпленный замокъ. Не подвергаясь ни потерямъ, ни опасности, можно было отстаивать крѣпость до послѣдней крайности».

«Никогда не дадутъ вѣры благовидному предлогу, которымъ хотѣли насъ убѣдить, будто вѣнскому двору пришлось нести наибольшую тяжесть войны. Частный секретарь молдавскаго господаря, Александръ Дука, сообщилъ намъ подлинный списокъ турецкимъ войскамъ, которыя были обращены въ бѣгство при Ставучанѣ; изъ этого списка ясно видно, что дѣйствовавшая противъ насъ армія турокъ и татаръ, командуемая столькими башами, была гораздо многочисленнѣе бѣлградской. Русской арміи слѣдуетъ благодарность за то, что она не допустила турокъ проникнуть въ Трансильванію. Она же испытала, что татары, особенно ногайскіе, не въ примѣръ лучшіе воины, чѣмъ турецкая кавалерія и спаги, изъ которыхъ она состоитъ. Если къ этому числу непріятеля, состоявшаго изъ отборнаго войска, прибавить гарнизоны Бендеръ, Бѣлгорода и Еникале, и турецкій флотъ, насчитывавшій въ настоящемъ походѣ до 30 т. человѣкъ, то легко разсудить, противъ которой стороны непріятель былъ многочисленнѣе и опаснѣе во все время настоящей войны, и который изъ обоихъ союзниковъ испыталъ на себѣ наибольшую тягость ея. Снабжать двѣ большія арміи артиллеріею и провіантомъ во все время похода и провозить эти обозы на собственныхъ подводахъ по дорогѣ въ 200 лье, это такое бремя, котораго имперская

армія никогда не испытывала. Для нашей арміи понадобилось болѣе 200 т. лошадей, быковъ и верблюдовъ, которые къ концу похода уже неспособны служить въ слѣдующемъ».

«По этому-то моя государыня была вынуждена во все время кампаніи содержать на Дону и на Днѣпрѣ по флотиліи, для которыхъ работали каждый годъ 50 т. человѣкъ и лошадей. Но что всего болѣе утомляло наши войска, это необходимость, послѣ труднаго похода, образовать еще цѣпь на протяженіи 300 нѣмецкихъ миль вдоль границъ нашихъ, въ огражденіе ихъ отъ ежегодныхъ вторженій татаръ. Могу васъ увѣрить, в. с., что нѣтъ въ Европѣ арміи, кромѣ русской, которая въ состояніи была бы вынести такіе труды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вы согласитесь и весь свѣтъ согласится съ вами, что вся эта война должна была стоить ея императорскому величеству чрезвычайныхъ расходовъ, для пополненія которыхъ она не имѣла другихъ источниковъ, кромѣ своей собственной казны».

«Впрочемъ, я съ удовольствіемъ предоставляю имперцамъ честь, что противникомъ ихъ былъ самъ великій визирь. Онъ, конечно, не безъ причины оставался на берегахъ Дуная. Онъ не могъ проникнуть въ Кіевъ такъ легко, какъ въ Бѣлградъ и Орсову. По крайней мѣрѣ, мы значительно сократили бы ему дорогу, если-бъ онъ вздумалъ перемѣнить свой планъ и помѣряться съ нами».

«Намъ ненавистенъ позорный миръ. Турки вызывали насъ на подобное соглашеніе; они предлагали намъ выгодныя условія, но императрица, моя государыня, и слышать о томъ не хотѣла».

«Теперь между императоромъ и турками заключенъ миръ. Что же касается петербургскаго двора, то о немъ умалчивается, какъ въ письмѣ, такъ и въ журналѣ вашей свѣтлости. Мнѣ извѣстно, что французскому послу при Портѣ, маркизу де Вильнёву, дана опредѣленная инструкція о томъ, на какихъ основаніяхъ можетъ быть заключенъ миръ съ Портою. Если не захотятъ даровать намъ миръ на выгодныхъ условіяхъ и вознаградить насъ за Хотинъ и Молдавію, то я съ помощью Божьей буду продолжать враждебныя дѣйствія. Покорнѣйше прошу, в. с., сообщить мой отвѣтъ съ журналомъ г. фельдмаршалу графу Валлису. Имѣю честь быть...»

За нѣсколько дней до полученія извѣстія о мирѣ, графъ

Минихъ отрядилъ бригадира Фролова, командовавшаго донскими казаками, съ приказаніемъ, со всѣмъ подчиненнымъ ему войскомъ, отъ 4-хъ до 5-ти т. человѣкъ, пройти къ Дунаю и разорить на пути весь непріятельскій край. Фроловъ довольно благополучно совершилъ свой походъ до рѣки; когда же онъ намѣревался вернуться, ему дали знать, что большой корпусъ турокъ и татаръ идетъ на него, и что ему совершенно отрѣзали путь къ арміи фельдмаршала. Ему не оставалось другаго выбора, какъ уйти въ Трансильванію, пройти черезъ эту область и черезъ Польшу, а отсюда или къ арміи, или въ Россію, смотря по обстоятельствамъ. Зная о союзѣ дворовъ вѣнскаго и петербургскаго, онъ не сомнѣвался, что будетъ хорошо принятъ княземъ Лобковичемъ. Подойдя къ предѣламъ Трансильваніи, Фроловъ послалъ извѣстить князя о своемъ прибытіи и о томъ, что его къ тому понудило. Вмѣсто хорошаго пріема, ему сначала дѣлали большія затрудненія для впуска въ страну. Послѣ безконечнаго спора, рѣшились впустить его, но вмѣстѣ съ тѣмъ стали обходиться съ бригадиромъ и его отрядомъ, какъ съ плѣнными. Три гусарскіе полка и два кирасирскихъ окружили ихъ и такимъ образомъ проводили до Польши. На пути ихъ ничѣмъ не снабжали, они принуждены были платить за все наличными деньгами и по чрезмѣрной цѣнѣ. Имъ не позволяли пасти лошадей, ни высылать за фуражемъ; но всего хуже было то, что лишь только казакъ на сто шаговъ удалялся изъ рядовъ, какъ австрійскіе гусары немилосердно умерщвляли его, съ цѣлью поживиться казацкою лошадью и оружіемъ, такъ какъ казацкія лошади превосходны; ружья у нихъ нарѣзныя съ насѣчкою, а сабли ихъ отличной ковки. Такимъ образомъ, Фроловъ отъ рукъ милыхъ союзниковъ Россіи лишился 200 человѣкъ. Едва-ли онъ потерялъ такое число людей въ остальное время похода въ частыхъ стычкахъ съ непріятелемъ. Можно себѣ представить, что петербургскій дворъ сильно жаловался на эти поступки, но вмѣсто всякаго удовлетворенія изъ Вѣны отвѣчали только извиненіями.

Графъ Минихъ сдѣлалъ еще нѣсколько переходовъ къ Буджаку, но зная, что уже происходятъ переговоры о мирѣ между Портою и Россіею, а между тѣмъ и время года подходило холодное, онъ рѣшился размѣстить войска по квартирамъ въ Молдавіи, которой онъ никакъ не желалъ оставить, а по тому рас-

предѣленію по зимнимъ квартирамъ, которое онъ уже сдѣлалъ, одна часть арміи должна была стоять въ Польшѣ.

Мнѣ кажется, пора теперь сказать о стараніяхъ русскаго двора заключить миръ. Во-первыхъ, еще передъ походомъ дворъ уполномочилъ фельдмаршала заключить миръ, если представится къ тому благопріятный случай; въ вѣдомствѣ его находился даже кабинетный секретарь, на случай могущихъ начаться переговоровъ; а какъ петербургскій и вѣнскій дворы согласились на посредничество Франціи между ими и Портою, то императрица поручила также маркизу де-Вильневу вести переговоры о мирѣ, а совѣтника канцеляріи, г. Каніони, послала въ Константинополь для соблюденія ея интересовъ заодно съ маркизомъ; конечно, все дѣлалось отъ имени французскаго посла, но въ сущности только Каніони пользовался всѣмъ довѣріемъ двора и получилъ отъ него полномочіе на заключеніе мира. Каніони находился въ турецкомъ лагерѣ въ то время, когда Нейпергъ подписывалъ миръ отъ имени императора, и протестовалъ противъ всего совершеннаго; но напрасно, дѣло зашло уже слишкомъ далеко, прежде нежели ему дали знать о томъ. Наконецъ, ему надобно было соображаться съ тогдашними обстоятельствами; прелиминарныя условія между Россіею и Портою были подписаны около мѣсяца спустя послѣ подписанія мира между императоромъ и Портою.

Къ концу октября мѣсяца фельдмаршалъ получилъ повелѣніе прекратить враждебныя дѣйствія. Яссы были оставлены, а Хотинъ сданъ туркамъ въ томъ видѣ, въ какомъ русскіе взяли его. Условіемъ этого мира было постановлено тоже, что Азовъ останется за русскими; наружные верки положено было срыть, и оставить только городскія стѣны; но ни вводить въ городъ гарнизона, ни укрѣплять его. Русскимъ дозволено было также расширить свои границы на двадцать нѣмецкихъ миль въ степи и оставить за собою Самару, и т. д. Туркамъ не дозволялось укрѣпляться по сю сторону рѣки Кубани; но Очаковъ и Кинбурнъ оставались за ними, и они имѣли право укрѣплять ихъ. Плѣнные съ обѣихъ сторонъ были возвращены безъ выкупа.

Словомъ, выгода, извлеченная Россіею изъ этой войны, была ничтожна, въ сравненіи съ тѣми несмѣтными суммами, которыхъ

она стоила, и съ потерею тѣхъ 100 т. людей, которые выбыли изъ ея населенія.

Армія переправилась черезъ Днѣстръ и возвратилась въ Украйну. Хотинъ сданъ туркамъ не ранѣе ноября мѣсяца и въ эту пору присланъ былъ баша для принятія города отъ генерала Левендаля. Когда русскому войску надлежало переправиться черезъ Днѣстръ, шло уже много льду по этой рѣкѣ; не было возможности исправить поломанные мосты, такъ что переходъ становился крайне затруднительнымъ, особенно для обозовъ и артиллеріи. Такъ какъ русло этой рѣки представляетъ твердый грунтъ, то Левендаль приказалъ тащить пушки съ лафетами подо льдомъ, посредствомъ привязанныхъ къ нимъ толстыхъ канатовъ, которые доставали отъ одного берега до другаго, и, такимъ образомъ, посредствомъ воротовъ перетащили орудія.

Этотъ походъ, безспорно, самый славный и самый удачный изъ всѣхъ прочихъ, совершенныхъ русскими войсками въ продолженіе этой войны. Но не будь онъ таковъ, случись несчастіе и побей непріятель армію графа Миниха, Россія очутилась бы въ весьма плохомъ положеніи: вся армія погибла бы безвозвратно; кого не побили бы турки, того умертвили бы поляки, собравшіеся въ нѣсколько корпусовъ; они никогда не любили русскихъ, они желали имъ болѣе зла, нежели туркамъ и татарамъ, а если-бъ русскіе претерпѣли какую-нибудь значительную неудачу, они непремѣнно затѣяли бы войну.

Покуда армія проходила черезъ Польшу, въ лагерь къ ней только и приходили что депутаты — горько жаловаться на производимыя въ польской землѣ насилія. Какъ скоро же армія побила непріятеля и взяла Хотинъ, поляки заговорили иначе. Они посылали къ фельдмаршалу торжественныя депутаціи съ поздравленіями, объявляя себя искреннѣйшими друзьями и союзниками Россіи.

XIII.

Старанія Швеціи.—Убійство маіора Цинклера.—Свадьба принца Антона Ульриха съ принцессою Анною.—Великолѣпіе русскаго двора.—Обыденная жизнь императрицы.—Потѣшная свадьба.

1739—1740 гг.

Швеція тоже была недовольна петербургскимъ дворомъ, и уже нѣсколько лѣтъ поджидала благопріятнаго случая для нападенія. Уже во время послѣднихъ польскихъ смутъ, какъ было разсказано выше, нѣсколько шведскихъ офицеровъ получили дозволеніе ѣхать въ Данцигъ на службу къ королю Станиславу противъ русскихъ. Когда они, по взятіи города, попали въ плѣнъ, императрица приказала отправить ихъ въ Швецію, не скрывъ при этомъ своего неудовольствія. Въ 1735 г. между обоими дворами заключенъ новый союзный трактатъ, послѣ чего, казалось, все было улажено. Какъ скоро же русскіе объявили войну туркамъ, шведы встрепенулись, и во время собравшагося въ 1737, а еще болѣе въ 1738 г., шведскаго сейма, сдѣлали нѣкоторыя распоряженія, которыя потревожили петербургскій дворъ. Они отправили въ Константинополь оружіе и пушки;унасъ говорили о заключенномъ между Портою и Швеціею договорѣ; опасались нападенія на Финляндію во время пребыванія армій на Днѣстрѣ и въ Крыму, потому что шведы уже отправили 10 т. человѣкъ въ Финляндію и начали тамъ устроивать магазины, и пр. Это обстоятельство было отчасти поводомъ, что въ этомъ году армія фельдмаршала Ласи не приступала ни къ какимъ военнымъ дѣйствіямъ и стояла смирно на границѣ Украйны.

Когда фельдмаршалъ Минихъ перешелъ черезъ Днѣпръ, чтобы начать походъ, ему тоже велѣно отправить, не мѣшкая, въ Петербургъ, два кирасирскихъ и три пѣхотныхъ полка. Всѣ эти предосторожности оказались лишними. Швеція была такъ добра, что обождала еще два года до нападенія на Россію. Она дала ей время заключить миръ съ Портою и привести армію въ порядокъ. За то эта война, какъ увидимъ ниже, причинила ей только позоръ и невыгоду, а начни она ее въ 1738 г., Россія была бы въ большомъ затрудненіи. Стокгольмскій дворъ проводилъ время въ переговорахъ и безполезныхъ жалобахъ, тогда какъ петербургскій дѣятельно трудился для уничтоженія всѣхъ ихъ мѣръ.

Предосторожности русскаго министерства, принимаемыя противъ шведскихъ интригъ, доходили до самыхъ насильственныхъ мѣръ, и даже до смертоубійства на большой дорогѣ. Я говорилъ уже, что ходили слухи о заключенномъ между Швеціею и Портою договорѣ. Русскій министръ въ Стокгольмѣ, Бестужевъ, увѣдомилъ, что въ Константинополь посланъ маіоръ Цинклеръ (Zinckler) съ тѣмъ, чтобы доставить оттуда ратификаціи договора. Тотчасъ по полученіи о томъ извѣстія, графъ Минихъ, по приказанію кабинета, послалъ офицеровъ съ нѣсколькими унтеръ-офицерами въ Польшу, гдѣ они должны были разсѣяться по разнымъ мѣстамъ, захватить Цинклера на возвратномъ пути его изъ Константинополя, отнять у него всѣ бумаги и депеши, и даже убить его, въ случаѣ сопротивленія. Офицеры не могли быть сами вездѣ, поручили жидамъ и нѣсколькимъ бѣднымъ шляхтичамъ извѣстить, когда проѣдетъ Цинклеръ. Такимъ образомъ, прежде нежели онъ ступилъ ногою въ Польшу, тайна обнаружилась. Хотинскій губернаторъ предупредилъ его, чтобъ онъ остерегался, что за нимъ слѣдили многіе русскіе офицеры, особенно же въ Лембергѣ, или Львовѣ, черезъ который онъ долженъ проѣхать. Цинклеръ поѣхалъ по другой дорогѣ; хотинскій баша далъ ему конвой, который проводилъ его до Броды, къ великому гетману польскому. Гетманъ далъ ему другой конвой, проводившій его до Силезіи; здѣсь Цинклеръ считалъ себя въ безопасности. Когда же онъ принужденъ былъ на нѣсколько дней остановиться въ Бреславлѣ, русскіе офицеры, узнавъ черезъ шпіоновъ какою дорогою онъ поѣхалъ, погнались за нимъ и догнали, въ одной мили отъ Нейштеделя. Они остановили его, отняли оружіе, и, проводивъ его нѣсколько миль далѣе, убили его въ лѣсу. Послѣ этого подвига, они обобрали его вещи и бумаги. Однако, въ бумагахъ не оказалось ничего важнаго. Русскій дворъ, осмотрѣлъ ихъ и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, отправилъ по почтѣ въ Гамбургъ, откуда ихъ переслали въ Швецію. Императрица отреклась отъ этого ужаснаго дѣла, торжественно увѣряя, что она ничего объ этомъ не знала. Ея министры представили всѣмъ дворамъ записки, которыми старались отклонить въ этомъ отношеніи всякое подозрѣніе отъ русскаго двора. А чтобы сами убійцы не проговорились, то ихъ всѣхъ арестовали и послали въ Сибирь, гдѣ они нѣсколько лѣтъ провели въ острогѣ. Импе-

ратрица Елисавета, вступивъ на престолъ, приказала ихъ выпустить и приписать къ гарнизоннымъ полкамъ, далеко во внутренность Россіи. Офицеры эти были: капитанъ Кутлеръ, уроженецъ Силезіи, поручики: Лесавецкій и Веселовскій, оба русскіе подданные. Каждому изъ нихъ даны въ помощники по два унтеръ-офицера. Первые два совершили убійство, а третій оставался въ Польшѣ; тѣмъ не менѣе, съ нимъ поступили какъ съ прочими.

Это вѣрно, что императрица не знала о распоряженіи, сдѣланномъ относительно Цинклера, и что бо̀льшую часть происшедшаго отъ нея скрыли, даже по учиненіи убійства. Всѣмъ дѣломъ распорядились герцогъ курляндскій, графъ Остерманъ и фельдмаршалъ Минихъ.

Въ заключеніе того, что касается этой войны съ турками и военныхъ операцій, я выпишу здѣсь письмо, съ которымъ графъ Минихъ обратился къ герцогу курляндскому спустя нѣкоторое время послѣ взятія Хотина; оно переведено съ нѣмецкаго подлинника.

Письмо графа Миниха къ герцогу курляндскому, отъ 29-го августа (10 сентября) 1739 г.

«Ваша свѣтлость! Надобно признаться, что Богъ истинно благословляетъ всѣ предпріятія Е. И. В-ва нашей всемилостивѣйшей государыни. Рѣка Прутъ, принесшая нѣкогда несчастіе Россіи, теперь намъ благопріятствуетъ и послужитъ основаніемъ къ твердому и счастливому миру.

«Каково, напримѣръ: собрать въ Кіевѣ армію съ Дона и Донца, съ Украинской линіи и изъ другихъ провинцій, отдаленныхъ отъ Днѣстра, переправить ее черезъ Днѣпръ весною въ то время, когда воды этой рѣки болѣе противъ обыкновеннаго поднялись, вышли изъ береговъ и залили окрестность почти на нѣмецкую милю; идти изъ предѣловъ Россіи, черезъ Польшу въ Молдавію, не взявъ съ собою ни провіанта, ни обоза; переправиться черезъ Бугъ и Днѣстръ, пройти чернанскіе или прекопскіе дефилеи въ виду непріятеля, не испытавъ ни малѣйшей неудачи; захватить за Прутомъ, за Молдавіей, чуть-ли не за самымъ тыломъ непріятеля, нѣсколько тысячъ лошадей, рогатаго скота и барановъ, снабдивъ такимъ образомъ армію, на счетъ непріятеля,

какъ средствами къ перевозкѣ, такъ и жизненными припасами, безъ потери людей; отбить съ чувствительною потерею всѣ нападенія турокъ и татаръ; гнать изъ одного выгодно расположеннаго лагеря въ другой знаменитаго Калчакъ-башу со всѣми татарскими ордами, липканами и всѣми этими храбрецами, которые не принимаютъ и не даютъ пощады; наконецъ, атаковать сераскира Вели-пашу въ прочно окопанномъ лагерѣ съ 90 тысячнымъ войскомъ, котораго часть была выслана имъ съ тѣмъ, чтобъ отвсюду насъ окружить; разбить его, захватить весь лагерь его, съ палатками, обозомъ, съ 6-ю мортирами и 42 чугунными пушками, со всѣми боевыми припасами, потерявъ при этомъ только 70 человѣкъ убитыми и ранеными; взять важную крѣпость Хотинъ, снабженную 157 пушками, 22 мортирами и всѣми необходимыми боевыми и жизненными припасами; плѣнить тамъ башу и весь гарнизонъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла; преслѣдовать бѣгущаго непріятеля до Прута, перейти съ арміею рѣку, настроить по берегамъ укрѣпленія, и такимъ образомъ завладѣть непріятельскою землею; заставить молдавскаго господаря бѣжать изъ своей столицы и изъ княжества за Дунай; собирать контрибуцію и провіантъ въ непріятельской землѣ, и при этомъ видѣть армію почти безъ больныхъ, въ избыткѣ и въ наилучшемъ состояніи: все это можетъ совершиться только тамъ, гдѣ видѣнъ перстъ Божій, ведущій все къ благой цѣли».

«Большая часть всѣхъ этихъ событій такого рода, что тотъ, кто не былъ очевидцемъ, не повѣритъ нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Въ особенности тотъ случай, когда яростное нападеніе янычаръ мы встрѣтили такимъ сильнымъ огнемъ, что они не могли дѣйствовать ни ружьями, ни саблями; что имъ еще менѣе удалось прорваться въ наши ряды; что паника непріятеля до того была сильна, что многіе побросались въ Прутъ, уже спустя три дни послѣ дѣла, а большая часть бѣжала до Дуная, не оглядываясь. Съ другой стороны, никакая армія не выказываетъ столько охоты драться, какъ наша».

«Каждый день я принимаю торжественныя депутаціи и получаю письма изъ Польши съ поздравленіями, и нѣтъ сомнѣнія, что съ помощью Божью походъ окончится къ славѣ нашей», и пр.

Сказавъ все, что случилось замѣчательнаго въ этомъ году относительно арміи, я отмѣчу, что случилось наиболѣе важнаго при дворѣ.

Несмотря на заботы по кровопролитной войнѣ, императрица рѣшилась наконецъ заключить давно задуманный бракъ ея племянницы, принцессы Анны Мекленбургской, съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ Брауншвейгскимъ, который жилъ при дворѣ съ 1733 года.

Преемникъ министра вѣнскаго двора графа Остейна, маркизъ де-Ботта, принялъ званіе посла, и въ публичной аудіенціи, отъ имени императора, просилъ руки принцессы Анны для принца Антона Ульриха, племянника римской императрицы. Спустя нѣсколько дней послѣ этой аудіенціи, 14-го іюля, происходила свадьба со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Болѣе года работали надъ экипажами и платьями, которые должны были появиться на этой церемоніи. Вѣнчалъ архіепископъ новогородскій въ Казанскомъ соборѣ, и сказалъ по этому случаю прекрасное слово, которое было напечатано. Когда императрица Елисавета вступила на престолъ, эта рѣчь была запрещена, потому что въ ней были черты, которыя Елисаветѣ не полюбились.

Въ день этой церемоніи никто не воображалъ, что союзъ обоихъ высочествъ будетъ нѣкогда причиною несчастія, какъ ихъ самихъ, такъ и многихъ другихъ честныхъ людей. Всѣ смотрѣли на принцессу Анну, какъ на вѣроятную наслѣдницу престола. Я даже полагаю, что это и не миновало бы ея, еслибъ не воспротивился тому герцогъ курляндскій. Я скажу объ этомъ подробнѣе, когда коснусь болѣзни и смерти императрицы Анны.

По поводу этой свадьбы, я скажу нѣсколько словъ о роскоши двора и объ обыденномъ образѣ жизни императрицы.

Говоря о герцогѣ курляндскомъ, я сказалъ, что онъ былъ большой охотникъ до роскоши и великолѣпія; этого было довольно, чтобы внушить императрицѣ желаніе сдѣлать свой дворъ самымъ блестящимъ въ Европѣ. Употреблены были на это большія суммы денегъ, но все-таки желаніе императрицы не скоро исполнилось. Часто, при богатѣйшемъ кафтанѣ, парикъ бывалъ прегадко вычесанъ; прекрасную штофную матерію неискусный портной портилъ дурнымъ покроемъ; или, если туалетъ былъ безукоризненъ,

то экипажъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ: господинъ въ богатомъ костюмѣ ѣхалъ въ дрянной каретѣ, которую тащили одры.

Тотъ же вкусъ господствовалъ въ убранствѣ и чистотѣ русскихъ домовъ: съ одной стороны обиліе золота и серебра, съ другой страшная нечистоплотность. Женскіе наряды соотвѣтствовали мужскимъ; на одинъ изящный женскій туалетъ, встрѣчаешь десять безобразно одѣтыхъ женщинъ. Впрочемъ, вообще женскій полъ Россіи хорошо сложенъ; есть прекрасныя лица, но мало тонкихъ талій.

Это несоотвѣтствіе одного съ другимъ было почти общее; мало было домовъ, особенно въ первые годы, которые составляли бы исключеніе; мало по малу стали подражать тѣмъ, у которыхъ было болѣе вкуса. Даже дворъ и Биронъ не сразу успѣли привести все въ тотъ порядокъ, ту правильность, которую видишь въ другихъ странахъ; на это понадобились годы; но должно признаться, что наконецъ все было очень хорошо устроено.

Роскошь была уже преувеличенная и стоила двору огромныхъ денегъ. Не вѣроятно, сколько чрезъ это ушло денегъ за границу. Придворный который опредѣлялъ въ годъ только по двѣ или по три тысячи рублей на свой гардеробъ, т. е. 10 или 15 тыс. франковъ, не могъ похвастать щегольствомъ. Здѣсь кстати было повторить замѣчаніе, сдѣланное однимъ саксонцемъ покойному Августу II, королю польскому: что слѣдовало бы расширить городскія ворота для впуска дворянъ, напялившихъ на себя цѣлыя деревни, потому что всѣ особы, имѣвшія честь служить при дворѣ, разстроивали свое состояніе на наряды; жалованьемъ нельзя было покрывать эти расходы, оно было недостаточно. Довольно было торговцу модъ прожить въ Петербургѣ два года, чтобы составить себѣ состояніе, хотя бы сначала весь его товаръ былъ бы взятъ на кредитъ.

Обыденная жизнь императрицы была очень правильная. Она всегда была на ногахъ еще до 8-ми часовъ. Въ 9, она начинала заниматься съ своимъ секретаремъ и съ министрами; обѣдала въ полдень, у себя въ комнатахъ, только съ семействомъ Биронъ. Только въ большіе торжественные дни она кушала въ публикѣ; когда это случалось, она садилась на тронъ подъ балдахиномъ, имѣя около себя обѣихъ царевенъ, Елисавету, нынѣ императрицу, и Анну Мекленбургскую. Въ такихъ случаяхъ ей

прислуживалъ оберъ-камергеръ. Обыкновенно въ той же залѣ накрывался большой столъ для первыхъ чиновъ имперіи, для придворныхъ дамъ, духовенства и иностраннаго посольства.

Въ послѣдніе годы, императрица не кушала въ публикѣ, и иностранные послы не были угощаемы при дворѣ. Въ большіе праздники имъ давалъ обѣдъ графъ Остерманъ.

Лѣтомъ императрица любила гулять пѣшкомъ; зимою же упражнялась на билліардѣ. Слегка поужинавъ, она постоянно ложилась спать въ 12-мъ часу.

Большую часть лѣта дворъ проводилъ въ загородномъ дворцѣ, выстроенномъ Петромъ I-мъ, въ 7 лье отъ Петербурга, и названномъ Петергофомъ. Мѣстность этого дворца самая прелестная, на берегу моря: слѣва видѣнъ Кронштадтъ и весь флотъ, напротивъ берега Финляндіи, а на право видъ на Петербургъ. При дворцѣ большой садъ съ великолѣпными фонтанами; собственно строеніе не важное, комнаты малы и низки.

Остальное лѣто императрица проводила въ лѣтнемъ дворцѣ, въ Петербургѣ; домъ довольно плохой постройки на берегу Невы, при немъ большой садъ, изрядно содержанный. Принцесса Анна начала-было строить новый домъ (старый пришелъ уже въ ветхость), но она не успѣла его кончить. Нынѣ царствующая императрица уже достроила его.

При дворѣ играли въ большую игру, которая многихъ обогатила въ Россіи, но въ тоже время многихъ и разорила. Я видѣлъ, какъ проигрывали до 20 тыс. рублей въ одинъ присѣстъ за квинтичемъ или за банкомъ. Императрица не была охотница до игры: если она играла, то не иначе, какъ съ цѣлью проиграть. Она тогда держала банкъ, но только тому позволялось понтировать, кого она называла; выигравшій тотчасъ же получалъ деньги, но такъ какъ игра происходила на марки, то императрица никогда не брала денегъ отъ тѣхъ, кто ей проигрывалъ.

Она любила театръ и музыку, и выписала то и другое изъ Италіи. Итальянская и нѣмецкая комедія чрезвычайно нравились. Въ 1736 г. поставлена первая опера въ Петербургѣ; она была очень хорошо исполнена, но не такъ понравилась, какъ комедія и итальянское интермеццо.

При Петрѣ I-мъ, такъ какъ и въ слѣдующія царствованія, при дворѣ сильно пили; не то было при Аннѣ. Она видѣть не

могла пьянаго человѣка. Одному князю Куракину дозволено было пить вволю; но чтобы вообще не совсѣмъ потеряли привычку пить, то 29-го января (ст. стиля), день возшествія на престолъ императрицы, было положено праздновать Бахусу; на этой церемоніи каждый гость обязанъ былъ выпить по большому кубку венгерскаго вина, ставъ на одно колѣно передъ ея величествомъ.

Я припоминаю тутъ другую оригинальную церемонію. Наканунѣ большихъ праздниковъ придворныя особы и гвардейскіе офицеры имѣли честь поздравлять императрицу и цѣловать ей руку, а ея величество подносила каждому изъ нихъ на большой тарелкѣ по рюмкѣ вина.

Къ концу 1739 г. императрица дала потѣшный праздникъ. Поводомъ послужилъ князь Голицынъ. Несмотря на его сорокъ лѣтъ, ни на то, что у него сынъ служилъ въ арміи поручикомъ, его въ одно время произвели въ пажи и въ придворные шуты, въ наказаніе за перемѣну религіи. Такъ какъ онъ былъ вдовъ, то императрица объявила ему, что онъ долженъ вторично жениться: она уже возьметъ на себя свадебные расходы. Шутъ согласился на предложеніе, выбралъ дѣвушку простаго званія и требовалъ отъ императрицы исполненія обѣщанія. Желая, по случаю этой потѣшной свадьбы, показать сколько различныхъ народовъ обитаютъ въ ея обширныхъ владѣніяхъ, императрица предписала всѣмъ губернаторамъ выслать въ Петербургъ по нѣскольку инородцевъ обоего пола. Когда они пріѣхали, ихъ одѣли за̀ново на счетъ двора, каждаго въ его народный костюмъ. Кабинетъ-министру Волынскому поручено распорядиться свадьбою. Для празднованія ея выбрали зимнее время, а для пущей оригинальности, императрица приказала выстроить домъ изъ одного льду. Въ этомъ домѣ были двѣ комнаты; вся утварь въ нихъ, даже брачная кровать, была сдѣлана изо льду. Передъ домомъ поставлены четыре маленькія пушки и двѣ мортиры изо льду же. Изъ пушекъ сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ при зарядѣ въ полуунцію пороху, и онѣ не треснули; метали изъ мортиръ маленькія деревянныя гранаты: онѣ тоже оставались цѣлы.

Въ день свадьбы, всѣ участвовавшіе въ церемоніи собрались на дворѣ дома Волынскаго, распорядителя праздника; отсюда процессія прошла мимо императорскаго дворца и по главнымъ улицамъ города. Поѣздъ былъ очень великъ, состоя изъ 300 че-

ловѣкъ съ лишнимъ. Новобрачные сидѣли въ большой клѣткѣ, прикрѣпленной къ спинѣ слона; гости парами ѣхали въ саняхъ, въ которыя были запряжены разныя животныя: олени, собаки, волы, козлы, свиньи и т. д. Нѣкоторые ѣхали верхомъ на верблюдахъ. Когда поѣздъ объѣхалъ все назначенное пространство, людей повели въ манежъ герцога курляндскаго. Тамъ, по этому случаю, полъ былъ выложенъ досками и разставлено нѣсколько обѣденныхъ столовъ. Каждому инородцу подавали его національное кушанье. Послѣ обѣда открыли балъ, на которомъ также всякій танцовалъ подъ свою музыку и свой народный танецъ. Послѣ обѣда новобрачныхъ повезли въ ледяной домъ и положили въ самую холодную постель. Къ дверямъ дома приставленъ караулъ, который долженъ былъ не выпускать молодыхъ ранѣе утра.

Послѣ этихъ придворныхъ подробностей, перехожу къ общимъ дѣламъ.

XIV.

Пріѣздъ маркиза де-ла-Шетарди въ Петербургъ.—Мѣры, принятыя по заключеніи мира.—Посольство графа Огинскаго.—Генералъ Кейтъ назначенъ губернаторомъ въ Украйну.—Казармы, или слободы, для помѣщенія войска.—Волынскій арестованъ и казненъ.—Ссоры съ Швеціею.—Поѣздки фельдмаршала Миниха въ Кронштадтъ, Выборгъ и другіе города.

1740 г.

Послѣ заключенія мира между Россіею и Портою чрезъ посредничество Франціи, его христіанское величество отправилъ къ петербургскому двору, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, маркиза де-ла-Шетарди. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ январѣ мѣсяцѣ. Со стороны Россіи, къ версальскому двору былъ посланъ, въ томъ же дипломатическомъ званіи, князь Кантеміръ, бывшій нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Англіи. Въ послѣдствіи мы увидимъ, какую великую роль игралъ въ Россіи де-ла-Шетарди въ двухъ различныхъ случаяхъ.

Миръ былъ ратификованъ въ Константинополѣ въ январѣ мѣсяцѣ, а въ началѣ февраля, совѣтникъ миссіи, г. Неплюевъ, сынъ министра, ѣздившаго на конгрессъ въ Немировъ, привезъ ратификацію въ Петербургъ. Императрица лишь только ее получила, разослала курьеровъ къ фельдмаршаламъ Миниху и Ласи съ приглашеніемъ пріѣхать ко двору. Они прибыли 24-го февраля, а 26-го миръ былъ торжественно объявленъ. По этому случаю происходили большія празднества, а въ арміи значительныя произ-

водства. Графу Миниху дано званіе подполковника гвардіи Преображенскаго полка, постъ, на который онъ давно мѣтилъ, но долго не получалъ. Но прошло немного времени, какъ онъ, вѣроятно, заставилъ герцога курляндскаго горько раскаиваться въ доставленіи ему этого званія, потому что безъ него ему трудно бы было арестовать Бирона такъ, какъ онъ это исполнилъ. Принцу Антону Ульриху тоже дано званіе подполковника гвардіи Семеновскаго полка и генералъ-поручика арміи. Не стану приводить другіе примѣры производства, ни награды, которыми императрица надѣлила министровъ и генераловъ; довольно сказать, что все это было сдѣлано въ чрезвычайныхъ размѣрахъ. Герцогъ курляндскій одинъ уже получилъ 500 тыс. руб. чистыми деньгами.

Въ продолженіе войны дворъ увеличилъ число генераловъ въ арміи, такъ что оно значительно превосходило назначенное по военному уставу Петра I-го. По заключеніи мира, рѣшились мало по малу сбавлять лишній комплектъ. Многіе русскіе старые генералы, желавшіе отдыха, получили увольненіе; другихъ приставили къ гражданскимъ дѣламъ.

Императрица еще больше сдѣлала. Вышелъ указъ, которымъ каждому дворянину, прослужившему 20 лѣтъ и бывшему въ походахъ, дозволялось просить увольненія. Едва успѣли указъ этотъ публиковать, какъ поступило множество прошеній. Половинное число офицеровъ подали просьбу объ отставкѣ, увѣряя, что они прослужили болѣе 20 лѣтъ. Встрѣчались молодые люди, едва перешедшіе за 30-ти-лѣтній возрастъ, которые требовали увольненія; дѣло въ томъ, что, бывъ записаны въ какой-нибудь полкъ на 10-мъ или 12-мъ году отъ рожденія, они съ этого времени и службу свою считали. У многихъ офицеровъ не было гроша за душою, и все-таки они предпочитали военной службѣ жизнь въ деревнѣ и обработку полей собственными руками. Такой оборотъ дѣла заставилъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, отмѣнить указъ. Мысль была подана графомъ Минихомъ. А когда указъ отмѣнили, то князь Трубецкой (въ то время уже бывшій генералъ-прокуроромъ въ сенатѣ), тотъ самый, котораго фельдмаршалъ вывелъ изъ ничтожества и поддерживалъ вопреки всѣмъ, несмотря на дурное исполненіе имъ приказаній Миниха во время двухъ походовъ, въ благодарность за эти благодѣянія, навлекъ на своего бывшаго покровителя большія непріятности, подвергнувъ его

чувствительнымъ выговорамъ со стороны кабинета за предложеніе указа, который въ сущности клонился только къ пользѣ государства.

Польская республика, съ завистью смотрѣвшая на успѣхи русскихъ въ войнѣ съ турками и злившаяся на то, что въ послѣдніе два года армія проходила черезъ ея владѣнія, отправила въ Петербургъ графа Огинскаго, въ качествѣ посла, съ жалобами на насилія, произведенныя русскими войсками на походѣ, и съ требованіемъ за нихъ вознагражденія. Претензіи поляковъ были чрезмѣрны. Императрица назначила коммисаровъ, которые на мѣстѣ изслѣдовали поврежденія, но не придали имъ большой важности; однако жалобы не прекращались, покуда императрица не уплатила нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Я сказалъ, что въ 1738 г. въ Польшѣ оставлены были нѣсколько бомбъ, ядеръ и другихъ боевыхъ снарядовъ съ повозками, принадлежащими артиллеріи. Императрица предложила этими предметами заплатить часть требуемаго отъ нея, но республика не соглашалась на этотъ замѣнъ. Но какъ перевозка ихъ въ Украйну обошлась бы дороже самыхъ предметовъ, императрица оставляла ихъ въ даръ республикѣ; но и на это послѣдовалъ отказъ. Наконецъ, какъ ни разсуждали поляки, рѣшено было бросить эти остатки на произволъ всякаго, кто захотѣлъ бы ими воспользоваться.

Послѣ смерти князя Барятинскаго, управлявшаго Украйною, опредѣленъ былъ на его мѣсто генералъ Румянцевъ. Теперь же послѣдняго назначили посломъ въ Константинополь. Искали замѣнить его честнымъ и безкорыстнымъ человѣкомъ по той причинѣ, что Украйна чрезвычайно пострадала во все время войны съ турками; она четыре года сряду давала зимнія квартиры всѣмъ русскимъ войскамъ, и все время одна снабжала армію подводами для походныхъ обозовъ. Все это привело ее въ жалостное положеніе: не только губернаторы, но даже второстепенные чиновники грабили и разоряли народъ. Дворъ рѣшился положить конецъ всѣмъ этимъ притѣсненіямъ, и вывести изъ разоренія

одну изъ прекраснѣйшихъ областей своей обширной имперіи. Избранъ былъ въ губернаторы генералъ Кейтъ, возвращавшійся изъ Франціи, гдѣ онъ лечился отъ ранъ. Ему велѣно было ѣхать въ Глуховъ, въ качествѣ губернатора. Онъ пробылъ тутъ не болѣе года, но и въ это короткое время онъ покончилъ больше дѣлъ, нежели предшественники его въ теченіе десяти лѣтъ. Украйна отдохнула при его кроткомъ управленіи и при введенномъ имъ во всѣхъ частяхъ порядкѣ. Онъ началъ-было вводить между казаками нѣкотораго роду дисциплину, до этого имъ чуждую, но не успѣлъ привести это дѣло къ концу. Его вызвали изъ Украйны по случаю открывавшейся войны со Швеціею. При выѣздѣ его изъ Глухова, весь народъ жалѣлъ его, говоря, что не слѣдовало бы двору назначать имъ этого губернатора, при которомъ они увидѣли всю разницу между нимъ и его предшественниками, а ужъ если разъ дали его, то надобно было его и оставить. Теперь преемники его будутъ для нихъ тѣмъ болѣе нестерпимы, потому что они, украинцы, уже вкусили сладость кроткаго управленія.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, императрица одобрила проектъ, который въ послѣдствіи сослужилъ недобрую услугу принцессѣ Аннѣ. То была постройка въ окрестностяхъ Петербурга казармъ, или скорѣе слободъ, для пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ, до сихъ поръ размѣщавшихся по домамъ обывателей. Отведены были мѣста, и полки такъ усердно принялись за постройку, что на слѣдующій годъ они уже могли занять новые дома. Такъ какъ въ такой казармѣ полкъ былъ весь собранъ въ одномъ мѣстѣ, а офицеры, по милости дурной дисциплины, не были обязаны жить тутъ всѣ въ одно время, то этотъ порядокъ значительно облегчилъ предпринятую царевною Елисаветою революцію, окончившуюся для нея такъ удачно.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, по приказанію двора, арестованы: кабинетъ-министръ Волынскій, президентъ коммерцъ-коллегіи графъ Мусинъ-Пушкинъ, тайный совѣтникъ Хрущовъ, главноуправляющій надъ строеніями Еропкинъ, тайный секретарь ка-

бинета Эйхлеръ и еще другой секретарь, по имени Зуда. Волынскаго обвиняли въ разныхъ государственныхъ преступленіяхъ, но величайшее изъ нихъ было то, что онъ имѣлъ несчастіе не понравиться герцогу курляндскому. Во время наступившей нѣкоторой холодности между императрицею и ея любимцемъ, Волынскій подалъ государынѣ бумагу, въ которой взводилъ разныя обвиненія на герцога курляндскаго и на другія близкія къ императрицѣ лица. Онъ старался выставить герцога въ подозрительномъ свѣтѣ, и склонялъ императрицу удалить его. Когда государыня помирилась съ Бирономъ, она настолько была слаба, что передала ему бумагу Волынскаго, содержавшую въ себѣ, впрочемъ, много правды. Прочитавъ ее, герцогъ рѣшилъ погубить своего противника. Волынскій имѣлъ характеръ гордый и надменный, часто былъ неостороженъ въ рѣчахъ и даже въ поступкахъ; поэтому скоро представился случай, котораго искали.

Его судили; нашли, что онъ часто слишкомъ вольно и непочтительно отзывался объ императрицѣ и ея любимцѣ, и приговорили къ отсѣченію сперва руки, потомъ и головы. Приговоръ былъ исполненъ. Тайному совѣтнику Хрущову и Еропкину отсѣкли головы за то, что они были его друзья и довѣренныя лица; Мусину-Пушкину отрѣзали языкъ; Эйхлера и Зуду высѣкли кнутомъ и сослали въ Сибирь. Все имущество этихъ несчастныхъ конфисковано и роздано другимъ, у которыхъ оно тоже не долго оставалось. Такимъ-то образомъ въ Россіи не только деньги, но даже земли, дома и всякое добро переходятъ изъ рукъ въ руки еще быстрѣе, нежели въ какой-либо другой странѣ въ Европѣ. Я знаю помѣстья, которыя въ продолженіе двухъ лѣтъ имѣли трехъ владѣльцевъ поочереди.

Волынскій былъ уменъ, но и чрезмѣрно честолюбивъ; гордый, тщеславный, неосторожный, онъ былъ склоненъ къ интригѣ, и всю жизнь свою слылъ за неугомоннаго человѣка. Несмотря на эти недостатки, которыхъ онъ не умѣлъ даже скрывать, онъ достигъ высшихъ должностей въ государствѣ. Онъ началъ съ военной службы, въ которой дослужился до генералъ-маіора. Отка-

завшись отъ военныхъ занятій, онъ занялся гражданскими дѣлами. Еще при Петрѣ I-мъ его посылали въ Персію въ качествѣ министра. Онъ былъ вторымъ уполномоченнымъ на немировскомъ конгрессѣ; а спустя два года по смерти графа Ягужинскаго, умершаго къ концу 1736 г., Волынскій получилъ его должность кабинетъ-министра. Но здѣсь онъ не могъ долго удержаться, не разсорившись съ графомъ Остерманомъ, который въ своихъ сослуживцахъ терпѣть не могъ ума. Навлекши на себя еще гнѣвъ герцога курляндскаго, онъ не могъ кончить иначе, какъ несчастливо.

Графъ Бестужевъ, который, какъ увидимъ, игралъ главнѣйшую роль въ Россіи, замѣнилъ Волынскаго въ должности кабинетъ-министра. Онъ былъ пріятелемъ Бирона, а такъ какъ Бирону непремѣнно нужно было въ кабинетѣ такое лицо, которое было бы вполнѣ предано его интересамъ, то онъ и предпочелъ Бестужева всѣмъ, кто бы могъ имѣть право на это мѣсто.

Между петербургскимъ и шведскимъ дворами продолжались мелкія ссоры. Россія не была довольна союзомъ Швеціи съ Портою, и запретила вывозъ хлѣба изъ лифляндскихъ портовъ. А въ Швеціи убійство Цинклера продолжало волновать умы. Стокгольмская чернь подняла бунтъ, и пыталась уже разграбить домъ русскаго министра, но дѣло ограничилось разбитіемъ нѣсколькихъ оконъ. Народъ кричалъ, что дѣйствуетъ по внушенію души Цинклера.

На шведскомъ сеймѣ споры не прекращались. Это собраніе раздѣлялось на двѣ партіи: одна называлась шляпами и состояла почти изъ всего дворянства, офицеровъ арміи и нѣсколькихъ сенаторовъ,—эта партія требовала войны. Другая, съ королемъ во главѣ, состояла изъ лицъ извѣстныхъ лѣтъ, знакомыхъ съ силами Россіи; она желала, чтобы миръ продолжался; ее прозвали колпаками. Обѣ партіи были крайне раздражены другъ противъ друга. Графъ Бестужевъ, братъ кабинетъ-министра, нашелъ довольно людей, которые сообщали ему всѣ самыя секретныя рѣшенія. Всѣ эти свѣдѣнія онъ передалъ своему двору, кото-

рый сдѣлалъ необходимыя распоряженія для начатія войны, въ случаѣ нужды.

Шведскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ, г. Нолькенъ, много содѣйствовалъ тому, что въ партіи шляпъ увеличилось желаніе начать войну,—тѣмъ, что въ своихъ донесеніяхъ указывалъ на совершенное растройство арміи послѣ турецкихъ походовъ; онъ извѣщалъ также, что полки составлены изъ одних молодыхъ людей, которые едва умѣютъ обращаться съ своимъ оружіемъ, и что во многихъ полкахъ не доставало одной трети до комплекта [1]).

Однако эти сообщенія были совершенно лживы. За исключеніемъ полковъ, вернувшихся изъ Очакова, гдѣ они содержали гарнизонъ, русская армія была въ полномъ комплектѣ, и едва-ли не въ лучшемъ порядкѣ, нежели до войны; а полки, составлявшіе армію фельдмаршала Ласи, очень мало потерпѣли.

Весь этотъ годъ прошелъ въ переговорахъ. Французскій король предлагалъ себя въ посредники и желалъ примирить Швецію съ Россіей; но враждебное чувство шведовъ не могло быть успокоено; они хотѣли войны, а между тѣмъ не дѣлали никакихъ надлежащихъ приготовленій. Наканунѣ разрыва съ такою могущественною державою, какова Россія, шведы располагали въ Финляндіи только весьма малочисленнымъ войскомъ, такъ какъ они вызвали обратно то, которое выслали-было туда въ 1738 г., а въ складахъ этой провинціи находилось только ничтожное количество провіанта. Поступая совершенно иначе, Россія приняла всѣ необходимыя мѣры для доброй встрѣчи шведовъ, въ случаѣ ихъ нападенія. Выборгскій гарнизонъ увеличили нѣсколькими полками, магазины наполнили, и занялись приведеніемъ флота въ надежное состояніе.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, фельдмаршалъ Минихъ, въ сопровожденіи наслѣднаго курляндскаго принца, отправился въ Кронштадтъ для

---

[1]) Шведскій сенатъ обвиняли въ томъ, что онъ отправилъ къ Нолькену обратно его подлинные рапорты, съ приказаніемъ писать изъ Петербурга только то, что ему предписано было. Прим. Авт.

обозрѣнія укрѣпленій и для совѣщанія съ адмиралами на счетъ операцій, которыя могли бы привести въ дѣйствіе флотъ и галеры, въ случаѣ разрыва. Въ кронштадтскій гарнизонъ отрядили 10 тыс. человѣкъ пѣхоты; ихъ употребили на работы надъ укрѣпленіями и на новой верфи; ихъ же назначено посадить на суда, если бы война была объявлена.

По возвращеніи его съ этой поѣздки, Миниху повелѣно отправиться въ Выборгъ, Кексгольмъ и Шлиссельбургъ для обозрѣнія, какъ укрѣпленій въ этихъ городахъ, такъ и границъ Финляндіи. Курляндскій наслѣдный принцъ и въ этихъ поѣздкахъ сопровождалъ Миниха. Будучи въ Шлиссельбургѣ, принцъ, конечно, не могъ себѣ представить, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ эта крѣпость послужитъ тюрьмою для его отца со всѣмъ семействомъ.

XV.

Рожденіе принца Іоанна.—Болѣзнь императрицы.—Принцъ Іоаннъ объявленъ великимъ княземъ и наслѣдникомъ.—Герцогъ курляндскій обрѣтаетъ себѣ регентство.—Кончина императрицы.

1740 г.

24-го августа принцесса Анна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который при крещеніи былъ названъ Іоанномъ. Это событіе чрезвычайно радовало императрицу; тогда же она объявила, что новорожденный будетъ ея сыномъ, взяла его отъ родителей и помѣстила его въ покоѣ подлѣ своего.

До сихъ поръ все шло по желанію императрицы, но наступилъ и конецъ ея благополучію. Къ концу сентября мѣсяца она захворала припадкомъ летучей подагры, отчего императрица и въ постель не ложилась, а изъ окружающихъ никто не безпокоился. Но въ нѣсколько дней недугъ значительно усилился: кромѣ подагры, показалось кровохарканье и обнаружились сильныя боли въ поясницѣ; начали опасаться за ея жизнь.

Графъ Остерманъ, пораженный параличемъ въ ногахъ, уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ изъ комнаты; онъ принужденъ былъ отправиться во дворецъ въ носилкахъ. Сдѣланы были распоря-

женія касательно престолонаслѣдія, и принцъ Іоаннъ объявленъ россійскимъ великимъ княземъ и наслѣдникомъ престола. 18-го октября, всѣ стоявшія въ Петербургѣ войска были собраны, и имъ объявленъ сдѣланный императрицею выборъ наслѣдника, послѣ чего всѣ, даже принцесса Анна, цесаревна Елисавета и принцъ Антонъ-Ульрихъ, присягнули, что признаютъ наслѣдника. Въ распоряженіяхъ о наслѣдствѣ было еще сказано, что въ случаѣ кончины принца Іоанна въ малолѣтствѣ, или бездѣтнымъ, наслѣдовать ему долженъ второй сынъ отъ брака принцессы Анны и принца Антона-Ульриха, и такъ далѣе въ порядкѣ первородія.

Первая попытка герцога курляндскаго удалась: принцесса Анна была исключена изъ наслѣдства, тогда какъ безъ его интригъ, она непремѣнно вступила бы на престолъ. Оставалось теперь учредить регентство, и присвоить его себѣ. Однако онъ не смѣлъ открыто заявить свой замыселъ; онъ только сообщилъ о томъ барону Менгдену, камергеру императрицы и президенту коммерцъ-коллегіи. Въ кабинетѣ и въ сенатѣ пошли такія интриги, что все, что находилось въ Петербургѣ позначительнѣе изъ духовенства, министерства, военнаго сословія до чина полковника, было призвано въ кабинетъ для подписанія адреса герцогу курляндскому, коимъ всѣ чины имперіи просили его принять регентство во время малолѣтства великаго князя до достиженія имъ 17-ти лѣтняго возраста. Оставалось получить согласіе императрицы на этотъ проектъ. Семейство Бирона и его креатуры не отходили отъ государыни, чтобы отнять у принцессы Анны возможность говорить съ императрицею наединѣ. Наконецъ, герцогъ вынудилъ у ней подпись на актѣ регентства, хотя, какъ увѣряютъ, она и не знала содержанія документа.

Болѣзнь императрицы съ каждымъ днемъ болѣе усиливалась; эта государыня скончалась 28-го октября 1740 г., 46 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 20 дней отъ рожденія,—послѣ десятилѣтняго славнаго царствованія, въ продолженіе котораго всѣ ея предпріятія, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, имѣли желанный успѣхъ.

Императрица Анна по природѣ была добра и сострадательна и не любила прибѣгать къ строгости. Но какъ у нея любимцемъ былъ человѣкъ чрезвычайно суровый и жестокій, имѣвшій всю власть въ своихъ рукахъ, то въ царствованіе ея тьма людей впали въ несчастіе. Многіе изъ нихъ, и даже лица высшаго сословія, были сосланы въ Сибирь безъ вѣдома императрицы.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ню, которою, между прочимъ, запачканъ предъидущій, 8-й (къ тому же еще посвященный юбилею Петра Великаго) выпускъ сборника пѣсень Кирѣевскаго, также беззастѣнчиво распространенный г. Безсоновымъ.

Николай Иванович Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Изслѣдованіе А. Незеленова (XIV и 446 стр.), 1875 г.

Въ предисловіи своемъ авторъ подробно указываетъ на все, сдѣланное до него для разъясненія возвышенной личности Новикова. Писано было не мало различными лицами, но во взглядахъ оставались противорѣчія, а нѣкоторые существенные вопросы не были съ достаточнымъ вниманіемъ затронуты. Изъ такихъ вопросовъ авторъ имѣлъ въ виду въ своей книгѣ преимущественно слѣдующіе: «былъ-ли самъ Новиковъ писателемъ или нѣтъ? Какія идеи проводилъ онъ въ своихъ журналахъ? Какъ послѣдовательно развивались эти идеи въ его сознаніи въ связи съ событіями его жизни? и, наконецъ, можетъ-ли Новиковъ считаться представителемъ нашего масонства прошедшаго столѣтія?» Для выясненія значенія идей Новикова въ нашей жизни, прибавляетъ авторъ,—я счелъ нужнымъ сдѣлать въ моемъ сочиненіи очеркъ нравовъ русскаго общества екатерининскихъ временъ и представить картину нашего тогдашняго масонства». Основаніемъ для упомянутаго очерка послужили изданные у насъ уже въ довольно значительномъ количествѣ мемуары прошлаго столѣтія, а также произведенія нашей тогдашней литературы. Можно замѣтить односторонность въ сужденіи автора о вліятельной, какъ извѣстно, и у насъ, личности Вольтера, а равно о степени зависимости отъ его взглядовъ Екатерины II, но нельзя, кажется, не согласиться съ исключительно-невыгодною оцѣнкою авторомъ нашего волтеріянства. Въ главѣ о масонствѣ, основанной главнымъ образомъ на монографическихъ трудахъ нашихъ изслѣдователей, а отчасти и на новыхъ рукописныхъ данныхъ, авторъ высказываетъ самостоятельный взглядъ на масонство, быть можетъ также нѣсколько односторонній, т. е. обращающій недовольно вниманія на свѣтлую его сторону. Новикова авторъ выставляетъ въ лучшихъ проявленіяхъ его дѣятельности мало зависимымъ отъ масонства. Если тутъ и есть нѣкоторое преувеличеніе, то автору безспорно удалось доказать, что Новиковъ былъ менѣе ревностнымъ масономъ, чѣмъ обыкновенно у насъ полагаютъ (кромѣ послѣднихъ годовъ, послѣ несчастной катастрофы, когда онъ уже находился въ ненормальномъ состояніи). Капитальную часть труда г. Незеленова составляетъ подробный разборъ, такъ называемыхъ мистическихъ журналовъ Новикова, которые оставались у насъ почти совершенно нетронутыми—именно потому, что они считались исключительно мистическими. Авторъ положительно доказалъ, что въ нихъ не мало живаго общественнаго начала, а мѣстами и сатиризма, такъ что они сохраняютъ несомнѣнную связь съ журналами перваго періода. Авторъ въ значительной степени увлекается, превознося тѣ философскія идеи, которыя онъ, между прочимъ, находитъ въ новиковскихъ журналахъ втораго періода, а равно и немного преувеличиваетъ, въ пылу того же увлеченія, степень вліянія новиковскихъ идей на нашу литературу прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Заключительная глава, въ которой говорится объ этомъ вліяніи, должна быть признана самою слабою. Относительно новиковскихъ журналовъ перваго періода г. Незеленову трудно было высказать много новаго, такъ какъ они уже были въ значительной мѣрѣ разработаны въ нашей ученой литературѣ. Впрочемъ и тутъ онъ высказываетъ своеобразныя, хотя, можетъ быть, и не неоспоримыя соображенія о взаимовліяніи между идеями Новикова и тѣми, которыя проводились въ сатирическихъ статьяхъ Екатерины II. Говоря объ идеяхъ Новикова, авторъ, какъ бы считаетъ доказанною принадлежность ему весьма значительной части того, что печаталось въ его изданіяхъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ему удалось лишь доказать, что Новиковъ несомнѣнно былъ не только издателемъ, но и писателемъ—но въ какой мѣрѣ послѣднимъ, это еще остается, а можетъ быть и навсегда останется, невыясненнымъ. Увлеченія г. Незеленова, надо думать, вызовутъ оживленный споръ на диспутѣ въ университетѣ (книга его написана на степень магистра). Но даже и по этимъ увлеченіямъ она, при обычной сухости и узкой спеціальности нашихъ диссертацій, представляетъ явленіе, невольно вызывающее привѣтъ и сочувствіе. Это увлеченія молодаго, несомнѣнно даровитаго и не мало поработавшаго для своей книги ученаго, притомъ же увлеченія, вызванныя такою крупною и многосторонне-сочувственною личностью, какъ знаменитый «отставной поручикъ», ставшій, наконецъ, такою общественною силою, что съ нею стала считаться сама «Сѣверная Семирамида».

Въ заключеніе полезно будетъ обратить вниманіе читателей на подробную и любопытную статью о книгѣ г. Незеленова—почтеннаго профессора Кіевскаго университета В. С. Иконникова, помѣщенную въ «Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ», которыя, къ сожалѣнію, мало у насъ читаются, хотя вполнѣ бы заслуживали большаго распространенія.

Орестъ Миллеръ.

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**